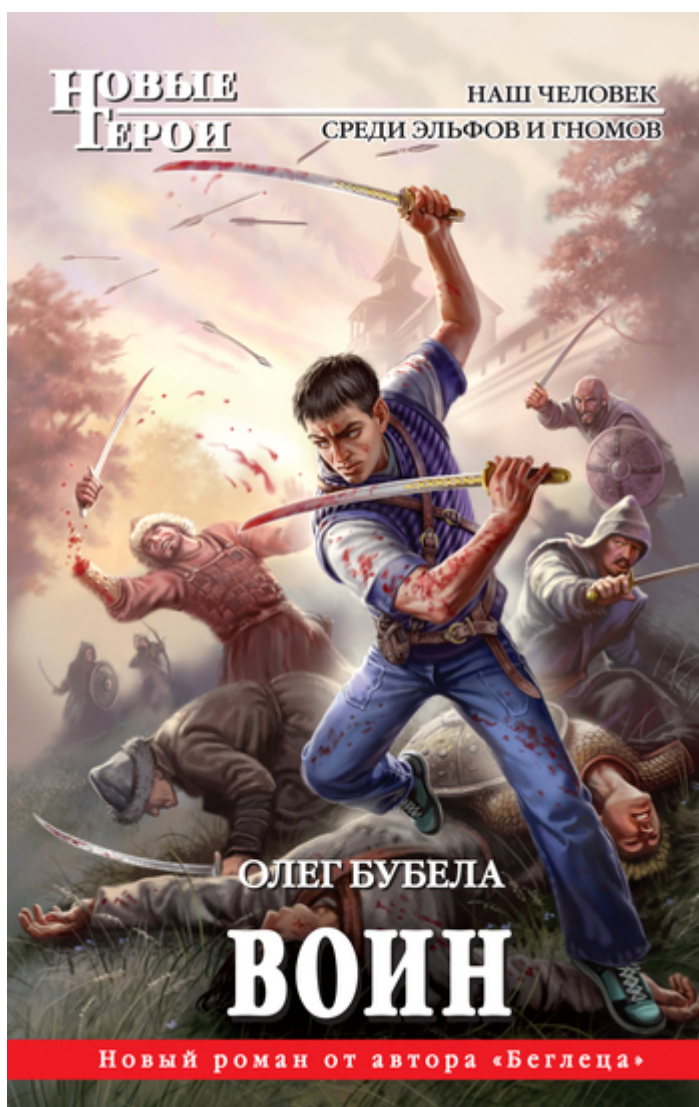

Олег Бубела Воин

Совсем не герой – 2

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=574565
«Воин : фантастический роман / Олег Бубела»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46859-1

Аннотация

Не все и не всегда получается у начинающего мага, выпускника Рассветной школы Алекса Эльфа. А в миру – Алексея Ветрова, программиста, когда-то по чистой случайности оказавшегося там, где эльфы и гномы попадают чаще людей. Да, мир по-прежнему прекрасен, в кармане позвякивают золотые, магия, боевой лук и клинки все так же подвластны ему, но у Алекса нет главного – друзей. И это сейчас, когда от него зависит судьба Города, что высится на границе королевства Мардинан и бескрайней степи, населенной свирепыми кочевниками. Самое время вспомнить об Алоне, гномьей принцессе, и по совместительству названной сестренке... А там глядишь, и еще кто-нибудь подтянется. Правда, кочевников можно отбросить от Города, но истребить нельзя! Или все-таки можно? Это предстоит решить бывшему программисту. И как можно скорее...

Олег Бубела

Воин

Глава 1

Враг или друг?

Побродив немного в запутанных дворцовых коридорах, я выбрался наконец во внутренний двор и с наслаждением вдохнул прохладный вечерний воздух. Все сложилось просто замечательно, думал я, стоя на ступеньках перед входом и наблюдая за сгущавшимися сумерками. Алону довел, с ее отцом проблему уладил, теперь можно вздохнуть спокойно и отправиться решать свои проблемы. А какие они у меня? Да их просто бесконечный список! И найти мастера Лина, чтобы подтянуть свои бойцовые навыки, и с моей магической бездарностью нужно что-то решить, а то силы до фига, а знаний практически никаких, но перед этим подыскать себе нормальное жилье, и еще...

Короче, я понял, что весь список за один заход точно не осилю, поэтому решил разбираться с проблемами по очереди. Первым делом мне нужно было найти мастера Лина, что наверняка будет непросто сделать в таком большом городе. Хотя, если его знают далеко за пределами Марда, то местные уж непременно должны быть в курсе того, где он обитает. Ладно, с этим разберусь, а сейчас нужно забрать лошадь и сваливать отсюда, пока не начались дополнительные проблемы с монархами. У меня впервые за долгое время было настолько радостное настроение, что совсем не хотелось его портить, утоляя любопытство королей. Нет уж, пускай Алонса сама отдувается!

Сойдя со ступенек, я повернул направо, так как прекрасно помнил, куда увели наших лошадей. Проходя мимо черного хода, я увидел, как из него выходят донельзя хмурые гномы во главе с Шариноном. Видимо, все-таки здорово стражники у городских ворот потрепали им нервы. Поймав на себе хмурый взгляд командира королевских гвардейцев, я остановился и задумался. Да, я с ним довольно поганенько поступил в гостинице, так что Шаринон мог затаить большую обиду. Оно мне нужно? Надо подумать.

С одной стороны, мне было абсолютно наплевать на его мнение, но с другой – а вдруг я когда-нибудь соберусь наведаться в Гномьи горы? Ведь Шаринон – совсем не мелкая сошка, которую можно просто сбросить со счетов. Он мало того что командир королевских гвардейцев, так еще и друг самого короля гномов, поэтому может принести мне много неприятностей в будущем... Ладно, о чем тут вообще думать? Сам напортачил, сам и подотру! Как я там говорил Алонке: больше друзей, чем врагов? Сейчас мы это и проверим.

Подойдя к группе гномов, я остановился перед командиром и спокойно произнес:

– Здравствуйте, Шаринон. Спешу вам сообщить, что доставил Алону ее отцу в целости и сохранности, так что теперь вам уже не о чем беспокоиться.

Гном в ответ только хмуро посмотрел на меня. Видимо, ему очень не понравилось то ощущение, когда тебя держат за шкурку, как беспомощного щенка. Прекрасно могу это понять, на себе испытал.

– Пользуясь случаем, – продолжил я, глядя гному в глаза, – хотел бы извиниться за тот инцидент на постоялом дворе, когда я принял вас за наемников Каштарха. Надеюсь, вы не будете держать на меня зла за это?

Шаринон все так же хмуро молчал, опустив глаза в землю. Понятно, обида была слишком сильная, но я хотя бы попытался.

– Значит, вы не принимаете мои извинения, – констатировал я. – Что же, я прекрасно понимаю ваши чувства... Желаю вам всего хорошего.

Я коротко поклонился и направился к конюшне, но меня догнал злой голос гнома:

– Зачем тебе извиняться, маг? Что тебе до наших обид?

Остановившись, я развернулся и удивленно посмотрел на Шаринона. Он со злостью

уставился мне в глаза. Причины этого чувства мне были понятны, вот только его сила вызывала недоумение. Неужели то недоразумение смогло оставить такой большой рубец на психике гнома?

– Просто я хочу, чтобы между нами не было никакой вражды, – пояснил я. – У меня и так врагов хватает, и видеть вас в их числе мне будет очень неприятно. И, кроме того, мне действительно жаль, что пришлось так поступить с вами. С моей стороны это было весьма опрометчивым поступком, за который я и хотел извиниться.

Гном, глядя на меня с той же злостью, отрицательно покачал головой:

– Ты лжешь, колдун. Такие, как ты, не испытывают сожаления. Вам плевать на наши чувства, вы всегда смотрите на нас, как на неразумных животных! – Шаринон все больше распалялся. – Ты думаешь, что раз обладаешь силой, то тебя все боятся? Так вот, это не так! И если бы не приказ моего короля, я бы вонзил тебе клинок в сердце, чтобы ты сдох на моих глазах, сволочь!

Мда... Как все запущено. Видимо, кроме меня, был еще некто, в прошлом поступивший с ним подобным образом. Иначе с чего этому гному так ненавидеть всех магов? Ненароком я наступил ему на большую мозоль и теперь совершенно случайно нажил себе еще одного врага. Интересно, кто же его так унизил, что он диким зверем смотрит на всех магов, и что теперь делать мне? Повернуться и уйти будет проще всего, но кто знает, как это откликнется в будущем? Живых врагов за спиной оставлять нельзя, а командир королевских гвардейцев теперь точно попал в список врагов, и при первом же удобном моменте, когда его не будет связывать приказ короля, воткнет в меня клинок. Ну, по крайней мере, попытается. Конечно, есть один вариант, который может помочь разрешить эту сложную ситуацию, но он будет для меня весьма неприятным и слегка болезненным... Ладно, попробую рискнуть, ведь мне к боли не привыкать!

Я медленно подошел к Шаринону, стоявшему в окружении своих людей, и взглянул прямо в его глаза. Там плескались только ненависть и боль. Эти эмоции, испытываемые гномом, я сейчас ощущал весьма отчетливо, поэтому не стал медлить, развел руки в стороны и тихо сказал ему:

– Бей!

Кулак гнома пронесся смазанным контуром и ударил меня в челюсть. Я пошатнулся, видя, как вокруг мелькают яркие звездочки, но затем выровнялся и все так же, не опуская рук, произнес в перекошенное яростью лицо Шаринона:

– Бей!

Еще один удар в лицо заставил меня упасть на землю. Я попытался подняться, но удары следовали один за другим, не давая мне прийти в себя. Пару весьма болезненных пинков я получил ногами в живот, разбитые губы сочились кровью. Не сопротивляясь, я просто лежал на земле, а гном молотил меня, словно отбивную. Через несколько минут избиение прекратилось. Открыв глаза, я понял, что это просто гвардейцы оттащили от меня своего командира, а он, хрипя от ярости, вырывался из их рук, чтобы еще раз достать ненавистного мага.

Медленно и с большим трудом поднявшись, я сделал несколько шагов в сторону Шаринона, пошатываясь и борясь с головокружением. Все-таки здорово он мне навалил! Я только порадовался, что успел хорошенько просчитать его психологию, перед тем как осуществлять задуманное. А ведь все было проще некуда – этот гном, даже находясь в такой ярости, просто не смог бы достать свой клинок, видя перед собой безоружного. А его кулаки смертельного удара мне нанести не могли при всем желании.

Подойдя к Шаринону, я сплюнул кровь из разбитых губ и сказал его людям:

– Отпустите его.

Командир уже и сам перестал дергаться, видя меня перед собой, избитого, окровавленного, но все еще смотревшего ему в глаза без злости. Гвардейцы осторожно отпустили своего командира, и тот, все еще тяжело дыша, окатил меня яростным взглядом и крикнул:

– Давай, колдун, убей меня! Чего ждешь?!

Я лишь посмотрел на него с сочувствием и пониманием, а затем все так же развел руки в стороны и спокойно произнес:

– Бей.

Гном сжал кулаки и шагнул ко мне. Я не отшатнулся, а застыл на месте, ожидая новых ударов. Но их не последовало. Шаринон стоял напротив меня, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел мне в глаза. Я видел, что ярость в нем уступает место недоумению, и нисколько не мешал этому процессу. Наконец кулаки гнома разжались, и он выдохнул:

– Ты ненормальный!

Я все так же смотрел на него с жалостью и сочувствием, не спеша отвечать. Вскоре и недоумение у гнома прошло, оставив после себя только тоску и опустошение.

– Зачем? – тихо спросил Шаринон, опустив голову.

– Тебе это было нужно, – ответил я, опуская руки. – А мне не привыкать... Мне в последнее время очень часто доставалось.

Шаринон поднял на меня глаза и констатировал:

– Нет, ты точно ненормальный! Я же мог убить тебя!

«Ха! Еще чего! Недаром же я несколько лет в вузе психологию изучал», – ехидно подумал я, а вслух произнес:

– Но тебе стало бы легче?

Гном снова опустил глаза в землю, а я вздохнул и опять сплюнул кровь, чувствуя, как в моем теле активизировались процессы заживления. Я их немного притормозил, чтобы не смазать нужного впечатления у гнома, и спросил командира:

– Как его имя?

Тот удивленно поднял на меня взгляд:

– Кого?

– Того мага, который причинил тебе столько боли. Как его зовут?

– А откуда ты... – начал Шаринон.

– Об этом было нетрудно догадаться, – перебил я его.

– Но зачем тебе это знать? – глухо спросил гном, хмуро глядя на меня исподлобья.

Видимо, воспоминания причиняли ему немалую боль.

– Нужно, – твердо ответил я. – Вдруг встречу когда-нибудь, тогда можно будет поговорить с ним по душам.

Теперь все зависело от гнома. Если он не пойдет на контакт, тогда абсолютно все мои усилия были напрасными. Но гном тяжело вздохнул и оглянулся на своих людей. Те все поняли и тактично отошли в сторонку, занявшись своими лошадьми и давая возможность нам с Шариноном поговорить наедине. Когда бойцы удалились, гном тихо сказал, не поднимая взгляда:

– Глод. Его имя Глод.

– Что он тебе сделал? – решил уточнить я, раз уже пошел такой откровенный разговор.

– Он убил мою дочь.

Теперь мне стало понятно, почему он готов кидаться на каждого мага, которого увидит. Такие раны не лечатся, и даже я здесь бессилен помочь. Командиру можно лишь посочувствовать, но вряд ли мое сочувствие его утешит.

– Когда это случилось?

– Десять лет назад, – тихим голосом сказал Шаринон. – Именно тогда Глод появился в нашем королевстве. В то время у нас в горах возникла проблема с ядовитыми насекомыми в шахтах. Сперва мы боролись с ними обычными средствами, но вскоре стало ясно, что это не помогает, мелких тварей становилось все больше. Появились первые жертвы, и тогда король понял, что нужно либо полностью закрывать несколько разработок, либо искать иной вариант. Вот так и возникла идея нанять мага, чтобы он избавил горы от паразитов. Наш гонец отправился в Кальсот – ближайший крупный имперский город, в котором была Академия магии. Договорившись там о помощи, гонец вернулся с этим колдуном. К тому

времени количество жертв перевалило за пятый десяток. Глод оказался сильным магом, ему не составило труда очистить зараженные ядовитыми насекомыми шахты. За это он потребовал поистине гигантскую сумму и возможность две недели побыть в королевстве. Король выплатил все до медяка и разрешил спасителю пользоваться гномьим гостеприимством, не предполагая, к чему это приведет. А этот урод стал ловить наших девушек и насиловать. Одной из его жертв стала моя дочь, ей в тот момент было столько же, сколько сейчас Алониане. После ночи издевательств он отпустил ее живой, но она не смогла перенести такого позора и покончила с собой, спрыгнув со скалы... В это время я был на границе, но слухи доходят быстро...

Голос Шаринона прервался. Я машинально положил ему руку на плечо, ободряюще его сжав. Гном посмотрел мне в лицо, и я увидел, что в его глазах блестят слезы.

– Не нужно... – начал было я, но гном решительно продолжил свой рассказ:

– Когда я, узнав о происшедшем, вернулся в столицу, то не застал эту тварь. После десятка жалоб король приказал Глоду убираться прочь и больше никогда не появляться на наших землях. Я кинулся вслед за ним и настиг мага почти на имперской границе... Я так и не смог его убить. Он с легкостью обезоружил меня своей проклятой магией, а потом просто подвесил на невидимых путах и стал, смеясь мне в лицо, рассказывать, что проделывал с моей дочкой...

Плечи Шаринона опустились, а по лицу прокатились несколько слезинок. Он долго не мог заговорить, а я не торопил его. Наконец, собравшись и вытерев скупые слезы, гном закончил свой рассказ:

– Он оставил меня привязанным к дереву и просто уехал, сказав напоследок, что ему не интересно меня убивать. Мои люди нашли меня только через трое суток, когда я уже начал бредить от жажды. Только мое бессилие не позволило мне ринуться за ним... Меня привезли в столицу, а потом долго лечили... Его величество запретил мне даже думать о мести, сказал, что такого умелого командира он больше не сумеет найти. С тех пор я живу лишь потому, что надеюсь еще раз увидеть этого ублюдка и убить его.

Гном опять сжал кулаки. Я прекрасно понимал его ненависть. Мне было даже страшно подумать, сколько же лет он жил, терзаемый этим чувством. Я положил руку на его второе плечо и тихо сказал:

– Прости, я не знал.

Гном только обреченно махнул рукой.

– Клянусь своей кровью, – я посмотрел ему в глаза. – Если я встречу Глода, то убью его!

Гном удивился:

– Но вы же с ним одного племени?..

– Не суди весь народ по одному человеку. Я же не сужу о гномах по Каштарху... А таким извращенцам, как Глод, вообще не место среди живых.

Гном пристально смотрел на меня, а я даже не мог просчитать, какие мысли ворочались в его голове, поэтому лишь отпустил плечи Шаринона и не мешал раздумьям. Через долгую минуту моего тщательного изучения он произнес:

– Спасибо, маг. Знай, я больше не держу на тебя зла за прошлое.

– Меня зовут Алекс.

– Спасибо тебе, Алекс.

Гном протянул мне руку, и я ее пожал, получив такое же крепкое рукопожатие в ответ. Теперь своим врагом он меня не считал, а значит, нужно еще немного закрепить успех.

– Шаринон, у меня к тебе будет небольшая просьба.

– Говори.

– Можешь немного присмотреть за моей сестренкой? Научить ее постоять за себя, а то, чувствую, она только арбалетом и умеет владеть. Помочь иногда дружеским советом, поделиться своим опытом, выслушать...

– Могу, – ответил Шаринон. – Но я не знаю твою сестру. Кто она?

– Это Алона, – расплылся я в улыбке. – Мы всего два дня как породнились, а я уже начинаю волноваться, как же она будет обходиться без меня... Так как, поможешь?

Гном не открывал рот, не выкатывал глаза, отчего я зауважал его еще больше. Он просто кивнул и заверил меня:

– Я позабочусь о принцессе.

– Спасибо! – искренне поблагодарил его я и добавил: – Выслушай мой совет: научись жить без мыслей о мести. В этом тебе очень может помочь Алона, только будь с ней рядом. И поверь, ненависть не всегда будет давать силы к существованию. Когда-нибудь она уйдет, оставив после себя лишь пустоту в твоей душе, а с ней будет жить еще тяжелее.

Я протянул гному руку на прощание, и тот ее пожал, внимательно глядя мне в глаза. Я только усмехнулся и сказал:

– Не ищи во мне того, чего нет. Я действительно не вполне нормальный, но мне это ничуть не мешает. До встречи, друг!

Я развернулся и пошел к конюшне, а Шаринон за моей спиной тихо ответил:

– Удачи, Алекс!

Улыбнувшись, я продолжил свой путь. Зайдя за угол, я увидел вдалеке большой деревянный сарай, и по донесшемуся до меня запаху понял, что не ошибся с выбором направления. По пути я позволил своему организму восстанавливать все повреждения, нанесенные мне гномом. Все оказалось гораздо проще, чем я предполагал, когда давал гному себя избивать, и в итоге мои повреждения ограничились синяками на лице, кровоподтеками и сильно разбитыми губами. Мне сильно помог мой защитный кокон, который не только спас ребра от пинков жесткими сапогами, но и уберег внутренности, хотя полностью все удары не погасил. Так что разбитое лицо – это довольно небольшая плата за дружеские отношения с командиром королевских гвардейцев, тем более что для меня залечить его – сущие пустяки, а гном наверняка еще долго теперь будет переживать, что избил невинного. Ничего, пусть помучается, ему полезно.

Когда я дошел до конюшни, то уже полностью заживил губы, да и припухлости с лица стали медленно сходить. Присмотрев невдалеке корыто с водой, я подошел к нему и смыл кровь с лица, пожалев, что несколько капель все же попало на одежду. Нужно будет обновить гардеробчик, прежде чем соваться к мастеру Лину, иначе тот может послать прямо с порога, так как по внешнему виду я – типичный оборванец. Никто же не знает, что в сумках у меня только золота больше тысячи монет. А есть еще эльфийские клинки и лимэль, который также можно продать, ведь мне он без надобности, я уже и сам себя подлатать могу.

Зайдя на конюшню, я обнаружил там двух парней и осведомился, где мои лошади. В ответ на это они отвели меня в дальний угол сарая, где мои четвероногие аппетитно хрумкали овес или нечто, очень на него похожее. Наши сумки все так же висели на седлах – видимо, никто даже не осмелился к ним прикасаться. Я этому только порадовался и, стащив их на землю, принялся оперативно перебирать содержимое. Отделив свои вещи, я упаковал их в свои сумки и вновь забросил на одну из лошадей. В сумки Алоньки я кинул платье, книгу, несколько ее одежонок и мешочек с драгоценностями, который забрал из дома в Вернаре.

Оторвав свою лошадь от ужина, я вывел ее из стойла, оседлал, а потом запрыгнул к ней на спину, поправил поудобнее лук и выехал во двор. Вторую я решил оставить на конюшне – мне она была не нужна, а возиться с ее продажей было лень. Шаринон, оставив своих подчиненных устраивать лошадей, уже ушел, поэтому я отыскал взглядом того самого начальника стражи, который провожал нас к королям, и подъехал к нему.

– Передайте это принцессе Алоне, пожалуйста, – попросил я, протягивая сумку гномки.

Начальник стражи недовольно поморщился, но все же взял ее и обещал доставить в лучшем виде. А я, поблагодарив его, миновал тот самый черный ход, даже не слезая с лошади, и очутился на центральной площади, раздумывая, куда теперь ехать. Поглядев на небо, я понял, что через полчаса совсем стемнеет. Было ясно, что за такое время найти мастера мне вряд ли удастся, потому сперва нужно подыскать место, где можно спокойно переночевать. Повернув от дворца направо, поскольку направление особой роли не играло, а

налево я ходить не любил, я въехал в переплетение улиц и стал искать постоянный двор.

Сразу я его не обнаружил, зато по запаху нашел отличный трактир, к которому и направил свою лошадь. Это заведение с виду было довольно приличным. Сдав на входе лошадь подбежавшему мальчишке, я велел накормить ее отборным зерном и пообещал вознаградить за труды, а сам взял сумки (на всякий случай, столица все-таки) и зашел внутрь. Волна ароматов просто сбивала с ног, у меня сразу же потекли слюни, а желудок стал издавать звуки квакши в брачный сезон. Упав за свободный стол, я подозвал к себе одну из барышень, что ходила по залу с кувшином в руке, и заказал плотный ужин на двоих. Служанка умчалась за едой, а я стал оглядывать помещение.

Почти все столики были заняты людьми разнообразных профессий – от кузнеца-гнома, что сидел с бочонком пива, до воина с мечом за спиной. Некоторые вели тихую беседу, а многие просто отдавали должное еде. Видимо, заведение пользовалось популярностью, а драки тут случались весьма нечасто, в чем я успел убедиться, пошатая лавку, на которой сидел. Мебель к полу не была прибита, а значит, никто не опасался, что она будет использоваться драчунами в качестве последнего аргумента. Особый колорит придавал заведению певец, который на невысоком помосте в темном углу выводил что-то очень немелодичное под аккомпанемент расстроенного струнного инструмента. Этому инструменту я уделил внимание больше, чем певцу, чьи завывания заставляли меня кривиться, как от царапания по стеклу.

Инструмент в руках горлодера напоминал домру, но с бо льшим количеством струн. Как он назывался, моя память подсказывать не желала, так как эльфы его не использовали, а гномы больше любили ударные. Я лишь недовольно поморщился, когда на особо сочной руладе певец выдал вопль, очень напоминающий тот, которым радовал зрителей Тарзан из старого фильма. Присутствующие также с недовольством посмотрели на источник этих дивных звуков, но так ничего и не сказали. Видимо, в столице все жители были намного цивилизованнее. В любом другом месте певцу просто велели бы заткнуться или дали домрой по голове, а здесь – культура, мать ее!

Вскоре мне принесли долгожданный ужин, за который пришлось выложить целых четыре серебрушки. Но, попробовав его на вкус, я понял, что оно того стоило! Нежное мясо так и таяло на языке, а великолепный грибной суп просто ошеломлял своим ароматом. Но не успел я насладиться и двумя ложками этого вкусного варева и управиться с хрустящей корочкой хлеба, как этот доморощенный соловей в углу опять сорвался на визг и начал елозить мне по ушам. Не выдержав, я встал и с грозным видом подошел к данному представителю искусства. Тот, видя мое приближение, съежился и постарался спрятаться за инструментом. Пение наконец-то прекратилось, и я вздохнул с облегчением. Да и не я один. Достав из кошелька серебрушку, я протянул ее музыканту и сказал:

– Возьми, вымогатель, только не пой больше!

Тот улыбнулся, сообразив, что бить его не будут, и серебро взял. Я пошел назад, но понял, что поспешил. Певец решил продолжить музицировать и принялся вовсю бренчать на своей гитарке, но то ли мастерством был обижен, то ли пальцами, но звуки у него получались крайне отвратительные. Я повернулся к нему и твердо сказал:

– Еще один звук с твоей стороны – и тебе конец, понял?

Музыкант испуганно покивал и отложил свою бренчалку, а я вернулся за свой столик, провожаемый благодарными взглядами сотрапезников. Никуда не торопясь, я со вкусом съел все, что было на столе. Подумал, не взять ли добавки, но потом решил спросить у пробежавшей мимо барышни, где можно остановиться на ночь. Расчет оказался верен, меня снабдили необходимой информацией о ближайшем постоялом дворе и попросили заходить почаще. Чувствуя приятную тяжесть в желудке, я поднялся и вышел на улицу, захватив свои сумки. Увидев меня, мальчишка привел мне мою лошадку, которая по виду была сыта и даже тщательно вымыта, хотя пахнуть от этого меньше не стала. Поблагодарив его, я расщедрился на десяток медяков и поехал в гостиницу, провожаемый доносившимися из трактира громким бренчанием и воплями Тарзана. Певец, похоже, решил восполнить вынужденный

перерыв в своем выступлении.

На улице уже стемнело, люди с лестницами зажигали фонари, прикрепленные к стенам домов, прохожих становилось все меньше. Найдя указанную мне гостиницу, я договорился о комнатке и отдал за нее восемь серебрушек. Вздыхнув, подумал, что цены в столице выше городских стен. Нужно что-нибудь срочно придумать, иначе только на одно жилье у меня уйдет непростительно много денег. А поднявшись в свою комнату, я понял, что цены здесь иначе, чем грабительскими, назвать нельзя. За немалые деньги мне досталась темная комната два на три метра с кроватью, где матрац или перина явно были лишними, поскольку ни того, ни другого в наличии не имелось. Вздыхнув еще раз и подавив острое желание пойти поскандальить с хозяином, я снял клинки и устроился на жесткой кровати, положив одну свою сумку под голову и надеясь, что хоть насекомых здесь нет.

Надежды оказались напрасными. Несколько укусов быстро доказали мне обратное. Задав кровососов, добравшихся до моего тела, я подгреб вторую сумку под себя и окружил тело слабым защитным коконом, включив в него еще и вещи, чтобы не обнаружить потом отряд насекомых в своих сумках. Но не успел я погрузиться в объятия сна, как почувствовал сильный зуд в боку. Поначалу я подумал, что куча мелких пакостников все же успела забраться мне в одежду, пока я не поставил защиту, но потом догадался, что это вибрирует мой разговорный амулет. Достав его из кармана, я сразу услышал радостный голос Алоны.

С ней мы говорили долго, так как сестренке было нужно о многом мне поведать. В первую очередь она рассказала, что произошло после того, как я ушел. Оказывается, отец настойчиво стал расспрашивать ее обо всех событиях, что произошли с ней за время путешествия. Услышав это, я только порадовался, что предусмотрительно слинял из дворца подальше. После долгого рассказа Алоны король не сразу пришел в себя, но потом, чего и следовало ожидать, понял, какому риску подвергал свою дочь.

— Алекс, он так сильно побледнел, когда узнал, что меня ранили в Вернаре, — рассказывала Алона. — А когда узнал, что ты спас меня, поделившись своей кровью, то просто потерял дар речи! Он же до последнего был уверен, что ты обманом вынудил меня породниться, чтобы иметь законные основания на Подгорный трон, но когда я ему рассказала, как ты относишься к королям, как вместо того, чтобы завидовать, ты им сочувствуешь...

Алона говорила много, путано, радостно. Видимо, отца она целиком и полностью простила, раз такая счастливая. Жаль. Вот я бы на ее месте еще недельку его помучил, чтобы знал в следующий раз, что дочь — это не пешка на шахматной доске. Поддакивая принцессе в нужных местах, я слушал ее голос, но постепенно начинал засыпать, выпадая из разговора. Поэтому и пропустил начало фразы, а очнулся только на словах:

— ...ты будешь королем гномов!

— Чего? — недоуменно переспросил я. — Повтори, что ты сказала, а то я как-то не расслышал...

— Я сказала, что если вдруг с моим папой и братом, не приведи Единый, что-нибудь случится или они просто откажутся от управления Подгорным королевством, то ты станешь королем гномов.

— Так у вас можно добровольно отказаться от трона? — уточнил я.

— Конечно! — ответила гнома. — Правда, такое было всего один раз в нашей истории.

Я хихикнул. Конечно, какой же дурак, кроме меня, будет отказываться от власти над целым народом? Хотя, если быть объективным, мне ведь пока никто и не предлагал подобного. Но было удивительно, что такой гном вообще нашелся. Как видно, исключение только подтверждает правило.

— Тогда передай своим родным, что я желаю им крепкого здоровья и долгих лет жизни. И пусть на меня в этом деле не рассчитывают!

Алона помолчала, а потом сообщила мне последнюю новость на сегодня. Оказывается, ее отец просил передать, что признает меня своим сыном и принимает в свою семью, так что при первой же возможности мне нужно явиться в Гномьи горы, чтобы там, в столице

Подгорного королевства, принять участие в обряде, который формально закрепит за мной статус ненаследного принца. Я пообещал, что как только, так сразу, и спросил, передали ей ее вещи или нет, а то всякое может случиться в дворцовых коридорах. Выяснилось, что посылка дошла до адресата, и Алона, перед тем как связаться со мной, полчаса перебирала драгоценности из своего мешочка. Видимо, сестренка так же любила все блестящее, как и я.

Чувствуя, что сон подкрадывается уже вплотную, я пожелал ей спокойной ночи и завершил разговор, пообещав завтра рассказать, чем кончится дело с поисками мастера. И уже засыпая, краешком своего сознания ощутил, как темнота укутала меня теплым одеялом и тихонько прошептала на ушко:

– Спокойной ночи, Алекс...

Глава 2

Хочу учиться!

На следующий день я проснулся, когда солнце было уже высоко. Видимо, вчерашняя нервотрепка все же сильно меня утомила. Позавтракав в этой же гостинице, я отправился искать мастера. Попытки узнать у прохожих, где находится его дом, окончились ничем. Я пробовал обращаться к людям всех профессий, встречавшихся мне на пути, даже рисковал спрашивать у знатных особ – но все было бесполезно. Никто даже не слышал о таком. Совсем отчаявшись, я заметил впереди себя патруль городской стражи в сияющих доспехах и подумал, что уж они точно должны это знать. Но на мой вопрос стражники отрицательно покачали головами, а один из них сказал:

– В нашем городе нет мастера Лина, но может быть, вы ошиблись, и вам нужен мастер Ликалон? У него есть школа на окраине города.

Я немного подумал, но все же признал, что Лин вполне может быть сокращением. Тогда почему мне Кариэль так называл мастера, неужели они были настолько близкими друзьями, что он допускал такую фамильярность? Расспросив любезных стражников, как мне доехать до этой школы, я поблагодарил их, дал несколько серебрушек на пиво после дежурства, а потом со спокойной совестью двинулся в указанном направлении.

Проезжая по улицам столицы, я пользовался моментом и любовался всеми изысками архитектурной мысли, понимая, что в ближайшее время вряд ли сюда вернусь. Уж больно тутешние цены кусаются, так что лучше буду путешествовать по глубинке. Вертя головой во все стороны, я увидел на стене одного дома блестящий остроконечный щит и меч, прикрепленные тут явно в рекламных целях, и остановил лошадь. Наверняка тут торговали оружием, а значит, нужно зайти и поинтересоваться, сколько в этой лавке мне могут дать за один эльфийский кинжал. Если в столице так завышены цены, может быть, имеет смысл скинуть все лишнее оружие по хорошей цене, чтобы не сбывать потом разным кузнецам по дешевке?

Оставив лошадь у входа, я зашел внутрь. И, к удивлению, не увидел никаких прилавков с оружием. Строго говоря, я не увидел вообще никакого оружия. Вместо него в комнате стояли два шкафа, из которых торчали свитки, книги и прочая дребедень, а также большой стол, за которым восседал старый воин. Почему я сразу определил профессию этого пожилого человека? Все просто – на его лице виднелись несколько старых длинных шрамов, которые были получены явно не в кабацкой драке. Воин мне обрадовался и воскликнул:

– Здравствуй, сынок! Решил послужить на благо отечества? Так мы сейчас быстренько это организуем!

Он моментально взял из кипы на столе один листок и выхватил перо из чернильницы.

– Как твое имя?

– Подождите, не нужно так спешить! – сказал я, понимая, что явно зашел не туда, и решил уточнить просто для очистки совести: – Это не оружейная лавка?

Лицо воина скривилось, от чего шрамы стали еще заметнее. Он опять опустил перо в чернильницу, а листок швырнул обратно в кипу.

– Нет, это совсем не оружейная лавка. Это вербовочный пункт, ты ошибся адресом, сынок... – Он с надеждой взглянул на меня: – А может, все же послужишь своему королю? Будешь сыт, одет да еще и деньжат заработаешь. Соглашайся, парень, все девушки любят воинов! – он хитро мне подмигнул.

– А много ли платят? – спросил я просто из вежливости.

– Пятнадцать золотых в месяц обычному рядовому. Сержантам и командирам, конечно, побольше. Так что, если будешь хорошо служить, вообще в золоте станешь купаться!

– Ладно, я пока подумаю, – не стал я разочаровывать вербовщика. – Может, и загорюсь желанием послужить родине.

Кивнув воину, я вышел. Нет уж, в армию мне идти совсем не хотелось. Я и дома-то от нее откосил, а добровольно вешать на свою шею ярмо – это нужно быть добросовестным служакой или законченным кретином. Ни тем, ни другим я себя не считал, поэтому, сев на лошадь, решил по пути больше не останавливаться, чтобы как можно быстрее добраться до школы. Выхав через полчаса за городскую стену, я поехал по деревне-пригороду, подмечая все особенности, звуки и запахи обычной сельской местности. Пару раз уточнив у прохожих направление, я добрался до нужного места на западном краю поселка и сразу же увидел ее. Школу.

Несколько больших деревянных двух- и трехэтажных домов с остроконечными крышами были отгорожены от окружающего мира высоким забором. Перед ним возвышались два раскидистых дерева, которые были явно плодовыми, так как на них висел обильный урожай разной степени созревания. Это были не яблоки и не груши, не персики и даже не айва. Деревья были густо усыпаны любопытными мальчишками. Они смотрели через забор во двор школы и периодически издавали восхищенные возгласы. Посчитав на глаз количество урожая на ветках, я усмехнулся и подъехал ближе. Возгласы мальчишек убедили меня, что я попал по адресу.

– Видел, ты видел, как он его?

– Ух ты, а я и не знал, что он так может!

– Вот это да! Зар – просто мастер!

– Да твоему Зару две недели назад руку вывихнули, так что он просто слабак!

– И не слабак! Он просто упал неудачно.

Под такие возгласы я подъехал к самым воротам, которые оказались наглухо закрыты. Постучав в них некоторое время и ответа не добившись, я решил сам взглянуть на то, что происходит за высоким забором, откуда то и дело слышались выкрики и звуки ударов. Поискав в заборе щелку или дырочку, я понял, что мальчишки не зря расселись на ветках, поэтому, подведя лошадь к ограждению вплотную, встал на седло и заглянул на территорию школы.

Усеянный песком двор уходил чуть ли не за горизонт. С одной его стороны было сооружено нечто, явно напоминающее полосу препятствий, но имевшее столько различных приспособлений, что я даже не стал строить догадки об их назначении. А с другой стояли дома и различные деревянные постройки, явно хозяйственные. Посреди двора, прямо возле входа, находилась большая ровная площадка, на которой десятки пар бойцов проводили спарринги без оружия. Все они были молодыми – на первый взгляд им не было еще и шестнадцати лет, – а несколько парней постарше наблюдали за ними с края площадки, изредка что-то выкрикивая. Вдалеке, за домами, я увидел еще одну похожую площадку, на которой тренировалась малышня от восьми лет.

Понаблюдав за бойцами некоторое время, я пришел к выводу, что эта школа является неким аналогом Шаолиня. Все бойцы были в одинаковых серых одеждах, у всех была примерно похожая система боя, значит, присутствовал стандарт обучения, а напоследок – ограда, скрывающая тайны подготовки от непосвященных.

«Интересно, а с оружием они обучаются?» – подумал я, но тут же заметил в углу двора аккуратно разложенные на подставке деревянные мечи, палки, копья и луки. Я обрадовался и понял, что эта школа мне подходит. Теперь осталось только договориться с мастером про

обучение, и дело в шляпе!

Я не стал ждать, пока кто-нибудь из учеников соизволит обратить на меня внимание, а просто подтянулся на руках и перелез через забор, спрыгнув с той стороны. Потом не спеша сдвинул тяжелый брусок, запирающий ворота, и открыл одну створку. Она издала сильный скрип, говорящий о том, что воротами давно уже не пользовались или просто постоянно забывали смазать. Выйдя наружу, я взял свою лошадь под уздцы и вместе с ней зашел в гостеприимную школу. А там меня уже ждали. Скрип привлек внимание всех, кто тренировался на площадке, поэтому они скорым шагом направлялись к незваному гостю. Но я также неспешно закрыл створку ворот, которая издала второй протяжный скрип, и задвинул засов, а после этого развернулся и уставился на встречавшую меня делегацию.

Передо мной стояли ученики, которые только что тренировались на площадке, и лица их никак нельзя было назвать радостными. Найдя взглядом одного из старших, я обратился к нему:

– Я пришел к мастеру Ликалону договориться о своем обучении. Будьте так любезны, позовите его или же проводите меня к нему.

Старший ученик кивнул одному из младших, тот сразу же сорвался с места и бросился к ближайшему дому. Все остальные продолжали молча меня изучать. Мне льстило, конечно, такое пристальное внимание, но вскоре я почувствовал себя крайне неудобно под их взглядами. Что такое, на нервы действуете? Думаете, сломаюсь и убегу? А вот и хрен вам! Посмотрим еще, кто кого тут заставит понервничать. Я почувствовал знакомую приятную волну злости, которая прогнала из моей головы всю неуверенность. С мрачной улыбкой я принялся рассматривать учеников в ответ, изучая их одежду (форма у них была очень похожей на кимоно), обувь (хотя какая там обувь – чешки какие-то!) и прически (у младших – ежик, а у старших волосы чуть подлиннее).

Наконец вернулся ученик, которого посылали к мастеру, и подошел к одному из старших, с довольным видом кивнув ему. Я обрадовался – видимо, мастер согласился меня принять, но вот следующая фраза старшего ученика поставила меня в тупик.

– Мастер сказал, что таким бродягам, как ты, не место в нашей школе. Убирайся, или мы вышвырнем тебя, переломав все кости! – грозно заявил он.

На лицах учеников появились легкие улыбки, не предвещавшие мне ничего хорошего. Секунду поразмыслив над происшедшим, я все же догадался, чего они от меня добиваются, и решил их не разочаровывать. Со скучающим выражением лица я подошел к ним поближе и заявил:

– Я, вообще-то, просил вас отвести меня к мастеру, а не указывать мне, что делать. Видимо, в вашей школе совсем не учат вежливости.

– Убирайся, проходимец! – приказал мне старший ученик.

– Заткнись, хамло, и проводи меня к Ликалону, – продолжал я накалять ситуацию.

– Последний раз тебе говорю, убирайся по-хорошему или отсюда вынесут твое тело!

Я только вздохнул и пошел вперед, намереваясь пройти между учениками. Те в ответ плотнее сомкнули ряды, а один из старших сделал мягкий шаг вперед и ударил меня в грудь. Удар был не сильным, так что я только слегка пошатнулся, но использовал это время, чтобы решить, как поступать дальше. Вчера вечером меня уже избивали, и, похоже, это становится традиционным. Теперь главный вопрос – применять или не применять магию, поскольку от этого зависит, как больно мне будет. Усмехнувшись, я все же решил отказаться от магии, ведь за мной сейчас наверняка наблюдает сам мастер, а значит, в этой проверке мне жульничать никак нельзя. Да и залечу я потом свои ушибы с легкостью, так что придется немного потерпеть. Ну а пока можно повеселиться!

Я снова шагнул вперед и нанес старшему ученику быстрый и сильный удар в солнечное сплетение. Он совсем не ожидал этого от меня, потому отлетел под ноги своих товарищей, скрючившись в тщетных попытках вдохнуть. И вот тут на меня кинулась вся эта орава, быстро взяв в кольцо. Нет, нападали они не вместе, а по три-четыре человека, заходя с разных сторон, и глядя на это, я сразу понял, что легко мне отделаться не удастся. Конечно,

поодиночке они были для меня средними противниками, но вот все вместе превращались в опасную угрозу для моих внутренних органов. Я попытался в первые же минуты вывести из строя максимальное количество бойцов, нанося им удары в солнечное сплетение и голову, но остановился уже на третьем, которого пришлось оставить, уворачиваясь от еще двух, напавших на меня сзади.

Несколько минут я с переменным успехом награждал учеников сильными ударами и получал такие же от них. Я и не предполагал, что они могут так метко бить ногами с разворота, поэтому мне успели расквасить нос и зарядить в челюсть, прежде чем я научился подлавливать их на подготовке к удару. После этого начало сохраняться неустойчивое равновесие в бою, так как я не подпускал их близко, а они не давали мне выбрать одного из них в качестве основной мишени. Трое, которых я положил на землю в самом начале, начали постепенно очухиваться, а конца схватки еще не было видно. Поймав одного из бойцов на замахе, я захватил его руку и смачно врезал ему в челюсть, опрокидывая на спину, но тут же получил болезненный удар, хлестнувший по спине. Развернувшись, я понял, что несколько учеников взяли в руки шесты.

Стратегию нужно было менять, так как я доставать свои клинки не мог, ведь это была своеобразная проверка на вшивость, а не реальный бой до смерти. Значит, нужно переходить в нападение. Я напрягся и, уходя от двух ударов с разных сторон, прыгнул к кольцу учеников, окружавшему меня, стараясь его разорвать. И у меня это получилось. Раздав несколько ударов ученикам, стоящим на пути, я получил сильный тычок по печени, придавший мне нужное ускорение, от которого я очутился уже за пределами кольца. Тут же развернувшись, я накинулся на первого догоняющего меня бойца с шестом в руках. Он не успел отреагировать и получил удар по ногам, от которого полетел на песок. Одновременно с подсечкой я схватил его палку и легким прокручивающим движением вырвал ее из рук ученика.

Отступив от упавшего, решив его не добивать, я обнаружил, что опять нахожусь в кольце. Только теперь у меня в руках было оружие, которым мой мастер научил меня отлично пользоваться. Я прокрутил шест, привыкая к его балансу, и улыбнулся ученикам, приглашая их продолжить. Несколько сразу же побежали за оружием, а трое парнишек, у которых в руках уже были шесты, слаженно меня атаковали. Первого я встретил ударом в живот, второму наподдал по коленке, заставив его рухнуть на землю, а удар третьего пришелся в пустоту, потому что я перекатом ушел вбок, а затем с разворота врезал ему пониже спины.

Остальные ученики, которые все еще оставались без шестов, уже не смели приближаться ко мне. Те двое, что получили удары в солнечное сплетение и упали на песок, внезапно разучившись дышать, быстро научили их осторожности. Похоже, этот раунд остался за мной, думал я, вращая шест и пытаясь достать своих противников. Но тут вернулись те, кто побежал за оружием, и мне сразу же пришлось туговато. Против трех, ну пусть четырех, я еще мог выстоять, но пятнадцать человек с шестами, зажавшие меня в кольцо, – это был перебор. Причем они действовали командой, а не нападали всей толпой, поэтому мне приходилось очень несладко.

После двух болезненных ударов по ребрам я понял схему, по которой они действовали. Пока трое учеников с одной стороны отвлекали меня ложной атакой, сзади еще один наносил удар, который оказывался весьма результативным, так как глаз на затылке у меня, к сожалению, не было. Поймав принцип, я даже смог увернуться от пары сильных ударов по голове, но третий заставил онеметь мою левую руку. Погано, теперь им будет легче достать меня. Я вертелся, как хомяк в колесе, вращая свой шест, но все равно пропускал удары, а когда пытался бить в ответ, то моя палка принимала на себя сильнейшие удары и норовила выскользнуть из пальцев.

Несколько минут я просто выжидал, когда к левой руке вернется чувствительность, а потом увидел, что еще пятеро старших учеников встали в круг с шестами. Вот тогда я разозлился и схватил свое оружие в две руки. Левая еще была ватной, но все же подчинялась

мне. Первым делом я зарядил палкой в лоб одному из противников, но сам получил болезненный удар по спине, лишивший меня возможности продолжать атаку. Подкрепление активно включилось в работу и вскоре удары посыпались один за другим. Я даже не уворачивался, а просто пытался напоследок достать кого-нибудь, понимая, что уже проиграл эту схватку.

Несколькими тычками я опрокинул одного, а затем заставил второго ученика отступить, держась за онемевшую конечность, но тут же получил сильный удар в голову, от которого в моих глазах зажглись яркие звезды. Ничего не видя, я продолжал отмахиваться, чувствуя, что попадаю в «молоко» или по шестам, а меня продолжали лупить со всех сторон обрадовавшиеся ученики. Вскоре один точный удар вынудил меня опуститься на колено, а затем второй опрокинул на спину. Но даже тогда я продолжал хлестать их по ногам шестом, который так и не выпустил из рук, схватившись за него, как за спасательный круг, пока чей-то голос не приказал:

– Хватит!

Я прекратил отмахиваться, все еще ничего не видя вокруг, но сам получил еще несколько сильных ударов в живот.

– Зар, я сказал, хватит! – приказал тот же голос, и меня наконец оставили в покое.

Лежа на земле и чувствуя, что Галилей был прав – все-таки она вертится, и довольно сильно, я принялся спешно залечивать свои повреждения. Первым делом плеснул немного энергии, восстанавливая нормальную работу головы. Вроде бы помогло. Звездочки из глаз исчезли, и я увидел, что рядом со мной стоит крепкий старик невысокого роста в роскошном желтом кимоно с золотой вышивкой. И хотя мастеру наверняка не было еще и пятидесяти, стариком я его окрестил потому, что волосы у него были абсолютно белыми, длинными и стянутыми назад. Только лежа на земле мне никак не удавалось рассмотреть, что же у него на затылке, косичка или хвостик.

– Как твое имя? – обратился ко мне мастер Лин.

Я подумал, что невежливо будет отвечать, лежа на земле, поэтому с трудом поднялся и выровнялся, используя шест в качестве опоры. Все-таки кто-то из этих ученичков весьма сильно заехал мне по ноге, и она до сих пор еще слабо подчинялась.

– Меня зовут Алекс, – представился я, глядя мастеру в глаза и утирая рукавом кровь с разбитых губ, которые уже начали стремительно заживать.

– Что тебе нужно здесь, Алекс? – спросил мастер.

Нет, как будто непонятно! Он жутко тупит, или это у них просто традиция такая? Но, решив не выпендриваться, я ответил:

– Я хотел попросить, чтобы вы научили меня искусству боя.

– А ты думаешь, что я всех подряд беру в ученики?

– Нет, но думаю, что меня вы возьмете. Ведь я сумел удостоиться проверки, что уже говорит о многом. В противном случае вы просто приказали бы своим ученикам действительно выбросить меня за забор, не так ли?

Мастер промолчал, внимательно разглядывая меня, а я еще раз приказал себе больше не выпендриваться, чтобы не портить с ним отношения. Кто знает, что он за человек, вдруг еще обидится ненароком? Пока все мои расчеты оказались верными, но неизвестно, что последует дальше.

– Хорошо, пойдем обсудим условия твоего обучения, – наконец родил ответ мастер и, развернувшись, зашагал к дому.

Я почувствовал, что уже могу вполне шевелить ногой, потому бросил палку и потопал за ним, прихрамывая и отряхиваясь от песка. Теперь мне было прекрасно видно, что у мастера длинная густая коса до пояса, аккуратно перевязанная на кончике веревкой. Колоритный старик. Однако главное, чтобы учителем оказался неплохим, иначе все мои усилия пропадут зря.

Зайдя в дом, мы поднялись на второй этаж и вошли в маленькую комнату, которую я сразу же окрестил личным кабинетом мастера. Здесь было много всего, притягивающего

взгляд – и мечи на стене, и разного рода убийственные приспособления на полках, и всякие штуковины, украшавшие стол. Половину я даже не знал, хотя по их холодному блеску догадался, что они не менее смертельны, чем те, что были мне знакомы. От созерцания предметов для умерщвления меня оторвал голос мастера, который к тому времени сел в кресло у окна.

– И чему же ты хочешь научиться? Владению мечом, умению сражаться без оружия, тайнам рассветной школы?

– Всему, – нахально заявил я.

Старик усмехнулся:

– На это потребуются долгие годы...

– А я быстро учусь, – заверил его я, вспомнив свои занятия с мастером.

Никто же мне не запрещает пользоваться магией для обучения.

– Тогда определим условия. Многие мои ученики, у которых недостаточно средств для оплаты занятий, приносят мне клятву верности. Ты готов это сделать?

Клятва верности! Знал я о такой клятве. Приносится она только под надзором мага или при наличии мощного амулета, который в процессе обряда ставит на ауру произнесшего определенную метку. Она впоследствии может причинять телу и разуму поклявшегося невыносимую боль, стоит ему лишь подумать о том, чтобы нанести вред тому, кому приносилась эта клятва. Также эта метка заставляет подчиняться абсолютно всем приказам хозяина и обладает еще кое-какими свойствами, но последние доступны только магам. Очень неприятная штука, мы ее проходили с моим учителем, когда дошли до раздела магии разума, поэтому я знаю всю технологию этого действия, а также то, что клятву верности нельзя разрушить или обойти.

Пока я копался в своих воспоминаниях, старик смотрел на меня с ехидной улыбкой и ждал моего согласия. Ага, размышлялся! Чтобы я сам по доброй воле отдал себя в рабство?

– Это неприемлемо для меня, – ответил я Ликалону.

Мастер кивнул, словно и не ожидал от меня другого ответа:

– Тогда тебе придется выплачивать мне за каждый месяц обучения семьсот золотых!

Я постарался, чтобы на моем лице не дрогнул ни один мускул, хотя был просто в ярости. Ни фиги себе, запросы у старика! Семьсот золотых! Да на эти деньги можно жить лет пять, ни в чем себе не отказывая! Правда, только не в столице, потому что в Марде этих денег хватит едва на год. Смерив его оценивающим взглядом, я подумал, что нужно сперва узнать, чему конкретно он может меня научить за такие деньжищи, и спросил:

– Мастер, а скажите, как вы оцениваете уровень ваших учеников, что встретили меня во дворе?

Мастер улыбнулся и заявил:

– Я знал, что ты об этом спросишь.

Вот гад, опять сумел очень точно меня просчитать по первому впечатлению, а я все еще не разобрался, как лучше с ним общаться, какой он по характеру, какие психологические приемы целесообразно использовать, так что бил практически наугад. Это нужно срочно исправить.

– Их общий уровень я оцениваю как средний, но через несколько лет занятий они смогут подняться на предельную для себя ступень обучения, – просветил меня Лин, пока я пытался быстро проанализировать принципы поведения старика.

– А они сейчас бились в полную силу? – уточнил я, заранее зная ответ.

– Нет, конечно. Их целью было лишь проверить твою устойчивость и способность к разумному сопротивлению, а вовсе не убийство. Ты ведь тоже не обнажал клинки и старался никого из них не покалечить.

– Значит, без этой проверки вполне можно было обойтись?

– Ну, я же должен был увидеть твой уровень, – улыбнулся мастер. – Кстати, он довольно неплох. Я думаю, что тебе хватит трех лет занятий, чтобы сравняться со мной.

– Я рассчитываю управиться за гораздо меньший срок, – обнадежил его я.

– Значит, ты согласен с моими условиями?

– Да, и хотел бы сразу заплатить за два месяца вперед, пока у меня есть такая возможность.

Мастер посмотрел на меня уже без улыбки, видимо, не ожидая, что я так быстро соглашусь с его условиями. Однако, не показав своего удивления, уточнил:

– У тебя есть с собой такая сумма?

– Да, – просто ответил я, подумав о том, сколько же учеников, виденных мной, обучаются у мастера за плату.

Ликалон хмыкнул и еще раз осмотрел мой невзрачный вид. Я не стал комментировать и только уставился на него с ожиданием. Мастер понял, что я его тоже могу просчитывать на шаг вперед, и все же задал вопрос, но только не тот, на который я рассчитывал:

– Кто порекомендовал тебе обратиться ко мне?

– Кариэль ден Варен из Вернара, – с трудом припомнил я имя торговца.

И двух дней не прошло с момента нашей встречи, а столько всего случилось, что мне уже казалось, что это было месяцы назад.

– Как у него дела? – спросил мастер с интересом, а я подумал, что не ошибся, предположив, что торговец близко знаком с мастером.

– Про торговые дела мне ничего неизвестно, а в семье у него все в полном порядке, – ответил я.

– А его сын?

– Нашелся, и целым и невредимым был доставлен домой.

Мастер замолчал, думая о чем-то своем, а потом спросил:

– А ты кем приходишься Кариэлю?

– Друг семьи.

Мастер еще немного помолчал, а потом встал с кресла:

– Хорошо, я принимаю тебя в ученики. Занятия начнутся завтра, а пока...

Я рискнул его перебить и попросил:

– Мастер, мне не хочется терять время. Еще только полдень, может быть, мы начнем прямо сейчас?

Мастер с сомнением оглядел меня.

– Ты разве в состоянии сейчас тренироваться?

– Да, – твердо ответил я, чувствуя, что за время разговора организм подлатал все повреждения, так что сейчас мое тело находилось в отличной форме.

– Хорошо, – не стал противиться моему желанию мастер. – Сейчас кто-нибудь из учеников покажет тебе, куда отвести лошадь и положить вещи, а затем начнем.

Я коротко поклонился ему, припоминая наш стиль общения с моим мастером в лесу, а затем вышел вслед за ним из дома. Одному из учеников, который первым попался Лину на глаза, было поручено проводить меня на конюшню и определить мне комнату для жилья. Хотя с одной проблемой разобрались, а то жизнь в гостинице мне теперь явно не по карману. Ученик с явной неохотой повел меня по двору, мимоходом объясняя новичку, где что в школе находится. Я запомнил только столовую и туалет, а на остальное махнул рукой, справедливо предположив, что не пошлют же меня двор подметать за такие деньги, так что можно и не слушать, где у них лежат лопаты с метлами, а где находится продуктовый склад.

Отведя лошадь на конюшню, я забрал вещи и пошел с парнем к строению, напоминавшему обычный барак. Оно было одноэтажным и длинным, а внутри имелся коридор и множество комнат по обеим сторонам от него. Я только порадовался, что мне не придется спать с десятком других учеников. Моя комната оказалась последней справа. Показав ее мне, ученик удалился, а я зашел внутрь. Кровати не было, хотя тюфяк присутствовал, так что все же не на занозистых досках мне лежать придется. Больше в комнате не было ничего – видимо, в этой школе всюду проповедовался аскетизм.

Кинув свое оружие в угол, я принялся разбирать сумки. Достав деньги, тщательно их пересчитал, отделив тысячу четыреста золотых в отдельный мешочек. После этого у меня

осталось чуть больше двух сотен монет. Если за это время я не успею достаточно подтянуть свои умения, то придется продавать кинжалы. Сняв явно лишние куртку и жилетку, я захватил мешочек с золотом и отправился обратно к мастеру.

Зайдя в его кабинет, я обнаружил, что он разговаривает с кем-то по амулету. Мастер кинул на меня злой взгляд, и я поспешил удалиться, успев узнать голос Кариэля. Подождав пару минут в коридоре, я услышал из комнаты:

– Заходи!

Войдя, я смущенно потупился, ожидая выволочки от мастера за такое явное неуважение к нему, и обругал себя последними словами – культурные люди должны стучаться. Но мастер лишь задумчиво расхаживал по комнате и на меня не смотрел.

– Я только что говорил с Кариэлем, – произнес Лин. – Он мне рассказал много интересного...

– Не сомневаюсь, – вздохнул я.

– ...так что я решил не брать с тебя плату за обучение, – закончил мастер.

Я лихорадочно начал просчитывать варианты. С одной стороны, это очень хорошо, так как дает мне возможность сохранить мои средства, но с другой... Как я не люблю быть кому-то обязанным! Это мне пусть все будут должны, чтобы я мог безнаказанно и в любой момент пользоваться их услугами. Наверняка Кариэль сейчас договорился с мастером, что за меня будет платить он, рассчитывая тем самым снять с себя оковы должника.

«Нет уж, так легко ты с крючка у меня не спрыгнешь», – решил я, и обратился к Ликалону:

– Мастер, вы мне ничего не должны, так что я не приму от вас этот бесценный подарок. Поверьте, я вполне в состоянии оплатить свое обучение. Возьмите деньги за первые два месяца, – я протянул ему мешок с золотом.

Но мастер не спешил брать деньги и сказал:

– Это не мой подарок, а подарок Кариэля.

– Он мне также ничего не должен, – гнул я свою линию. – Так что платить за меня он не будет, это мое окончательное решение.

Мастер вздохнул:

– Он и не собирался за тебя платить, просто по старой дружбе попросил меня немного тебе помочь.

– Вот и помогите мне, научите меня всему, что знаете сами, – попросил я, буквально впихивая мешочек с деньгами в руки Лину. – А эти деньги – всего лишь моя искренняя благодарность за ваши будущие усилия. Так, значит, вы с Кариэлем друзья? – постарался я свернуть разговор в сторону.

Мастер повертел мешок в руках, прикинув его немалый вес, и положил на стол. У меня отлегло от сердца. Вот уж никогда не думал, что буду так волноваться, пытаюсь всучить кому-то свои деньги.

– Да, – сказал Лин. – Мы с ним вместе приехали в столицу Мардинана с Дальнего Востока, вместе начинали свои дела, но потом он ударился в торговлю и забыл про искусство рассветной школы. Я сначала укорял его, но вскоре понял, что без его финансовой поддержки не смогу организовать свою школу и до конца жизни буду частным учителем у отпрысков из богатых семей... Ладно, это дело прошлого, а сейчас давай приступим к твоему обучению.

Глава 3

Добро пожаловать в ад!

С этого момента я очутился в аду. Нет, поначалу я даже не понял, что произошло, но подсознанием все же почувствовал нечто неладное. Гораздо позже я уже начал догадываться, на какие муки добровольно себя обрек, но в тот момент мне было даже радостно, что все так удачно для меня сложилось. Я наконец нашел толкового мастера, чтобы подтянуть свое

воинское умение, и первый пункт плана практически выполнен. Ну а про обучение я вообще думал, что оно окажется для меня пустяковым – ведь база у меня была хорошая, так что нужно было только получить необходимые навыки и накачать мышцы, которые только-только начали приближаться к нужному уровню.

Мы с мастером вышли во двор, и под внимательными взглядами остальных учеников Лин попросил меня выполнять различные упражнения на гибкость суставов. Я изгибался, как только мог, понимая, что в данный момент нужно показывать все, на что способен, иначе мое обучение грозит затянуться. Приказывать завязаться в узел мне мастер, конечно, не стал, ограничившись тем, что добрых полчаса заставлял выгибаться на зависть любой кошке. Дальше мастер просил меня прыгать, отжиматься, подтягиваться на перекладине, качать пресс, да много еще чего... После этого мы перешли к силовым упражнениям. Я начал поднимать различные тяжести в самых разнообразных положениях – на одной ноге, на корточках, одной рукой, пальцами, а мастер за всем этим внимательно наблюдал и оценивал.

Когда я почувствовал, что больше не выдержу, а мои руки начали дрожать как у последнего алкоголика, то направил немного энергии в конечности, чтобы хоть немного снять усталость и притупить боль в мышцах. Поначалу помогло, но затем мы перешли к полосе препятствий. Это был сущий кошмар! Вначале нужно было пробежать по пенечкам, расположенным в хаотичном порядке, на которые можно было едва-едва поставить ступню. «Ничего, – решил я, – и не по таким препятствиям бегал!» И только через метр, нагнувшись спиной с размаху на эти самые пенечки, я понял, что они не были закреплены.

Посмотрев на мастера и потеряв ушибленную спину, я поставил все пеньки обратно и попытался пройти препятствие заново, сильно уменьшив скорость. Не помогло. Нагнувшись во второй раз, я едва не сломал ногу. В третий раз я переступал осторожно, стремясь выбрать пеньки, которые хотя бы не шатались, и с успехом достиг финиша. Дальше было проще – передо мной была обычная горизонтальная лестница с деревянными перекладинами, которую нужно было пройти на руках. Это будет быстро, решил я, подпрыгнул и попытался ухватиться за одну из перекладин. Это мне удалось, вот только я не учел одного, – что перекладина будет смазана какой-то дрянью. Руки мои соскользнули, и я рухнул на землю, не сумев вовремя сгруппироваться. Понюхав испачканные руки, я скривился от промелькнувшего в голове предположения, *что* это за слизкое вещество, а потом встал и повторил попытку.

На этот раз я держался изо всех сил, но меня хватило всего на четыре перекладины, а затем одна рука соскользнула, и я опять очутился на земле. Зайдя сначала и немного пошевелив практически бесчувственными пальцами, я подпрыгнул опять. На этот раз сумел одолеть три перекладины, прежде чем почувствовал, что вновь полечу на землю. Плунув, я перекинул руку через перекладину и повис на локте. Так было значительно легче. Передохнув немного, я одолел еще несколько перекладин, пока мастер не сказал мне:

– Достаточно, спускайся.

Я спрыгнул с лестницы и посмотрел вперед. Там было еще множество препятствий, и у меня возникло острое чувство, что эта полоса уходит в бесконечность. Я пошел дальше к веревкам, растянутым на колышках на манер паутины, но мастер остановил меня и сообщил свой вердикт:

– Силы у тебя почти достаточно, а вот умения – как у ребенка. Ловкости практически нет, зато смекалки достаточно для двоих, – он усмехнулся. – Тебе придется много тренироваться под надзором моих старших учеников, прежде чем я стану учить тебя искусству рассветной школы. Сейчас всем разойтись на обед. Зар, возьми его обучение на себя, – кивнул он одному из учеников.

Тот недовольно скривился, но не посмел ослушаться. Мастер удалился к себе, а все ученики гурьбой отправились в столовую. Я последовал за ними, чувствуя, как болит натруженное тело, а все мышцы превратились в вату, которая уже слабо воспринимала мои команды. И только громкие вопли желудка помогли мне добраться до столовой, где мне сунули в руки тарелку каши, выглядевшей жутко неаппетитно, как памятный плов в

грузинском ресторане. Однако на вкус эта каша оказалась весьма приятной, поэтому я съел две порции, прежде чем ко мне подошел Зар, и недовольным голосом велел поднимать свою жирную ж... жабообразную тушку и следовать за ним. Я проглотил оскорбление, не став возмущаться. Да пусть хоть в дерьме купает, лишь бы учил.

С ним мы пошли на тренировочную площадку, где Зар принялся надо мной форменным образом издеваться. Для начала заставил отжиматься на пальцах, потом велел взять в руки две длинные палки с грузиками на конце и водить ими из стороны в сторону, работая кистями. Когда палки стали выскользывать у меня из рук, он заставил меня висеть на перекладине, подтягивая ноги и тренируя пресс. Затем снова настал черед отжиманий... В общем, упражнениям не было конца. Вскоре я совсем перестал соображать, сконцентрировав все внимание только на том, чтобы не отключиться. Видя, что я не собираюсь сдаваться, Зар в конце занятия просто погнал меня вдоль забора, а сам побежал рядом, подбадривая меня выкриками:

– Шевели копытами, дохлый скунс! Пока десять кругов не сделаешь, не вздумай мне подыхать, улитка толстозадая!

Я и не представлял, что территория школы такая большая. Пока я сделал один круг, успел запыхаться, пожалеть, что связался с этим обучением, проклясть всех, кто был к этому причастен... А потом просто отключил сознание, механически совершая однообразные движения, и стараясь при этом не упасть на песок. Очнулся я только тогда, когда кто-то схватил меня за рубашку, сбивая с ритма. Пробежав по инерции еще немного, я услышал:

– Да остановись ты! Уже пятнадцатый круг пошел! Стой!

А потом мои ноги запутались, и я со всего размаху шлепнулся на песок, пропахав его лицом, даже не имея сил на то, чтобы подставить руки. Задышавшись, я отплевывался от песка и думал, почему это вдруг в глазах так потемнело. Не в силах перевернуться, я просто слабо шевелился и пытался хотя бы поднять голову из песка, который с завидным постоянством забивался мне в рот. Спустя минуту, когда мне удалось подставить руки и встать на колени, преодолевая дикую боль в натруженных мышцах, я услышал над собой голос мастера:

– Отнесите его в комнату!

Я почувствовал, что меня перевернули десятки рук, а затем подняли и понесли. Рассматривая звездное небо, я слабо удивлялся тому, что не заметил, как день пролетел.

– Упорный... – донесся до меня голос Ликалона. – Если не умрет в процессе занятий, станет великим воином...

На улыбку у меня уже не было сил, поэтому я просто закрыл глаза и машинально стал залечивать свое тело, снимая напряжение с мышц, сращивая разрывы в тканях, удаляя мертвые нити. Оказывается, если нить не может соединиться в месте разрыва, то она просто отмирает, а на ее месте возникает небольшой отросток, который со временем превращается в новую нить или чаще всего в несколько нитей, стягивающих область разрыва. Я стал искать эти новые нити в своем теле, помогал им быстрее формироваться, быстрее расти, и так увлекся этим процессом, что не ощутил, как меня внесли в мою комнату и оставили в ней, притворив дверь.

Закончив лечение, я открыл глаза и попытался подняться. Не с первой попытки, но мне это удалось. Все тело было чужим, на мои требования отвечало неохотно. Но я все же заставил себя найти в жилетке разговорный амулет и сжать его в кулаке. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом в комнате раздался громкий голос Алоны.

– Алекс, ты куда пропал, почему не отвечаешь? – начала она закидывать меня вопросами.

Мой язык тоже не хотел двигаться, а горло жутко пересохло, поэтому я не сразу смог ей ответить. Но когда я все же хрипло сумел произнести: «Привет, сестренка», то сразу же зашелся в диком кашле. Пока я кашлял, Алона причитала:

– Что с тобой случилось? Как ты себя чувствуешь? С тобой все нормально?

Прокашлявшись и обретя способность нормально говорить, я шепотом ответил ей на русском:

– Все нормально, только говори потише, тут перегородки тонкие.

– Где ты? – Алона сбавила децибелы и перешла на русский.

Я коротко рассказал ей, как нашел школу с хорошим мастером, как меня в нее взяли и стали обучать, и заверил, что со мной все в полном порядке, и амулет теперь буду всегда носить с собой, чтобы она не нервничала понапрасну. После этого я быстро попрощался, сказав, что просто засыпаю, и полетел во тьму, даже не услышав, что сказала мне в ответ Алона.

Проснулся я ближе к рассвету от того, что очень захотелось в туалет. Обнаружив в кулаке амулет, надел его на шею и кое-как сумел подняться. Пошатываясь и шипя сквозь зубы от острой боли во всем теле, я направился во двор и, найдя искомое строение, с наслаждением облегчился. Обнаружил поблизости бочку с водой и умылся, попробовав пригладить волосы, что уже лезли в глаза.

«Пора стричься, – подумал я, трогая непослушные вихры и заправляя их за остроконечные уши. – Что?! Твою мать!»

Я принялся ощупывать свои локаторы. Так и есть – кончики стали приобретать характерную остроту, как у обычного эльфа. Хорошо еще, что размер их пока оставался человеческим, иначе это стало бы заметным гораздо раньше. Помяв немного свои уши, я убедился, что это не глюки, и они никак не собираются принимать привычную форму. Мда, теперь мне со стрижкой придется повременить, иначе начнутся совсем ненужные расспросы.

Развернувшись, я побрел к бараку, но вскоре остановился, поняв, что спать уже не хочу. Да, тело все еще немного ныло и казалось чужим, но мозги работали прекрасно и на отдых не просились. Ладно, нужно время проводить с пользой, решил я и отправился на тренировочную площадку, поежившись от холодного ветерка, забравшегося под рубашку. На площадке я старательно стал разминаться, неспешно разогревая каждую мышцу. Когда небо начало светлеть, я почувствовал тело, как и раньше, своим. Разгоряченное разминкой, оно требовало от меня действия и нагрузки. Вспомнив пару приемов, оставшихся в памяти от драки с учениками Лина, я примерил их все на себя, и добрый час повторял, добиваясь нужной координации и автоматизма.

Когда небо всюду посветлело, а учеников все еще не было видно, я отправился на полосу препятствий и принялся раз за разом проходить первое. Сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее я скакал с пенька на пенек, запоминая нужный угол и ускорение, которое необходимо для того, чтобы нормально соскочить с одной чурки и приземлиться на следующую. Через несколько десятков попыток я уже довольно уверенно в среднем темпе проходил это препятствие, но как только пытался двигаться быстрее, пеньки начинали жить собственной жизнью и выскакивали у меня из-под ног. Разозлившись, я попробовал преодолевать препятствие еще быстрее, но проклятые пеньки все еще не хотели со мной сотрудничать.

«Что-то я делаю неправильно, – подумал я, в очередной раз поднимаясь с песка и устанавливая пенечки назад. – Нужно менять тактику. А если не опираться на пеньки всем своим весом, а только легонько отталкиваться от них?»

Встав в самом начале полосы, я разбежался и побежал прямо по пенькам, не сбавляя темпа. Два пенька отлетели в сторону, но я не упал и продолжил бег, радуясь, что у меня получилось! Но тут нога не нашла опоры и я со всего размаху рухнул на несколько пеньков, только чудом успев окружить свое тело защитным коконом, чтобы не повредить ребра. Кокон помог, но от синяков до конца не уберег.

Радость от понимания придала мне сил и я, не замечая ничего вокруг, вскочил, потираяшибленные ребра, и стал заново расставлять чурки. Следующая попытка была более удачной, я преодолел большую их часть, прежде чем опять не обнаружил опоры для ноги. В очередной раз ставя пеньки на место, я сообразил, что просто двигаюсь слишком быстро и поэтому не успеваю подыскивать себе опору. Тогда я стал проходить препятствие без большого разбега. Это мне удалось с ходу. Я едва не запрыгал от радости и тут же побежал обратно, благо пеньков было довольно много. Три раза сбегав туда и назад, я повалил

практически все пеньки, что были на площадке, и кинулся ставить их на места, а после решил попробовать пройти препятствие на максимальной скорости. Отошел подальше и хорошенько разбежался, а потом безо всякой магии, только одним хорошим всплеском адреналина взвинтил свое восприятие и легко и непринужденно пробежался по пенечкам, не сбив ни одного!

Схватившись за один из столбов лестницы – следующего препятствия, и тем самым сумев затормозить, я с изумлением оглянулся. Пеньки стояли как ни в чем не бывало и только подтверждали тот факт, что для любого задания важна правильная тактика. Удовлетворенно улыбнувшись, я подумал, что пора переходить к следующему препятствию, и поднял глаза, прикидывая, как же теперь быть с этой лестницей. Редкие хлопки отвлекли меня от этого занятия. Ликалон стоял около своего дома и хлопал в ладоши, а за ним собралась вся толпа его учеников, молча и с немалым изумлением смотревших на меня. И ведь ни один из них не издал ни звука, хотя наверняка они уже долго за мной наблюдали. Вот это дисциплина!

Мастер закончил хлопать и задумчиво произнес:

– Я в первый раз в своей жизни вижу, чтобы человек научился проходить данное испытание всего за несколько часов. У моих учеников на это уходит в среднем месяца четыре, и то далеко не всем это удастся... Да, теперь я начинаю понимать, что ты не врал, когда говорил, что быстро учишься. Но вот что настолько...

Мастер потрясенно покачал головой, а потом велел:

– Всем завтракать. Зар, сегодня увеличь нагрузку вдвое.

Я отправился вслед за притихшими учениками, предчувствуя, что меня в скором времени ожидают новые мучения. За завтраком я постарался умять столько, сколько в меня влезло, восполняя растраченные калории, а после трапезы поступил в полное распоряжение Зара. Сегодня он измывался надо мной похлеще вчерашнего, обзывая именами различных колоритных животных, но я не обижался на это, потому что чувствовал его невольное уважение, изредка проскальзывавшее у него в эмоциях. К обеду я был выжат как лимон, а мышцы тряслись от усталости, поэтому, когда был объявлен перерыв на трапезу, я даже не смог облегченно вздохнуть, а сразу же дал команду организму на максимальное восстановление. В этот раз процесс прошел гораздо быстрее, видимо, начинала сказываться практика. Жуя в столовой сладкий картофель, я внутренним зрением видел, как заживают повреждения в моих мышцах, а места разрывов заполняются новыми яркими нитями.

После обеда я опять почувствовал, что тело стало чужим, поэтому мне вновь пришлось сделать разминку и разогреть его. Зар смотрел, как я разминаюсь, но ничего не говорил. После того как я сообщил ему, что готов к работе, мой мучитель навалился на меня с удвоенной энергией. Я отключился в тот момент, когда он заставлял меня разводить вытянутые руки с зажатыми в кулаках камнями, а затем опять сводить. Причем камни эти постепенно становились все тяжелее и тяжелее. А очнулся только тогда, когда меня схватили за руку и резко дернули, бросая на песок. Я опять лежал и отплевывался, не успев подставить руки, краем глаза замечая, что на дворе вновь стало темно. Только в этот раз мне удалось подняться, хоть и с помощью учеников, и отправиться в свою комнату, заглянув по пути еще и в столовую, чтобы мигом умять две порции восхитительной каши.

Этой ночью меня опять вызвала Алона, сказав, что вскоре собирается вместе с отцом отправиться домой. Я же коротко поведал ей, что жив, практически здоров, учусь, учусь и еще раз учусь. А принцесса в ответ стала долго перечислять, какие сувениры купила в столице. Я слушал ее голос и в который раз восстанавливал свое тело после напряженной работы. Похоже, с каждым разом мне это давалось все легче и легче, но только завтра наверняка все нужно будет начинать сначала. Когда я проверил свой резерв, то убедился, что он почти полон. Давно я его уже не проверял, еще с той схватки в Вернаре. Интересно, сколько же энергии отнимает у меня восстановление тела? Надо будет не забыть прикинуть на досуге.

– Алекс, ты меня слышишь? – оторвал меня от раздумий голос Алоны.

– Конечно.

– Так что, ты поедешь с нами?

Я вздохнул и подумал, как бы мне отказаться помягче.

– Сестренка, я не могу бросить обучение, иначе потом мне все придется начинать заново. Ты уж меня прости, но я сейчас не смогу отправиться с вами. Однако как только закончу тренироваться, обязательно заеду к вам в горы. Хорошо?

Алона в ответ печально вздохнула:

– Мне будет тяжело без тебя дома...

– Но ты же раньше хорошо жила, почему тебе нужен именно я?

– Ну, раньше все было совсем по-другому... – протянула она.

– Ага, сахар слаще и вода мокрее, – добавил я. – Не переживай, ты всегда сможешь со мной связаться, если только я не буду в полной отключке, а дома, думаю, мое присутствие не понадобится. У тебя же есть свой защитник – Шаринон, вот он и поможет, если вдруг что. Ты, кстати, почаще с ним разговаривай, знаешь ведь о его несчастье?

– Да, – вновь вздохнула она.

– Вот и помоги ему немного справиться с болью, поддержи ненавязчиво. Сама потом увидишь, как это иногда бывает приятно – помогать другим.

Я улыбнулся. Если все получится, то, может быть, Алона найдет себе друга, а Шаринон – объект для своей отцовской любви. И мне спокойнее будет, что сестренка под присмотром. Какой я молодец, что такую комбинацию провернул! Вот только жаль, что похвалить, кроме меня, и некому...

– Хорошо, – покладисто сказала Алона. – Только ты пообещай, что обязательно заглянешь к нам в горы!

– Обещаю! – легко ответил я.

Такие обещания даются легче всего, когда не уточняешь, когда и как, а просто соглашаешься с собеседником. Но сестренку оно успокоило, и Алона, быстренько пожелав мне спокойной ночи, отключилась.

А ночью я проснулся от неясного шума снаружи. Сдерживая стоны от боли во всем теле (причем тело опять чувствовалось мне чужим, но, зараза, болело-то как свое!), я вышел во двор и понял, что это просто начался дождь. Мерзкий холодный осенний дождь. Сняв рубашку и оставив ее в комнате, я опять принялся разминаться под ужасно мокрыми каплями, падавшими на меня с неба, потом взял в руки те самые длинные палки с грузом на конце и стал работать кистями. Сегодня выходило значительно легче, поэтому я, как только почувствовал усталость, прекратил занятие и подошел к полосе препятствий. На очереди была скользкая лестница. Однако поняв теперь, зачем мне нужны были упражнения для кистей и пальцев, я ухватился за первую перекладину и медленно стал перебирать руками, тщательно фиксируя захваты. Я прошел ее с десяток раз, прежде чем ослабевшие пальцы отказались мне повиноваться. А дальше была паутинка...

Глава 4

Учеба

Так и сложился мой распорядок – до завтрака я тренировался сам, после него меня брал в охапку Зар и нагружал силовыми упражнениями, в обед я восстанавливал свое тело и готовился к новым тренировкам, а затем отключался, бездумно выполняя все, что прикажет старший ученик. Тренировки обычно заканчивались бегом на дальние дистанции, после которого я, если мог, отправлялся в столовую на ужин, если же нет, меня туда относили. А после ужина, в комнате, я часами мог слушать Алону, иногда отрубаясь прямо на середине фразы. Но посреди ночи меня поднимала неизвестная науке сила и заставляла вновь и вновь тренироваться.

Монотонно проходили дни за днями, наполненные только болью, диким напряжением

или просто пустотой. Впоследствии я размышлял, как же сумел не свихнуться в этом аду, как смог остаться собой и не превратиться в бездушный автомат под такими нечеловеческими нагрузками? И лишь много позже пришел к выводу, что в этом мне очень помогла Алона. Именно разговоры с ней стали тем спасательным кругом, который не давал моему разуму окончательно отключаться и теряться в пучине боли. Сестренка каждый вечер рассказывала мне все свои новости, впечатления о прожитом дне, а я в это время лечил свое тело, чувствуя, как ненадолго уходит боль и наступают долгожданные минуты спокойствия и расслабления.

Постепенно я начал втягиваться, и уже к концу первого месяца почувствовал, что мне с легкостью даются те упражнения, которыми меня обеспечивал Зар. Полосу препятствий я также научился проходить почти всю, за исключением самого последнего препятствия – дюжины качающихся толстых бревен, между которыми нужно было пробежать по тонкой жердочке. Все дело было в том, что эти бревна издавали весьма громкий и противный скрип при раскачивании, а я не решался будить всех среди ночи, поэтому совершенствовал свои навыки на остальных препятствиях.

Из особо сложных мне попались всего два – длинный продольный металлический шест с нанизанными на него чурками разной толщины и лестница с вращающимися поленцами, по которой нужно было пробежать. Именно на ней я в первый раз сломал руку, неудачно упав. Боль была дикая, но зато после этого я научился восстанавливать повреждения костной ткани. В тот день я эти препятствия так и не осилил, но зато понял, что они направлены на развитие моего чувства равновесия, а никак не ловкости. Мне понадобилось пять дней, чтобы научиться уверенно удерживать равновесие даже на самом маленьком бревнышке. А на поперечном металлическом шесте я вообще стал развлекаться, бегая по вращающимся чуркам, как акробат, и четко контролируя их вращение.

Но это все оказалось не самым сложным, труднее было уговорить Зара повысить мои нагрузки. В этом мне помог сам мастер, который один день понаблюдал за мной, а затем разрешил делать все, что мне захочется. В общем, поднимаемые мною тяжести увеличились вдвое, количество упражнений на каждую группу мышц возросло втрое, а по ночам я стал истязать себя еще нещаднее, осознавая, что хоть у меня появилась ловкость и стало сильным тело, но реакция все же оставляет желать лучшего. Вспомнить хотя бы то первое препятствие – я ведь прошел его, только когда ускорил свое восприятие.

Поэтому я стал подниматься ночью еще раньше, давая себе на отдых всего три-четыре часа, а затем после небольшой разминки перемахивал через забор школы и бежал в ближайшую рощицу, где занимался тем, что на Земле называется паркур. Правда, там этот термин используется применительно к городским условиям, а у меня – к лесной чаще. Я усиленно тренировался, бегая по лесу, отталкиваясь от стволов деревьев, перепрыгивая через колючие кусты и хватаясь за ветки, пытаясь реагировать на все препятствия как можно быстрее. В этом мне сильно помогала повысившаяся чувствительность зрения, которая давала возможность и в неярком свете звезд разглядеть практически все, поэтому магию я не использовал.

Через какое-то время я понял, что этого явно недостаточно, и переместился повыше – на средний ярус деревьев. Поначалу были синяки, переломы и другие травмы, когда я падал с неслабой высоты, не сумев достать до подходящей ветки, но затем я научился просчитывать траекторию движения, предугадывать появление следующей опоры и навскидку выбирать оптимальный маршрут. Через десятицу я прыгал по деревьям на зависть молодому Тарзану. Частые падения привели к тому, что я научился оставаться целым и невредимым при приземлении даже с десяти-пятнадцати метров. Я понял, как нужно гасить инерцию ногами, как смягчать ее перекатом... В общем, много мне дали эти тренировки в лесу!

Однако я понял, что дальше дело двигаться не будет. Мое тело уже стало довольно сильным – я мог поднимать такие тяжести, что и пяти ученикам были не под силу, о ловкости уже молчу, но когда же мастер будет учить меня искусству боя? К концу второго

месяца, когда лужи во дворе утром уже начали покрываться тонкой корочкой льда, я прямо спросил его об этом. Мастер долго смотрел на меня, а потом попросил показать все, что умею. Как будто сам частенько не наблюдал за моими утренними тренировками! Под внимательными взглядами мастера и семи десятков учеников я прошел полосу препятствий, показав, наверное, самый лучший результат за всю историю школы.

– Ну как? – спросил я мастера.

– Ты еще не до конца прошел испытание, – ответил он и приказал ученикам раскатать бревна.

Я морально подготовился, встал на жердочку, пытаюсь просчитать ритм качания, но понял, что его там не было! Бревна раскачивались хаотично, подталкиваемые учениками, иногда цеплялись друг за друга и замедлялись. Поняв, что действовать как-то нужно, я шагнул вперед, пропустив одно бревно. Дальше было немного проще – два бревна качались почти синхронно, а потом я не рассчитал, и еще одно полено сбило меня на землю, заставив онеметь правую руку. Вздыхнув, я вернулся к началу, но опять не смог пройти дальше пятого бревна. Я просто не успевал рассчитывать свое движение, а бревна висели так плотно друг к другу, что между ними нельзя было остановиться и передохнуть.

Пять раз я поднимался с земли, держась за отбитые бока, пока один сучок в бревне не распорол мне плечо. Вот тогда я сильно разозлился, и, едва не рыча, снова стал проходить препятствие. Третье бревно опять попыталось сбить меня с жердочки, но я ударил его всем телом, останавливая, и сделал еще шаг. Два бревна я просто миновал, а потом ударил еще одно, поняв наконец, что нужно было делать. Еще несколько бревен пришлось мне сбивать своим телом, прежде чем я достиг финиша. Это упражнение далось мне нелегко, бока представляли собой сплошной синяк, а руки отказывались подниматься. Но, тяжело дыша, я победно взглянул на мастера. Тот смотрел на меня с удивлением, а затем задумчиво сказал:

– Еще никто из моих учеников не догадался таким способом проходить это препятствие... Оно должно развивать интуицию, умение предчувствовать, а не просчитывать, а ты... – Лин махнул рукой. – Сегодня отдыхай, завтра я буду сам заниматься с тобой.

Чувствуя, что победил, я опустился на колени, давая передышку измученному организму. Ученики смотрели на меня с восхищением, а Зар подошел поближе и протянул руку, помогая подняться. Когда я встал на ноги, он тихо произнес:

– Извини.

– За что? – недоуменно произнес я.

Ничего себе, я даже и не знал, что он найдет в себе смелость подойти и попросить прощения! Эх, не до конца я в нем разобрался, не сумел понять его характер, и это мой просчет. Я видел в нем только наглого выскочку-ученика, а он оказался весьма неплохим парнем.

– За то, что я оскорблял тебя, унижал... – начал Зар.

– Оставь! – прервал я его. – Ты просто тренировал одного младшего ученика, так что за это тебе от меня большое спасибо! – я отвесил ему легкий поклон, признавая, что он мне очень помог за это время.

Зар, к моему удивлению, поклонился в ответ.

– И ты прими мою благодарность, старший ученик Алекс, я тоже многому у тебя научился.

– А почему старший? – уточнил я.

– Потому что мастер обучает только старших учеников, остальные уже учатся всему у них, – пояснил он.

– Понятно, – протянул я.

Это было немного неправильно, обучать только лучших, а на остальных махнуть рукой. Кроме того, младшие ученики требуют намного большего внимания, потому что у них навыки боя только начинают формироваться, а старшие могут спокойно не заметить ошибок на этой стадии, и их потом придется долго исправлять. Но это уже методика мастера, и не

мне лезть в нее своим любопытным носом. Оглянувшись, я увидел, что все ученики до сих пор смотрят на меня, потому улыбнулся и сказал:

– По-моему, уже время обеда.

Развернувшись, я первым направился в столовую, а за обедом, на котором, по своему обыкновению, умял три порции, вспомнил, что задолжал мастеру за свое обучение. А значит, пока он велел мне отдыхать, есть возможность смотаться в город и продать несколько клинков. Возьму пять кинжалов, этого вполне хватит на требуемую за месяц сумму.

Отставив в сторону пустые тарелки, я пошел к себе и отобрал нужное количество эльфийских клинков. Кинул их в сумку и вышел из школы в большой мир, по привычке лихо перемахнув через забор. За воротами на деревьях я увидел все тех же мальчишек, только одежды теперь на них было гораздо больше, чем в прошлый раз. Они проводили меня молчанием – видимо, были сильно удивлены моими сегодняшними художествами во дворе.

Через полчаса, добравшись до городской стены, я с удивлением узнал, что и с пешеходов тоже берут плату за вход. Расставшись с шестью медяками, я попросил стражников подсказать, где поблизости находится оружейная лавка – чтобы не вышло, как в прошлый раз. Стражники любезно меня просветили, и я потопал в указанном направлении. Искомая лавка обнаружилась быстро, а хозяином в ней оказался человек, прекрасно разбирающийся в оружии. За свои клинки я сумел выручить почти шесть сотен золотых.

Задержавшись в лавке, рассматривая разнообразный товар, я даже не заметил, как подкрался вечер, и обратный путь мне пришлось проделать бегом, чтобы успеть до закрытия ворот. Хотя при воспоминании о монолитных воротах в городской стене я начинал сильно сомневаться и думать: а закрывают ли их вообще? Но все же счел нужным перестраховаться.

Оказалось, что закрывают-таки их стражники, с большим трудом втроем двигая одну створку. Я успел выскочить из города, а после этого ворота захлопнулись, и до меня донеслось натужное скрежетание огромного засова. Переведя дух, я потопал в школу, на ходу беседуя с Алоной, так вовремя связавшейся со мной и позволившей скоротать прогулку. Дойдя до школы, я не обнаружил мальчишек на деревьях (видимо, их родители уже собрали поспевший урожай) и перелез через забор.

В комнате я смог расслабиться и приготовить деньги для расчета с мастером. Наверняка если продать все мои клинки, кроме тех, что я носил, должно выйти примерно еще на три месяца обучения. Нужно справиться за меньший срок, иначе останусь совсем без гроша в кармане.

Улегшись на тюфяк, я с огорчением подумал, что нужно было не рассматривать блестящие железки, а прикупить себе какую-нибудь одежду. Моя-то уже совсем пришла в негодность – двое штанов истрепались, рубашка вся в прорехах, а сапоги уже давно пытаются вежливо намекнуть, что их пора заменить. Нужно будет завтра к мастеру подойти с этим вопросом, пусть выдаст кимоно или хотя бы халатик какой, а то скоро совсем нагишом тренироваться придется. С такой мыслью я просто отключился, будто кто-то невидимый нажал на кнопку.

Проснулся я до рассвета и обнаружил, что на дворе пошел снег. Вот и наступил сезон холодов. Утренний мороз заставил меня поежиться и с удвоенными усилиями начать разминаться. Сделав разминку, я припомнил все, чему меня обучали в лесу, и выполнил своеобразный «бой с тенью», чтобы дать окрепшему телу привыкнуть к знакомым движениям. Многое приходилось изменять, многое вообще чувствовалось инородным. Именно тогда я понял, почему спортсмены не тренируют каждую мышцу отдельно, а только всю группу разом – чтобы не получилось потом так, как у меня. Я вроде бы и стал сильнее, но привычные движения приходилось разучивать заново. Кропотливо и методично я стал восстанавливать все свои двигательные навыки, приспособливая их под новые ощущения, новые реакции.

За этим занятием меня и застал мастер. Некоторое время он понаблюдал за мной, а затем приказал следовать за ним. Я сбегал в комнату и вернулся с деньгами, которые и всучил Лину. В ответ тот выдал мне одежду и те самые чешки, которые носили все его

ученики.

– Теперь ты стал моим старшим учеником, – порадовал меня он. – И не смей больше позорить меня своим видом!

Я только улыбнулся и быстренько переоделся. Да, эта одежда явно напоминала кимоно – такая же простая и не стесняющая движений. После этого мастер провел меня в соседний дом, где я еще никогда не бывал. Осмотревшись, я окрестил его спортзалом, так как назначение огромной комнаты с деревянным полом другим быть не могло. По стенам было развешено оружие и всякий спортивный инвентарь, а возле одной стены стояли куклы в рост человека, обтянутые мешковиной.

В комнате уже находились все старшие ученики. Мастер пригласил меня выйти на середину и кивнул одному из них, имени которого я не знал. Он в ответ коротко поклонился мастеру и встал напротив меня. Я быстренько активировал знакомое заклятие для усиленного запоминания, раскрыл глаза пошире, попытавшись охватить своим вниманием все тело спарринг-партнера, и мастер дал команду: «Начали!». Ученик атаковал меня. Жестко, безжалостно, нанося хлесткие удары ногами, руками, обрушивая на меня град приемов. Я замечал и запоминал их все, но реагировать на многие просто не успевал. Уклоняясь и уворачиваясь, я лишь ослаблял силу ударов, оказавшихся весьма болезненными. Тогда я сменил тактику и попытался их блокировать. Со многими это проходило, но все же удары, которые, как мне казалось, были наиболее болезненными, я продолжал пропускать.

Через пять минут моего избиения я закономерно оказался на полу, пытаюсь разогнать звездочки перед глазами. Одновременно с этим я лихорадочно анализировал все приемы, которыми меня награждал старший ученик. Одни я сразу же принимал, другие немного изменял, подстраивая под себя, а третьи вообще отбрасывал, так как знал удары несколько совершеннее. Разложив знания по полочкам, я услышал голос мастера:

– Плохо, ты еще не готов!

Я поднялся, а потом ухмыльнулся и сказал:

– Еще дубль!

Мастер с сомнением посмотрел на меня, но все же скомандовал: «Начали!» – и мой противник опять накинулся на меня. Но теперь я примерно представлял его технику боя, видел его удары, подмечал лишь только начинавшиеся движения и успевал их опережать или блокировать. В этот раз я уже стал нападать сам, награждая ученика несколькими ударами в чувствительные места. Нет, я не смог тут же полностью овладеть его приемами, мне все еще были нужны тренировки, чтобы тело стало двигаться быстрее, выполняя незнакомые движения, ведь это достигается только практикой и ничем другим. Но я уже чувствовал, что стал практически равным этому ученику, а через день или два он для меня наверняка будет уже слабым противником.

Но рано я обрадовался. Мой противник внезапно поменял схему боя! Удары сменились захватами, приемы – болезненными щипками и точечными ударами, заставлявшими мои мышцы отключаться. Я не знал, что ему противопоставить, а потому только смотрел, запоминал и анализировал, пытаюсь снова хоть как-то уклоняться от ударов. Во второй раз оказавшись на полу, я так же начал раскладывать все, что узнал, в своей черепушке, но услышал голос мастера:

– Ты просто поразительно быстро учишься, Алекс! Кто ты?

Я молчал и, лежа на полу, продолжал сортировку знаний, которым вскоре нужно будет превратиться в мои навыки. Закончив с этим, я поднялся и спросил:

– Еще дубль?

Мастер только кивнул, понимая, что ответа на свой вопрос он не услышит.

В этот раз ученик, поняв, что такой техникой со мной уже не справится, перешел на подкаты, удары из неожиданных положений, обманные движения. Я все запоминал, но в этот раз постарался не падать на пол, а продолжал отбиваться, фиксируя новые движения и тут же применяя их на практике. Через десяток минут я вошел во вкус и почувствовал удовольствие от спарринга. Через полчаса мой противник уже начал задыхаться, его атаки стали редкими,

я наконец увидел бреши в его защите. Вскоре, понимая, что полноценной схватки больше не получится, я поднял руки, прекращая бой, повернулся к мастеру, внимательно за нами наблюдавшему, и спросил с улыбкой:

– А не пора ли нам подкрепиться?

Он только машинально кивнул и махнул рукой, отправляя всех учеников завтракать и провожая меня ОЧЕНЬ внимательным взглядом.

За завтраком я опять принялся анализировать увиденные приемы. А нехилая школа у мастера, она позволяет охватить буквально все направления рукопашного боя. Если он еще и на холодном оружии такой же профессионал, то мне крупно повезло! Вот только наверняка этот процесс обучения будет происходить еще долго. Ведь пока я увижу все движения, пока запомню их, пока научусь ими владеть, пока разработаю свой собственный комплекс боевых приемов... Может пройти не один месяц.

А если попробовать по старинке? Считать все знания мастера и перенести их себе? Я даже жевать перестал, обдумывая это идею, но потом с сожалением от нее отказался. Не выйдет. Просто так он мне копаться у себя в голове не позволит, а вырубить его, чтобы покопаться в ней без его ведома, у меня пока не получится. Нужно стать хотя бы таким же умелым воином, как и он сам, чтобы лишить его сознания и со спокойной душой копировать его знания. А тогда зачем они уже будут мне нужны? Я продолжил завтрак и свои размышления. А если подсыпать ему что-нибудь в еду? Прикинув, я отказался и от этой идеи – рискованно, ненадежно, и при неудаче я могу потерять все. Так что мне придется действовать медленно, но верно, пока деньги не кончатся.

После завтрака мы вернулись к тренировкам. Сейчас на меня уже нападали двое и трое учеников, а я учился технике боя против группы, когда было необходимо двигаться так, чтобы противники мешали друг другу. Мои движения становились все четче и увереннее, мастер некоторые из них корректировал, изредка останавливая бой и показывая, как правильно нужно двигаться. Остальные ученики тоже даром время не теряли и отрабатывали приемы на куклах и друг на друге. Под конец занятия мастер сам вышел против меня, и тут я понял, что по сравнению с ним я еще беспомощный котенок. Он уложил меня на пол с трех ударов, двигаясь так быстро, что его движения смазывались в моих глазах. Преодолевая боль, я поднялся с пола и попросил, ускоряя свое восприятие:

– Еще!

Мастер опять атаковал меня, но в этот раз я сумел немного ослабить один из его ударов. Онемевшая нога не желала подчиняться, но я кое-как поднялся, мысленно прокручивая последовательность атаки мастера, и твердо заявил:

– Еще!

На этот раз я даже сумел отбить один его удар. Но подняться уже не смог, так как весьма опрометчиво попробовал атаковать сам и вполне закономерно получил удар в голову, попросившись со своим сознанием и опять упав в заботливые руки темноты.

Когда я очнулся, то понял, что лежу в своей комнате, а рядом сидит мастер и ждет, когда его ученик соизволит очнуться. Рядом с ним горела свеча, освещающая своим неярким пламенем небольшое помещение. Я почувствовал, что тело хоть и болит, но подчиняется, и тоже принял сидячее положение. Мастер выглядел очень виноватым, так что я, видя его терзания, заговорил первым:

– В чем дело?

– Прости, Алекс, я не хотел ударить тебя так сильно, – повинился Лин.

– Ничего страшного, мне и похлеще доставалось, – ответил я. – А долго я пробыл без сознания?

– Уже вечер, – сообщил мастер.

Ни хрена себе, как он мне зарядил! Надо же все-таки меру знать, ведь так и убить недолго!

Я похрустел шейными позвонками, чувствуя, что моя голова еще гудит. Но мастер после моих слов все еще выглядел как в воду опущенным. Я решил успокоить его:

– Не переживайте вы так, ничего же страшного... – я осекся, увидев то, что Лин держал в руке.

Это был мой разговорный амулет, и, судя по виноватому виду мастера, он им уже пользовался. Я разозлился и коротко приказал:

– Рассказывайте!

Ликалон вздохнул и начал:

– Когда мне сообщили час назад, что ты еще не пришел в себя, я зашел в твою комнату, ожидая худшего. Но, проверив твоё состояние, понял, что твоё жизнь вне опасности.

Интересно, как же он мог это определить? По пульсу и дыханию? А если бы я вообще в сознание не вернулся, ведь кто там знает, что бывает при сильных сотрясениях?

Мастер тем временем продолжал:

– Когда я осматривал тебя, то обнаружил на твоём теле амулет, с помощью которого кто-то в тот момент пытался тебя вызвать. Я решил ответить, чтобы успокоить неизвестного собеседника, но вначале что-то меня дернуло узнать имя той, кто тебя вызывал... Алекс, скажи, кем тебе приходится принцесса Алониана?

– Сестрой, – ответил я, зло глядя на мастера.

– Но как можно, ведь она гнома, а ты эльф?

Я слегка удивился, но мастер мне пояснил:

– Когда я проводил осмотр, то увидел твои уши, которые ты старательно прячешь под длинными волосами.

Я откинул прядь со лба и заявил:

– В этом мире все возможно.

Мастер, видя мой злой взгляд, поспешил извиниться:

– Я прошу прощения, ваше высочество, что без разрешения воспользовался вашим амулетом.

Я вздохнул. Только этого мне еще не хватало!

– Я приму ваши извинения при соблюдении вами некоторых условий. Первое – вы больше так поступать не будете. Второе – от вас не последует никаких вопросов касательно моей жизни. Третье – вы будете продолжать вести себя со мной, как со своим учеником, забыв о том, что произошло. Вы согласны?

Мастер только ошарашенно кивнул, а я подумал, что слишком переборщил с официозом. Как бы только хуже не было.

– В таком случае извинения приняты, – констатировал я. – Теперь верните мне амулет и давайте быстро забудем об этом инциденте.

Лин протянул мне амулет, который я снова повесил на шею, и сказал с восхищением:

– Ваше высочество... простите, Алекс, но я просто ошеломлен, как долго вам удавалось водить меня за нос! Теперь понятно, почему для вас такая плата за обучение не является затруднительной!

Еще как является, только тебе об этом знать не следует.

– Мастер, я все еще ваш ученик, так что обращайтесь ко мне на «ты» и смотрите, не вздумайте жалеть меня на тренировках. Ладно?

Мастер поднялся и коротко поклонился мне, а открывая дверь, задумчиво произнес:

– Алекс, я не знаю, какие у ва... тебя враги, но я им не завидую!

Я только улыбнулся и вновь лег. Сегодня мне нужно было о многом подумать, но перед этим стоило связаться с Алонкой, чтобы она не волновалась понапрасну. Я сжал в кулаке амулет и услышал обеспокоенный голос сестренки:

– Алекс, у тебя там все нормально?

– Все в полном порядке! – заверил я ее.

– Знаю я твой порядок, – проворчала гнома. – Мне уже мастер Ликалон рассказал, чем вы там с ним занимаетесь... Алекс, а тебе это действительно нужно? Может, бросишь обучение и переберешься в горы?

– Ну, Алона, ты же понимаешь, что я не могу сойти на полдороге. У меня только-

только началось что-то получаться! – ответил я и услышал ехидное:

– Ага, вот сегодня, например, по голове получил!

– Это уже издержки, – начал я оправдываться. – Да и потом, ничего же страшного не произошло?

– Вообще-то, произошло, – огорчила меня Алона. – Я с тобой хотела серьезно поговорить. Сегодня со мной что-то случилось, и я довольно сильно толкнула одного надоедливого пристава у нас во дворце...

– Он жив? – осведомился я.

– Да, конечно, только синяками отделался... Я его об стенку шмякнула!

– А что он сам за гном? Приличный, стоит перед ним извиняться?

– Да нет же, говорю, приставала, уже целый месяц мне на нервы действует, а нормального языка никак не хочет понимать!

– Так чего ты переживаешь? Ну, шмякнула, с кем не бывает, зато приставать больше не будет, – я не понимал, почему ее это так взволновало.

– Алекс, ты не понял, я к нему даже не прикасалась! Просто зло посмотрела на него, чувствуя, что сейчас как врезала бы по его наглой роже... а в следующее мгновение его отбросило от меня и со всего размаху приложило об стенку!

Приплыли. У сестренки случился первый бесконтрольный выброс силы. Я рассчитывал, что это наступит гораздо позже, когда я буду иметь побольше свободного времени, чтобы объяснить ей, как быть дальше. А ведь ее отец уже должен был найти ей хорошего учителя магии, ведь не зря я его предупреждал перед уходом. Но, судя по всему, этого так и не произошло, поэтому еще хорошо, что при первом выбросе силы никто особо не пострадал. Ведь я даже боюсь подумать, что бы случилось, произойди это где-нибудь в толпе, да будь эта сила хотя бы немного оформленной...

Кстати, бесконтрольный выброс сам по себе говорит уже о многом. Ведь если одаренные не получают должного обучения в детстве, со временем их способности атрофируются как ненужный орган. А происшедшее свидетельствует только об одном – сестренка обладает весьма немаленьким потенциалом, который позволит ей стать сильным магом.

– Поздравляю, дорогая сестричка, ты превращаешься в магиню, или колдунью, или даже ведьму... ну, это уже как получится! – радостно сообщил я. – Тебе твой папа уже подыскал учителя магии или все еще думает над этим?

– Я... магиня?

По ее голосу я понял, что Алона потрясена, и поспешил добавить:

– Да не переживай ты так, это же не болезнь какая! Вот я маг и абсолютно не страдаю от этого, поэтому и ты не волнуйся. Найдет тебе папа учителя, будешь постигать основы магии...

– Да где же он его найдет! – откликнулась пришедшая в себя Алона. – У нас их вообще нет, только несколько десятков одаренных в войске, но они только и умеют, что огненными шарами швыряться и воздухом бить. Я видела их выступления на параде – так они даже предметы не поднимали, как ты! Как же они могут меня чему-нибудь научить? А вызывать имперского мага папа не будет, ему и прошлого раза было вполне достаточно!

Я лихорадочно думал, как бы мне теперь поступить. Если принцессе не начать обучать, то вскоре ее сила станет совсем бесконтрольной и, вполне возможно, причинит вред кому-нибудь из близких. Еще хорошо, что первый пострадавший так легко отделался, его могло бы вообще запросто размазать по стенке.

Перебрав все возможные варианты, я со вздохом сказал:

– Ладно, тогда тебя учить буду я. И хотя я сам немного знаю, но первые шаги сделать помогу.

Алона взвизгнула от радости, а я подумал, что поспать мне в ближайшие месяцы явно не удастся.

Глава 5

Техника рассветной школы

На следующий день начался следующий круг моего ада. Теперь мастер взялся за меня с удвоенной энергией, сначала заставляя тренироваться в бою с учениками, а затем показывая приемы, которые в процессе тренировки я отрабатывал до автоматизма. После обеда он сам становился передо мной и раз за разом опрокидывал на дощатый пол. И раз за разом я поднимался и впитывал новые знания как губка, платя за это болью, синяками и разбитым в кровь лицом. Иногда я чувствовал, как хрустят мои поломанные кости, но терпел и молча залечивал повреждения, ничем не выдавая свою боль.

А вечером после ужина я рассказывал Алоне о начальных принципах магии, учил ее видеть окружающую энергию, затем впитывать ее, накапливая в себе. После мы с ней переходили к более сложным занятиям – магическому зрению, видению ауры, чужой и своей, основам плетений... Многое я сообщал ей каждый вечер, передавая в простой и доступной форме все те знания, которые годами впихивал в меня мой учитель. А после всего этого, в середине ночи, я со стоном поднимался и шел во двор отрабатывать те приемы, которые в этот день мне удавалось узнать, и там долго и кропотливо вплетал их в свою систему боя, доводя до автоматизма. Перед рассветом я шел обратно в комнату, чтобы суметь поспать хоть час перед следующей тренировкой.

Несколько раз я отключался прямо во время своих занятий во дворе и просыпался вконец окоченевшим, а один раз даже покрытым тонким слоем снега. К моему удивлению, это не принесло вреда моему здоровью. У меня не началось воспаление легких, а небольшой насморк, проявившийся за завтраком, я тут же убрал, щедро плеснув энергии в носоглотку. Организм уже сам восстанавливал даже повреждения от переохлаждения, чему я был только рад, и продолжал заниматься по ночам. Наступили холода, все чаще шел снежок, иногда во дворе меня встречал колющий ледяной ветер. Однако речка, протекающая неподалеку, где мы все купались, не покрывалась льдом, из чего я сделал вывод, что или зима в этом мире значительно мягче, или просто данное королевство расположено в тех широтах, где температура в это время не опускается ниже минус пяти.

Кстати, речка также многое мне дала в тренировках. Каждый день, смывая с себя трудовой пот в холодной воде, я нырял как можно глубже и упражнялся в задержке дыхания, разрабатывал навыки перемещения под водой и на поверхности. И уже через два месяца постоянных тренировок мог целых четыре минуты обходиться без кислорода, научился быстро перемещаться, не всплывая, воссоздав дельфинью технику, а на поверхности мог долгое время разрезать волны различными стилями, хотя и понимал, что так преодолевать водное пространство значительно медленнее. Мастер спросил меня однажды, зачем я это делаю, но в ответ я только заявил, что кто его знает, что мне в жизни пригодится.

В общем, в результате упорных тренировок я вскоре почувствовал, что могу сопротивляться даже мастеру, который больше не ставил меня отрабатывать удары с учениками, поскольку я легко мог противостоять троим одновременно. И вот тут я понял, что начались настоящие тренировки! Целые дни мы с мастером проводили в спортзале, танцуя друг с другом в противоборстве. Я стал быстрее, ловче, мне уже спокойно удавалось проследить все движения моего противника, даже не ускоряясь, и отвечать на них. Еще через десять дней я понял, что сравнялся в мастерстве со своим учителем, и уже думал, что он перейдет наконец к обучению на холодном оружии, но не тут-то было! Когда мастер понял, что я не валяю его по полу только потому, чтобы не позорить перед учениками, он заявил:

– А теперь ты будешь учиться технике рассветной школы!

Я несколько недоуменно на него посмотрел:

– А разве то, чему я уже научился – это не та самая техника?

– Нет, – с хитринкой в глазах произнес мастер. – Это была только подготовка к ней, а сейчас ты будешь учиться настоящему мастерству!

И мы с ним занялись «настоящим» обучением. С первых же уроков я понял: то, чем я уже овладел, было лишь детскими забавами. Я долгое время учился противостоять нескольким противникам без оружия, при желании калечить их, травмировать или лишать сознания. Но теперь я стал учиться УБИВАТЬ!

Когда мастер стал мне показывать все смертельные приемы, которые не применял раньше, я даже удивился, узнав, что человека можно так легко убить. Оказывается, на теле стандартного разумного существа любой расы есть множество точек, попадание в которые приводит к мгновенной смерти. Есть также точки, которые вызывают паралич определенных частей тела, а есть и те, которые вызывают безумную боль. Попросив продемонстрировать последние, я убедился, что это сущая правда – боль действительно была безумной, и мне с трудом удалось не закричать после одного легкого удара, а лишь только застонать в ответ на ехидный вопрос мастера: «Еще?»

Теперь обучение пошло намного быстрее – мне не нужно было заниматься до потери сознания, чтобы освоить такие приемы. Хватало пары-тройки повторений, и я переходил к следующему. Освоив на макете схему расположения всех важных точек на теле, я отработал на нем все удары, чтобы безошибочно находить их в схватке. После этого мы перешли к рубящим ударам, призванным сокрушить кости противника, затем к приемам типа «рука-копье», когда раскрытая ладонь должна пробить грудную клетку. Этот прием с ходу мне не дался. Применив его в первый раз на деревянной доске, я сломал два пальца, которые тут же быстро залечил, чтобы не прерывать обучение. Однако, посмотрев на мои мучения, мастер решил притормозить и перейти к более легким приемам.

Через два дня я всю разбивал кулаком доски разной толщины, и даже плоский камень, который дорого обошелся мне, заставив залечивать раздробленные костяшки. И только тогда я перешел к удару пальцами. Ночью, под покровом темноты, я учился этому удару, выбрав себе несколько досок и уйдя с ними в лес. Раз за разом я залечивал сломанные пальцы, понял, что делаю что-то неправильно, и стал размышлять. Что важно в ударе? Сила и точность, так это у меня уже есть. А что еще? После раздумий я понял, что без скорости тут не обойтись. Поэтому вытянул пальцы, напрягая мышцы изо всех сил, представляя свою руку монолитным копьем без слабых суставов и костей, а затем коротко, без размаха, который раньше применял всегда, резко вонзил ее в доску. Я ожидал дикой боли, предполагал, что пальцы просто сложаются как гармошка, но, к моему удивлению, рука вонзилась в деревяшку, войдя до середины ладони, даже не разломав ее пополам, а раскрошив место удара! Вытащив руку, я осмотрел пальцы. Они немного кровоточили под ногтями, но ни одна кость не была сломана.

В тот вечер я переколотил все захваченные с собой доски, закрепляя умение, а наутро гордо продемонстрировал его мастеру. Он только покачал головой, глядя на аккуратные дырки, что появлялись в досках под моими руками, и заставил меня пробовать одним пальцем. Мне это также удалось без проблем, зная принцип постановки удара. Тогда мастер стал показывать, для чего нужны такие удары – чтобы вырвать человеку сонную артерию, вонзить руку в шею и достать до позвоночника, чтобы пробить его грудь и вырвать сердце... И это только малая часть того, для чего могут применяться эти удары, остальное настолько жестоко и не способствует аппетиту, что я даже не хочу это все здесь приводить. В процессе обучения я поймал себя на мысли, что теперь могу убить человека только из одного положения сотней различных способов! И это даже без оружия!

К концу третьего месяца мастер сказал мне, что я вполне освоил рассветную технику боя без оружия и предложил потренироваться с ним. Естественно, мы не применяли все приемы, для этого были куклы, которые я методично продырявил в сотне мест. Мы просто обозначали смертельные удары, которые означали конец поединка. Несколько дней мне приходилось вплетать все новые сведения себе в подсознание, а потому я неизменно, раз за разом, терпел поражение от мастера. Но затем я под изумленными взглядами учеников стал отвечать мастеру и даже выигрывать некоторые схватки, которые напоминали профессиональное фехтование: доли секунды на сближение, укол, сирена – бой окончен. У

нас было так же – шаг к противнику, стремительный удар, и мы застываем, чувствуя, как один из нас сейчас легко мог оборвать жизнь другого.

Когда начался четвертый месяц моей учебы, я сказал мастеру, что у меня нет наличных денег, чтобы оплатить обучение. Не отпустит ли он меня в город, чтобы я продал там несколько своих вещей? Осведомившись, что это за вещи такие и получив мой честный ответ, мастер предложил мне просто отдать клинки ему. Я согласился и принес сотню золотых монет и пять эльфийских кинжалов, оставив себе только один – клинок старого мастера, рукоять которого была несколько удобнее, чем у других. Лин бережно принял мое оружие, едва не сдувая с него пылинки, и заявил, что за это все он будет меня обучать еще месяц.

Через несколько дней я понял, что постоянно выигрываю схватки у мастера. Тогда я прямо спросил его, не пора ли нам переходить к оружию. Поразмыслив немного, Лин согласился. Сначала он посмотрел, что я могу вытворять парными клинками, а затем, обозвав меня бездарностью, начал учить по-своему. Оказалось, что моя техника боя была настолько несовершенной (хотя и очень красивой), что я не смог ничего противопоставить мастеру и продержался под его ударами всего две секунды! Плюнув и помянув недобрым словом моего прежнего учителя, мастер стал объяснять мне все заново. Как правильно двигаться, как правильно держать клинки, как экономить силы между ударами. Он возился со мной, как с несмышленным ребенком.

Поначалу я тихо зверел, а потом вдруг осознал, что мастер прав и все то, чему он меня учит, намного легче и эффективнее моего эльфийского умения. И тогда я постарался забыть все мои предыдущие знания и заново сплести свою систему приемов с оружием. Это удавалось нелегко, со скрипом, но постепенно мои движения выравнивались, приобретали законченность и экономность. Я начал двигаться все быстрее и четче, теперь у меня было чем противостоять мастеру. Но я не сразу начал побеждать его в схватках, а все так же продолжал подмечать его приемы, сбалансированность техники, добиваясь того же и у себя.

Так пролетела еще десятица, и сезон холода постепенно начал идти на убыль. К этому времени Алона уже достигла в овладении магией немалых успехов, научившись создавать простейшие плетения. Пользуясь своим опытом, я порекомендовал ей выбрать сафрус побольше, чтобы сбрасывать в него накопленную за день энергию, увеличивая и разрабатывая свой магический резерв. Ну и кроме того, я заставлял Алону каждый день тратить всю энергию на энергоемкие плетения. В первый же день мы разнесли ее комнату, сначала устроив пожар (когда Алона упустила на кровать огненный шар), а затем погром (когда я объяснил ей, как поднимать предметы с помощью магических захватов). После этого со мной связался отец Алоны и попросил больше такое не советовать. Я согласился, и с того момента Алона тренировалась только на определенной площадке, где никого не было, но зато были камни, доски, вода – масса интересного и развлекательного (судя по ее возгласам и звукам, которые доносились до меня из амулета).

А с мастером мы постепенно отодвинули тренировки с двумя клинками на второй план и начали осваивать другие смертоносные приспособления. Алебарды, топоры, мечи, сабли – все это далось мне без труда. Стоило мне привыкнуть к балансу оружия и области его поражения, как оно становилось продолжением моей руки и эффективно позволяло им работать. После этого мы перешли к метательному оружию. Ножи, кинжалы, топорики, сюрикэны (они назывались по-другому, но я даже не стал запоминать это слово, так как оно было труднопроизносимым), иглы, дротики... всего даже и не перечислить. Все они после третьего броска становились послушны моим рукам и раз за разом вонзались в деревянную мишень. После этого мы перешли на совсем экзотическое оружие – цепи, нунчаки, веревки (наверняка вы даже не догадываетесь, как можно убить ударом веревки с ма-аленьким узелком на конце) и прочую ерунду, включая поясные ремни и щепки.

Когда спустя еще две десятицы я почувствовал себя идеальной машиной для истребления себе подобных, мастер обломал меня, заявив, что я так и не прошел последнего препятствия, а потому мои тренировки продолжатся. Я удивился, но подчинился, а Лин

позвал своих учеников и велел принести мешок с картофелем. Затем он завязал мне глаза и вставил в уши затычки из хлопка. Стоя столбом, я недоумевал, к чему все это? Удар картофелины в лоб стал отличным ответом! Второй тут же пришелся в затылок. Я принялся уворачиваться, но помогало это весьма слабо. Вскоре ученики просто забили меня картофелем, пару раз засветив в левый глаз, правый почему-то незаслуженно обойдя вниманием. Когда мне это все надоело, я развязал повязку на глазах и выбежал из круга картофелеметателей.

– Что за фигня? – осведомился я (на самом деле это была вторая моя фраза, но весьма длинную первую позвольте не приводить).

Мастер посмотрел на меня и что-то сказал, но я не услышал, а, вытащив затычки из ушей, успел ухватить лишь конец его фразы:

– ...научить тебя интуиции.

– Да разве же так учат? – возмутился я. – Это просто форменное издевательство какое-то!

– Меня в свое время учили именно так, – усмехнулся мастер. – Но тогда в меня швырялись камнями... Знаешь, хватило всего четырех месяцев!

Понятно, блин! Боль – лучший учитель. И как же мне теперь овладеть этой интуицией? Это ведь не прием, который можно разложить на составляющие, а затем выучить досконально! Это же чувство! Причем многие даже спорят, существует ли оно вообще или же нет его в человеческой природе, а присутствует оно только у неразумных животных. Вот попал!

Я вертел в руках затычки и смотрел, как ученики собирают картошку в мешок. Когда они уже стали его завязывать, я заметил, что мастер все так же внимательно смотрит на меня.

Четыре месяца? Ладно, посмотрим, сколько это займет у меня.

Я заткнул уши, встал в круг удивленных учеников, завязал глаза и решительно сказал:

– Еще раз!

В тот день на мне перебили всю картошку в этом мешке, а я все никак не мог понять, что мне нужно было делать. Нет, один раз я все же попробовал применить магическое зрение и перехватил снаряд, грозивший расквасить мне нос, но потом, швырнув его на землю, понял, что таким образом интуицию развить точно не смогу. Я все стоял и получал удары, немного уняв боль в избитом теле, но то самое чувство, прозванное у нас шестым, все не давало о себе знать. Наконец снаряды лететь перестали, и мои мучения прекратились. Вынув затычки из ушей, я услышал, как мастер велел ученикам двигаться в столовую. Я снял повязку с глаз и в расстроенных чувствах отправился следом, но мастер остановил меня:

– Алекс, не стоит так расстраиваться. Это придет не сразу.

– А почему вы так своих учеников не тренируете? Жалуете?

– Не в том дело, – вздохнул мастер. – Просто им еще рано постигать последнюю ступень рассветного искусства. Они должны еще тренироваться и тренироваться... Кстати, пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить тебя за моих учеников.

– Не понял?

– Благодаря твоему наглядному примеру они стали заниматься намного усерднее, и с момента твоего появления уже пятеро из них получили звание старших учеников, а мои старшие намного повысили свой уровень, тренируясь вместе с тобой. Спасибо тебе за это! – Мастер поклонился мне.

– Всегда рад помочь, – ответил я дежурной фразой, слыша, что желудок громко требует подкрепиться. – Может, я пойду? А то есть очень хочется.

– Да я уже это понял, – усмехнулся мастер и кивком разрешил мне присоединиться к ученикам.

За время ужина я убрал все последствия картофельного избиения и стал раздумывать, как же мне самому добиться хотя бы малейшего проявления этой самой интуиции. Судя по всему, никак. Обязательно нужен был еще кто-то, чьи действия я не смог бы просчитать, а только попробовать о них догадаться. Так и не придумав ничего путного, я отправился в

свою комнату, где из раздумий меня выдернула Алона, сообщив радостным голосом, что отец достал ей сафрус. Я похвалил ее и медленно, но верно научил перекачивать свою энергию в камень и обратно. Пока вживлять камень в ее тело я не планировал, пусть сначала овладеет азами, а только потом уже будем экспериментировать. Кроме того, пока она не научится латать свои царапины, этот процесс может и не удасться, поскольку ее организм будет сопротивляться инородному телу. Значит, спешить не стоит.

Поболтав еще немного с Алоной, я заставил ее полностью переместить всю свою энергию в камень, а затем попрощался и принялся думать, как решить свою проблему. Может, мне поможет тот сафрус, что все еще лежит в моем кармане? А если мне попробовать вживить его в тело, это что-нибудь изменит? Ведь когда я поместил в себя первые три камня, мои чувства усилились в десятки раз. Так, может быть, именно этот сафрус пробудит мою интуицию?

Я достал из кармана куртки мешочек с камнем и развязал его. Оттуда на ладонь мне выкатился маленький круглый камень и нечто, светившееся слабым серебристым светом. Я взял пальцами этот предмет и понял, что держу в руках медное колечко, которое все забывал выбросить, а потом оставил, заинтересовавшись непонятными надписями на нем. Только сейчас оно полностью преобразилось – его надписи светились серебристым светом, который был ясно виден в темноте.

«И как я раньше этого не замечал?» – подумал я, вертя колечко в пальцах, а затем создал над собой небольшой шарик света, чтобы повнимательнее рассмотреть эту ерундовину.

Однако тут же понял, что надпись на кольце светилась не только в полной темноте. Да и, кроме того, само кольцо чудным образом преобразилось, поменяв свой цвет на черный. Нет, не так. На совершенно черный! Казалось, я держу в руке кусочек абсолютной тьмы, что поглощает весь свет, попадающий на нее. Поднеся кольцо поближе к глазам, я с удивлением увидел, что оно живое! Оно шевелилось, как будто покрытое темным пламенем, уменьшенным в тысячу раз, хотя при этом я чувствовал пальцами, что держу обычное медное колечко.

Взглянув на него магическим зрением, я понял, что оно представляет собой всего лишь магическое плетение, но такое сложное, что я не смог различить его составные части, как ни старался. Создавалось такое впечатление, что это плетение было бесконечным! Каждая его ниточка при внимательном рассмотрении оказывалась канатом, созданным из различных других плетений, а те, в свою очередь, представляли собой переплетения похожих плетений, но только иного рода, которые также были построены из сложных магических структур...

Отшатнувшись, я прекратил его разглядывать, так как внезапно испугался этого совершенства. Это кольцо было создано явно не человеком и не магом. Даже если создавать его, увеличив в тысячи раз... Нет, я даже боялся представить, какие нужны усилия, чтобы держать в сознании все части такого плетения! Оно явно было создано Богом или сверхразумной машиной, иных вариантов мне в голову не пришло. Но почему же оно раньше было простой медяшкой, а «проснулось» именно сейчас, находясь у меня? Была у меня одна догадка, и чтобы ее подтвердить, я взглянул на сафрус. Так и есть! Энергия, которая в нем находилась, занимала едва седьмую часть объема, а ведь когда я покупал его, он был заполнен примерно на четверть!

Я повертел колечко в пальцах, прикидывая тот объем энергии, которое оно в себя всосало. Даже по самым скромным представлениям... Твою мать! Я даже не мог себе это вообразить! Извержение вулкана, землетрясение, разрушающее десятки городов, – все это не больше спички по сравнению с походным костром. Что же ты такое? Я аккуратно положил колечко на ладонь и принялся рассматривать черные всполохи на его поверхности, блестящие серебряные знаки. Оно так и просило: «Надень меня!»

– А вот и фиг тебе! – решительно сказал я.

Я хоть и не вполне нормальный, но все же не до такой степени. Подозреваю, что плетение такой сложности обязательно для чего-то предназначено, да еще и

самоактивируется. Вот надену я его да и стану таким монстром, что даже в кошмарах не приснится, потому что у меня воображения банально не хватит. Или просто живым придатком к кольцу, которое, как мне показалось, может обладать собственным разумом. Опасное колечко! Но и выбросить тоже жалко, жаба давит – а вдруг там нечто, что будет весьма мне полезным?

Так ничего и не решив, я пока спрятал колечко в мешочек, положил сафрус туда же и постарался пару часиков поспать, чувствуя, что завтра мне еще предстоит сражаться с картошкой. Демоны бездны, я тут обнаружил у себя творение местного бога, а думаю о картошке. Смешно, честное слово! А может, надеть это колечко и не мучиться понапрасну, вдруг что-то полезное случится? И стану я великим магом, и откроются мне тайны мироздания, и разверзнутся врата небесные, и сойдет... Эй, что-то меня не в ту степь повело. Под эти мысли я начал уплывать в сладкую дрему, которая на несколько часов оторвет меня от повседневных тревог и волнений, и услышал на краешке сознания ласковый шепот:

– Не спеши...

Я хотел было проснуться, понять, что за выверты происходят у меня в подсознании, но не смог сопротивляться усталости и отключился, полетев во тьму.

Утром я проснулся свежим и бодрым, поняв, что чуть не проспал завтрак. Поглощая три порции каши, которая уже порядком мне надоела, я все думал о вчерашнем. Что за кольцо попало мне и почему? Нет, почему, это как раз понятно – разбойников я обирал, хватая все подряд, так что вполне закономерно, что это колечко попало ко мне от них. Эльфы же не носят подобные украшения, у лесного народа в моде только золото, а за простую медяшку ее владельца могли бы просто осмеять. Но вот как так вышло, что оно у меня осталось? Ведь я уже несколько раз порывался его выбросить, но все время меня что-то останавливало, причем теперь я понимал, что эти причины явно были ерундовыми – чисто было в лавке, надписи интересные...

Да, теперь-то я это прекрасно осознавал, но ведь тогда-то все было довольно логичным. Вот и сейчас разум требовал избавиться от опасного кольца, а что-то внутри меня не давало этого сделать. Так и раздвоение личности получить можно... Я хихикнул. Ладно, оставляю я его. Может, и разберусь, что это такое, хотя и так понятно, что рояль в кустах. Причем по мою душу. Читал я дома книгу, где писатель говорил, что это приятно. Ни фиги! Это очень напрягает, поскольку ты не только не знаешь, когда он из кустов выедет и кто сыграет на нем «Собачий вальс», но и самое главное – даже не догадываешься, услышишь ли ты его или к тому времени будешь покоиться в «деревянном макинтоше».

Вздыхнув над этим грустным заключением, я отправился к мастеру. Сегодня мы с ним тренировались дольше обычного, но удовольствия от спарринга с умелым противником я не получал, так как всюду думал о картошке. Под конец тренировки мастер заметил мою напряженность, когда я пропустил пару весьма болезненных ударов, которыми он наградил меня чисто из вредности – ведь мы уже давно не работали в полную силу. Усмехнувшись, он приказал следовать за собой и вышел во двор, а там меня уже поджидали ученики с мешком и морозящий холодный дождик. Опять тяжело вздохнув, я завязал себе глаза и приготовился встречать удары судьбы.

Через полчаса мои муки закончились, но я так и не понял, как же мне вообще сможет удасться то, чему меня пытается научить мастер. А следующие три дня прошли один за другим, как близнецы, ничем друг от друга не отличаясь. Я все так же тренировался сам, оттачивая свое мастерство, проводил время в спаррингах с Лином, а потом отправлялся получать свою порцию синяков и шишек. На третий день я стал бояться этой картошки, и даже когда получал ее, вареную, на ужин, то глядел на нее с ненавистью и старался жевать потщательнее. С Алоной мы уже начали переходить к более сложным плетениям, а я наконец разобрался в устройстве разговорного амулета. После плетения кольца его структура мне показалась простой и понятной. Вдохновленный, я разложил ее на части и своими навыками программиста начал вычислять, как что работает. Одновременно я сделал открытие, которое объяснило, почему он так долго работает без подзарядки. Оказывается,

для его стабильного функционирования нужно очень мало энергии, которую он не может брать у обычных людей, но зато при активации магом амулет сразу восполняет свой резерв от его ауры.

Через несколько часов я понял принцип его действия и создал для пробы свое плетение, которое также внедрил в две монетки. Вроде бы получилось, но проверить это у меня пока не было возможности. Увлечшись, я стал раскладывать все плетения, которые знал, сравнивая их части между собой, ища сходства и различия. Сделав попутно несколько открытий (например, что боевые заклинания гораздо проще бытовых), я под конец создал новое изобретение, назвав его лезвием. По сути это была та же самая магическая стрела, но растянутая в стороны. Отложив ее себе в память, я упал на свою лежанку и расслабился.

Зря я раньше не выкраивал время для подобного. Можно было постепенно обогащать свой арсенал плетениями, которые не знал даже мой учитель. Ведь мне всегда нужно иметь под рукой нечто большее, чем навыки рукопашного боя или обычное железо.

«Хотя эльфийское обычным и не назовешь», – улыбнувшись, подумал я и попытался заснуть.

Однако мысль не хотела уходить из головы. Эльфийское железо. Необычный металл. Почему клинки эльфов не тупятся, почему за них дают так много золота? Разве нельзя кузнецам сделать нечто похожее, ведь любой гном, насколько я понимаю, знает о металле все. Так почему они не возьмут один образец и не разложат его на составляющие, опытным путем добившись нужного сочетания сплавов?

«Загадки, сплошные загадки», – думал я, поворачиваясь с боку на бок.

Сон все не шел, и я, надеясь выкинуть это из головы, поднялся и взял свой кинжал из сумки, ощутив приятный холод металла. Повертел лезвие в руках, прикасаясь к его поверхности, на ощупь проверяя наличие щербин. В комнате было темно, и поэтому в какой-то момент я взглянул на кинжал магическим зрением. Это стало настоящим открытием для меня, потому что я увидел характерные признаки магической структуры. Нет, даже не так – сам металл представлял собой результат магического воздействия. Его структура при внимательном рассмотрении магическим зрением напоминала кристаллическую решетку алмаза и поражала своей четкостью.

Так вот в чем дело! Структура материала, из которого был изготовлен кинжал, была создана магически! Как же это вышло? Может, при плавлении в металл добавлялась магическая составляющая или же плетение накладывалось уже на готовую вещь? Надо было разобраться, поскольку это в будущем могло принести мне кучу денег. Я стал внимательно рассматривать кинжал, стремясь понять, как мне его повторить. Затем, для сравнения, достал из кошелька медную монетку и взгляделся магическим зрением в нее. Поначалу это мне мало что дало, поскольку материал монетки был не магическим и не различался так ярко, как сталь кинжала, но потом я приноровился и проник в самую его глубь.

Медь была рыхлой, ни о какой прочности не могло идти речи. По сравнению со сталью кинжала она напоминала губку с многочисленными полостями внутри. Теперь нужно разобраться, как же отдельные молекулы этого материала уплотнить настолько, чтобы превратить в подобие эльфийской стали. Ох, как же я давно учил физику... Ладно, попробуем сначала уплотнить их путем банального сжатия.

Я сформировал магический пресс, органично переработав плетение защитного кокона, и попробовал таким способом придать металлу прочность. Постепенно я усиливал давление, одновременно смотря на то, что происходит внутри структуры металла. Поначалу процесс был совсем незаметным, но затем я почувствовал, что нечто начинает получаться, но только совсем не то, что мне было нужно. Пустоты в материале постепенно сжимались, но зато рвались связи между теми частичками, что были с ними рядом.

Плохо. Я вернулся к реальности, посмотрев на то, что происходит, обычным зрением. Активировав небольшой светлячок, я увидел монетку на своей ладони. Она заметно уменьшилась. И в тот момент, когда я убрал давление, монетка просто рассыпалась грудой мелкой пыли. Пощупав ее пальцем, я понял, что она настолько мелкая, что я даже не могу

различить ее крупинки, прямо как порошок в лазерном принтере.

«Это что, молекулы? – удивился я. – А что, вполне может быть».

Сдув медную пыль с ладони, я пришел к выводу, что первый эксперимент постигла неудача. Тогда, если положительного результата нельзя добиться внешним воздействием, его можно получить, начав изнутри.

Достав еще одну монетку, я проник магическим зрением в ее структуру, а потом попытался воздействовать на нее, наполняя энергией ее частички и заставляя их тесно прижиматься друг к другу. Вроде бы получилось, так как я видел, как исчезают прорехи в металле, он становится плотнее, структура его приобретает четкость. Под конец я осмелел настолько, что принялся спаивать отдельные частички вместе. Вот только это нарушало строгий порядок, так как при этом получались частички большего размера, а они ломали всю кристаллическую четкость структуры. Поняв это, я оставил все в покое и посмотрел на монетку обычным зрением, опустив ее на ладонь.

В следующее мгновение я зашипел от боли и стряхнул сильно уменьшившийся кругляшок на пол. На ладони появилась черная отметина, указывающая на сильнейший ожог. Поплевав на обожженное место, я другой рукой взял кинжал и потрогал монетку, которая стала меньше раз в пять и приобрела розовато-серебристый оттенок. К моему удивлению, кончик кинжала легко мял металл монетки, а когда я усилил нажим, мой клинок с легкостью пронзил ее насквозь. Демоны, опять ничего не вышло!

Видимо, это так и останется секретом темных эльфов. Я вспомнил, что, еще будучи эльфенком, задавал своему наставнику вопрос об этих клинках. Тогда он мне сказал, что их создали эльфы задолго до периода разделения на темных и лесных. Когда лесные отделились, то взяли с собой только то оружие, которое было у них под рукой, но на новом месте выяснилось, что никто из них не обладает секретами его изготовления. Только все это никаких проблем не создавало, так как у лесных еще никогда не вставал вопрос о пополнении вооружения. Ведь у каждого эльфа имелось свое оружие, передаваемое из поколения в поколение, а в закрытом хранилище, куда я попал, уже будучи подростком, чтобы подобрать себе клинки, хранились многие сотни мечей, кинжалов и всякой другой мелочи. Они просто валялись там без дела – в эльфийском селении просто не было рук, чтобы использовать это оружие. Кстати, именно тогда я понял, что нужно бежать из поселка, поскольку налицо были все доказательства неумолимого сокращения эльфийского племени.

Печально, что я так и не смог раскрыть технологию создания эльфийской стали, такой план накрылся медным тазом! Вздохнув, я посмотрел на ладонь и увидел, что процесс заживления подошел к концу, а под обуглившейся кожей уже выросла молодая. Почесав ладонь, я окончательно избавился от всех последствий ожога и аккуратно потрогал монетку. Она была еще горячее, а пол под ней немного почернел. Подув на нее, я понял, что это было глуповато, а потом остудил металл, просто забрав из него энергию, и поднял монетку, чтобы рассмотреть ее поближе. Странно, но внутренним зрением я увидел такую же структуру, что была в моем кинжале.

«Так почему же она стала такой мягкой?» – подумал я, машинально попытавшись пальцами согнуть покореженный кругляшок.

Это мне не удалось, хотя я помнил, как легко мял своим клинком этот металл. Я взял клинок себе в помощь, но не смог не то чтобы согнуть, а даже не поцарапал металл!

– Эврика! – шепотом крикнул я, едва сдерживаясь, чтобы не заорать во все горло.

Получилось! У меня вышло! Значит, металл можно легко мять в нагретом состоянии, но он становится тверже алмаза, когда застывает. Теперь понятно, что клинки нужно изготавливать из уже подготовленного материала, так как он уменьшается почти в три раза после обработки. Интересно, а после нагрева он сохранит свои свойства или снова станет мягким? Не став откладывать эксперимент в долгий ящик, я нагрел монетку на магическом огне, раскалив докрасна. И опять мой кинжал легко мог ее сгибать, резать на части и дырявить. Вобрав в себя всю энергию, которая находилась в маленьком кусочке металла, я попробовал его согнуть снова. Не вышло – металл вновь приобрел свойства алмаза. Бросив

монетку в свою сумку, я заснул абсолютно счастливым.

А на следующий вечер по плану вновь была картошка. Как она меня достала! В этот раз удары казались больнее, а снаряды намного тяжелее. Один попал мне прямо в глаз, я не удержался, зашипел от боли и наклонился, чувствуя, как второй проносится над головой. Выпрямившись, я приготовился к новым ударам, но внезапно почувствовал страх и закрыл рукой пострадавший глаз. Картофелина ударила мне в руку и упала на песок, а я внезапно понял, что у меня кое-что получилось. Стремясь поймать это необычное состояние испуга, я стоял под градом картошки, но оно все не приходило – видимо, моя радость от того, что появился хоть малейший сдвиг, испортила все дело. Поняв, что на сегодня продолжать бессмысленно, я поднял руки, прекращая тренировку.

Даже не став ужинать, я завалился в свою комнату и рухнул на лежанку, думая о том, как бы мне теперь научиться воспроизводить то состояние, которое только что посетило меня. Ведь я не случайно тогда пригнулся и не случайно закрыл глаз рукой, я действительно чувствовал угрозу и даже осознавал, как нужно правильно действовать, чтобы ее избежать. Полежав так часок, я все еще не понял, как мне повторить то самое ощущение. Разозлившись, я оставил бесполезные попытки и стал бездумно смотреть в потолок. Блин, я ведь уже почти закончил обучение, осталось сделать один последний шаг, а я не могу. Все мои навыки, которые я развил в себе, сейчас просто бессильны мне помочь.

Стоп! А почему, собственно? Я ведь маг или хвост собачий? Почему бы мне не попробовать развить это чувство именно магией? По сути, оно так же должно относиться к моим знаниям и умениям, а значит...

Я лег поудобнее и расслабился, а затем мысленно отправился на мою цветочную полянку. Оглядев ее всю, я стал внимательно рассматривать каждый участок с цветами и растениями, ища то, что мне было нужно. На это может уйти не один час, понял я, ведь сейчас мне даже нечем себе помочь. Я же не могу привести сюда учеников с картошкой, чтобы, как в случае с Алоной, поиграть в «холодно-горячо». Нет, мне нужно найти то растение... даже не растение, а лишь его росток, который проклюнулся во мне только сегодня. Возможно, я его даже не смогу увидеть, но не будем о грустном...

Я разделил всю полянку на квадраты и начал методично ее обшаривать, стараясь не пропустить ни одной былинки. Прошло много часов, а я осмотрел только половину, отвлекаясь иногда на то, чтобы подправить некоторые засыхающие растения. Что это были за знания или навыки, я так и не понял, но решил все же сохранить их – запас карман не тянет. Когда я, уже немного отчаявшись, начал осматривать последнюю четверть пространства, то заметил маленький ярко-алый росток, который всего на сантиметр выглядывал из земли. Запомнив место, я для очистки совести все же просмотрел оставшийся участок, но ничего интересного на нем не обнаружил и вернулся к ростку.

Дальше я принялся медленно и аккуратно наполнять его своей энергией, помогая ему расти и развиваться, но не заставляя насильно. Во втором случае результат мог бы получиться совсем непредсказуемым. Приняв мою осторожную помощь, алый росток стал медленно вытягиваться, наливаясь соком, у него на стебле появились отростки, из которых сформировались листья, а на самом конце начал вырастать бутон. Это же цветок, понял я, продолжая наблюдать за его ростом и рискнув добавить еще немного энергии. Стебель цветка утолщался, становился мясистее, листья разворачивались, подставляя себя свету, а бутон все больше наполнялся объемом. Интересно, а что происходит в моей голове на самом деле? Ведь все это – и поляна, и цветы – лишь образы, которые навеяло мне подсознание, а что в этот момент творится в клетках головного мозга, мне явно не суждено увидеть... Да и ладно, я врачом не был, поэтому все равно мне это мало что скажет, даже если я увижу весь процесс.

За время моих размышлений рост цветка прекратился и его бутон наконец начал раскрываться. Листья, скрывавшие лепестки, отошли в сторону, и я увидел радугу, полыхнувшую у меня перед глазами. Завороженно наблюдая за процессом, я понимал, что даже не могу определить вид этого цветка – вероятно, мое подсознание придумало образ

поистине фантастического растения. Да и ладно, лишь бы толк вышел! Когда цветок раскрылся полностью и отказался от дальнейших изменений, я прекратил подпитку, а потом еще раз его оглядел. Красавец! Гордость моей коллекции.

С надеждой я вернулся в сознание, попробовал пошевелиться и тут же понял, что мое тело страшно затекло от долгого лежания, мне ужасно хотелось облегчиться, а еще – пить и есть. Поднявшись, я сделал несколько разминочных упражнений и помчался в сортир, понимая, что могу и не успеть.

Успел! Сидя на жердочке в укромном месте, я мельком подумал, что уже наступило утро. Видно, я провалялся в комнате всю ночь. Сделав свои дела, я пошел в столовую, слыша доносившиеся оттуда голоса учеников. Хоть завтрак не проспал, и то хорошо. Я подставил лицо восходящему солнышку. Сегодня было значительно теплее, видимо, сезон дождей начинает вступать в свои права. Уже скоро должны будут разверзнуться хляби небесные, поливая землю живительной влагой, но сегодня облака развеялись, давая возможность светилу немного прогреть землю. Или сезон дождей уже давно наступил? Что-то я совсем выпал из времени с этими тренировками.

Я зашел в столовую и там моментально присосался к обнаруженной на столе литровой кружке с компотом, осушив ее всю. При моем появлении наступила оглушительная тишина. Не обратив на это внимания, я с облегчением поставил кружку на место и взял у дежурного целых четыре порции замечательной каши, на которую и накинусь с аппетитом голодного зверя. Насыщаясь, я совсем выпал из реальности, а очнувшись, только почувствовав, что меня кто-то трясет за плечо. Отодвинув от себя пустую тарелку и посмотрев на четвертую порцию, я недовольно взглянул на посмеявшегося оторвать меня от завтрака. К моему удивлению, это оказался мастер, который обычно никогда с нами не трапезничал. Я с сожалением посмотрел на кашу и попросил Лина:

– Дайте мне еще минутку, пожалуйста.

После этого с удвоенной энергией накинусь на четвертую порцию. Быстренько проглотив ее и ощутив наконец чувство легкой сытости, я встал из-за стола и повернулся к мастеру:

– Я в вашем полном распоряжении.

– Алекс, что с тобой было? – потрясенно спросил мастер.

Я оглядел пустые тарелки на столе и пробормотал:

– Когда я ем, я глух и нем...

– Я не про это. Что с тобой было раньше? Почему ты лежал, почти не подавая признаков жизни? Даже сердце у тебя билось еле-еле, а дыхание вообще нельзя было услышать! Что случилось?

Я подумал, что никогда раньше не замечал, что при входе в состояние транса у меня замедляется сердцебиение, но ведь все было возможным. Я же всегда экспериментировал без свидетелей.

– Ну, задумался немного, вы уж простите, – повинился я перед Лином, который с нетерпением ждал моего ответа.

– Немного? – с изумлением спросил мастер. – Ты же лежал без движения пять дней! Это для тебя немного?

Эта цифра меня насторожила, но одновременно я понял, почему так затекло мое тело.

«Ни фиги себе!» – подумал я, но на лице постарался не отобразить ни единой мысли, спокойно ответив мастеру:

– Ну, ладно, сильно задумался. Чего волноваться было?

Е-мое! Алона же до меня пять дней не могла достучаться! Я вскочил из-за стола и, сказав мастеру, что буду через пять минут на тренировке, выбежал из столовой, нащупывая на груди амулет. А если с ней там что-нибудь произошло в мое отсутствие, напортачила с плетениями, не рассчитала силу? Эти мысли заставили меня встревожиться. Я сжал амулет в кулаке. Но вдруг откуда-то пришла уверенность, что с Алоной все хорошо, ничего с ней не приключилось, и даже волновалась она не сильно.

– Алекс? – встревоженный голос Алоны долетел до меня из амулета.

– Привет, сестренка! – затараторил я. – Со мной все нормально, просто немного задумался на днях, обучаясь новому для себя знанию, а потому даже не заметил, как столько времени пролетело. С тобой все в порядке?

– Да, все в полном порядке. Вчера Квазик с Алисой поженились, была такая красивая церемония, а ты все пропустил! Ты когда к нам приедешь?

Я заверил ее, что скоро завершу свое обучение, а потом, извинившись и пообещав вечером с ней связаться, отправился на тренировку. По дороге я тщательно анализировал свои ощущения, пытаюсь найти то новое чувство, которое вырастил в себе. Внезапно я понял, что ощущаю себя совсем-совсем иначе, но сам вовсе не замечаю этого, воспринимая все как должное. И если бы я не додумался сравнить мое теперешнее состояние с тем, что было у меня до момента моей отключки, то даже и не смог бы понять, что стало тому причиной. Оказалось, что ею стала уверенность. Твердая и ничем не прошибаемая уверенность переполняла всего меня до кончиков пальцев. Я даже сейчас не в состоянии был понять, как же раньше мог жить без этого ощущения, без этой твердой опоры в своей психике.

Остановившись у спортзала, я подумал, что теперь мне уже и не нужно проходить последнее испытание. Я сделал этот шаг и уже сейчас могу с уверенностью заявить, что мое обучение подошло к концу!

Глава 6

На распутье

Зайдя в спортзал, я увидел ожидавшего меня мастера и его старших учеников, количество которых еще больше увеличилось. Коротко поклонившись мастеру, я осведомился:

– Начнем?

Тот в ответ кивнул и кинулся ко мне, работая явно в полную силу. Только я не дал ему даже коснуться себя. Я уходил от его ударов, предчувствуя их, осознавая, как именно мне нужно двигаться, и не тратил ни мгновения на анализ. Мимолетно я очень удивился. Значит, все это время я мог двигаться значительно быстрее, просто меня отвлекали размышления, какой удар лучше сейчас применить... или заменить его блоком... а успею ли я уклониться... Сейчас же мне не нужно было обо всем этом думать. Тело реагировало, уже зная само, как нужно поступать, а я лишь добавлял ему сил и контролировал рисунок боя целиком.

Эх, правильно говорят про программистов, что пока они не разложат все по полочкам, действовать никогда не будут. Только обидно, что иногда про нас такого напридумывают... Например, что нам нужно предварительно составить план из двадцати пунктов, чтобы забить гвоздь в стену. Неправда это, в плане их будет не больше десяти! А что нам делать остается, если мышление так устроено? По-другому же думать не научишь. Даже я сейчас не начал думать иначе, а просто пропускал процесс получения и анализа данных, экономя на этом кучу времени. А выходит просто фантастика!

Мастер через несколько минут понял, что достать меня сегодня он уже не сможет, и прервал поединок, ошарашенно смотря на меня. После минутного разглядывания он махнул рукой ученикам и послал их за картошкой, а мне приказал выйти во двор. На этот раз мешок был меньше – видать, зимние запасы подходили к концу. Дав мне в руки затычки для ушей и повязку, мастер велел стать в круг. Я покорно заткнул уши и завязал глаза. Первую картошку я пропустил, наклонив голову, вторую – немного присев, а потом я просто стал их ловить руками и бросать себе под ноги. Через несколько минут я понял, что мешок опустел, и развязал повязку на глазах, хотя прекрасно осознавал, что теперь никогда не наткнусь на препятствие, даже если буду с ней ходить всю жизнь. Я чувствовал мастера и всех учеников, стоявших вокруг меня, мог швырнуть им картошкой в ответ, зная, что непременно попаду, даже если они попытаются уклониться. И это безо всякой магии!

Взглянув в мои глаза, мастер приказал всем пройти к последнему препятствию на полосе. Ну, раз он так хочет... Я уверенно направился туда и встал на тонкой жердочке, дожидаясь, пока ученики раскачают колоды. Когда я взглянул на мастера, он скомандовал мне: «Пошел!», и я двинулся вперед. Теперь мне пройти это препятствие было проще простого. Я чувствовал, когда нужно притормозить, когда нужно вернуться, а когда кинуться вперед, преодолевая сразу четыре полена. Не задев ни единого, я остановился в конце препятствия и спрыгнул с жердочки, повернувшись к мастеру и его ученикам. Все они стояли, не произнося ни звука, и только скрип раскачивавшихся бревен нарушал тишину во дворе. Наконец мастер выдохнул:

– Невозможно! Никто не может научиться предвидению всего за четыре дня!

– Мастер, мне потребовалось гораздо больше, – усмехнулся я, вспомнив свою отключку.

– Просто поразительно... – пробормотал он и задумался.

Я тем временем с улыбкой смотрел на его учеников, застывших с раскрытыми ртами, глядя на меня.

Лин наконец вышел из ступора и торжественно произнес:

– Алекс, мне больше нечему тебя учить! Поздравляю тебя, мастер рассветной школы!

Он уважительно поклонился мне в пояс. Следом поклонились и его ученики, все так же восторженно смотревшие на меня. Я отвесил встречный поклон учителю и сказал не менее торжественно:

– Благодарю вас, учитель. Спасибо за науку!

Лин подошел ко мне и радостно обнял, что было явно не по протоколу, но я не стал его расстраивать и обнял в ответ. После этого счастливый мастер приказал всем разойтись, а меня попросил подняться с ним в его кабинет. Там он попытался усадить меня в свое кресло, но я с улыбкой отказался, к его смущению, и присел на краешек стола. Мастер опустил на свое законное место и долго не решался начать. Глядя на его терзания, я сказал:

– Да говорите же! Чего мнетесь, как девушка на первом свидании?

– Алекс... Мы с тобой договорились, что я не буду задавать вопросы о тебе, но...

– Ладно уж, не терзайтесь, – махнул я рукой. – Отвечу, на какие смогу.

– Кто ты? – с надеждой спросил меня мастер.

– Не знаю, – честно ответил я.

Ну а как мне было еще ответить? Маг? Так ведь я в магии все еще находился на ступени ученика. Человек? Но мое тело больше эльфийское, хотя и эльфом я не являлся на все сто. Пришелец из другого мира? Так ведь я не настолько потерял осторожность, чтобы рассказывать об этом. Так что остановимся на варианте «не-пойми-что», чему я и сам еще не подыскивал достойного определения.

– Но как же так? – удивился Лин.

– Давайте следующий вопрос.

Мастер немного подумал, а потом заявил:

– Никто еще в истории рассветного искусства не смог овладеть им так быстро, как ты. Даже самым талантливым ученикам требовалось не меньше пяти лет, чтобы закончить весь комплекс обучения.

Я молча ждал, потому что вопрос мастер еще не задал. Глядя на меня с удивлением, Лин продолжил:

– Ты тренировался с таким упорством и настойчивостью, что я всерьез начал опасаться за твой разум. Ты выдерживал такие нагрузки, которые не под силу любому человеку. Ежедневно ты получал множество синяков и царапин, но на следующий день от них не оставалось и следа. Я часто слышал, как трещали твои кости, но ты не показывал боли и настойчиво продолжал заниматься. Ты иногда демонстрировал мне абсолютно другой способ мышления, а по ночам разговаривал на языке, который я не смог определить, хотя знаю практически все наречия цивилизованного мира...

Ну да, ведь мы с Алоной частенько на русском общались, машинально переходя на

него, когда у сестренки что-то не выходило, и она принималась сквозь зубы материться. Мастер наконец закончил свою речь и подытожил:

– А теперь я задам вопрос. Алекс, ты маг?

– Да, – просто ответил я.

Зачем, интересно, была такая преамбула, чтобы узнать это?

– А зачем тогда тебе все это нужно? – спросил Лин.

– Магов очень многие не любят, боятся и ненавидят, – ответил я, выбрав самую понятную причину моего обучения. – А воину будет проще находить с разумными общий язык.

– Я все еще не понимаю. Ведь тебе можно было просто набросить на себя любую личину. К чему тогда становиться воином?

– Не понимаете, значит, и не поймете. Я просто не смогу объяснить вам все причины моего поступка. Просто знайте одно: мне это было необходимо.

Не стану же я ему объяснять, что даже не знаю, как набросить личину. А остальные причины моего обучения так и вовсе покажутся ему смехотворными. Рассказывать же, что в качестве мага представляю собой печальное зрелище, я вообще не собирался.

– Что ж, – вздохнул мастер. – Мне больше нечего тебе дать. Ты закончил свое обучение и волен идти куда заблагорассудится. Носи с честью титул мастера рассветной школы!

– А много мастеров вы уже обучили? – спросил я просто из любопытства.

– За все пятнадцать лет, что существует моя школа, только шестеро смогли добиться этого высокого титула. Остальные так и остались со званиями учеников, прекратив обучение.

Да-а-а... Вот это показатель! Повезло мне, что Кариэль дал такую рекомендацию.

Мастер поднялся с кресла и полез на полки шкафов. Покопавшись там немного, он достал кинжал, в котором я узнал клинок моего учителя магии. Протянув его мне, мастер заявил:

– Ты закончил обучение раньше, чем прошел оговоренный срок. Этот клинок я не смогу взять как плату.

Я не стал отказываться и принял кинжал из рук Лина. Пригодится еще, ведь у меня осталось едва ли полсотни монет.

– Благодарю, мастер, и желаю вам прилежных учеников и крепкого здоровья!

Я поклонился и пошел собирать вещи, так как больше оставаться в школе не имело смысла. В комнате я переоделся в свою одежду, оглядел себя с брезгливостью и подумал, что гардероб нужно срочно обновить. Старые сапоги с дырками с трудом налезли на ноги, за долгое время привыкшие к просторным чешкам, а рубашка выглядела так, будто ее месяца два использовали в качестве половой тряпки. Свои длинные волосы я собрал на затылке и завязал веревкой, обнажив остроконечные уши. От кого теперь прятаться? Собрал свои сумки и засунув всю оставшуюся наличность в карман, я нацепил оружие, почувствовав его привычную тяжесть, закинул на плечо сумки с луком и отправился на конюшню. Там я оседлал свою лошадку, изрядно располневшую за зиму, и вывел ее на улицу.

Провожала меня вся школа во главе с мастером. Несколько учеников даже открыли ворота, издавшие устрашающий скрип. Выведя лошадь за пределы школы, я развернулся и помахал им на прощание, а затем залез в седло. Неизменные мальчишки на ветках стихли, когда я проезжал под ними, а отъехав подальше, я услышал их восторженные голоса:

– Это эльф, говорил же я тебе!

– У него уши не такие длинные, да и волосы не белые, какой это эльф!

– Я тебе точно говорю...

Усмехнувшись, я поскакал в столицу. Нужно было решить что-то с одеждой и подыскать себе занятие на ближайшее будущее. Кошмар! Так сразу возникло много свободного времени, прямо страшно становится. Как-то я даже и не предполагал, что мое обучение закончится так вот – вдруг. Такой долгий бег, а потом бац – и уже финиш! И ты стоишь, обалдевший, и не знаешь, когда начнется следующий марафон. Теперь мне нужно

опять планировать свою жизнь, прикидывать, что буду делать дальше. Первым по плану становится поиск жилья.

Нет, можно, конечно, сразу отправляться в гости к Алоне и обосноваться там, но меня очень смущала грязь на дорогах. С трудом добравшись до ворот столицы, я понял, что в это время года лучше по королевству не передвигаться, а если передвигаться, то только на небольшие расстояния. Коротко можно было сказать о дорогах только одно – топь. Моя лошадка с трудом выдирала ноги из этой чавкающей жижи, а при одной только мысли о том, что придется пересечь полстраны, чтобы добраться до гномов, под холодными струями дождя, по унылым лесам без листьев, меня пробирала зябкая дрожь.

Нет, если отправляться сейчас, мое путешествие растянется минимум на месяц, а то и того больше, так как галопом лошадку непустишь, иначе она тут же поломаёт себе ноги. Перспектива спать на земле под открытым небом, чувствуя, как холодная вода щедро льется на тебя сверху, собирать влажный хворост, а кроме этого везти с собой обязательный корм для лошади, меня также не прельщало. Значит, нужно некоторое время побыть в столице, пока солнышко не подсушит дороги королевства, но тогда возникает финансовая проблема. Деньги у меня пока оставались, но на столичную жизнь их вряд ли хватит, тем более что мне была нужна новая добротная одежда и обувь.

В итоге длительных раздумий под аккомпанемент тихого чавканья грязи на дороге я понял, что еще месяц мне нужно побыть здесь, пока погода не позволит двигаться дальше. На несколько десятков моих финансов хватит, но потом я опять буду вынужден продавать оружие. Значит, чтобы этого не случилось, нужно раздобыть еще немного золотых. А где их взять? Первый вариант – украсть, но его можно оставить на потом. Что-то меня в этом варианте смущало, даже не знаю что. Неужели, пока блуждал по полянке, я ненароком оживил засохшее растение, которое было моей совестью? Непорядок. Нужно будет первым делом вернуться и вспомнить, какое именно, а затем вырвать его с корнем!

Так, продолжим рассуждать. Второй вариант – занять, но я не люблю быть должным кому-то, так что он отпадает. Третий – заработать. А где можно быстро заработать много денег с моими способностями? А самое главное, кем мне теперь быть? Охранником, лекарем, наемником... вроде бы я и не умею ничего больше. Скучный список получается. И какого гоблина я столько лет учился на программиста, лучше бы в предприниматели пошел, здесь бы это точно пригодилось!

Можно было, конечно, сразу обратиться к неплохому кузнецу, чтобы вместе с ним начать производство эльфийской стали, но это принесет мне не столько деньги, сколько большие неприятности. Это было очевидно, ведь если заняться изготовлением оружия, на порядок превосходящего все доступные аналоги, это моментально станет известно всем заинтересованным личностям. А потом начнется либо открытая война за обладание таким незаменимым мастером, который умеет делать эльфийскую сталь (завистники ведь есть всегда), либо Фариам, когда узнает, заставит работать только на него. Кто же допустит, чтобы в своей стране такой перспективный оружейник оставался без контроля? И плевать, что вроде бы я принц гномов, да еще и маг. При большом желании можно меня захомутать, а в том, что оно возникнет, я не сомневался. Я бы на месте короля сразу же постарался упрятать меня подальше и обеспечить работой на сотни лет вперед. Так что и этот вариант также меня не устраивал.

Нет, я, вообще-то, подумывал начать такое производство, но только тогда, когда доберусь до гномов. Шаракх, думаю, поможет мне в этом, так сказать, по-родственному. Кроме того, это будет важным бонусом при принятии меня в королевскую семью. Уверен, такое мое умение сразу заткнет рты всем недовольным в Подгорном королевстве, поэтому его нужно оставить только для этих целей, а пока поискать другой вариант заработка. Ладно, чего сейчас голову забивать, над этим можно поразмыслить и на досуге, тем более что его сейчас у меня, как никогда, много. Так, пока у меня по плану закупка одежды, а там посмотрим, не люблю я загадывать далеко вперед, потому что обязательно какая-нибудь ерунда случится.

В столицу я въехал, заплатив пошлину, лишившую меня еще одного золотого. На сдачу мне дали кучу серебрушек и меди, которые я засунул в карман, даже не пересчитывая. Первым делом я нашел одежную лавку, где отыскал мастера, шьющего шмотки на заказ. Я решил, что лучше один раз потратиться и купить качественную и удобную одежду, чем покупать ерунду, но каждый месяц. Говорят же, что скупой платит дважды, так в этом мире эта поговорка работает на все двести.

Озадачив мастера, я заказал себе пару штанов, четыре рубахи (а то они прямо горят на мне), жилет, плащ (еще один мне совсем не помешает), добротную теплую куртку (а то ведь не цветень же на дворе) и несколько комплектов белья, включая даже портянки. Мастер заверил меня, что все это будет готово через три дня и снял с меня мерку. На мой вопрос о цене он заявил, что это все будет стоить всего десять золотых. Я слегка обалдел от такой суммы, но он в ответ просто показал свою работу, принеся несколько готовых изделий. Я с удивлением рассматривал двойной шов, мягкую ткань, тонкую разноцветную вышивку и думал: а на кой ляд оно мне? Но когда мастер заверил меня, что если его вещи вдруг порвутся в течение года, то их можно будет у него заменить, я не устоял и согласился.

– Не сомневайтесь, – сказал мне мастер на прощание. – Одежда будет не хуже эльфийской!

Я вышел из лавки и подумал, что на этот раз мои уши сослужили мне плохую службу. Глядишь, обычному человеку этот заказ обошелся бы на пять-шесть золотых меньше. Плонув со злости, я пошел искать сапожника, чтобы заказать ему сапоги, но потом решил сначала перекусить и заодно разузнать, где тут можно наняться на работу. Для этого я решил выбрать приличный трактир, где собирались люди всех возрастов и профессий, причем обязательно с высоким заработком, так как у бедняков мне было спрашивать просто не о чем. Ведь работа подмастерьем у какого-нибудь кузнеца могла принести мне разве что крышу над головой, а мне хотелось большего.

Побродив по городу, я вспомнил о том трактире, где ужинал в первый раз. Там еще певец был бездарный. Вот туда и решил направиться, благо было это совсем недалеко. Подъехав к трактиру, я усмехнулся, услышав брэнчание и вопли Тарзана. Но когда подбежавший мальчишка забирал мою лошадь, пение внезапно прервалось гневным рыком, а потом внутри раздался глухой удар и треск. Когда я подошел со своими сумками к двери, из нее выскочил знакомый певец, одной рукой держась за голову, а во второй сжимая остатки своего инструмента, и побежал вдоль по улице. Я проводил его взглядом, а затем зашел внутрь и грозно произнес, прерывая голоса обедающих людей:

– Кто посмел ударить певца?

В зале стало тихо. Все обернулись на меня, но отвечать никто не торопился.

– Я спрашиваю, кто посмел ударить певца? – повторил я громче.

Из-за одного столика поднялся воин с двуручным мечом за спиной, цедивший что-то из кружки вместе со своим другом. Я оглядел его и усмехнулся, это был настоящий гигант, мышцы так и выпирали из-под одежды на зависть многим земным культуристам.

– Ну я, – ответил воин, уставившись на меня с ожиданием.

Не говоря ни слова, я под изумленными взглядами окружающих подошел к нему и протянул руку. Тот машинально ее пожал, а я сказал с улыбкой:

– Спасибо! А то у меня в прошлый раз до этого гада руки так и не дошли.

Я повернулся к одной из служанок и приказал:

– Бочонок хорошего пива за этот столик! – и, развернувшись к воину, спросил у него: – Разрешите присоединиться?

Воин ухмыльнулся и приглашающе повел рукой в сторону стола. Я кинул рядом свои сумки и лук и уселся на лавку, крикнув служанке, чтобы принесла еще и плотный обед на троих. Второй воин, сидевший за столом, глядя на меня, недовольно заявил:

– А мы есть не хотим.

– Так я и не предлагаю, – улыбнулся я ему. – Это я себе заказал. От пива вы, надеюсь, тоже откажетесь?

Воин, который так не любил искусство, хлопнул меня по плечу и с улыбкой прорычал:
– Вот это наш человек! Сразу видно! Я Лок, – представился он и кивнул на товарища: – А это Нарин. Мы с ним наемники, а ты кто будешь?

Я только удивился своей удаче (видно, на ловца и зверь бежит) и представился в ответ:
– Я Алекс, только что закончил обучение в воинской школе, теперь подыскиваю себе занятие по душе.

Лок с сомнением оглядел меня.

– Что-то ты больно хилый для воина.

Ну, конечно, ведь за месяцы занятий с мастером мои мышцы превратились в тугие стальные канаты, но совсем не выпирали из-под одежды, так что на Конана я походил весьма слабо.

– Проверишь? – с улыбкой спросил я Лока.

В ответ тот просто поставил руку локтем на стол – видно, в этом мире тоже известен армрестлинг. Я чуть подвинулся на лавке и поставил свою руку рядом, сжав его ладонь.

– Нарин, помоги, – попросил воин своего приятеля.

Тот нехотя поднялся и положил свою ладонь на наши. Лок напрягся и, когда Нарин убрал свою руку, стал налегать на мою ладонь, стремясь положить ее на стол. Я, не особо напрягаясь, сдерживал его усилия. Это же не висеть часами на перекладине, согнув руки в локтях, и не водить из стороны в сторону руками с зажатыми в них булыжниками килограммов по тридцать каждый. Лок налег на мою руку, помогая всем телом, но не добился никакого результата, а я стал медленно смещать его руку своей, стараясь не сломать в локте. Видел я случаи, когда на соревнованиях такое происходило, и сейчас мне это совсем не было нужно. Когда до поверхности стола оставалось всего сантиметров десять, Лок перестал сопротивляться, и я тоже отпустил его руку.

– Силен! – заявил он, уважительно посмотрев на меня. – Меня еще никто не смог из наших сделать, а ты – легко! Где такому обучают?

– Недалеко, – ответил я ему. – На окраине столицы. Только берут слишком много за обучение, так что мне срочно нужно подыскать себе работу, иначе на улице спать придется, – свернул я разговор в сторону нужной мне темы.

– Слушай, а ты эльф? – влез с вопросом Нарин.

– Полукровка, – ответил я. – Из эльфов меня вышибли с треском и пинками вдогонку.

– Расскажешь? – поинтересовался он.

Я только покачал головой, первому встречному я ничего рассказывать не стану, они это должны понимать. Так что если хотят услышать подробности, то им придется стать минимум моими приятелями. Вот так, не спеша, как опытный рыболов, я прикармливал рыбное место, чтобы забросить удочку с червячком.

В это время принесли мой заказ, и я налег на обед, кивнув воинам на бочонок, чтобы не стеснялись. Бочонок был литров на десять и оказался доверху наполненным прозрачным светлым пивом, которое пенилось в кружках, куда наливали его воины, с трудом выковырнув из тары пробку. Они нацедили и мне, но я пил мало, больше налегая на мясо, уже отвыкнув от него за время обучения. Воины смотрели, как я насыщаюсь, и где-то к середине второй порции Лок предложил мне:

– Алекс, а давай к нам!

– В смысле, в наемники? – уточнил я, хрустя жареной корочкой.

– Да, нам нужны такие парни. Тебя там легко возьмут, да, Нарин? Будешь сыт и одет, да и девок будет море! – посмотрел он на мою одежду.

Я сделал вид, что прикидываю, а на самом деле все уже давно решил.

– А много платят?

– Да как получится. Бывают совсем пустяковые заказы, а бывает так, что и попотеть приходится, но за это столько золота получишь, что месяц можешь жить припеваючи!

– Ладно, согласен. А что нужно сделать, чтобы стать наемником?

Явно видно, что с улицы прийти не получится. Должна же быть у них какая-то система

отбора, иначе конкуренция просто развалит рынок. Если я чего-то не путаю.

– Пустяки! Тебе нужно будет вступить в Гильдию, имея двух поручителей, а потом будешь только получать у нее заказы и выполнять их, отдавая Гильдии пятую часть гонорара. – Он доверительно наклонился ко мне и прошептал на ухо: – А если будешь отдавать больше, то и от заказов у тебя отбоя не будет!

Понятно, как, в принципе, и повсюду, без отката никуда! Ну, двадцать-тридцать процентов – это небольшая часть, можно и уступить немного. Зато нанимателей самому искать не нужно.

– Так что, идешь? – спросил меня Лок, изрядно повеселев после седьмой кружки.

Я доел последний кусок мяса и перекинулся на салат, промывав с набитым ртом:

– Иду, только где мне двоих поручителей-то найти?

Лок даже обиделся:

– А мы на что? Да мы с Наринном за тебя поручимся, так что тебе, может, даже испытательный срок назначать не будут!

Я в ответ хлопнул его по плечу и сказал:

– Спасибо, дружище. Ты меня очень выручил.

– А то, – расплылся воин в добродушной улыбке. – С первого гонорара с тебя стол с девочками!

– А как же, само собой! – заверил его я, доедая салат.

Оглядев пустые тарелки, я с облегчением похлопал себя по животу и взял свою кружку с пивом. Воины в это время уже приканчивали мой бочонок. А неплохое пиво. На Земле я пробовал и гораздо хуже. Допив свою кружку, я поставил ее на стол и подозвал служанку.

– Сколько за все? – спросил я, надеясь уложиться хотя бы в десяток серебряшек.

– Полтора золотого, – просветила девушка, миленько улыбаясь.

Вот, зараза, явно же завысила цену, да и в несколько раз. Только мне в данной ситуации марку держать нужно, вон, уже и наемники стали переглядываться с ухмылками, допивая мое пиво.

Молча достав из кармана кошелек, я взял из него две золотых монеты и протянул их ей со словами:

– Сдачу оставь себе, красавица.

Лок даже пивом поперхнулся. Я похлопал его по спине, пока он не прокашлялся.

– Ты что, Алекс? – недоуменно спросил он. – Она ведь тебя явно обманула!

– Лок, не в деньгах счастье! – наставительно произнес я.

– А в чем? – прошептал он.

– В их количестве! – ответил я и стал подниматься.

Через пару секунд до воинов дошло, и они разразились громким смехом, стуча кулаками по столу и привлекая всеобщее внимание посетителей. Еще пару баллов я заработал своей выходкой, так что деньги потрачены не зря. Уважение – это главное, а уважение нужных тебе людей не измеряется никакими деньгами.

– Ну что, покажете, где ваша Гильдия? – спросил я наемников, когда те немного уgomонились.

Все еще похохатывая, они также поднялись и пообещали меня проводить. Когда мы вышли во двор, я узнал, что у них тоже есть лошади, как и у меня. Забравшись на них, мы поехали в сторону дворца, но, не доезжая до него пары улиц, свернули направо, проскакали по богатому кварталу и остановились у большого двухэтажного дома с небольшой пристройкой, где, судя по запаху, держали лошадей. Мои сопровождающие спешили и повели своих скакунов к пристройке, я последовал их примеру. Решив на этот раз не брать свои вещи, я на всякий случай просто повесил на свой лук и три эльфийских клинка в сумках маячки и вошел с наемниками в здание. Там я обнаружил несколько комнат, где сидели разные личности, колоритные и не очень. В некоторых можно было признать разбойников, а некоторые весьма походили на воров, имея крысиные мордочки.

Некоторые здоровались с моими провожатыми, те кивали в ответ. Мне уделялось

пристальное внимание, так что я подумал, что мои уши можно было бы и спрятать под волосами, но теперь уже поздно. Поднявшись с наемниками на второй этаж, я увидел очередь из трех человек, терпеливо ожидающих у двери одной из комнат. Мои провожатые, совсем не обратив внимания на их возмущенные возгласы, открыли дверь комнаты и зашли туда. Я прошел следом и увидел просторный кабинет со шкафами, столом и несколькими стульями. На стульях сидело трое – двое за столом и один перед ними.

– Здорово, Рем! – произнес Лок, приветливо махнув рукой одному из сидящих за столом.

– Подожди, – сказал тот, подняв руку в ответ, и продолжил разговор с клиентом: – В течение двух дней мы решим вашу проблему, тогда и приходите с остальной суммой, а сейчас мы вас больше не задерживаем.

Я в это время внимательно рассматривал двух хозяев кабинета. Одним из них, которому салютовал Лок, был старый воин с сединой на висках и умными глазами, а второй очень напоминал крысу, его маленькие глазки бегали взад-вперед, цепко подмечая детали. Я заметил, как он посмотрел на клинки за моей спиной, оценил мои уши, и занес его в список потенциально опасных, с которыми лучше не шутить. Клиент тем временем поднялся и, легонько поклонившись, выскользнул за дверь, обогнув нас. Следующий посетитель был остановлен возгласом Рема, который попросил его немного подождать. После этого седой воин обратился к Локу, внимательно рассматривая меня:

– Ну и кого ты привел?

– Это Алекс, он собрался к нам в компанию. Силен как бык, даром что выглядит так хило, да и мечи, думаю, не зря за спиной носит. Сейчас он ищет себе занятие, поэтому я и посоветовал ему поступить в нашу Гильдию. Ну что, примешь парня?

– А почему он думает, что это так легко? – проскрипел Крыс. – Мы всяких оборванцев с улицы не принимаем!

– А мы за него поручимся, правда, Нарин? – Лок толкнул приятеля в бок.

– Да, – осторожно произнес тот. – Можем и поручиться.

– Если поручитесь, то, конечно, можем и взять, – протянул Рем с сомнением.

– Бери, Рем, не пожалеешь! Парень свой, точно говорю! – радостно заявил Лок.

Крыс посмотрел на Рема и легонько ему кивнул. Тот слегка прикрыл глаза, показывая, что понял, и обратился к наемникам:

– Ладно, вы, ребята, ступайте, ведь у вас еще дел полно, а ты подойди-ка поближе, поговорить нужно.

Лок шепнул на прощание: «С тебя стол!» Я кивнул. Наемники развернулись и вышли, а я подошел к столу и уселся на тот стул, где сидел предыдущий клиент. Хозяева внимательно рассматривали меня в четыре глаза, старательно играя свои роли, а я отвечал им тем же. Ведь видел же, что они уже все между собой решили, а теперь просто проверяли меня.

Наконец поняв, что просить и унижаться я не намерен, Рем спросил:

– Ты вообще кто? На эльфа немного похож, но таких эльфов я еще не видел.

– Полукровка, – лаконично ответил я.

– Откуда? – спросил Крыс.

– Из леса, – я был предельно краток.

– Что умеешь? – это снова Рем.

– Могу хорошо из лука стрелять, драться с оружием или без.

– А убивать можешь? – Крыс даже вперед подался.

– Доводилось, – коротко ответил я.

Рем взглянул на Крыса. Похоже, именно тот выполнял здесь все мыслительные и начальственные функции, а Рем – просто для отвода глаз. Крыс немного подумал, но все же кивнул, не сводя с меня маленьких глазок:

– Тогда ты принят, Алекс. Но с испытательным сроком, а это означает, что первый заказ ты должен будешь отработать бесплатно, а мы по результатам задания оценим твою работу и впоследствии уже будем подбирать тебе работу по твоему вкусу.

– А отказываться от работы я могу? – спросил я и добавил, глядя, как на лице Крыса проступает недовольство: – Мне же иногда просто бывает лень чем-либо заниматься, и в такие дни я предпочитаю вообще не работать.

– Алекс, у нас работать никто не заставляет, – ответил Рем. – Хочешь – работай, получай золото, не хочешь – откажись и будешь свободен до того момента, пока снова не захочешь или деньги не кончатся, – он усмехнулся. – Ну что, согласен?

– Согласен, – произнес я.

Главное, что я получил возможность отказываться от неприятных заказов, ведь наемники, которых я убивал, защищая Алону, весьма вероятно, тоже состояли в Гильдии и просто выполняли ее заказ. А такими дурно пахнущими делами я заниматься вовсе не был намерен.

– Тогда у нас есть для тебя первая работа, – произнес Крыс. – На улице Цветочной есть третий дом слева, если смотреть со стороны дворца, с большой черепичной крышей и балконами с уродливыми дракончиками. Там сейчас живет некий Чарнок с женой. Так вот тебе задание – чтобы уже завтра утром они там не жили!

– Попросить их съехать? – пошутил я, сразу поняв, куда он гнет.

– Нет, Алекс, – ехидно сказал Крыс. – Тебе нужно будет попросить их быстро отправиться на тот свет.

Я кивнул и поднялся.

– Срок у меня до утра, я правильно понял?

– Да, все верно.

– Отлично, тогда до встречи!

Пройдя вниз через комнаты, коридоры и провожаемый внимательными взглядами, я вышел во двор, взял свою лошадь и проверил вещи. Все было на месте – видимо, привычки воровать у своих наемники не имели. Я залез в седло и поехал по городу, разыскивая эту самую Цветочную улицу и мимоходом подумав о том, что снова оказался на распутье. Поиски работы завели меня непонятно куда, и теперь я, как тот былинный витязь, стою перед камнем, на котором написано всего два слова:

«Без вариантов!»

Глава 7 Выбор

Прохожие подсказали, как побыстрее добраться до Цветочной улицы. Оказывается, мне нужно было обогнуть дворец кругом. Проезжая по улицам столицы, я чувствовал, что меня банально «пасут», но отрываться от такого настойчивого внимания не стал. Пускай наблюдатели увидят, что я всю работу над заказом.

Добравшись через полчаса до нужной мне улицы, я сразу же обнаружил искомый дом и полюбовался на каменных дракончиков на его балконах. И вовсе они не уродливые! Эти рептилии были совсем небольшими и очень напоминали ящериц. Выглядели они весьма симпатично, хотя и были очень старыми, со щербинами на каменных телах.

Осмотрев фасад, я взял на заметку карниз в три пальца шириной, то место, где из стены выпали несколько кирпичей, и открытые ставни на чердачном окне. В общем, проведя действие, которое носит мудреное название «рекогносцировка», я отправился искать замену своим сапогам, надеясь, что на них мне денег хватит. У меня оставалось почти пятнадцать золотых, из которых десять я уже пообещал отдать за одежду, а медь и серебро можно было вообще в расчет не принимать. Бедновато живу, так скоро вообще без копейки останусь и в леса подамся кроликов ловить. Нет, нужно решать что-нибудь радикально с моим состоянием. В сокровищницу королевскую залезть, что ли?

Размышляя на эту тему, я увидел то, что искал – вывеску с висющим сапогом на одном из домов. Я спешил и зашел в здание, сразу почувствовав запахи кожи и увидев кучу разной обуви на полках у стен. Меня встретил худощавый парень и поинтересовался, что я

хочу купить. Я попросил мягкие, удобные сапоги по ноге, которые были бы к тому же и крепкими, чтобы не пришлось через месяц-другой выбрасывать. Кивнув, тот вытащил на примерку несколько десятков пар сапог, только ни одна из них мне не подошла. Все они мне были или узки, или великоваты. Вздохнув, парень попросил меня подождать и отправился в глубь дома, откуда вышел вместе с бородатым дедком. Тот деловито измерил мою ступню, записав мелом на доске только ему понятные символы и спросил меня:

– Из какой кожи будем делать? Подороже или подешевле?

– Мне бы покачественнее.

– Тогда могу предложить вам шкуру лакши, у меня как раз одна осталась. Не будет рваться, натирать ноги, скрипеть при ходьбе... Да скорее вы сапоги выбросите, чем они у вас сносятся!

– А что с подошвой? – спросил я. – Мне нужно нечто, напоминающее эльфийскую модель, – я продемонстрировал ему свои сапоги.

Сапожник безо всякой брезгливости осмотрел мои сапоги, поцокал, глядя на их состояние, запустил внутрь руку, ощупав еще и там, а затем вернул их мне со словами:

– Подошву я сделаю мягкой, без каблука, чтобы можно было передвигаться бесшумно. Вы ведь этого хотите?

– Да, вы угадали, – подтвердил я. – И во сколько мне это обойдется?

– Всего двенадцать золотых, – убил меня мастер. – Приходите за обувкой через два дня, я постараюсь успеть.

Сказав это, он развернулся и ушел в глубь дома, а я остался под взглядом парнишки натягивать свои сапоги. Блин, знать бы раньше, что в столице такая дорогая обувь, я бы прихватил несколько пар у мертвых эльфов, про запас. А теперь уже поздно сокрушаться, все они достались предприимчивому хозяину гостиницы в Зингарде. Вздохнув, я вышел во двор и обнаружил, что небо снова начинает затягивать серыми облаками. Через часик хлынет весенний, но от того не менее мокрый и холодный дождик. И до этого момента мне нужно подыскать себе жилье.

Проверив свои ощущения, я понял, что слежка за мной в данный момент не ведется. Наверное, следивший побежал докладывать начальству, что я только что осмотрел предполагаемое место работы. Так что я безо всякой опаски стал искать постоянный двор. Поехать решил на окраину города, надеясь, что цены там кусаться будут поменьше. Через полчаса, когда небеса разверзлись и потоки воды хлынули на землю, сразу промочив меня до нитки, я остановился у первой попавшейся гостиницы и договорился о комнате. Она обошлась мне в четыре серебрушки, но зато была без насекомых.

Улегшись на кровать, я высушил одежду магией, а потом связался с Алоной и часик-другой с ней поговорил, пока совсем не стемнело. Сестренка рассказала мне про свадьбу, описав детально всю церемонию, а напоследок пообещав, когда будет выходить замуж, организовать себе все еще круче! Я только хмыкнул. Ну, не понимал я никогда и продолжаю не понимать, что такого женщины находят во всех этих торжествах, обрядах, церемониях... Да, мы, мужики, устроены на порядок проще, но вот только я по своей практике знаю, что чем примитивнее написана программа, тем она меньше глючит. Так что есть над чем подумать, дорогие женщины!

Потренировавшись с Алоной немного на сон грядущий, я пожелал ей спокойной ночи и проверил свой магический резерв. Что-то я давно его не разрабатывал. Я достал из кармана сафрус и слил туда половину всей энергии. При этом заполненный объем камня остался без видимых изменений, поэтому я еще раз порадовался своему приобретению. Повертев в руках темное колечко, я в который раз отказался от мысли надеть его и встал с кровати. На улице уже основательно стемнело, люди мимо окон проходили редко, да и фонарей здесь совсем не было – видимо, в Марде освещался только центр города, а на остальной территории тупо экономили. В общем, пора, решил я и оделся, нацепив на спину неизменные клинки.

Через парадный вход я покидать гостиницу не стал, чтобы не проходить мимо общей залы, где еще могли ужинать посетители, а просто выпрыгнул из окна прямо на улицу, мягко

спружинив ногами. Лошадь я, по понятным причинам, решил не брать и отправился к нужному месту пешком. На столицу уже опустилась ночь, жизнь замерла и только редкие фонари, кое-где попадавшиеся на пути, разгоняли темень на улицах. Мне темнота была только в помощь, поэтому я старался держаться слабоосвещенных улиц и не спеша продвигался к цели, снова медленно, но верно намокая под моросившим дождем.

Увидев знакомых ящериц на балконах, я посмотрел по сторонам. Наблюдения не было, то ли Крыс уверился, что я все сделаю правильно, то ли просто не хотел пугать намеченный объект заказа. Это все было мне весьма на руку. Несколько фонарей, горевших на стенах домов, я просто потушил, забрав из них энергию, поддерживающую горение веревки в масле, а потом прислушался. Все было тихо и спокойно. Самое время действовать, решил я и стал подниматься по стене дома к открытому окну на чердаке. На одном из балконов я передохнул, пощупав скульптуры дракончиков и прикинув, сколько же им лет, а потом продолжил путь. Подъем занял у меня всего минуту. Я бы мог управиться за несколько секунд, забежав на стену с разбега, но тогда бы произвел много шума, а он сейчас был явно лишним.

Добравшись до окна, я буквально втек внутрь чердака, захламленного всякой всячиной, и аккуратно стал ступать по дощатому полу, стараясь не скрипнуть ни единой дощечкой. В глубине чердака был проем с приставной лестницей, которая сейчас стояла внизу рядом со стеной. Не проблема, улыбнулся я, зацепился пальцами за край, нырнул вниз и, перевернувшись, мягко приземлился на пол второго этажа. Передо мной был коридор, по обеим сторонам которого имелось по две двери. Тихо ступая, я начал поочередно их открывать, заглядывая внутрь сквозь маленькую щелочку. Так, эта – кабинет, эта – сразу видно, детская, вон – девочка в кроватке спит, а эта – то, что мне нужно!

Открыв вторую дверь справа, я вошел и обнаружил большую кровать, на которой в обнимку лежали двое – мужчина и женщина. В комнате был еще шкафчик с зеркалом и кресло-качалка у окна. Я поудобнее устроился в нем и небольшим усилием зажег свечку, что стояла на шкафчике в серебряном подсвечнике. Вскоре колышущийся свет осветил комнату. Долго ждать не пришлось, мужчина, который лежал, так удачно для меня повернув лицо к свече, заморгал и пошевелился. Потом сел на кровати и протянул руку, чтобы взять свечу, но тут же заметил меня, невозмутимо сидевшего в кресле.

– Доброй ночи! – шепотом поприветствовал его я. – Только не нужно резких движений, а то еще жену разбудите.

– Кто вы? – так же шепотом ответил он, медленно опуская руку под кровать.

– Меня зовут Алекс, – прошептал я. – А вы, я так понимаю, Чарнок?

– А то вы не знаете, – зло зашипел мужчина, продолжая опускать руку.

– Тогда у меня для вас две новости, – радостно заявил я. – Хорошая и плохая. С какой начать?

– С плохой, – выдал Чарнок, нащупав нечто под кроватью.

– Меня послали вас убить!

Щелк! Арбалетный болт, метивший мне в сердце, тихо свистнув, оказался зажатым у меня в пальцах, а Чарнок с арбалетом и отвисшей челюстью продолжил сидеть на кровати. Это он думал, что сможет быстро достать свое оружие, а для меня это мгновение тянулось очень долго. Ускорив свое восприятие, я неспешно наблюдал, как он достает из-под кровати арбалет, как нажимает на крючок и арбалетный болт медленно движется ко мне. Я даже не особо напрягался и не думал окружить себя защитным коконом. Интересно, что же будет, если я еще ускорю себя магией... Что-что... Задохнусь я просто! Как будто не пробовал уже!

– Мне продолжить? – невозмутимо спросил я, вертя болт в пальцах.

– Д-да, – заикаясь, ответил Чарнок.

– Хорошая новость – это то, что убивать я вас не собираюсь, если вы мне ответите на пару вопросов. Согласны?

– А к чему мне вам верить? – зло прошептал Чарнок. – Вы можете убить меня и после того, как я на все отвечу!

– Я не буду вас убивать сегодня, клянусь своей кровью, – просто сказал я.

Уже давно я понял, что эта клятва считается здесь нерушимой и запросто может успокоить моего собеседника.

– Сегодня? – зацепился он за это слово.

– Да, сегодня, – подтвердил я с улыбкой. – А то вдруг вы в будущем станете моим врагом? Что же мне потом, из-за вас клятвопреступником становиться прикажете?

Он думал недолго.

– Задавайте свои вопросы.

– Тогда ответьте: кто вы?

– Вы что, не знаете? – удивился Чарнок.

– Представьте себе, кроме вашего имени, больше ничего.

Собеседник хмыкнул, отложив арбалет.

– Как же так получилось?

– А наемным убийцам не дают много информации, – поделился я с ним. – Их частенько вообще убирают после задания, обрывая все ниточки, ведущие к заказчику. Ну так что?

– Вы наемный убийца?

– Нет, и не собираюсь им становиться, – честно ответил я. – Вы не уводите разговор в сторону.

– Мое полное имя Чарнок ден Лей, я имперский граф и посол в Мардинане.

– Мля-я-я... – протянул я.

Опять я ввязываюсь в политические дразги, и опять все настолько дурно пахнет, что нужно просто зажимать нос и бежать подальше. Решено, так и сделаю!

– У вас есть какие-нибудь недруги здесь, желающие вашей смерти? – спросил я.

Граф задумался и ответил:

– Не припомню таких.

– Тогда у меня для вас совет – немедленно собирайтесь и увозите свою семью обратно в Империю. Здесь вас ждет только смерть, потому что Гильдии наемников был дан заказ вас убить. У вас есть время до утра, когда они обнаружат, что вы еще живы, поэтому советую вам поторопиться и к восходу уже быть у ворот.

– А что будет с вами?

– А что со мной может случиться? – не понял я.

– Но ведь вы же не выполнили задание, значит, вас теперь уничтожат!

А голова у него варит, жалко, что противников своих не знает.

– А это уже мои заботы, – отрезал я и поднялся. – Желаю живыми добраться домой!

На пороге меня догнал голос графа:

– Алекс... так, кажется, вас зовут? Теперь я в долгу перед вами. Как мне вернуть его?

– Граф, вы сначала вернитесь в Империю живым, а потом и поговорим, – я махнул на прощание и скрылся в темноте коридора, слыша, как он будит свою жену.

Ушел я тем же способом, что и забрался сюда – залез на чердак, с него прыгнул на балкон, а потом на мостовую. Через несколько минут я покинул улицу Цветочную и пошел по направлению к своей ночлежке, размышляя, что же мне не дает покоя в этой ситуации? Потом понял: уж больно натурально задумался граф, припоминая своих врагов. Значит, интрига здесь гораздо сложнее. Поразмышляв минут десять, я решил, что нужно разбудить Алону, и сжал амулет в кулаке. Прошло минуты три, прежде чем я услышал сонный голос гномки:

– Алекс, еще так рано...

– Алона, не засыпай, мне срочно нужна твоя помощь!

– Что-то случилось? – обеспокоенная Алона сразу проснулась.

– Нет, но вот-вот может. Ты должна срочно дать мне поговорить с твоим папой.

– Хорошо, – Алона даже не стала спорить и задавать вопросы.

Я услышал, как она куда-то бежит, а затем стук открываемой двери и ее голос:

– Папа, проснись! Папа...

А потом раздался девичий визг – видно, в постели с отцом Алоны находился еще кто-то. Я улыбнулся. А ведь папаша – тот еще жеребец, однако! Вон как ночами развлекается.

– Тихо, Нана, а то я не в курсе, чем вы тут с папой занимаетесь! – строго приказала Алона.

Вот без меня сестренка распоясалась. Ах да, ей же уже восемнадцать стукнуло...

– Дочка? Что случилось? – раздался сонный голос Шаракха.

– Папа, с тобой Алекс хочет поговорить.

Связь прервалась – видимо, амулет передавали из рук в руки. Затем я вновь услышал голос короля:

– Да, я слушаю.

– Проблема государственной важности, – перешел я сразу к делу, опустив приветствия и прочую ерунду. – Попрошу быстро проснуться и ответить четко и ясно: амулет связи с Фариамом у вас имеется?

– Да, – лаконично ответил Шаракх, понимая, что просто так я его беспокоить не буду.

– Тогда ему нужно передать следующую информацию: столичной Гильдии наемников был дан заказ неизвестными лицами на физическое устранение имперского посла Чарнока ден Лея и его жены. Сейчас они предупреждены и покинут столицу уже утром, вам же нужно довести до сведения его величества, что этот заказ поступил не от его врагов, а, с большой вероятностью, от имперских посланцев, таким образом намеревающихся устроить грандиозный политический скандал с далеко идущими последствиями.

«Ух, ты, прямо милицейским протоколом строчу», – подумал я и продолжил:

– Фариаму нужно обеспечить графу негласную охрану в пути, а также наблюдение за всеми представителями имперской знати, находящейся сейчас в королевстве. Особенно нужно уделить внимание Керу, полного имени не знаю, дальнему родственнику императора, который путешествует инкогнито и может быть все еще в Мардинане. А дальше пусть он уже сам разбирается, мое дело – предупредить. Сведения проверенные и сомнению не подлежат, так что пусть Фариам срочно принимает меры. Может уже прямо сейчас обеспечить охрану графу, так как я не уверен, что на его ликвидацию не будет послан еще один убийца. Конец сообщения. Передадите, или требуется повторить?

– Нет, я все понял, – голос короля уже не был сонным. – Я свяжусь с Фариамом немедленно.

– Отлично, тогда я отключаюсь, – закончил я и собирался уже разжать кулак, но Шаракх остановил меня:

– Постой, Алекс, а откуда ты про это узнал?

– Просто это я сегодня должен был убить графа, так что информация, можно сказать, из первых рук. Спокойной ночи! – пожелал я им и прервал разговор.

Хотя какая уж тут спокойная ночь? Эх, не один я теперь бессонницей страдаю, короли двух весьма продвинутых держав тоже сейчас лишатся сна, просчитывая варианты развития ситуации. Да и Ваз тоже сейчас явно не спит. Я ухмыльнулся. Ведь у них недавно начался медовый месяц, а значит, им с Алисой точно не до сна. Кстати, нужно будет озаботиться проблемой женского пола, а то в этой школе за время обучения я что-то совсем монахом-отшельником стал. Нужно срочно поправить дело и поискать в этой столице приличный бордель, а там уже оторваться по полной программе!

Ага, прям щас, оборвал я свою буйную фантазию. Денег-то у меня даже на одежду не хватит, поэтому нужно срочно придумывать, где достать недостающие монеты, а я тут мечтаю поразвлечься! Так, нужно решить, куда устроиться работать, ведь из наемников меня, можно сказать, уже вычеркнули. Главное теперь, чтобы еще и компенсацию не заставили платить как не оправдавшему доверие. Ну, это они обломаются, если вздумают ко мне с претензиями приставать, не по их зубам орешек! Где же все-таки мне найти работу, чтобы уже через три дня не оказаться на улице?

С такими весьма оптимистичными мыслями я дошел до своей гостиницы и уже ни от кого не скрываясь, забрался по стене к моему окну. В комнате я снял мокрую одежду и

улегся на кровать, планируя поспать остаток ночи. Темнота с готовностью предоставила мне свои ласковые объятия и снова унесла к себе.

Проснулся я в обед, не спеша сделал разминку, насколько позволяла мне комната, а потом спустился и заказал себе в общей зале что-нибудь повкуснее, чтобы восполнить пропущенный завтрак. Жуя шашлыки со сладким луком, я пришел к выводу, что нужно продавать лошадь. Жалко, конечно, но последние клинки отдавать совсем не хотелось, ведь я больше нигде не найду оружия такого качества. Лучше уж точно в леса уйти или направиться по грязи в горы.

Заплатив за обед и еще за один день в этой ночлежке, я вышел во двор и взял свое транспортное средство, вспоминая, где же я мог видеть здесь животный рынок. Так ничего и не вспомнив, я начал спрашивать прохожих. Седьмой по счету человек просветил меня, что в столице лошадьми не торгуют, нужно выйти за стену. Я машинально отметил, что за городской стеной столица фактически заканчивалась, и подумал: а как тогда называется тот пригород, что уютно расположился вокруг нее?

Поблагодарив прохожего, я отправился к воротам, вышел за городскую стену и очутился в деревне. Там поплутал, но все же нашел человека, который занимался куплей-продажей лошадей. После долгого спора я продал мою животинку вместе с седлом, но всего за семь золотых монет. Обидно, я рассчитывал на гораздо большую сумму.

Вернувшись в город и опять-таки заплатив за вход, лишивший меня еще нескольких медяков, я отправился перекусить, так как время подходило к ужину. Выбрав себе заведение попроще, я зашел туда и заказал хороший ужин на двоих, который и принялся уплетать. Но внезапно что-то словно царапнуло меня по спине. Обернувшись, я подозвал служанку, велел принести кружечку пива и краем глаза заметил внимательный взгляд одного маленького человечка, который шустро поднялся из-за стола и испарился в дверях.

«Спокойный вечер кончился, – подумал я, возвращаясь к ужину, – начинается самое веселье».

Я успел не спеша закончить свою трапезу, а потом еще пару минуток посидеть с кружкой пива, наслаждаясь великолепным напитком, когда почувствовал – началось! Кивнув служанке, я достал кошелек, и тут входная дверь распахнулась, и на пороге заведения показались известные мне личности – Лок и Нарин. С собой они для компании взяли еще одного мордоворота, которого я не знал. Я быстро отвернулся и начал отсчитывать нужную сумму, ожидая их приближение. А когда Лок подошел достаточно близко и уже собирался схватить меня за плечо, развернулся и спокойно сказал:

– Привет, ребята. У вас какие-то проблемы?

Лок зарычал:

– Это у тебя проблемы, сволочь! Какого демона ты провалил дело? Рем в ярости и грозитя всех нас поубивать, а ты тут пиво потягиваешь!

Я пожал плечами:

– Знаете, ребята, я что-то раздумал наемником становиться. Больно работа у вас грязноватая, а я с детства грязь не люблю.

– Да ты... – пошел на меня Лок, размахиваясь, чтобы отвесить оплеуху, но я всего лишь легонько ткнул его в две точки на корпусе и тот согнулся пополам, подвывая от боли.

– Ребята, объясняю один раз: в Гильдию я вступать не буду, поэтому никто из нас никому не должен. А если бы вы мне сразу сказали при встрече, что ваша Гильдия на самом деле Гильдия не наемников, а наемных убийц, то сэкономили бы кучу времени и нервов. Ну как, расстанемся по-хорошему?

Однако я зря перед ними распинался. Лок, даже не распрямившись, бросился на меня, стремясь заключить в свои медвежьи объятия, поэтому я просто вырубил его, уклонившись и врезав по затылку кулаком. Приятной головной боли, дубина! Нарин успел достать кинжал с пояса, и я ткнул его в солнечное сплетение, а когда он немного пригнулся, врезал ребром ладони по шее, стараясь не сломать позвоночник. Трупы мне сейчас были ни к чему – мне в этом городе еще несколько дней спокойно прожить нужно было. Третий наемник за это

время успел достать саблю из ножен. Я оперся на падающего Норина и с разворота ударил сапогом тому в челюсть, лишая сознания и нескольких передних зубов. От этого действия мой сапог почти потерял подошву, а наемник отлетел назад, рухнув на попавшийся по пути стол и разбив тарелки на нем.

Мда... это вам не кино, где мебель после каждого удара разносится в щепки. Я оглядел место схватки. Итог ее был в мою пользу – три бесчувственных, а одно еще и беззубое тело, много свидетелей и несколько недовольных, на стол к которым приземлился третий наемник. Я быстренько обшарил пояса противников, сорвав с них кошельки с монетами, а потом, раскрыв один, высыпал оттуда горсть медной мелочи, среди которой блестело десяток серебрушек, вручил ее служанке и сказал, кивнув на пострадавших посетителей:

– Этим господам повторить их заказ за мой счет.

А повернувшись к посетителям, миролюбиво заявил:

– Без обид, друзья, немного не рассчитал силу. Прошу прощения за неудобства.

– Ладно, никаких вопросов, – поднял руки один из них.

Я кивнул им и неспешно вышел из заведения. Оружие наемников я забирать не стал – совсем ерундовое железо, за него оптом в любой лавке дадут не больше золотого, так стоит ли вообще с этим связываться?

Идя по улицам столицы к своей ночлежке, я думал, что проблема поиска работы становится все острее. Решено, если за те два дня, пока я дожидаясь готовности своей одежды и обуви, мне ничего не подвернется, то свалю из столицы подальше. Хотя бы в ближайшую деревню. Вдруг там найду чем заняться, пока дожди идут.

Я огляделся в поисках слежки. Но ее не было, да и мое шестое чувство пока молчало. Внезапно мой взгляд зацепился за нечто блестящее на стене дома. Это были уже знакомые мне щит и меч, обозначающие контору вербовщика.

«А не пойти ли мне в армию?» – подумал я с улыбкой и не пошел, направившись прямой дорогой к ночлежке.

Дальнейший вечер прошел без происшествий. Немного поболтав с Алоной и рассказав ей все подробности моих приключений, я заснул, заверив напоследок, что если не смогу найти работу, то в скором времени наведаюсь в Гномьи горы.

Следующее утро и весь дождливый день я провел в поисках. Как я подсчитал, у меня со вчерашними трофеями осталось всего два десятка золотых и немного мелочи. Видно, наемникам давно не платили, раз они таскали с собой такие тощие кошельки с одной медью. Пошлявшись по городу целый день, спрашивая различных людей, не нужен ли им охранник или телохранитель, я понял, что работы мне в столице не видать как своих ушей. Богатые господа, которым я заикался про телохранителя, только с усмешкой смотрели на мою одежду и заявляли, что у них своих хватает, а торговцы мягко намекали, что за такие деньги, что прошу я, им легче нанять сотню гвардейцев. А что, я же не бесплатно собирался работать? Ну, завысил немного, предчувствуя жуткий торг, но чтобы так сразу... А меньше просить мне смысла не было – у меня же на жилье и еду в день будет больше уходить.

Вечером я отправился к сапожнику за сапогами – двое суток ведь почти прошло. Я оказался прав – увидев меня в лавке, знакомый парнишка сразу же привел дедка-мастера с моей обувкой. Да это было просто произведение искусства! Сапоги были практически невесомыми, мягкими, покрытыми внутри густой, но чрезвычайно плотной шерстью, по ощущениям напоминавшей шелк. Сразу примерив, я больше не захотел их снимать. Сапоги сидели так, будто являлись моей второй кожей. Вздохнув, я принялся отсчитывать нужную сумму, гадая, что же мне нужно будет продать, чтобы выкупить завтра свою одежду. Мастер терпеливо ждал, а я взглянул на полки с готовой обувью и подумал, что одна моя идея вполне может сработать. Протянув деньги дедку, я сказал:

– Мастер, я поражен качеством вашей работы и признаю, что лучшего изделия еще не встречал. Примите мое искреннее восхищение вашим талантом, но позвольте спросить: почему у вас в лавке я не заметил всех образцов обуви, необходимой каждому цивилизованному человеку? – я кивнул на полки.

– Что? – недоуменно переспросил меня дедок. – Это неправда! У меня продается любая обувь, которая только существует! – твердо заявил он.

– Нет, – разочаровал я его. – Поверьте мне, это далеко не так. Если вы вернете мне мои шесть золотых, я расскажу вам про такую обувь, какую еще никто в этом королевстве не делал, но которая будет необходима всем его жителям без исключения.

Мастер задумался.

– Не сомневайтесь, – заверил я его. – Я не хочу вас обмануть, а просто надеюсь немного помочь великолепному знатоку сапожного дела расширить границы своего таланта. Кроме этого, я надеюсь, что мы с вами сможем заключить выгодный контракт, по которому я вам рассказываю все, что знаю о новой модели обуви, а вы обязуетесь впоследствии отдавать мне выручку, полученную с каждой двадцатой проданной вами пары.

– Что, неужели эта обувь будет настолько популярной в королевстве? – заинтересовался мастер.

Немудрено, полведра лести и полмешка уважения – отличный раствор получился, скрепляющий деловой разговор.

«Теперь он уже с крючка не сорвется», – с легкой улыбкой подумал я, а сам сказал:

– Эта обувь будет нужна каждому! В моем родном городе у любого жителя, будь то ребенок, взрослый или старик, всегда имеется дома хотя бы одна пара этой обуви. До вас же эта мода пока еще не дошла, так что если вы согласитесь, то станете первопроходцем и заберете себе все почести и славу.

Дедок думал недолго, ведь я расписал ему такие радужные перспективы, прямо как у нас: «Вы получите и этот великолепный фен, и чрезвычайно нужный вам набор ножей, и фонарик, что может светить на глубине пяти метров, и всего за...».

– Рассказывайте, – решительно сказал он.

– Пройдемте в вашу мастерскую, тогда я не только смогу рассказать, но и покажу на наглядных примерах.

Поглядывающий на меня с ожиданием мастер пошел вместе со мной в другую комнату, где была масса столов, на которых валялись различные обрезки кожи, нитки, лезвия, гвозди. Пара станков с табуретками стояли в углу. Я заметил доску с мелом и взял ее в руки, а потом повернулся к сапожнику и стал рассказывать:

– Вот, смотрите. Первая деталь вырезается из кожи, можно с мехом, можно и без, вот таким овалом, чуть больше ступни. Вторая деталь также вырезается из кожи, но лучше всего с мехом, иначе спадать будет, и имеет вот такую форму, – я начертил на доске приблизительный вид детали. – А вот тут они крепятся друг к другу просто одним швом, после чего край подрубается и уже можно носить!

– Что-то я не понял, – произнес мастер. – А для чего это нужно? Ведь на улице в этом не походишь – подошва слишком тонкая.

– А это и не нужно для хождения по улице, – сказал я. – Хотя подошву можно сделать и из нескольких слоев, набить туда немного мягкого материала, чтобы пружинила при ходьбе. Эта модель обуви у меня на родине называется домашними тапочками и продается просто фантастическими объемами. Скажу вам больше, мастера, изготавливающие их, часто специально делают их такого низкого качества, что они рвутся уже через несколько месяцев, и всем приходится покупать себе новые. Так что вы запросто можете озолотиться!

– У нас эта обувь вряд ли кому-нибудь понравится, – со вздохом сказал мастер.

– А давайте попробуем? – не отчаявшись, предложил я.

Моя интуиция подсказывала, что все должно сложиться удачно.

– Ну, можно, – с сомнением ответил дедок.

– Тогда давайте возьмем кожу с мехом и попробуем сделать одну пару. Если вам она не понравится, я заплачу за материал. Идет?

Дедок кивнул и достал из большого сундука какой-то обрезок, а затем спросил:

– На чью ногу будем делать?

– На вашу, конечно, – ответил я.

Тяжело вздохнув, тот сел и принялся стягивать с себя сапоги, кряхтя и хватаясь за поясницу. Сняв обувь, он размотал портянки и на глазок отмерил мелом размер своей костлявой ступни. Затем ловко вырезал из кожи два куска и принялся их сшивать вместе. Закончив, он продемонстрировал их мне. Я одобрил и попросил сделать второй, на другую ногу. Посмотрев на меня с сомнением, мастер вспомнил, что за материал плачу я, и подчинился. Когда на столе красовались два меховых тапочка, я предложил мастеру их надеть. Он уже всю шею шевелил начавшими замерзать пальцами на ногах.

«Однако холодно у них в домах», – подумал я, глядя, как мастер, держась рукой за поясницу, наклоняется, чтобы надеть тапки.

Я с улыбкой остановил его и показал, что тапочки можно надевать и без помощи рук.

Первой эмоцией мастера, отразившейся у него на лице, когда он осторожно надел тапки, было раздражение. Но я заставил его немного пройтись по комнате, и вскоре раздражение сменилось удивлением, а потом мастер принялся бормотать, бродя из стороны в сторону по мастерской:

– Как удобно... и тепло... и ноги могут дышать...

Спустя минуту на его лице расплылась довольная улыбка. Мастер подошел ко мне, отсчитал шесть золотых из своего кошелька и спросил, протянув монеты:

– Откуда вы? И где же существует такая мода на домашнюю обувь?

Я взял деньги, ссыпал себе в кошель и ответил с улыбкой:

– Я пришел с востока, там много таких королевств, о которых здесь даже никто и не догадывается. Вижу, вам понравилась эта обувь? Теперь можем поговорить и о контракте.

Дальнейший час я расписывал ему все модели тапочек, показывал, что могут быть и с закрытым задником, для большего тепла в зимнее время, потом объяснил, что детям богачей могут понравиться тапочки в виде зверушек, и схематично нарисовал, как их можно сделать. Также я показал ему, что можно украшать изделия различными аппликациями, объяснил, как получить цветочек из кожи, как можно их расшивать разноцветным бисером... Многое я рассказал в тот вечер, ориентируясь на свои воспоминания. Дома, на Земле, у меня мама иногда занималась тем, что шила домашним тапочки разных форм и размеров, вот так и у меня появились точные знания об их выкройках и приемах шитья. Отсюда вывод – заранее никогда не скажешь, что в жизни может пригодиться.

Напоследок я посоветовал сперва сделать несколько десятков тапочек покрасивее и подарить их различным богатым господам, что трутся в кругу знати. Это будет лучшей рекламой новому товару, а буквально через несколько дней у мастера появится просто море заказов. Так что я еще попросил его подумать о расширении, найме других мастеров, чтобы работали под одной крышей, и пожелал всяческих благ, напомнив о том, что прибыль с каждой двадцатой пары – моя. Мастер заверил меня в этом и даже вышел провожать до двери в своей новой обуви, вызвав этим удивленный взгляд парня за прилавком.

Выйдя на улицу, я понял, что уже наступила ночь с капающим мерзким и холодным дождем. Пожалев о том, что забыл в комнате свой плащ, я закутался поплотнее в куртку и побрел к ночлежке. Проходя по одной из улиц, я увидел знакомый блеск на стене и со злостью отвернулся от щита с мечом, ускорив шаг. Похоже, что вербовочных пунктов тут масса. Это уже третий... или только второй? В ночлежке я опять скинул мокрую одежду и сходил во двор, где помылся водой из большой бочки. Эх, блин, пятизвездочный отель, мать его. Все удобства во дворе, а некоторые – еще дальше. Поболтав и немного потренировавшись с Алоной на сон грядущий, я снова вырубился.

Глава 8

Гильдейские разборки

Утром я продолжил бесполезные поиски работы под непрекращавшимся дождем. Но теперь на мне был плащ. Кроме того, новые сапоги совсем не пропускали влагу, так что жизнь казалась весьма сносной. Плотно пообедав в первом попавшемся трактире, я решил,

что пора бы уже наведаться за своей одеждой. Однако, пройдя совсем немного, ощутил опасность. На всякий случай, не останавливаясь, я активировал слабый защитный кокон и принялся сканировать окружающее пространство магическим зрением. Прохожие угрозы не таили, и мне вообще показалось, что ею веет откуда-то сверху. Я поднял глаза, а в следующее мгновение, подчинившись своей интуиции, отпрыгнул в сторону, сбивая с ног одного из пешеходов.

Раздался почти неслышимый щелчок сверху, и арбалетный болт высек небольшие искры из камня мостовой. Я извинился перед прохожим и помог ему подняться, а сам в это время косился на здание неподалеку, из окна которого в меня только что стреляли. Еще раз попросив прощения у прохожего и получив в ответ недовольное: «Что, раз эльф, то теперь все можно?», я пошел дальше по улице, раздумывая, сейчас мне решить эту проблему или немного подождать. Вздыхнув, я вспомнил известную поговорку о том, что нельзя откладывать на завтра то, что можно отложить на послезавтра, и решительно направился к дому Гильдии наемников. Решать проблемы надо сразу, иначе потом я просто в них закопаюсь.

Добравшись до двухэтажного здания Гильдии, я вошел и обнаружил все тот же контингент личностей, которые при моем появлении резко замолчали. Не обращая на них никакого внимания, я поднялся наверх и, миновав небольшую очередь, зашел в кабинет под недовольные возгласы посетителей. А там сидели за столом все те же два главных лица Гильдии, которые удивленно уставились на меня.

– Привет! – радостно улыбнулся я. – Мне тут некто с арбалетом передал, что вы очень хотели меня видеть.

Рем сунул руку под стол, но я погрозил ему пальчиком и сказал:

– Не советую, а то будет больно!

Я подошел к пустующему на этот раз стулу и уселся на него, закинув ногу на ногу.

– Я слушаю.

– Ты не выполнил задание! – прошипел Крыс.

– А я что-то раздумал становиться наемником. Мне и так неплохо! Еще вопросы?

Рем, нащупав нечто под столом, оскалился:

– Вопросов нет, только пожелание – сдохни, предатель!

Щелчок – и я опять сжимал в пальцах арбалетный болт, только на этот раз гораздо большего размера. Под ошеломленными взглядами хозяев кабинета я поднялся, сделал шаг к ним и резким движением без замаха пригвоздил этим болтом к столешнице руку Рема, которую тот не успел опустить под стол. С невозмутимым выражением лица я снова сел на стул, и только тогда наемник скривился от боли и попытался выдернуть застрявший в столешнице болт. Вот уж дудки, я его глубоко вогнал!

– Больно? – спросил я. – А не нужно было дергаться, я ведь предупреждал!

Блин, даже самому противно. Прямо как тупой герой третьесортного боевика. Фальшивенько играю, начинаю потихоньку сползать на штампы, не видать мне «Оскара». Ладно, похоже, что с них и этого будет достаточно, нужно заканчивать выеживаться, необходимое впечатление я уже произвел. Закругляясь, я сказал хозяевам кабинета:

– В общем, у меня еще дел полно, поэтому слушайте меня внимательно. Оставьте попытки меня устранить, потому что в следующий раз вы просто умрете. Никто из нас никому ничего не должен, поэтому просто забудьте обо мне, иначе даже не успеете об этом пожалеть. Вам ясно?

Рем все пытался выдернуть болт из руки, а Крыс с ненавистью смотрел на меня и ждал, когда сзади ко мне подойдут наемники. Последние думали, что подбираются очень тихо, осторожно открыв дверь и заходя на цыпочках, но я услышал их, когда они еще были в коридоре.

– Привет, ребята, – спокойно сказал я и, не оборачиваясь, помахал вошедшим рукой. – Еще шаг – и вы умрете, так что не стоит искушать судьбу!

Движение за моей спиной прекратилось, а я повторил вопрос хозяевам кабинета:

– Вам все ясно?

– Бей его! – крикнул Крыс.

Я увернулся от меча, просвистевшего у меня над макушкой, вскочил на ноги, подхватывая стул, и с размаху опустил его на черепушку ближайшего наемника. Черепушка оказалась крепче стула, и тот разлетелся у меня в руках. Однако и наемник, который оказался Локом, закатив глаза, повалился на пол. Второй, не теряя времени, попытался пырнуть меня в живот, но я пропустил клинок, схватил наемника за запястье, резким движением ломая ему кисть, и подхватил выпавшую саблю. Ударом рукоятки в лоб я отправил пострадавшего в глубокий нокаут. Третий уже опускал мне на шею короткий меч, но я успел подставить саблю и пнул его между ног. Он сразу потерял интерес ко мне, как и сознание – наверное, удар вышел слишком сильным. Закончил я схватку, перехватив маленький кинжал, летевший мне в спину, и, отправив его Крысу обратно, пробил тому плечо. Все действие заняло от силы пять секунд, но больше желающих поучаствовать в схватке не было. Остальные наемники столпились у дверей и нападать не решались, смотря на тела, лежащие на полу комнаты в качестве наглядного примера. Я отшвырнул саблю и посмотрел на Рема – тот уже освободился, просто сдернув ладонь с болта, торчащего в столе, и вытаскивал здоровой рукой кинжал из ножен на поясе.

– Я начинаю подозревать, что вы просто глупые люди, которые не способны учиться даже на своих ошибках, – сказал я и задумчиво добавил: – А может, мне просто перебить вас всех, чтобы вы больше никогда не действовали мне на нервы?

Рем яростно задвинул наполовину вытасченный клинок обратно в ножны и зло ответил:

– Не нужно...

И, сжав пострадавшую ладонь и слегка поморщившись, четко добавил:

– Нам все понятно, больше вас никто не побеспокоит, будьте в этом уверены. Мы забудем обо всем происшедшем.

Я в этом совсем не был уверен, переведя взгляд на Крыса, который зажимал глубокую рану в плече и глядел на меня с такой ненавистью, что меня просто подмывало прикончить гада. Однако я прекрасно осознавал, что королю Фариаму эти наемники еще нужны, иначе они сейчас уже висели бы на дыбе в дворцовых подвалах, заливаясь соловьями про своих нанимателей. Именно поэтому я и устроил весь этот спектакль с крутым парнем в главной роли (это я о себе, если непонятно). Мне были не нужны их трупы, мне было необходимо, чтобы они просто от меня отстали на некоторое время, пока я буду в столице. Что ж, похоже, я своего добился.

– Тогда счастливо оставаться! – сказал я хозяевам кабинета, помахал им ручкой и направился к выходу.

Наемники, загораживающие проход, волной откатились от меня и проводили злыми и настороженными взглядами. Видимо, мое представление прошло на ура. Без приключений и задержек я спустился вниз и вышел на улицу, гадая, что за игру затеял Фариам. Я бы на его месте просто вырвал признание у наемников, нашел заказчика, а затем с позором выгнал из королевства, распустив слух по всем окрестным землям. Но король не стал их трогать, а оснований считать его недалевидным у меня не было никаких. Значит, он затеял встречную интригу, которая просто мне непонятна из-за недостатка данных. Связаться, что ли, с Алоной, пусть потрясет своего папашу на подробности? Хотя нет, Фариам о таком рассказывать точно не станет, и я все равно останусь ни с чем, так что даже пытаться не стоит.

Бредя по улицам столицы, я вдруг задумался: а какого носорога мне все это вообще нужно? Почему я опять ломаю голову над чужими проблемами? У меня же своих навалом! Поэтому, послав к демонам все мысли о государственных интригах и прочей дребедени, я переключился на размышления о будущем, с которыми и добрался до одежной лавки.

Когда я зашел туда, морально подготовившись облегчить свой и без того почти невесомый кошелек, меня встретил сам хозяин. Он радостно заявил, что все уже готово, и предложил примерить обновки. Я отказался и вежливо сказал, что всецело доверяю его

мастерству. Тогда он в ответ обрадовал меня той суммой, с которой мне предстояло расстаться – тринадцать золотых.

– Мы же договаривались на десять! – возмутился я.

В ответ мастер заявил о качественном материале, срочности заказа, короче – стал мне вешать лапшу на уши. Но идти в другую лавку или отказываться от чего-либо из заказа я просто не мог себе позволить, поэтому молча развязал кошелек и высыпал всю наличность на прилавок, тщательно отделив серебро и медь. Оказалось, что я располагаю только одиннадцатью золотыми монетами, которые и продемонстрировал хозяину. Тот посмотрел на меня недовольно, но я решительно заявил, что большей суммой все равно располагать не буду, так что или договоримся о скидке, или я иду в другую лавку.

Со вздохом мастер согласился, хотя я был уверен, что он надул меня не меньше чем на пяток золотых. Попросив его завернуть одежду во что-нибудь (нагель, так уж по-крупному!), я получил тугой сверток и вышел с ним под мелкий дождь. В укромном уголке я опять пересчитал свою наличность – всего десять серебряшек и несколько медяков. Сегодня-завтра все они уйдут на гостиницу и еду, а потом я останусь без средств. Печальная перспектива.

Добираясь до ночлежки, я прикидывал, что еще мне можно продать. Клинки – неохота, расшитый эльфийский пояс, что у меня валяется в сумке, – так за него много не дадут. Разве что лимэль? Но что-то внутри подсказывало, что это плохая идея. Я решил довериться своему чувству, так как пока еще с голоду не умирал, а значит, можно было еще что-нибудь придумать.

Проходя по улицам, я наткнулся на знакомый трактир, где так вкусно готовили грибной суп, и решил зайти. Певца, к моей радости, в углу я не заметил, видимо, залечивал боевые раны и ремонтировал разбитый инструмент. Заняв свободный столик, я заказал много вкусного, решив оторваться напоследок. Заплатил я сразу четыре серебряшки, чтобы служанке потом не вздумалось меня развести, и принялся ждать заказа, размышляя все о той же проблеме – что делать?

Придется сейчас же отправиться к гномам, сделал я вывод. От этого не отвертеться, хотя не сильно-то и хочется месить новыми сапогами раскисшую грязь. Эх, вот если бы переждать где-нибудь месяцок, в тепле и уюте, пока дожди не поутихнут...

Мне принесли заказ, и я всецело посвятил внимание набиванию желудка, шестым чувством догадываясь, что такой пищи я могу не увидеть еще очень долго. С наслаждением доев все до последнего кусочка хлеба, я покинул это заведение и направился в ночлежку, представляя, как обрадуется Алона, когда я сообщу ей, что наконец-то отправлюсь в горы.

Знакомый блеск заставил меня остановиться. Я смотрел на все те же щит и меч, понимая, что, возможно, это решение моей проблемы. Ведь армия – именно то, что мне сейчас необходимо. Я могу получить в ней возможность провести месяц под крышей, в тепле, одетым и накормленным (как обещал мне вербовщик). А потом, когда дожди прекратятся, а земля немного подсохнет, можно будет прикупить какую-нибудь лошадь и рвануть к гномам. Что вообще меня может там ждать? Тренировки? Да я только с радостью, ведь уже несколько дней лишь разминаюсь. Работа? Переживу. Надоедливые начальники? Вспомню опыт прошлой жизни и надену маску пофигиста.

Взвесив таким образом все «за» и «против», я открыл дверь вербовочного пункта и обнаружил все того же седого воина со шрамами на лице.

– А-а-а... – протянул он. – Все же решился?

– Да, – с улыбкой кивнул я. – Что-то вечером вдруг в голову стукнула мысль: а не послужить ли мне королю? Что вы там говорили про деньги?

– Будешь получать пятнадцать золотых в месяц за примерную службу, – заверил меня воин, доставая листок пергамента из стопки и перо из чернильницы. – Как твое имя?

– Алекс.

– Так и запишем, – воин стал водить пером по пергаменту. – А второе?

– То есть? – не понял я.

– Ну, имя твоего рода или можно город, в котором ты родился, а можно даже прозвище. Как тебе будет удобнее, это нужно просто для отчетности.

«И что за отчетность? – подумал я. – Пытаются узнать таким образом, сколько знати поступает в армию? Так можно сразу сказать – ни одного, и не парить себе мозги».

Но, видя, что вербовщик смотрит на меня с ожиданием, я стал придумывать себе второе имя. Города моего родного здесь не знают, Эльфийский лес называть глупо, а приплетать короля гномов, который недавно принял меня в семью, будет верхом идиотизма. Наконец я вспомнил, что в одной книге, которую я читал на Земле, один парень, пойдя в армию, взял себе имя смертельно опасного пушистого зверя, и решил поступить так же.

– Пишите: Алекс Кэльв, – сказал я воину, и он тотчас склонился над листком.

А хорошо звучит, улыбнулся я. Воин закончил писать и взял со стола еще один маленький листок, куда переписал мое имя, сверяясь с большим.

– А теперь подпиши договор, – воин протянул мне перо. – Если писать не умеешь, то просто поставь крестик.

– Я сперва почитаю, – ответил я, беря в руки договор, так как знал по опыту, что подписывать что попало весьма чревато.

Пробежав глазами несколько пунктов, я усмехнулся. И здесь сплошной развод.

– Оказывается, я буду получать не пятнадцать золотых в месяц, – сообщил я вербовщику, хмуро смотревшему на меня, – а всего десять, так как остальные вычитаются за одежду и еду. Также по этому контракту мне нужно заплатить сорок золотых, чтобы иметь возможность в любой момент покинуть службу. Кроме того...

– Так ты будешь подписывать или нет? – спросил меня уже отчаявшийся воин.

А я подумал, что мне нужно будет пробыть там всего месяц, так что условия контракта для меня не имеют равным счетом никакого значения. Делать военную карьеру я не собирался и слиняю, как только дороги высохнут, помахав рукой на прощание. Поэтому я просто нашел в конце листка абзац, начинавшийся словами: «Я, Алекс Эльф, согласен со всеми условиями...» – и взял из рук вербовщика перо.

Положив пергамент на стол, я понял, что кое-что меня смущает. Прочитав строчку еще раз, я поднял на воина глаза и воскликнул:

– Ты что написал? Я же тебе сказал: Кэльв, Алекс Кэльв! А ты меня Эльфом обозвал. Давай переписывай, глухая тетеря! – Я пододвинул листок к нему.

– Эльф, Кэльв, какая разница? – зло ответил мне вербовщик. – Подписывай давай, не буду я на тебя еще один листок тратить!

«Видимо, обиделся на тетерю, – подумал я и сплюнул. – Ну и ладно, всего месяц, так зачем нервы трепать понапрасну?»

Я вывел крупными латинскими буквами свое имя внизу контракта и поставил жирную точку. Я в Нете всегда так подписывался, вот теперь вспомнилось почему-то...

Вербовщик повеселел и бережно взял листок с контрактом. Взамен дал мне тот клочок, где было что-то нацарапано – что конкретно, я даже и не разобрал, – и сказал:

– Теперь ты должен по этому направлению прибыть в Ленец не позднее двух дней с этого момента и показаться тамошнему начальнику лагеря подготовки, а он уже определит, куда тебя направить. Понял? Ну и топай отсюда!

Даже не став прощаться, я вышел наружу, не забыв прихватить свой сверток с одеждой и с грустью вспомнив, что только недавно нелестно думал про тех, кто уходит служить в армию, что они либо кретины, либо добросовестные служаки. Так как служакой я не был, а добросовестности во мне было весьма незначительное количество, то теперь по-любому меня нужно было относить к первой группе. И никакие оправдания мне здесь уже не помогут. Интересно, что скажет Алона, узнав о том, что я нашел себе работу на некоторое время?

Придя в гостиницу, я первым делом помылся в бочке, что стояла во дворе, а затем зашел в комнату и переоделся в новую чистую одежду. Осмотрев себя, я признал, что мастер не зря требовал такие деньги. Все вещи были мне впору, сидели как влитые, будто я в них

родился. Выкинув свою рванину, я положил запасные шмотки в сумку и достал из нее не раз выручавшую меня карту, чтобы отыскать на ней город Ленец. К моему большому облегчению, он обнаружился совсем близко от столицы – всего один дневной переход на запад. Спрятав карту, я задумался, почему же нельзя было устроить этот армейский лагерь в самой столице? Но потом понял, что наверняка военные просто не предполагали, что я буду вербоваться именно здесь, иначе заранее перенесли бы его для моего большего удобства прямо под окна этой гостиницы. Вздыхнув, я достал амулет. Шутка не удалась и моего настроения не подняла, ведь осознание того, что все равно завтра придется шлепать по грязи, радости мне не доставляло.

Алона ответила почти сразу и, узнав новость, заявила, что я нашел себе такую отсрочку на месяц, только чтобы не ехать к гномам. Мне понадобилось довольно долгое время, чтобы убедить ее в обратном, после чего мы просто мило поболтали о всяких пустяках, решив сегодня сделать в занятиях перерыв – вчера Алона переколотила все доски и бревна на своей тренировочной площадке, а новых еще не принесли. Вот что значит научить проказницу нескольким атакующим заклинаниям. Да и ладно, чем бы дитя ни тешилось...

Закончив разговор, я сам немного поупражнялся в формировании плетений и задумался: а почему бы не встроить одно из них в одежду? Двойная выгода получится – и одежда дольше сохранится, и мне будет практика. Только вот какое же применить? Подумав немного, я остановился на защитном коконе и принялся раскладывать его на составляющие, чтобы потом придумать такую структуру, которая бы наложилась на одежду. Конечно, было легче просто окружить себя коконом, включив туда все вещи, но долго поддерживать его – весьма глупый расход энергии, мне нужно было нечто иное.

Проанализировав каждую часть плетения, я стал его преобразовывать, сохраняя общий принцип построения. Через два часа попыток и неудач у меня вышло плетение, которое при внедрении в одежду становилось частью ее ткани и делало ее крепкой, влагонепроницаемой, но в то же время не более грубой. (Первые попытки превращали мою куртку в скафандр, который совсем не хотел сгибаться в рукавах.) Принцип подпитки плетения я немного переработал и не закликивал ее на себя, как вначале, а создал небольшой резерв, как в разговорном амулете. Этот резерв будет легко восполняться прикосновением к ауре хозяина.

В результате у меня получилось отличное плетение, которое укрепляло ткань, не давало проникать влаге внутрь и делало одежду более долговечной. Оно стоило затраченных на него усилий и одной моей рубашки, при первой попытке расплывшейся на ниточки. Кроме того, это плетение забирало очень мало энергии, так как было слабым – ни арбалетный болт, ни стрелу оно не остановит, но зато для очистки от грязи, которая будет прилипать ко мне в дороге, не потребуется много сил и времени. Встроив его во все свои вещи, я заснул с чувством выполненного долга.

На следующее утро я отдал последние деньги за завтрак и продукты в дорогу. Продуктами оказались кусочек побелевшего сыра и краюха хлеба, на большее у меня финансов не хватило. Тщательно упаковав свои вещи, я взял сумки и закинул на плечо, рядом с луком, а колечко с сафрусом, по обыкновению, спрятал во внутренний карман. Выйдя на улицу, я с облегчением увидел, что дождик перестал моросить, хотя небо было еще затянуто облаками. Да, у меня, конечно, влагонепроницаемая одежда, но все же не люблю я дождь и сырость.

«Ну и что? Могут же быть у меня небольшие слабости», – подумал я, направляясь к западным воротам.

Через полчаса я мысленно попрощался со столицей и зашагал по дороге в Ленец. Первым делом я почувствовал, что дорога – это не мощеная улица, здесь царствовала грязь. Она налипала на сапоги, приставала к подошвам, а затем отваливалась большими кусками. Она скользила под ногами и заставляла терять равновесие. Даже мои навыки не помогали, особенно в те моменты, когда грязь с яростным чавканьем пыталась оставить в своем теле мою обувь. Пару раз запнувшись из-за этого и чуть не шлепнувшись прямо посреди дороги, я решил снять сапоги и понес их в руках.

Стало легче. Грязь уже не прилипала к ногам, но все равно затрудняла передвижение. Словно шагаешь по пляжу с мелким песком, но, в отличие от пляжа, ногам холодно, мерзко и липко. С такими темпами до города за день я точно не доберусь. Я решил пробежаться, как по пенечкам на полосе препятствий, и до полудня отмахал довольно приличное расстояние, встречая по пути редких хмурых людей на еле бредущих лошадях. После нескольких часов бега я подумал, что оно того не стоит, и перешел на шаг. Все равно у меня еще было полтора дня в запасе.

В обед я умял все свои продукты, не останавливаясь на привал, а к ужину достиг речки, где немного помылся и напился. К моему сожалению, город впереди так и не показывался, а потому я понял, что сегодня туда не попаду. Прошагав еще час, я решил устраиваться на ночлег. Поймав неподалеку сонного сурка, быстро изжарил его и съел, а затем забрался на раскидистое дерево, чтобы не спать на мокрой и холодной земле, и устроился в удобной развилке.

Утром я, неудачно повернувшись во сне, после недолгого полета поцеловался с вышеупомянутой мокрой землей, только чудом не свернув себе шею. Отплевываясь, я вскочил и, поминая всех демонов, вместе взятых, принялся отряхиваться. Хмурый рассвет не предвещал ничего хорошего, но я решил топтать дальше, раз уж проснулся. А к обеду, злой и голодный, потому что, кроме мелких грызунов, мне ничего не попадалось, достиг нужного города.

Ленец был старым. Именно это впечатление возникло у меня, когда я увидел его стены. Разваливающиеся, с выпавшими камнями и осыпавшимися зубцами, они были жалким зрелищем. Недалеко от входа виднелся большой пролом, который уже давно никто не заделывал, поскольку валявшиеся камни совсем заросли кустами. Ворота никто не закрывал – их створки валялись на земле, отданные во власть гнили и ржавчины. Мда-а, а что же будет в самом городе? На входе меня традиционно встретили стражники, спросившие про запрещенные вещи и потребовавшие два медяка за вход. Денег у меня не было, и я протянул им направление, что дал вербовщик.

– А-а, новенький! – обрадовался командир стражи. – Давненько к нам пополнения не присылали. Проходи, парень, будь как дома!

Стражники почему-то захохотали.

– А где у вас лагерь подготовки? – поинтересовался я.

– А ты иди вперед и не ошибешься, – сказал улыбающийся стражник.

Я поблагодарил их и отправился в указанном направлении. За стенами город оказался немного лучше, чем я ожидал. Развалившихся зданий не было видно, хотя все дома носили неумолимый налет старости. За входом в город начиналась улица, мощенная неровным булыжником, о который я вскоре отбил пятки. Остановившись, я достал из сумки сапоги и принялся их натягивать, немного очистив ноги от грязи. За этим занятием меня и застала полусотня солдат, которая вынырнула из боковой улочки и, чеканя шаг, промаршировала по дороге в том же направлении, куда двигался я. Быстренько подхватив свои вещи, я пристроился за ними.

– Ровнее шаг! Раз, два, раз, два... – надрывался кто-то впереди.

Солдаты с хмурыми лицами продолжали идти, не обращая на него внимания. Пользуясь случаем, я внимательно их рассмотрел. Все они были одеты в одинаковую форму серого цвета, оружия у них я не увидел и ехидно подумал: а не стройбат ли? Несколько человек, шагавших в первом ряду отряда, были в иной форме, черного цвета. Наверное, командиры.

– Левой! Левой! Раз, два, три! – не умолкал вожак этого стада.

Я решил помочь ему и гаркнул:

– Песню запе-евай!

– А мы теперь солдаты, brave ребята, служим королю... – затянули бойцы нестройными голосами.

– Что? А ну, отставить! – завопили впереди. – Прекратить, я сказал!

Солдаты в строю постепенно затихали, некоторые из задних рядов оглянулись на меня. Я им подмигнул и пошел на обгон строя, так как разборка здесь предстояла неслабая. Кто-то впереди, жутко недовольный тем, что его функции присвоил другой, скомандовал:

– Стой на месте! Кто это там захотел у меня наряд на чистку сортиров? Кто это добивается еще одного занятия по строевой подготовке? Кто это такой умный?..

– Кто самое слабое звено... – пробормотал я, огибая колонну.

Голос стал смещаться – видимо, командир пошел разбираться в задние ряды.

Обойдя колонну справа, я пошел дальше, еще долго слыша сзади начальственный рык. Вскоре впереди показался забор, протянувшийся передо мной, насколько хватало взгляда, словно он перегородил весь город. В заборе были ворота с охраной, к которым я и направился. Протянув людям все в той же серой форме направление и получив от них указания, куда мне идти, я зашел в лагерь и огляделся. Большой двор с многочисленными строениями, длинная полоса препятствий на одном его конце и несколько площадок, покрытых песком, в центре. Это все живо мне что-то напомнило. Я пошел к домику, где, как мне сообщили, находился начальник лагеря.

В домике меня встретил секретарь, разбиравшийся в ворохе свитков и книг. Он попросил подождать, пока начальник освободится. Я присел на лавку, чувствуя, что долго ждать не смогу, поскольку еще даже не завтракал, и машинально стал прислушиваться, что происходит за дверью, в кабинете начальника.

– Мне плевать, как вы это сделаете, но чтобы к завтрашнему дню у меня было сто комплектов новой формы! – орал там кто-то, мне даже и слух не пришлось особо напрягать.

– Но ведь пока мы получим... – пробовал возражать ему другой голос.

– Я сказал, к завтрашнему дню! Мне солдат одевать не во что! Если завтра формы еще не будет, я обещаю, что сниму с моих солдат все те обноски, в которых они сейчас ходят, и устрою торжественный марш по столице! Пусть король полюбуется на свою армию!

Я представил такой парад нудистов, в сапогах и с оружием, и хрюкнул. Веселый начальник у лагеря. Чувствую, скучно мне тут не будет.

– Хорошо, я постараюсь через два дня достать форму, – сдался второй голос.

– Завтра! – приказал начальник.

– Но...

– Разговор окончен, вы свободны!

– Слушаюсь, господин начальник!

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышел человек в знакомой черной форме и в расстроенных чувствах. Снабженец, понял я, и зашел, не дожидаясь приглашения.

Хозяином кабинета оказался подтянутый воин в летах, на котором черная форма сидела как влитая. Он восседал за столом и внимательно просматривал лежащий перед ним лист пергамента. Я нарочито громко стукнул дверью.

– Чего тебе? – спросил он, оторвавшись от чтения.

Я вытянулся в струнку и бодро отрапортовал:

– Новобранец Алекс Эльф прибыл в ваше распоряжение для прохождения службы!

– Тихо, не ори, – поморщился он. – Давай направление.

Я достал свой мятый листок и протянул ему. Он, не глядя, сунул его куда-то и принялся осматривать меня. Я постарался придать лицу придурковатое выражение, но, кажется, ничего не вышло.

– Ты, как я погляжу, довольно неплохой вояка, хоть лет тебе и немного... – задумчиво произнес начальник. – Чего тебя в армию понесло?

Я оставил все попытки выглядеть простачком и ответил:

– Деньги кончились, работу приличную найти не смог, а хотелось месячишко прожить под крышей, пока дороги не подсохнут.

– Интересно, как же ты собираешься уйти со службы через месяц, если денег у тебя нет, а по контракту для этого нужно заплатить целых сорок золотых?

Я с прищуром посмотрел на него:

– А вы всерьез полагаете, что меня сильно волнуют условия контракта?

Начальник хмыкнул и сказал с ухмылкой:

– Вижу, ты знаешь себе цену. Где обучался?

– В разных местах, – не стал я вдаваться в конкретику.

– А как оцениваешь свой уровень?

Я задумался. Если сейчас ответить честно, то начальник может не поверить, а если и поверит, то вполне может заставить обучать солдат, а мне такое и даром не нужно. Поэтому я почесал в затылке и ответил:

– Средний.

– Так я тебе и поверил! – широко улыбнулся начальник. – А знаешь, в чем твоя ошибка? Ты долго думал, прежде чем ответить, а твою бесшумную походку может не заметить только слепой или дурак. Так что не прибедняйся и отвечай честно!

– Мастер, – со вздохом ответил я.

– Ого! – удивился начальник. – А я даже и не знал, что мастером можно стать в таком возрасте... – он задумался, почесывая подбородок.

Я в это время рассматривал его кабинет. Довольно многое может поведать о человеке то место, где он проводит свое рабочее время. Ведь все так или иначе стараются, чтобы им было комфортно, а значит, подстраивают это место под себя в соответствии со своими привычками и пристрастиями. В кабинете начальника было много бумаг, несколько красивых статуэток на полках шкафа, форма, висевшая в углу, и оружие. Его было очень много (не так, как у Лина, но все же порядочно), оно висело на стенах, было разложено на полках и стояло в углу комнаты. Различные топоры, мечи и копья притягивали взгляд и просили прикоснуться к их рукоятям. Пока я рассматривал все это, начальник решил, что со мной делать, и огласил приговор:

– Значит, так, сейчас ты идешь получать форму (тут он слегка скривился, вспомнив недавний разговор), затем отправляешься во второй барак и занимаешь там свободное место. Дежурный тебе покажет. После этого ты идешь со мной на площадку с препятствиями и показываешь, на что способен. Ясно?

– Ясно! – откликнулся я, вытянув руки по швам. – А нельзя ли после барака вставить пункт «обед»?

Мой желудок при последнем слове издал жалобное кваканье. Начальник улыбнулся и покровительственно сказал:

– Ладно, если ты привык тренироваться с полным желудком, то зайдешь потом в столовую. А сейчас шагом марш отсюда! – переход к начальственному тону был таким резким, что я тут же развернулся и строевым шагом вышел за дверь.

– А как мне обращаться к начальнику лагеря? – спросил я секретаря, которого уже практически не было видно за ворохом бумаг.

– Командир Карин или просто господин начальник, – просветил он меня.

Глава 9

Теперь ты в армии!

Выйдя из домика начальника лагеря, я отправился разыскивать хозяйственный склад, где мне предстояло получить форму. Пользуясь подсказками встречавшихся мне солдат, я с успехом добрался до огромного сарая, где нашел маленького плюгавенького человечка, к которому и обратился. В ответ на мою просьбу выдать мне форму, он недовольно скривился, но принес нечто серое, несколько дырявое и явно предназначенное для великана. Я это брать отказался и попросил принести форму моего размера. Плюгавенький в ответ достал из-под стола полный комплект формы, правда, мятый и застиранный до невозможности. Я осмотрел его и признал годным для носки, улыбнувшись человечку. Теперь стало понятно, для чего нужна та первая форма – чтобы никто не начал качать права, а брал то, что дают. Осведомившись насчет одеяла и прочей мелочи, я понял, что был прав. Повторилась

примерно та же история, после которой я стал обладателем дырявого покрывала и не первой свежести тюфяка. Решив больше не связываться с пройдохой, я свернул все это в узел и пошел искать второй барак. В крайнем случае буду всем своим обходиться, авось не пропаду.

Второй барак я легко узнал – их было всего два, поэтому я выбрал тот, что находился дальше от главного входа, и получил от дежурного указание занимать любую свободную кровать. Войдя туда, я увидел длинное помещение со множеством деревянных лежанок, на глаз примерно сотней. Весело тут будет, это не гостиница с одиночными номерами и не келья в школе. Ну, главное, что дождь теперь не страшен, а все остальное – терпимо.

Я выбрал ту лежанку, что находилась ближе к двери, хоть и сквознячок будет, но зато можно выходить быстрее всех. Кинув на кровать тюфяк, я расстелил его, а затем быстро переоделся в форму, которая после моей одежды показалась мне грубой и мешковатой. В бараке еще никого не было, видимо, все находились либо на тренировке, либо занимались строевой подготовкой, как та группа, которую я встретил. Пользуясь случаем, я тщательно упаковал все свое оружие и одежду в сумки и засунул их под кровать. Надеюсь, что воров тут нет, а если и есть, то на мечях еще остались маячки, по которым я легко смогу их обнаружить.

Теперь нужно было срочно подкрепиться, поэтому я пошел искать столовую. По запаху я обнаружил ее довольно быстро, но долго добивался, чтобы жадные повара выдали мне обед. Эти гады стали отмазываться и говорить, что время обеда уже прошло, а потому мне нужно чесать отсюда, пока половником не дали! Я заверил их, что дословно передам эти слова начальнику лагеря, и только тогда меня осчастливили порцией вареной картошки без мяса. Ее я умял в мгновение ока, но добавку выцарапать не смог и со вздохом поплелся на площадку дожидаться начальника, который грозился оценить мою подготовку.

Выйдя во двор, я подошел к полосе препятствий и увидел, что она во многом похожа на ту, которую я неоднократно проходил в рассветной школе, правда, препятствия здесь были значительно легче. Так, например, я не увидел вращающихся бревен и острых наклонных кольев, да и пеньки, похоже, были зарыты в землю. В это время полосу проходила группа солдат, которые с трудом преодолевали даже такие препятствия. Я внимательно на них посмотрел и фыркнул.

– Что, можешь лучше? – спросил меня сзади начальник.

Демоны, так засмотрелся, что даже не услышал, как он подошел!

«Внимательнее надо быть», – укорил я себя и спокойно ответил Карину:

– Могу.

– А как ты в рукопашном бою? – поинтересовался он, изучая мое лицо.

– Вполне сносно, – сказал я в ответ, также пристально изучая его.

А ведь он тоже мастер, понял я. Может быть, даже не хуже меня! Нужно это срочно проверить, так как хороший партнер для тренировки мне совсем не помешает.

– Командир Карин, а вы не будете против поединка со мной? – нагло спросил я.

– А ты так в себе уверен? – улыбнулся он краешком губ. – Ладно, мне тоже нужно немного размяться... Пошли на площадку!

Он развернулся и пошел к большой площадке рядом с забором, где несколько пар отрабатывали друг на друге приемы и захваты. За ними наблюдал один из офицеров, который при приближении начальника вытянулся и отдал честь, прижав кулак к сердцу. Надо запомнить, чтобы потом не опозориться, машинально подняв руку к голове, как это принято на Земле. При появлении начальника бойцы прекратили занятие и почтительно отошли в сторону, готовясь наблюдать за представлением.

Карин снял свою форменную куртку, протянул ее старшему офицеру и остался в рубашке. Я же раздеваться не стал и просто прошел за ним в центр площадки.

– Готов? – спросил он, становясь напротив.

Я лишь утвердительно кивнул, и в тот же момент он атаковал меня. Благодаря своей развитой интуиции я мог предугадывать все его удары, и они не достигали цели, но отвечать

пока не мог, чтобы не раскрываться. А начальник взвинтил темп и начал демонстрировать технику уколов, а затем и захватов, которые были мне отлично знакомы. Я, в свою очередь, также ускорился и в один прекрасный момент, подловив начальника на обманном движении, пальцем легонько дотронулся до его шеи. Начальник сразу прекратил бой и уставился на меня с недоумением.

– Рассветная школа, – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал он.

Я кивнул. Теперь я понял, кем был начальник лагеря. Передо мной стоял один из выпускников мастера Лина, один из шести, которые сумели завершить обучение до меня.

– Тогда продолжим, – с улыбкой заявил Карин. – Я давно не находил столь умелого противника.

И мы продолжили. Честно скажу, я был примерно его уровня по ловкости и силе, но вот по технике он превосходил меня, применяя такие приемы, о которых не рассказывал даже мастер. Видимо, с момента окончания его обучения прошло немало времени, раз он сумел усовершенствоваться и без того отличную технику рассветной школы. В поединке с ним я получал огромное удовольствие и новые знания, которые моментально впитывал. Все-таки опыт имеет огромное значение, понял я, когда десяток раз проиграл схватку из-за недостатка времени на правильные движения. И даже моя интуиция здесь просто ничем не могла помочь, но почти половину схваток благодаря ей я все же сумел выиграть.

Через полчаса Карин поднял руки и заявил:

– На сегодня достаточно.

Я уважительно ему поклонился, признавая свое поражение по общему результату поединка, и стал дожидаться его вердикта. А начальник, не спеша надев куртку, заявил мне:

– Ты зачислен в третий отряд под командование Ринока, там как раз несколько бойцов не хватает. Днем будешь проходить подготовку со всеми, а вечером станешь заниматься со мной... Ну, а там посмотрим!

Он развернулся и ушел с тренировочной площадки, а я остался под уважительными взглядами солдат, наблюдавших за нашим поединком.

– А не подскажете, где сейчас третий отряд? – спросил я окружающих.

– Должны сейчас заниматься строевой в городе под началом Лаприца, – ответил мне офицер.

Блин, не повезло. Поблагодарив офицера, я отдал ему честь и пошел к своему барaku дожидаться того самого отряда, над которым только недавно подшутил. Да, шутка удалась, но теперь грозила выйти мне боком, как только бойцы меня узнают. Думаю, задние ряды успели рассмотреть мою характерную прическу и уши, так что оставалось только ждать неприятностей.

Мне пришлось постоять около барака минут пятнадцать, прежде чем я услышал у входа в лагерь знакомый голос:

– Левай! Левай! Четче шаг!

Стройными рядами в ворота входили бойцы, а впереди шел и надрывался их командир, Лаприц. Он был на полголовы ниже всех, поэтому я его и не заметил при первой встрече, но зато имел громкий голос, которым не стеснялся пользоваться. Промаршировав до барака, Лаприц скомандовал:

– На месте стой! Занятие окончено. Через час десятникам провести с бойцами тренировку на луках, пока не подойдет капитан Ринок. А сейчас разойтись! – оглушительно гаркнул он на прощание и удалился.

Бойцы развернулись и, устало переговариваясь, поплелись в барак. Вот один из них заметил меня.

– Гляди-ка! Эльф!

– Да, точно! И в нашей форме.

– Новенький, – догадался кто-то.

Я приветливо им улыбнулся, но все мои усилия пропали даром.

– Кин, а мне кажется, что это та самая сволочь, из-за которой я получил два наряда на

кухню! – сказал один из них, крепкий парень лет двадцати, уверенно державшийся впереди всех.

– Да, это он! Я тоже его узнал! – раздалось из толпы, и весь отряд двинулся на меня, не предвещая ничего хорошего.

– Привет, ребята! – решил я вступить в игру. – За тот случай я дико извиняюсь, шутка получилась неудачной. Вы, я так понимаю, третий отряд?

– А тебе что, остроухий? – угрожающе спросил один из парней в черной форме.

– Просто хотел вас обрадовать, что с сегодняшнего дня я зачислен к вам.

Тот самый парень, который получил наряды, остановился напротив меня, а остальные взяли нас в тесное кольцо. Ой, что-то сейчас будет. Похоже, избиение младенцев!

– А я хочу тебя обрадовать, что с сегодняшнего дня ты попадаешь в лазарет, и надолго!

Он выбросил кулак мне в лицо, но мне не составило труда уклониться. Второй удар тоже пропал, не достигнув меня. Тогда он ринулся вперед и стал работать широкими махами, на которые я вынужден был отвечать блоками. И тут в схватку вступили болельщики. Пару ударов я пропустил мимо себя, но их было так много, что нескольким удалось достать мои ребра, а один чуть не угодил мне между ног. Вот тогда я разозлился и начал отвечать. Понимая, что их смерть мне вовсе ни к чему, я награждал их оплеухами, ударами в болевые точки, оглушал и опрокидывал на землю. Действительно, это было избиение младенцев. Бойцы ничего не могли противопоставить мне, кроме пары стандартных ударов, да и двигались недостаточно быстро, мешали друг другу в толпе, что позволяло мне оставаться на ногах. Да, у них был один шанс, когда пятеро просто кинулись на меня, стремясь повалить и задавить общей массой, но я просто подпрыгнул, опершись на переднего, и оказался за их спинами, а потом точными ударами по корпусу повалил их всех.

– Что здесь происходит?! – грозный рык раздался в тот момент, когда на ногах осталось всего семь человек, а остальные валялись на земле в сознании или совсем без оного.

Я развернулся и увидел еще одного офицера в черной форме. Он выглядел намного старше тех, что валялись, награжденные моими тумаками, и представлял собой типичный образчик командира. Перед такими подсознательно стараешься вытягиваться по стойке «смирно» и с трудом удерживаешься от того, чтобы не отдать честь. В этих личностях есть что-то такое, что заставляет их уважать и подчиняться, причем как они этого добиваются, для меня так и оставалось загадкой. А ведь научиться такому было бы весьма полезно...

Я не стал сопротивляться инстинктам и отдал ему честь, а затем молча встал перед ним, вытянув руки по швам. Командир оглядел поле боя и уставился на меня:

– Отвечай, что тут произошло!

– Силами бойцов третьего отряда проводилось плановое занятие по боевой подготовке. Тема занятия – успешное сопротивление без оружия превосходящим силам противника. Цель занятия – научиться правильно организовывать сопротивление толпе нападающих. Занятие завершено, цель занятия достигнута. Рядовой Алекс доклад закончил! – четко отпарентовал ему я, еще раз отдав честь.

Он с хитрой улыбкой посмотрел на меня и повернулся к бойцам, стоящим на ногах.

– Все так и было?

Ответом ему было молчание. Парни, которые все еще стояли на ногах, и те, кто смог подняться, уставились в землю и не проронили ни слова, однако прежде чем командир стал терять терпение, из-за их спин выскочил худой паренек с маленькими бегающими глазками.

– Нет, все не так было! – заявил он. – Этот эльф, как только нас увидел, сразу принялся нещадно избивать, и только немногим посчастливилось увернуться от его ударов!

Командир недовольно поморщился, причем я заметил гримасы недовольства и на лицах некоторых бойцов. Видимо, этот парень многим здесь не нравился, да и понятно – доносчиков мало кто любит. Переведя взгляд на меня, командир приказал:

– За мной, к начальнику! А этим приведите лекарей, – кивнул он на лежащих на земле.

– Нет нужды, – сказал я. – Через несколько минут очнутся. Максимум, что они получили – это легкое сотрясение мозга, а травм, кроме синяков и шишек, у них нет.

– Не указывай мне, что делать! – недовольно оборвал меня командир. – За мной!

Он развернулся на месте и быстрым шагом направился к дому начальника, а я поспешил следом. В доме командир спросил у секретаря: «У себя?» и, не дожидаясь ответа, открыл дверь кабинета, куда мы с ним и зашли. Начальник Карин сидел за столом и тщательно полировал лезвие меча, по форме очень напоминавшего мои клинки. Второй в ножнах лежал перед ним и терпеливо дожидался своей очереди.

– Командир, полюбуйтесь на вашего новенького!

– Так вы уже познакомились? – спросил Карин, продолжая свое занятие. – И как он тебе?

– Как? Да он почти всех моих ребят перебил! – вскричал офицер, и я наконец-то понял, что это и был Ринок, под командование которого я должен был поступить.

Командир замер и с тревогой посмотрел на меня.

– Все живы, максимум получили несколько синяков, – поспешил я его успокоить.

Карин расслабился и продолжил неспешно полировать клинки. А я улыбнулся краешком губ, подумав, какая красочная картина промелькнула перед глазами начальника лагеря при словах «всех ребят перебил». Да, искусство рассветной школы направлено именно на убийство, поэтому его тревога мне была полностью понятна, ведь я мог с легкостью убить всех бойцов третьего отряда. Хорошо, что до этого не дошло, да и вообще, после обучения мне стало как-то неприятнее убивать. Даже в доме Гильдии, когда я мог убить всех наемников, кинувшихся на меня, я отчего-то сдерживал свои удары. Может быть, у меня возникло такое ощущение, что они для меня не более опасны, чем обычные котята, поэтому все наемники остались в живых, а может... Нет, нужно хорошенько над этим подумать. Я вынырнул из своих мыслей и стал слушать разгоравшийся спор.

– Мне не нужен такой боец, который избивает сослуживцев! – заявил Ринок.

– А куда я его дену? Первый отряд еще не вернулся с учений, а второй полон. Хочешь, чтобы я его на склад отправил? – невозмутимо ответил начальник.

– Да хоть куда, только от меня подальше!

– Так, хватит! – начальник отложил в сторону меч. – Что у вас вообще там произошло? – спросил он меня.

– Маленько не сошлись во мнениях, – ответил я. – Но проблем больше не будет, гарантирую.

– Да ты-то можешь гарантировать, а вот что другие скажут? – Он взглянул на Ринка.

– Другие говорят, что он набросился на них безо всякой причины и стал избивать, – доложил тот.

– Это правда? – спросил меня начальник.

– А есть разница? – спросил я в ответ.

Начальник задумчиво на меня посмотрел и доходчиво объяснил разные варианты развития событий:

– Если это правда, то я обязан тебя наказать, а если нет, то назови имя зачинщика, чтобы я мог наказать его.

Я задумался. Это была действительно проблема. С одной стороны, брать на себя вину и возможное наказание никак не хотелось, но с другой – становиться доносителем и после этого жить под одной крышей с полусотней парней, которые тебя презирают и люто ненавидят, не хотелось еще больше. Поэтому я кивнул и сказал:

– Это правда. А наказание серьезное?

Начальник внимательно на меня посмотрел и ответил, надеясь, что я передумаю:

– Десять плетей.

– Не страшно, – подвел итог я. – И когда экзекуция?

Начальник скосил взгляд на окно, за которым уже начало темнеть.

– Завтра днем, когда соберется весь личный состав, – со вздохом ответил он. – Ты действительно напал первым?

– А вы как думаете?

– Я думаю, что ты заплатишь за уважение слишком большую цену, – глядя мне в глаза, ответил Карин.

– Посмотрим, – пожал плечами я.

– Ну, ты и подарочек мне подсунил, Карин, – сказал все это время молчавший Ринок.

– А кому, как не тебе, я его мог спихнуть? – развел руками начальник. – Выручи уж, по старой дружбе!

Ринок только махнул рукой, а я задумался: неужели и он тоже выпускник Лина? Нет, двигается он немного не так, хотя и довольно умелый воин – это сразу видно. Значит, они с начальником просто друзья, а не школьные товарищи, это нужно будет учесть и не доводить впоследствии Ринока до белого каления. А то вон как он на меня выверился, стоило лишь мне высказать одно замечание.

– Пошли, зачинщик, время ужина, – сказал мне Ринок и, кивнув начальнику, вышел из кабинета, оставив своего друга приводить оружие в порядок.

– Ты ведь не чистокровный эльф? – спросил он по пути в столовую.

– Нет, полукровка, – коротко ответил я.

– А в армию тебя чего понесло? – продолжал допрос Ринок.

– Деньги кончились.

– Ты надеешься заработать в армии состояние? – хохотнул командир. – Оставь эту затею, парень! Слушай, а может быть, ты уйдешь из армии? Даже без компенсации, я смогу договориться, – доверительно сказал он. – Подумай, будешь свободным, как ветер, можешь пойти, куда душа пожелает, и не будешь действовать мне на нервы!

– С вашего разрешения, я еще здесь побуду какое-то время, – ответил я. – Но благодарю за предложение и взамен обещаю, что постараюсь оставить ваши нервы в целости и сохранности... Ну, по возможности...

Ринок лишь мельком глянул на меня, честно и открыто смотревшего ему в глаза, и пробормотал:

– Ну, Карин! Ну, удружил! Вовек не забуду...

Так мы дошли до столовой, где уже толпился народ. Ринок, разумеется, пролез без очереди, а я нагло пристроился за ним. Взяв себе поднос с тарелками, командир подошел к поварам, механически орудовавшим половниками. Я старался не отставать от него, но и не попадаться ему на глаза. Когда Ринок протянул свои тарелки повару, тот черпаком налил в одну из них аппетитно пахнущее варево, а в другую насыпал кашу, похожую на гречневую. Завершил композицию «Ужин командира» большой кусок жареного мяса и пара ломтиков хлеба. Получив ужин, командир развернулся и отправился за столик, где сидели офицеры, а я встал на его место. Кивнув повару, я получил в свои тарелки суп и кашу, но на этом дело застопорилось.

– Мясо давай, не жмоться! – приказал я таким начальственным тоном, что повар и не подумал ослушаться и машинально брякнул кусок мяса мне в тарелку.

Лишь только тогда в его глазах появился проблеск мысли, и он попытался это мясо у меня наглым образом забрать. Я пресек все эти попытки, подняв поднос и схватив у него из-под руки пару кусков хлеба. Развернувшись и отправившись искать свободное место, я услышал сзади от раздатчика:

– А ну стой, гад!

Но останавливаться я, конечно, и не подумал, ища свободное место за столами и думая, что кто-то из офицеров точно сегодня останется без жареного. Лишь бы не начальник, а на остальных мне начхать! Увидев свободное место рядом со знакомыми мне личностями, я устремился туда. Молча сел рядом с бойцами третьего отряда и принялся уплетать сочное мясо, понимая, что его вполне могут и отобрать разгневанные повара.

– Ты смотри, он уже в офицеры подался! – раздался голос парня с нарядами. – Так что же ты не садишься со своими? Разве тебе приятно сидеть с простыми солдатами?

– Не кипятись, – посоветовал я ему, облизывая с пальцев жир. – В офицеры меня еще не записали, так что могу сидеть, с кем захочу.

Я принялся за суп, который оказался весьма наваристым, хотя и пустоватым. Краем глаза я ловил злые взгляды бойцов, лица некоторых украшали синяки, от чего их глаза блестели еще ярче.

– А вот мы не хотим сидеть с доносчиками! – сказал мне боец слева, которого я опознал как Кина.

Я нашел взглядом худого парня с бегающими глазками, сидевшего за этим же столом, и хмыкнул:

– А вас кто-то заставляет?

– Убирайся отсюда, тварь остроухая! – заявил мне боец, сидевший напротив. – Тебе здесь не место!

Я проглотил последнюю ложку супа и принялся вымакивать оставшиеся капли кусочком хлеба.

– Позволь мне самому решать, где мне место, – ответил я ему, засунул кусочек в рот и придвинул тарелку с кашей.

– Да ты!.. – начал было парень, но был остановлен тем, которому грозила работа на кухне.

– Постой, Лас, ушастик просто не понимает, что ему тут совсем не рады. Сейчас он возьмет свои тарелки и пойдет подыскивать себе другое место. Ведь, правда, ушастик?

Я молча поедал кашу. Малость недоварено, недосолено, но вполне сносно. Парень медленно, но верно закипал, глядя на меня.

«Сейчас будет ба-бах», – подумал я.

И точно, парень поднялся и навис над столом, наклонившись ко мне.

– Вали отсюда, мразь!

– Слушай, тупоухий, чтобы меня обзывать, у тебя должны быть большие основания, поэтому либо заткнись, либо мигом попадешь в лазарет, – предупредил его я.

– А ты считаешь, что у меня нет оснований?! Да я из-за тебя уже получил два наряда на кухню! А сколько еще получу за драку?! – закричал он мне в лицо.

– За драку дают не наряды, а плети, – спокойно просветил его я.

Эта новость настолько его ошарашила, что парень побледнел и сел на свое место. Я не спеша доел кашу и только тогда услышал в общем шуме столовой его сдавленный вопрос:

– И сколько?

– Десяток, – ответил я, сложил тарелки на поднос и поднялся. – Мне, во всяком случае, дали именно столько.

Я развернулся и пошел сдавать посуду, чувствуя, как спину царапают напряженные взгляды сослуживцев. Опустив тарелки в большой чан с водой, я положил поднос в одну из стопок, вышел из столовой и прикинул, что вечером начальником мне была обещана тренировка, а значит, нужно идти поближе к его домику, чтобы не заставлять его ждать. Никаких фонарей или ламп зажигать не собирались, поэтому вокруг сгущались сумерки. Но в домике начальника все же горел свет, и я решился заглянуть туда. Секретаря уже не было за столом, хотя его бумаги остались. Постучав в дверь и дождавшись разрешения, я вошел в кабинет Карина. Тот стоял у окна и смотрел на вечернюю суету, что царила на улице, размышляя о чем-то своем. Я не прерывал его, стоя у двери.

– Алекс, а зачем тебе нужно уважение товарищей? – спросил меня начальник, но потом поправился: – Нет, я имею в виду, зачем тебе это, если через месяц ты все равно уйдешь отсюда?

– Затем, что этот месяц я хотел бы прожить спокойно, – ответил я и добавил, видя, что мой ответ не принес ясности: – Вначале я просто хотел держать со всеми нейтралитет, но так уж получилось, что пришлось выбирать – уважение или ненависть. Как вы сами можете догадаться, второй вариант спокойствия вовсе не гарантирует.

Начальник задумался, а потом сказал:

– Знаешь, нормальный человек просто бы ответил, что уважения всегда добиваться непросто... что это ему было необходимо для чувства собственного достоинства, но ты... Ты

говоришь об этом так холодно и расчетливо, будто сам подстроил драку, чтобы получить его.

Командир повернул голову и вопросительно посмотрел на меня. Я поспешил развеять его сомнения:

– Нет, командир Карин, это действительно произошло случайно. Однако буду с вами честным до конца: если бы я решил, что это мне необходимо, я бы действительно довел дело до конфликта.

– А ты уже делал так раньше? – начальник даже повернулся ко мне всем телом.

– Да, – припомнил я эпизод с гномом.

Карин опять задумался, а я принялся разглядывать оружие в кабинете.

– Не хотел бы я иметь тебя своим врагом, – признался начальник лагеря. – Если ты так легко можешь управлять чувствами людей, я боюсь даже подумать, что ты будешь делать со всем остальным... Ладно, пошли, немного поработаем с оружием. У тебя мечи где?

– В бараке, – ответил я, недоумеваю, с чего это вдруг начальника потянуло на лирику.

– Возьми эти, – он протянул мне два простых клинка в ножнах. – Они могут подойти для тренировки. Деревянные я брать не хочу, баланс не тот, так что ты смотри, поаккуратнее.

Мы с ним вышли на улицу и отправились на знакомую площадку, где сняли куртки и рубашки, чтобы не задеть ненароком, и принялись тренироваться. Здесь преимущество было явно на моей стороне, хотя я и работал незнакомым мне оружием. Благодаря своей гибкости и верткости я легко уходил от атак начальника, а в ответ наносил молниеносные удары, которые он просто не успевал блокировать. Через несколько минут я почувствовал, что амулет на моей груди начал вибрировать, и на мгновение зазевался, что стоило мне царапины на боку. Подняв мечи, я ответил Алоне, что сейчас немного занят, и пообещал связаться с ней позже. После этого мы вернулись к схватке, и вскоре уже Карин поднял свои мечи, прерывая бой.

– Похоже, что я давно не тренировался в полную силу, – заметил он и поклонился мне, признавая поражение.

Я поклонился в ответ и вложил мечи в ножны. Поработать без оружия он мне не предложил, а настаивать я не хотел. Да и совсем стемнело, а таким хорошим зрением, как у меня, начальник явно не обладал.

– Алекс, а тебя когда-нибудь били плетью? – неожиданно спросил начальник, одеваясь.

– Нет, не довелось как-то.

– Тогда понятно, почему ты согласился на наказание, – хмыкнул Карин.

– А что, сильная штука? – уточнил я.

– Ну, как тебе сказать... – задумался начальник. – Вот месяца четыре назад у нас на посту заснул солдат, и я наказал его пятью плетями...

– И?

– На четвертом ударе у него не выдержало сердце, – ответил начальник и пошел к своему домику, забрав у меня из рук свои мечи.

Он что, и живет там, в кабинете, а не в городе? Вот это настоящий трудоголик!

Опомнившись, я связался с сестренкой и услышал радостное:

– Ну, как ты там?

Я припомнил драку, ненависть сослуживцев, ожидающие меня десять плетей и с чистой совестью ответил:

– Просто замечательно!

Глава 10

Наказание и преступление

Поболтав немного с Алоной, я вернулся в барак, где меня встретила тишина. Улегшись на свою кровать, я подумал, что сегодня день прошел весьма интересно, а вот завтра ожидался – просто зашибись!

Под такие мысли я и заснул, а утром опять вскочил ни свет ни заря и побежал тренироваться. Мне нужно было поработать над новыми приемами, которые я узнал от Карина, а это было делом не одного часа. Однако, придя на площадку для тренировок, я обнаружил, что в армии не только меня мучает бессонница. Начальник лагеря упражнялся с мечами и, судя по следам на влажной от ночного дождя земле, проделывал он это уже довольно долго.

Я поклонился ему по старой привычке, как кланялся мастеру в школе, и сделал небольшую разминку, после которой методично принялся отрабатывать новые удары, чередуя их со своими и добиваясь слаженной работы в комплексной атаке. Через несколько часов я понял, что уже наступило утро, а начальник давно покинул площадку и ушел к себе. Боясь опоздать на завтрак, я рванул к столовой, подхватив свою одежду и лихорадочно напяливая ее на бегу.

Вопреки моим опасениям, я успел, и, сопровождаемый злым взглядом все того же повара, получил в свои тарелки перловку и жидкий рыбный суп. Прихватив хлеб, я опять отправился искать место. Кто бы сомневался, что единственное место во всей столовой окажется опять за столиком моего отряда! Вздохнув и предчувствуя неприятный разговор, я подошел к столу и поставил на него поднос. При моем появлении бойцы перестали жевать и стали смотреть, как я с аппетитом поглощаю суп. Давешний парень, который имел на меня зуб, поднялся вместе со своими тарелками и подошел ко мне. Блин, даже доест не даст! Однако он толкнул моего соседа и сказал:

– Рик, пересядь на мое место, мне с ушастью поболтать нужно.

Тот молча подхватил тарелки и отправился на освободившееся место, а я подумал: дались им мои уши! Что они, эльфов никогда не видели, что ли?

– Это правда? – спросил меня парень, сев рядом.

Я проглотил кусок хлеба и уточнил:

– Что именно?

– Что тебе назначили десять плетей?

– Правда, – не стал я отпираться, переходя к перловке.

– А за что?

– За драку, – ответил я с набитым ртом.

– Но ведь ее начал не ты? – удивился парень.

– А Ринокку сказали именно так, – ответил я, переведя стрелки на худого доносчика.

Парень машинально глянул на упомянутого субъекта, сидевшего на другом конце стола, потом повернулся ко мне и спросил:

– Но ведь ты мог сказать, как все было на самом деле и...

– Слушай, – перебил его я. – Раз мы уже всю общаемся и на «ты» давно перешли, скажи, как тебя звать-то?

Парень замаялся, но все же ответил:

– Крот.

– А я Алекс, – протянул я ему руку, которую парень крепко пожал. – А почему Крот?

– Да так... было дело... – совсем смутился Крот. – Ты лучше ответь, почему не рассказал, как по правде все вышло?

Доедая кашу, я постарался понятно объяснить ему причины моего поступка:

– Понимаешь, ты ведь полез на меня, потому что я неудачно пошутил. Значит, в драке был виноват именно я. И не переживай больше по этому поводу, свое я получу.

Глядя на меня, Крот спросил, забыв про завтрак:

– Значит, ты не сказал правду, потому что чувствуешь себя виноватым?

– Можно и так выразиться, – согласился я, облизывая ложку и думая, что истинной причины ему никто не скажет.

– Но ты же мог просто извиниться...

Он замолчал сам, вспомнив, что я пытался сделать перед дракой.

– А что, теперь ты примешь мои извинения? – уточнил я, сгружая свои тарелки на

поднос.

– Теперь – да, – ответил Крот, глядя мне в глаза.

– Ну и отлично! – улыбнулся я и пошел относить пустые тарелки.

Выйдя на улицу, я задумался: когда же будет экзекуция? Если должен собраться весь личный состав, а первый отряд, как видно, еще не вернулся, то мое избиение откладывается на неопределенный срок. Это плохо, ведь могут быть немалые осложнения с Кротом, который сейчас уверен, что я честно и бескорыстно беру на себя его вину. Вздыхнув, я стал дожидаться своего отряда, с которым мне предстояло тренироваться в ближайший месяц дождей.

Через несколько минут из столовой начали выходить бойцы и строиться на площадке. Я подошел к своим и встал в задней шеренге, чтобы не светиться лишний раз перед глазами начальства.

Командиры начальственными окриками выравнивали строй воинов, а я мельком сосчитал бойцов. Выходило чуть больше полутора сотен человек. Вот это армия! Или же это всего одна часть, а по королевству раскидано еще несколько десятков подобных лагерей? Выровняв строй, командиры сами вытянулись в струнку, и я увидел, что из домика вышел начальник лагеря в белой парадной форме. Пройдя всю колонну солдат, он подошел к командирам, которые при его приближении отдали честь, прижав кулаки к сердцу.

– Бойцы построены! – доложил один из них, имени которого я еще не знал.

– Благодарю, – коротко ответил начальник и повернулся к строю солдат, которые даже дышать стали через раз.

А я подумал, что если всего бойцов полторы сотни, значит, первый отряд уже вернулся. Считаю, блин! Только когда, ночью, что ли? Вполне вероятно, я ведь разговаривал с Алоной недолго и заснул, как только наступила темнота. А ворота в городе ведь не закрываются...

– Бойцы! – начал командир, прервав мои размышления. – Вчера в лагере произошло чрезвычайное событие – один из вас поднял руку на своих товарищей! («А также несколько раз и ногу», – подумал я.) Теперь зачинщика ждет суровое наказание в десять плетей, чтобы такие инциденты больше не повторялись!

По рядам прокатился шепоток: «Десять плетей! Десять...»

– Алекс Эльф! – скомандовал начальник. – Выйти из строя!

Я вышел из задних рядов и подошел к начальнику, чеканя шаг. Остановившись перед ним, я постарался щелкнуть отсутствующими на моих сапогах каблуками и прижал кулак к груди.

– Алекс Эльф, признаешь ли ты вину за свой проступок? – громко спросил меня Карин, и я понял, что цирк продолжается.

– Признаю! – громко ответил я.

– Тогда прими полагающееся тебе наказание и больше не поднимай руки на своих товарищей! – громко сказал начальник и тихо добавил мне: – Если выживешь.

Он развернулся и приказал:

– Принести все необходимое!

Несколько солдат, стоявших неподалеку от склада во главе с типом, что выдавал мне форму, кинулись внутрь и через несколько минут приволокли здоровенную колоду. Начальник склада не принимал участия в выносе сего устройства, а принес плеть. Ее я постарался хорошенько рассмотреть. Она представляла собой кнут, но размноженный на конце в десятки раз на маленькие кожаные веревочки, а на конце каждой можно было без труда заметить маленький узелок. Рассматривая это пыточное приспособление, я понял, что крупно влип, но отступать было нельзя. Теперь мне может помочь защитный кокон, но знающий человек сможет легко определить мой мухлеж. Значит, от кокона придется отказаться.

– Ирлэн, в прошлый раз ты показал свое мастерство, – услышал я голос начальника. – Приказываю тебе и сейчас взять в руки плеть и отсчитать ровно десять ударов!

От группы офицеров отделился здоровенный детина, отдал честь начальнику и взял

плеть, смотря на меня недобрым взглядом. Я понял, что попал вдвойне. Видимо, командир не стал договариваться, чтобы меня немного пожалели при неприятной процедуре. Зря я ему, наверное, вчера так откровенно обо всем рассказал. Ну, ничего, зато это послужит мне хорошим уроком. Теперь стану умнее и буду молчать побольше. Несколько солдат принялось готовить меня к процедуре. Они стащили с меня куртку и рубашку и подвели к колоде. Но тут по строю солдат прошло шевеление, и из него вышел мой давешний знакомый, Крот.

– Разрешите обратиться, господин начальник? – спросил он Карина.

– Обращайся, – милостиво разрешил начальник.

– Алекс не виноват в драке, он не был зачинщиком и наказание получает незаслуженно.

Я посмотрел на него с удивлением и подумал, что опять ошибся в анализе характера человека. Я ведь и не предполагал, что он способен на такое, иначе объяснил бы ему все намного точнее. Блин, и куда он вообще полез! Такую игру мне намерен испортить, гаденыш!

– А кто виноват в той драке? – спросил Карин.

Не тупи, Крот, не порть мне представление!

– Я, – гордо ответил боец, вытянувшись в струнку.

Идиот, нашел, чем гордиться! Я даже отвернулся от него, но меня заставил вновь повернуться вопрос Карина:

– Алекс Эльф, это правда?

– Нет, – спокойно ответил я, сверля парня глазами.

– Встать в строй, солдат! – приказал начальник лагеря Кроту. – За ложь я назначаю тебе внеочередной наряд на кухню!

Пристыженный Крот вернулся в строй, а я подумал, что не фиг было рыпаться.

– Начинайте! – приказал Карин.

Меня уложили на колоду, и один из бойцов сунул мне под нос какую-то деревяшку. Я недоуменно на него посмотрел, а он шепнул, что ее нужно зажать зубами. Я решил не противиться опыту поколений и взял деревяшку в рот, ожидая начала.

Первый удар я пропустил, не успев сгруппироваться. Лишь услышал тихий свист, а затем мне на спину плеснули раскаленный металл. Деревяшка в моих зубах жалостно хрустнула. Второй удар я тоже пропустил, не успев прийти в себя после первого, но на третьем уже успел напрячь мышцы, и он показался мне менее болезненным – всего-навсего полведра кипятка! Четвертый и пятый удары прошли нормально, но я ощутил, как со спины по бокам стекает кровь. Еще три удара я выдержал стоически, но на предпоследнем опять ощутил дикую боль. Видимо, палач-садюга попал мне на располосованное место. Последний удар я получил, уже краешком сознания уплывая в темноту. Усилив воли разогнав туман перед глазами, я выплюнул щепки и понял, что солдаты поднимают меня с колоды.

– Отнесите его в лазарет, – услышал я голос начальника.

А вот и хрен вам, меня так просто не сломаешь!

Я выпрямился, чувствуя, как дрожат ноги, но постарался не подать вида и отказался от помощи, а затем подошел к начальнику и отдал ему честь. Начальник долго не находил, что сказать на это. Такое же удивленное состояние коснулось и строя солдат. Наконец Карин подобрал слова и громко спросил:

– Алекс Эльф, обещаешь ли ты в будущем не совершать подобные проступки?

– Да! – ответил я громко, а под нос пробормотал: – Это уж как получится.

Последние слова вызвали тень улыбки в глазах начальника.

– Разрешите идти?! – спросил я, ощущая, как организм потихоньку начал залечивать раны.

– Отправляйся в лазарет! – громко заявил Карин и тихо добавил для меня: – Вечером на тренировку можешь не приходить.

Я отдал ему честь и, развернувшись, отправился искать этот самый лазарет, по пути забрав свою форму у одного из солдат. Шагать было трудно, ноги стали совсем ватными, я

чувствовал, что по спине стекают капли крови, впитываясь в форменные штаны. Процесс заживления уже пошел, но весьма похоже, что на моей спине не осталось живого места. Мне нужно было срочно воспользоваться лимэлем, чтобы избавиться от шрамов.

Лазарет обнаружился в дальнем конце армейского двора, там меня встретил старый лекарь. Осмотрев мою спину, он захохотал и принялся намазывать ее какой-то странной скользкой массой из горшочка, по запаху очень напоминавшей болотную тину. Закончив, он обмотал меня тряпками и посоветовал пару дней полежать на животе и поменьше двигаться. Поблагодарив заботливого старичка, я отправился в казарму, где в своих сумках откопал начатую фляжку с лимэлем и сделал пару больших глотков. Огонь в желудке быстро распространился по всему телу, и я почувствовал, что раны на спине заживают, выдавливая из себя мерзкую слизь, которой намазал меня лекарь, а на месте рубцов образуется новая нежная кожа.

Целый час я наблюдал и контролировал процесс восстановления. Мне никто не мешал, так как бойцы моего отряда после построения ушли на какие-то занятия. В бараке не осталось даже дежурного, поэтому я не стал таиться, сорвал с себя все тряпки с остатками слизи и с наслаждением почесал спину. Несмотря на все мои старания, с десятков длинных шрамов все же осталось. Видимо, в плетке была одна веревка, оставлявшая на теле очень глубокие раны, но я по этому поводу переживал не сильно. Ведь и так был не красавцем, так чего волноваться из-за десятка полос на спине? Тщательно вытершись от слизи, я оделся и улегся на кровать так, как советовал знаток медицины. Не то чтобы у меня болела спина, просто я собирался хорошенько выспаться после такого «побоища», а легенду нужно было поддерживать всеми силами. Ведь вдруг кто увидит? Вопросов потом не оберешься.

Сон в объятиях темноты был сладким, и проснулся я только потому, что кто-то потряс меня за плечо.

– Алекс, ты живой? – услышал я голос Крота.

– Не дожدهшься!

– И как ты себя чувствуешь? – полюбопытствовал он.

– Просто прекрасно! Неужели не видно?

– А-а-а, – протянул Крот. – Просто я подумал, что ты уже совсем дохлый, раз команды «обедать!» не услышал.

Волшебное слово в мгновение ока подняло меня с кровати.

– Я что, проспал обед? – с тревогой спросил я Крота, который удивленно наблюдал за моим торопливым натягиванием сапогов.

– Нет, все только пошли в столовую, – успокоил он меня.

– Тогда нужно догонять, пока там еще что-то осталось, – решительно сказал я и вышел из барака.

Крот пристроился рядом со мной. Видно, команду только что подали, потому что мимо нас проходили солдаты, стремясь туда же, куда направлялись и мы. На меня они кидали уважительно-недоуменные взгляды и перешептывались, отойдя от нас подальше. Демоны меня разрази, на такую популярность я не рассчитывал! Нужно было потерять сознание ударе на седьмом, тогда бы меньше судачили.

– Алекс, – смущенно обратился ко мне Крот. – Ты, вообще-то, извини, что так получилось.

– Ладно, не бери в голову, – махнул я рукой.

– Нет, все-таки я крупно виноват перед тобой. Твоя дурацкая шутка такого не стоила, – продолжал наседавать на меня Крот.

– Да я понял уже, так что забудь об этом. Ты ведь тоже из-за меня два наряда получил, – вспомнил я. – Так что квиты!

– Не два, а три, – поправил меня повеселевший Крот.

– Нет, дружище, третий ты получил исключительно по собственной глупости, – ехидно ответил я. – Я же тебя не заставлял выходить и резать правду-матку перед строем?

– Я должен был...

– Так, Крот, слушай сюда, – я остановился и повернулся к нему. – Мы с тобой весьма неудачно познакомились, так что давай забудем все происшедшее и начнем с нового листа, согласен?

Крот в ответ кивнул.

– Я Алекс, – протянул я ему руку. – Новичок, что вчера поступил в ваш отряд.

– А я Крот, – улыбнулся он в ответ и пожал мою руку. – Старожил третьего отряда.

– Приятно познакомиться! – сказал я с улыбкой и пошел к распахнутым дверям столовой.

Нет, все-таки популярность – довольно приятная штука, понял я, когда повар не посмел возразить на мое требование о добавке и шлепнул второй черпак перловой каши мне в тарелку. Хлеба я вообще забрал половину карава и вновь не дождался упреков. А все это было мне очень кстати, так как после лимэля я ощущал зверский голод. По привычке я прошел за столик своего отряда и уселся с краешка, но на этот раз Крот сразу сел рядом, согнав какого-то молоденького пацана с места рядом со мной. Глядя на то, как я с аппетитом уплетаю свой обед, он заметил:

– Ну и горазд же ты есть, Алекс!

– Это ты меня еще в лучшие времена не видел, – заявил я с набитым ртом, вспомнив ужин в доме у старосты.

Крот также стал уминать свою порцию и мимоходом перезнакомил меня почти со всеми членами нашего отряда. Как я понял, третий отряд набирался из новичков, которые периодически поступали на службу, а потом, как только их подготовка признавалась начальником удовлетворительной, посылались на западные рубежи королевства, охранять границу от нападения кочевников, или пополнял ряды городской стражи. Всего в отряде было сорок пять человек, считая вместе со мной. Из них четверо имели чин десятника, что в армии Мардинана приравнялось к младшему офицерскому составу, и обедали отдельно от простых бойцов. Ходили слухи, что через месяц-другой всех солдат третьего отряда должны послать на границу, так что у меня еще было время, чтобы спокойно переждать здесь месяц дождей.

Закончив с обедом, мы встали из-за стола и пошли на занятия. Дальше была стрельба из лука, рукопашный бой, где под наблюдением десятников я тренировался вместе с Кротом и показывал ему несложные приемы его уровня, которыми он мог легко овладеть. Крот после этого зауважал меня еще больше и потребовал научить всему, что я знаю. Со смешком я ответил, что ему потребуется на это не один десяток лет, но подтянуть навыки рукопашного боя пообещал. Затем было занятие со щитами, тренировка с копьями и ужин, сразу после которого последовала команда «Отбой!», нокаутом уложившая всех бойцов в кровати. Решив, что на сегодня занятий для меня хватит, да и начальник может заподозрить неладное, если я свеженький как огурчик пойду с ним тренироваться, я улегся в койку, едва не забыв повернуться животом вниз.

Разбудил меня вызов амулета. Я тихонько выскользнул в темноту и пообщался часик с Алоной, обучив ее еще одному плетению, которое она вполне сносно навестила воспроизводить. Мда, похоже, процесс обучения начинал заходить в тупик, ведь для дальнейших занятий нам необходимо находиться рядом – сложные плетения не объяснишь словами, их нужно показывать. Я пообещал, что если ничего не случится (в чем лично я очень сомневался), то уже через пять-шесть десятиц буду в горах. В ответ услышал вздох сестренки, которая заявила, что я кормлю ее обещаниями уже почти полгода. Велев ей не опускать уши и больше заниматься с учителями, приставленными к ней отцом, я попрощался с ней и вернулся в казарму.

Так постепенно и сложился мой новый распорядок дня, который вполне устраивал меня своей размеренностью и предсказуемостью. Утром я вставал до рассвета и шел тренироваться на площадку, в основном один, а изредка подходил начальник лагеря и помогал мне повышать квалификацию в рукопашном бою. Потом я уходил завтракать со всеми, а после этого шел черед обычных занятий с различными командирами, которые

прививали новичкам все знания, считавшиеся необходимыми в дальнейшей службе. Солдаты занимались строевой подготовкой, развивали умение правильно ориентироваться в званиях (оказывается, тут была довольно развитая система воинских чинов, на которую, однако, мне было совершенно начхать), проходили подготовку укреплений и оборонительных сооружений, учились ориентироваться в лесу (на этих занятиях в порядке вещей были фразы типа «если вы увидели солнце не в той стороне, где нужно, значит, вам нужно развернуться в противоположном направлении или уточнить у начальства, правильно ли вы идете»). Вслед за этим наступал обед и усиленные тренировки на мечах, копьях, полосе препятствий, которые заканчивались только к ужину, когда уставшие бойцы думали только о том, где бы вырубиться. После ужина я тренировался с Карином и с Алоной, а потом засыпал, чтобы проснуться на следующий день до рассвета.

Такой распорядок дня меня вполне устраивал и был привычен по школе. За неполные две десятицы я успел близко сойтись с бойцами из третьего отряда и незаметно влиться в компанию Крота, где собрались почти все старожилы отряда. Медленно, но верно я завоевывал их доверие и дружбу, обеспечивая себе комфортные условия существования в этом коллективе. Уже через десять дней они считали меня «своим», пообещав больше не называть ушастым. Все они оказались довольно своеобразными, колоритными личностями, с которыми мне было легко общаться. От Дельва, который раньше был подмастерьем деревенского кузнеца, но пошел посмотреть на окружающий мир, до Трита, который после трех дней сумел мне надоесть постоянными напоминаниями о своей мечте. Оказалось, что он пошел в армию только для того, чтобы стать богатым и, вернувшись домой, построить свой трактир «У воина». Когда он об этом рассказывал, то у него даже глаза загорались. Я с улыбкой слушал первые три раза этот рассказ, а потом тонко намекнул, что у каждого может быть своя мечта, но вовсе не обязательно делиться ею с окружающими. Трит не внял, но просить его заткнуться у меня язык не поворачивался, поэтому к шестому разу я просто привык к его рассказу, как к постоянному ворчанию Дина, вечно бывшего всем недовольным, или к чавканью Юрлона, которое первые два дня меня жутко раздражало.

Постепенно все они стали приобщаться к нашим с Кротом тренировкам, и внезапно я почувствовал, что действительно стал для них учителем. Парни схватывали все приемы быстро (хотя и не без некоторых накладок), а потом с удовольствием отрабатывали их друг на друге. Поначалу все командиры и десятники с усмешками наблюдали за нашими тренировками, но потом об этом доложили начальнику лагеря. Он, посмотрев на эти занятия, велел нам не мешать, потому что «вдруг что-нибудь да выйдет». Через пятнадцать дней количество моих учеников увеличилось до двадцати. Даже двое десятников из нашего отряда просили меня показать им мои приемы, наблюдая за успехами Крота и остальных, а я не отказывал никому и гонял подопечных до седьмого пота.

Как-то раз я даже показал бойцам, как правильно нужно преодолевать полосу препятствий, которую начальник организовал в полном соответствии с традициями рассветной школы, но сильно облегчив ее. Так, например, между качающимися бревнами в конце был большой зазор, чтобы можно было спокойно остановиться и поймать нужный момент. Лестница не была смазана жиром, паутинка состояла из толстых веревок, а про столбики я уже говорил. Остальные препятствия были также упрощены. После того как я влет, спокойным бегом преодолел полосу, особо не напрягаясь при этом, парни стали просить научить их еще и этому. Вот так, систематически, день за днем я учил их правильно сохранять равновесие, легко двигаться, ловко перепрыгивать через препятствия. Успехи были, по моим меркам, небольшими, но уже спустя десять дней после начала тренировок бойцы нашего отряда перестали бояться этой полосы и показывали в среднем лучшие результаты.

Именно тогда начальник впервые предложил мне надеть форму офицера и получить лычки десятника. Я вежливо попросил его не гнать лошадей, так как еще дней двадцать – и я свалю отсюда далеко и насовсем. Он лишь вздохнул, поняв, что карьеру в армии я делать не собираюсь, и отозвал свое предложение. Так что я продолжил спокойно тренироваться,

заниматься с половиной третьего отряда на зависть всем остальным, которые были настолько ленивыми, что тренироваться не захотели или просто смотрели на все это с абсолютным пофигизмом. С такими я не поддерживал никаких отношений, хотя имена всех постарался запомнить. Мало ли, вдруг пригодится.

Запомнил и имя того худого паренька, который сдал меня Риноксу. Его звали Зюзей. Имя это или кличка, я так и не разобрался, потому что последние в армии были обычным делом. Так, например, к моему другу Кроту кличка прилипла на второй день службы, когда их повели на рытье какого-то канала для полей. Там он по счастливой случайности наткнулся на нору крота, обитатель которой укусил его за ногу. Этим бы все и закончилось, будь я на его месте, но парень погнался за обидчиком, не обращая внимания на вопли начальства и смех сослуживцев. Порядочно истоптав посевы пшеницы, боец наконец настиг совсем умаявшегося крота и мстительно убил его лопатой, за что получил три наряда на кухню и свою кличку.

Так проходили дни, я вживался в армейский быт, традиции и совсем скоро узнал, что новичков здесь подвергают различным неприятным подколам, которых не избежал и я. Только со мной большинство фокусов не проходило, а некоторые даже оборачивались против самих шутников. Я не реагировал на перец, подсыпанный в сапоги, крошки, кинутые в кровать, а намеки на нечто интересное в дальнем конце лагеря просто пропускал мимо ушей, разумно полагая, что интерес это представляет не для меня, а для тех, кто будет за мной наблюдать. Но на пятый день моего пребывания в армии случилась ситуация, после которой все шутки надо мной как отрезало.

Дело было так. Я брал свою порцию в столовой и заметил, как повар, пряча усмешку в усы, достал совсем другой половник с кашей и плюхнул ее мне в тарелку. Я сразу насторожился, ожидая сюрпризов, и в этот раз ел медленнее обычного, наблюдая за косыми взглядами напряженных сослуживцев. Через десяток ложек я обнаружил, что каша в моей тарелке начала шевелиться. Отложив ложку, я двумя пальцами вытянул из тарелки огромного дождевого червя. Бойцы моего отряда покатались со смеху, им вторили парни из других отрядов, а я рассматривал червя и думал, не ядовитый ли он.

Через несколько секунд, когда первый взрыв смеха угас, я улыбнулся и дружелюбно сказал червяку:

– Попался, деликатес!

После чего засунул его в рот и принялся сосредоточенно жевать, надев на лицо мечтательное выражение. Смех резко стих и сменился характерными звуками рвоты. Пару особо впечатлительных бойцов вывернуло прямо в стоящие перед ними тарелки, а остальные отвернулись, с трудом удержав рвотные позывы. Дожевывая червяка, я облизнулся и заявил: «Ммм... Вкусняшка!», после чего вернулся к каше, испортив парням аппетит на весь день.

И в этом не было ничего страшного, как это может показаться со стороны, ведь люди даже улиток едят, а тут какой-то обычный червяк... Правда, горчит немного, и на зубах песок поскрипывает, но я какую только дрянь за свою жизнь не ел. Один раз даже пробовал питаться супами из пакетиков, в составе которых среди прочих компонентов, ароматизаторов и пищевых добавок значились среднепочечные триглицериды делиуса (это если я правильно запомнил), а эта гадость явно похлеще червяка будет. Последний, в конечном счете, принес мне огромную пользу. Сослуживцы отстали и больше не пытались устраивать шутки надо мной, а по лагерю вскоре поползли слухи, что эльфы – ребята совсем безбашенные, могут спокойно жрать червей и личинок, так что, когда они голодные, им лучше вообще на глаза не попадаться!

И все было бы хорошо, но на восемнадцатый день в лагере произошло ЧП, которое потрясло, правда, только меня одного. Дело в том, что, возвратившись с ночной тренировки, я лег на свою кровать и внезапно обнаружил: мое подсознание явно подает мне сигналы о том, что кое-что неправильно в окружающем мире. Просканировав пространство магическим зрением, я увидел, что опасность мне не угрожает, но интуиция настойчиво твердила: что-то не так! Поворочавшись полчаса и перебрав все возможные варианты, от будущего

землетрясения до клопов в тюфяке, я все же догадался проверить метки на своем оружии, что я хранил под кроватью.

Его там не обнаружилось. Меня банально обокрали, понял я со злостью. Просканировав весь лагерь, я увидел свои маячки у одной из стен лагеря и немного успокоился. Тот, кто спioniерил клинки, еще не успел их вынести наружу, а это уже хорошо. Теперь прикинем, что же теперь мне делать? Просто вернуть себе оружие я мог легко, но воришку нужно было наказать, поскольку таких вещей спускать с рук нельзя.

«Ладно, – подумал я, засыпая, – завтра утром дам ему шанс, а воспользуется он им или нет, это уже его проблемы!»

Глава 11

Десятник

Наутро я проснулся по обыкновению рано и побежал тренироваться с начальником, но как только прозвучала команда «подъем!», вернулся в барак и встал на входе, попросив всех ребят задержаться.

– Что случилось, Алекс? – спросил Крот.

– У нас завелись грызуны, – пояснил я.

– Так в чем проблема? Скажи хозяйственникам, пускай разберутся.

– Нет, эта проблема так не решается. – Я запрыгнул на свою лежанку, чтобы меня было видно всем, и объявил: – Ребята, у меня для вас печальная новость – среди нас завелась крыса! И вчера она утащила мои вещи прямо у меня из-под носа. Никто не может поручиться, что в следующий раз этот подлый грызун не возьмется за кого-нибудь другого и воровство продолжится.

Парни затихли и стали напряженно переглядываться.

– Однако на первый раз я готов простить эту крысу, – четко произнес я. – Только если сегодня же мои вещи вернутся ко мне. Если этого не случится, грызуна ждет очень много неприятностей, возможно, даже смертельных. Это мое первое и последнее предупреждение, так что пусть вор в нашем отряде сделает верный вывод! – я спрыгнул с кровати.

– А почему ты думаешь, что это один из нас? – спросил Нимош.

– Я в этом абсолютно уверен! – твердо заявил я, открыл дверь и вышел.

На самом деле я просто подчинился своей интуиции, так как никаких оснований думать, что это сделал боец третьего отряда, у меня не было. Наоборот, я знал, что крысы стараются не гадить там, где живут. Хотя на этот счет у меня было предположение, что кусок оказался слишком велик и превозмог все понятия крысиной осторожности. Эльфийские клинки, лежавшие в сумке, по самым скромным меркам, тянули тысячи на полторы золотых, а это просто огромное состояние для обычного человека.

Однако вечером, когда я вернулся после тренировки с начальником, клинков под кроватью все еще не оказалось.

«Ладно, – подумал я, – предупреждению ты не внял, а значит, у меня теперь развязаны руки».

Устраиваясь поудобнее на своей лежанке, я протянул сигнальную нить на входе. Она должна была сработать, когда кто-нибудь из солдат захочет покинуть барак. Правда, теперь мне придется просыпаться, как только кому-нибудь приспичит отлить, но оно того стоит.

Первая ночь прошла без происшествий, все те, кто выскальзывал ночью во двор, никакого интереса для меня не представляли. Но на вторую ночь после кражи рыбка попала в сети. Посреди ночи смутная тень прошмыгнула к выходу и скрылась в темноте, потревожив мою сигналку. Я проследил за ней, думая, что это опять ложная тревога, однако фигура, явно различаемая моим магическим зрением, вовсе не спешила в сортир по известным делам, а вместо этого направилась к забору. Но не к тому месту, где были спрятаны клинки, а немного левее. Задержавшись немного у забора, фигура перелезла через него и отправилась в город.

Интуиция мне подсказывала, что больше ничего интересного не произойдет, поэтому, снова поставив на дверь тонкую нить сигналки, которая позволит мне проснуться, когда вернется ночной гулена, я задремал. А в нужное время сигнал будильника в моей голове заставил открыть глаза и проводить взглядом Зюзю, вернувшегося с ночной прогулки. Мои подозрения подтвердились, я нашел крысу. Но наказывать его пока не стал, полагая, что впереди самое интересное.

Еще один день пролетел, как обычно, а ночью я опять проснулся, потому что кому-то снова понадобилось прогуляться. Проследив за аурой, я увидел, что человек направился к забору, причем именно к тому месту, где были припрятаны мои вещи. Поняв, что настала пора действовать, я встал, натянул сапоги и куртку и выскользнул в темноту. Следя за Зюзей (а в том, что это был он, я не сомневался), я увидел, как он с клинками опять перелез через забор. Подойдя к тому месту, где он преодолевал это препятствие, я увидел наклоненное сучковатое бревно, которое упиралось в забор, предоставляя легкую возможность быстро покинуть территорию лагеря. Пробежав по нему, я тоже перемахнул через забор и последовал за Зюзей. Он уверенно шел в известном ему одном направлении.

Пройдя три улицы, вор остановился и свернул направо, затаившись между домами. На всякий случай, я решил подобраться к нему поближе и пристроился за углом дома, стараясь слиться со стеной. Зюзя ждал. Ждал и я, медленно, но верно намокая под дождем. Наконец на противоположном конце улицы послышались торопливые шаги и показалась одетая в плащ фигура. Вскоре она остановилась рядом с проемом, в котором схоронился Зюзя, и прошептала:

– Эй, солдат, ты здесь?

– Здесь, – ответил Зюзя, выходя из темноты. – Деньги принес?

– А ты сперва товар покажи, – недовольно произнес человек в плаще.

– Вот, – протянул воришка сверток. – Четыре меча и два кинжала, все, как договаривались!

Человек в плаще взял в руки оружие и принялся рассматривать его в свете звезд. Интересно, много он там увидел? Я пока не шевелился, чтобы не сорвать сделку. Вскоре покупатель завернул оружие обратно в тряпку. Я угадал в ней мой новый плащ и мысленно выматерился.

– Вот деньги, – покупатель достал из кармана мешочек и сунул в руки Зюзе. – Четыреста пятьдесят золотых.

– Мы же договаривались на пятьсот! – недоуменно воскликнул воришка.

– Пятьсот я за один день не успел собрать, потому бери, сколько есть, или я не стану покупать твоё оружие.

Зюзе было сложно расстаться с деньгами, на этом и строился расчет торгаша, поэтому он сказал со вздохом:

– Хорошо, по рукам!

– Ну, вот и ладненько, – обрадовался покупатель. – Будет еще что-нибудь такого же плана, ты тоже приноси, возьму.

– Лук эльфийский нужен? – спросил вор.

«Ну, падла, я тебе сейчас устрою! – медленно начал закипать я. – Наказывать примерно, как собирался раньше, я тебя не буду, ведь таких просто давить нужно, как клопов. А то пожалеешь один раз, так вас еще больше разведется!»

– Луки сейчас плохо идут, так что много за него я дать не смогу... Но ты все равно приноси, посмотрю на товар, – благодушно заявил покупатель, попрощался с Зюзей и удалился с моим оружием.

Воришка так же быстрым шагом направился к лагерю, пройдя мимо меня и не заметив. Дождавшись, пока он отойдет на тридцать шагов, я неслышно отлепился от стены, уже ставшей для меня родной, и бесшумно побежал следом за покупателем. Последние несколько метров до него я преодолел шагом, а потом ударил кулаком по затылку, оглушив как минимум на час. Подхватив падающее тело, я аккуратно уложил его на мостовую, а

затем обшарил карманы. Там я нашел мешочек, судя по всему, с полусотней золотых, взятых скупщиком краденого на всякий случай, подхватил свой плащ с оружием и помчался к лагерю.

Зюзя я увидел в тот момент, когда он, стоя на приставленном к забору чурбачке, зацепился руками за край ограждения и пытался подтянуться на руках. Я понаблюдав за ним, отметив, что нормативы физической подготовки в лагере находятся на совсем низком уровне, раз позволяют служить таким хиллякам, как он. А как только Зюзя перелез через забор, быстро подбежал к ограждению, перекинул свой сверток с мечами и, подпрыгнув, легко перемахнул через препятствие, даже не касаясь чурбачка. Оказавшись на территории лагеря, я с удивлением обнаружил, что сверток, который я швырнул, угодил Зюзе прямо по голове и воришка сидит на земле, находясь в полнейшей прострации. Видимо, мне нужно было немного подождать, пока вор не оттащит приставленное к забору бревно, а затем перелезть самому, но что вышло, то вышло. Подойдя к нему, я пристально взглянул в его глаза и спросил:

– Я предупреждал?

– А... – только и успел ответить Зюзя, прежде чем ребро моей ладони раздробило ему шейные позвонки.

Я ведь не собирался с ним церемониться. Обыскав тело, я нашел мешочек с монетами и аккуратно завернул его в плащ с оружием. Затем, перекинув через плечо тело незадачливого воришки, прихватил вещи и направился к своему барaku. По пути остановился у сортира и тихонько положил сверток на землю, надеясь, что внутри никого нет. Устройство данного отхожего места было очень примитивным, но рассчитанным на нескольких пользователей. То есть это была все та же будка с дыркой в полу над ямой и деревянной планкой для сидения, но увеличенная в пять раз и снабженная перегородками между насестами. Подтащив тело Зюзи к крайнему отсеку, я порадовался, что дырки в полу достаточно большие. Аккуратно спустив воришку в яму с результатами армейского пищеварения, я вышел из сортира и направился досыпать остаток ночи, подхватив свои вещи.

Когда я, как мне показалось, абсолютно неслышно вошел в барак и стал засовывать оружие в свою сумку, меня шепотом окликнул Рокин. Он спал недалеко от меня и был одним из тех, с кем я ежедневно занимался.

– Ну что, нашел грызуна? – спросил он ехидным шепотом.

– Нашел, – ответил я, засовывая сумки под кровать. – Можешь спать спокойно, крыса больше никого не побеспокоит.

Раздевшись, я лег и моментально заснул. А утром проспал предрассветную тренировку, чего раньше со мной не случалось. Заставил меня проснуться дикий ор, который издавал командир Лаприц. Я уже упоминал, что он отличался повышенной голосистостью. Так вот, сегодня он показал все, на что был способен! Из его вопля я понял следующее: рано утром командир поднялся от неясного беспокойства, потому что нерадивый повар вчера подложил ему что-то в суп. Едва успев одеться, он выскочил на улицу, но почувствовал, что добежать до офицерского сортира со всеми удобствами просто не успевает, поэтому решил воспользоваться солдатским. Заскочив в дальний угол, Лаприц с успехом произвел выброс испорченных продуктов из организма. Когда он уже натягивал штаны и обернулся посмотреть на дело... задницы своей, то заметил, что из дерьма торчат чьи-то ноги в сапогах...

«А сортиры-то здесь мелковаты», – подумал я, ловя удивленный взгляд Рокина и прикидывая варианты развития событий.

Шуму вышло много, позвали начальника лагеря, который приказал солдатам со склада вытащить тело из ямы и хорошенько его отмыть. Когда опознание завершилось, разгорелся грандиозный скандал, затронувший всех офицеров нашего отряда. Обычных рядовых это не коснулось, поэтому мы со спокойной душой отправились завтракать. По молчаливому уговору, на эту тему за завтраком мы не говорили, но взгляды, которыми награждал меня Рокин, сообщили мне, что лишь только я отвернусь, о моей ночной прогулке станет известно

всем.

Я еще не доел завтрак, когда в столовую вбежал секретарь и требовательно произнес, перекрывая шум голосов, обсуждающих случившееся:

– Эльфа Алекса к начальнику!

Кинув напоследок еще несколько ложек каши в рот, я забрал свой недоеденный хлеб и пошел за секретарем, жуя по дороге и думая, кто же это мог меня заложить.

Начальник был не в духе, но пытался успокоить себя привычным занятием – полировкой клинков. Сидя за столом, он обратился ко мне, дождавшись, пока секретарь доложит о моей доставке и закроет за собой дверь:

– Алекс, я, конечно, могу допустить, что бедняга Кэлин просто пошел ночью по нужде и, поскользнувшись, упал в яму, ненароком свернув себе шею. Но так шею не ломают, упав с небольшой высоты, а повреждения позвонков, которые я обнаружил на его теле, явно указывают на технику рассветной школы... Алекс, зачем тебе это было нужно?

Я изучал лицо начальника и думал, как бы понятнее ему это объяснить, раз уж он обо всем догадался.

– Командир Карин, а ответьте мне на один вопрос: что бы вы сделали с тем человеком, который без разрешения взял ваши клинки?

– Я бы его попросил их мне вернуть, – ответил начальник.

– А если бы в ответ он не только не вернул вам ваши клинки, а положил их в грязь, а после продал скупщику за бесценок?

Лицо начальника приобрело злое выражение.

– Да я бы гада... – он осекся.

– Вот я так и сделал, – невозмутимо заметил я.

Начальник посмотрел в мои честные глаза и спокойно заявил:

– Что ж, придется мне теперь обязать дежурного по лагерю зажигать лампу в сортире, чтобы больше не допускать таких нелепых случайностей. Ты свободен, – кивнул он мне.

Я отдал честь, развернулся и вышел из кабинета.

«Фуххх! Пронесло меня, причем именно в переносном смысле. Но на будущее нужно быть внимательным и не применять характерную технику, когда можно обойтись имитацией несчастного случая», – думал я, шагая обратно.

Наш отряд уже выстроился на площадке для строевой подготовки, традиционно проводившейся Лаприцем. Пристроившись в конце колонны на своем привычном месте, я сказал в ответ на вопросительные взгляды ребят:

– Все нормально, Зюзя просто стал жертвой очень несчастного случая.

– А этому несчастному случаю случайно наказание не назначили? – уточнил Дин.

– Ни малейшего, – ответил я.

– А ну прекратить разговоры в строю! – сегодня Лаприц и не думал снижать децибелы. – Направо! Шагом марш!

Занятие обещало быть долгим.

А вечером после ужина ребята пристали ко мне с расспросами. С неохотой я поведал им о событиях этой ночи, сказав, что настиг Зюзя, когда он потащил в город мои вещи. О скупщике я решил умолчать. Парни похвалили меня, сказав, что вора там самое место, и отстали, но один десятник, Шрам, прилип ко мне с расспросами, где именно находится то самое место, где лежит бревно. Я понял, что ему просто очень хочется прогуляться, а потому не посмел отказать и подробно объяснил, как его найти. Неужели за месяцы службы бойцы так и не разведали все удобные места для самоволки?

Ответ на этот вопрос я получил все у того же десятника. Он просветил меня, что по территории лагеря часто ходят патрули, а кто попадется им на глаза, рискует пожизненно оказаться в нарядах на кухню. Вот только я как-то не заметил их активности за время моего пребывания в лагере, но поверил Шраму на слово. И отправился тренироваться с начальником.

Следующие три дня прошли, как обычно, за исключением того, что вечером второго,

возвращаясь посреди ночи после долгого разговора с Алоной, я столкнулся в дверях со Шрамом. Посторонившись, давая ему пройти, я молча зашел в барак и на следующий день не задал ему ни одного вопроса, хотя тот и кидал на меня тревожные взгляды. Когда же под вечер его нервозность мне порядком надоела, я намеренно задержался перед ужином и схватил его за рукав, увлекая в сторонку.

– Чего ты дергаешься? – спросил я.

– А тебе-то что? – зло ответил Шрам.

– Не тупи, я тебя закладывать не собираюсь, так что можешь гулять, сколько влезет. Просто не смотри больше на меня такими злыми глазами. Если не хочешь говорить, чем занимаешься, это твое личное дело. Спрашивать я ни о чем не буду, понял?

Лицо Шрама расслабилось, и он с облегчением сказал мне:

– Спасибо, Алекс, я твой должник!

– Ерунда, мы же из одного отряда, – ответил я, думая, что должников у меня развелось в последнее время многовато...

После этого он стал вести себя со мной, как и раньше, а его тайна так бы и осталась тайной, но через два дня произошло новое ЧП, которое опять поставило лагерь на уши. К этому событию я имел самое непосредственное отношение, но по понятным причинам в нем не участвовал. Почему так вышло, объясню подробно. Утром выяснилось, что Шрам умер. Восстанавливая события, можно с легкостью нарисовать картину того, что с ним происходило той ночью, и понять, как глупо закончил свою жизнь наш десятник.

Выяснилось, что после того как я рассказал об удобном ходе за пределы лагеря, Шрам каждую ночь отправлялся на прогулки, но не просто так, а по известному ему адресу. Именно там жила одна смазливая девушка, которая тайком от родителей впускала в свой дом доблестного десятника и проводила в его жарких объятиях очень много времени. Как и когда Шрам с ней познакомился, так и осталось загадкой, но остается фактом, что пять ночей подряд боец вовсю предавался плотским утехам. Все это кончилось, когда в комнату девушки ворвался ее разъяренный отец с намерением убить подлого соблазнителя.

Шрам, естественно, не мог бить родителя своей девушки, а потому решил спастись бегством, выпрыгнув в окно. Вот только полуспущенные штаны не дали ему совершить хороший разбег, в результате чего десятник зацепился за подоконник и полетел вниз головой на мостовую. В итоге папаша девушки с утра заявился к начальнику лагеря, требуя, чтобы убрали труп из-под его окон и выплатили компенсацию его дочери за поруганную честь. Карин тело приказал доставить в лагерь, а от компенсации отмазался, сказав, что пока отец не предоставит весомых доказательств, что девичья честь была поругана именно его солдатом, о деньгах не может быть и речи.

Вот так и получилось, что мой совет и искреннее желание помочь обернулись смертью моего товарища. Это я констатирую факт, а не обвиняю себя в чем-то. Однако все же мне было немного стыдно, что мой ученик, которого я почти две десятицы гонял на полосе препятствий, мог так глупо погибнуть, неудачно выпрыгнув со второго этажа.

После обеда меня вновь вызвал к себе начальник лагеря, а я по дороге лихорадочно думал, как же он узнал на этот раз.

Карин был очень раздраженным и злым, поэтому даже не поприветствовал меня, хотя сегодня утром мы еще не виделись на тренировке. Я отдал честь и вытянул руки по швам, ожидая грома. И он грянул.

– Теперь ты десятник, понял? – сказал начальник и добавил, видя, что я уже открываю рот для возражений: – И не вздумай отказываться! Это приказ! У меня и так недостача десятников в третьем отряде, а тут еще такое... Пойдешь сейчас на склад, получишь форму офицера и лычки капрала, а затем возьмешь на себя первый десяток и пяток новичков и будешь продолжать их гонять, у тебя довольно неплохо это получается.

Ну да, подсластил пилюлю.

Я недовольно глядел на начальника исподлобья. У него недостача, а мне теперь отдуваться. Однако поняв, что возражать можно, но совершенно бесполезно, я только отдал

честь и спросил:

– Разрешите идти?

– Иди, десятник! – сказал мне на прощание командир.

Я вышел из домика начальства и грязно выматерился, да так, что даже проходящий мимо командир Ринок слегка притормозил, заслушавшись. Затем я развернулся и пошел на склад за обмундированием. Попытка кладовщика выдать мне старую форму была безуспешной, так как у меня было препоганое настроение. Под моим злым взглядом хозяйственник стушевался и принес мне новую черную форму и капральские лычки. Взяв все это, я отправился в барак переодеваться, а после вернулся к ребятам.

– Кто из вас в первом десятке? – спросил я.

К моему удивлению, это оказался Крот с компанией, поэтому я только отыскал пятерых новичков, которые, однако, пришли в армию гораздо раньше меня, и сообщил им радостную новость:

– С этого дня у вас появился новый десятник, а сейчас начнем тренировки!

Погоняв парней часик на полосе, потом показав новые приемы и заставив их все отработать друг на друге, я закончил тренировку занятием на деревянных мечях и успел до команды «ужин!» выжать из них все соки. Сегодня ребята работали без огонька, упражнения проделывали с неохотой, пару раз мне приходилось самому становиться против бойцов. Вот тогда их удары были сильными, злыми, хотя и безрезультатными. Мне сразу все стало понятно: парни просто злились на то, что я одним махом перепрыгнул через их головы и попал в высшую лигу. Такое отношение мне не нужно, ведь я планировал еще десяток дней здесь побыть, прежде чем расторгнуть контракт, выплатив компенсацию. На это у меня теперь денег уж точно хватит.

Взяв свой ужин, я получил вдобавок к обычному гарниру большой соленый огурец. Ничем другим офицерская и солдатская порции сегодня не различались – вареная рыба присутствовала и там, и там. С подносом я отправился к столу нашего отряда и сел на свое законное место, встретив недоуменный взгляд соседа.

– А почему ты не с офицерами? – спросил Крот, оглядывая меня так, будто выливал ведро помоев.

– А мне тут намного приятнее, – сообщил я, пробуя ароматный суп.

– Но ведь так не принято, – сообщил мне Крот, уставившись в тарелку.

– А мне плевать, как тут принято! Я в офицеры не набивался, – зло сказал я, откусывая от краюхи здоровенный кусок и отдавая должное супу.

Крот помолчал и поковырял ложкой свою порцию каши.

– А ты...

– Крот, – не выдержал я. – Для меня цвет формы ничего не значит, а для тебя?

После этого мы постепенно вернулись к нашему обычному стилю общения, и возникшее было напряжение ушло насовсем. Парни больше не злились на меня, ведь я популярно объяснил им, что это приказ начальника, который просто нельзя было оспорить. Ребята отнеслись к этому с пониманием и пошутили, что такими темпами я к концу года дорасту до маршала. В общем, я просто грубо проигнорировал сложившееся в армии классовое неравенство рядового и офицерского состава. Конечно, некоторые офицеры после обеда подходили ко мне и вежливо интересовались, почему это я не сажусь вместе с ними. Я им отвечал, что буду и впредь сидеть там, где мне удобно, ведь устав же (если такой и был у них, я как-то не удосужился узнать) подобного не запрещает? На это они не находили ответа и молча сваливали в тину.

А наши приятельские отношения с парнями продолжались, как и наши тренировки. На них я постарался стереть и ту неосозаемую границу между «стариками» и новенькими, которую я одним махом преодолел в первые же дни своего пребывания в лагере. Через несколько дней парни моего десятка (или скорее пятнашки) уже вовсю общались между собой, забыв о своих сроках службы. Хотя какие там сроки – всего несколько месяцев разницы, просто смешно! Поэтому в нашем отряде вскоре воцарилась нормальная дружеская

атмосфера, с шутками, подколками, которые не были злыми, а просто позволяли в веселой беседе сбросить напряжение прошедшего дня.

Через два дня нам выдали жалованье, и нашему десятку разрешили отправиться на сутки в город. Мне за три десятицы службы выплатили всего семь золотых с мелочью, так что ребята посматривали на меня с неким превосходством: типа капрал, а получает меньше рядовых. По этому поводу я совсем не расстраивался, поскольку знал, что как только пройдет еще дней десять, я куплю себе первую попавшуюся лошадь и свалю по подсохшим дорогам к гномам. Вообще, в последние два-три дня дождь с неба не капал, а вовсю светило солнышко, поливая ласковыми лучами уже давно пробудившуюся зеленую растительность. Мое сердце радостно билось в предчувствии. Скоро. Скоро я оставлю это порядком надоевшее однообразие армейского быта и отправлюсь путешествовать. Только вот что-то не вовремя проснувшаяся интуиция обламывала мне все наслаждение солнечными днями, шепча: «Скоро. Скоро тебя ожидают неприятности!»

Глава 12

К нам едет инспектор!

Получив деньги и увольнительные, парни направились в город, утащив меня с собой. Я не сопротивлялся, а наоборот, попросил десяток не разбегаться и показать лучший трактир в этом захудалом городишке. Парни выполнили мою просьбу, проведя коротким путем к довольно приличному заведению, откуда доносились ароматы жареного мяса. Завалив туда шумной гурьбой, мы перепугали всю обслугу, а последнюю я еще и напугал, заставив вытащить бочонок лучшего вина литров на двадцать и много жареного мяса для полутора десятков голодных мужиков. Ребята одобрили мою идею обмыть мое новое звание и погуляли по полной. За все это мне пришлось выложить треть моего жалованья, но довольные лица ребят того стоили. Они громко кричали здравицы в мою честь и просили не зазнаваться, когда стану генералом.

После нескольких часов гулянки, когда у меня от криков и их гогота уже шумела голова, слегка захмелевшие парни предложили рвануть к девочкам. Все охотно поддержали эту идею, и мы веселой толпой кинулись на поиски женского пола. Естественно, не принялись хватать первых попавшихся девчонок. На мой вопрос, где будем охотиться, парни просветили, что в городе есть одно очень нужное заведение, где девочки «самое то!». Все мы поспешили по известному парням адресу, а я мимоходом пожалел, что не отдал должное неплохому вину, а по старой привычке больше налегал на мясо, выпив всего одну кружку. Судя по городу, девочки в таком заведении тоже могут оказаться весьма... немолодыми.

Пройдя несколько улиц и приведя меня на окраину города, парни зашли в здание с розовыми шторками на окнах, непременным атрибутом публичного дома. Внутри оказалось пыльно и пахло дохлыми мышами. На наши возгласы сверху спустилась хозяйка заведения, которой парни прямо и заявили:

– Где ваши девочки? Тут солидные обеспеченные мужчины желают с ними пообщаться с глазу на глаз!

Хозяйка заведения, оказавшаяся дамой весьма в годах, крикнула во всю мощь своих легких:

– Девушки, спускайтесь! Клиенты пришли!

Сверху вслед за хозяйкой спорхнула четверка дам лет тридцати с лишним (причем это лишнее было весьма немаленьким), одетых в пестрые платья. Их лица были разрисованы так, что боевая раскраска апачей казалась просто жалкой мазней.

– А деньги-то у вас есть? – поинтересовалась хозяйка, окидывая взглядом нашу форму.

– Не переживай, мамаша, – ответил Крот, пожирая плотоядным взглядом одну из путан. – Все будет оплачено! Ну что, парни, за работу!

Он увлек выбранную работницу древнейшей профессии за собой наверх, кивнув мне на вторую. Я, не отставая от него, также поднялся наверх, слыша, как остальных девчат

разбирают парни, споря, кто будет первым. Наверху оказались четыре комнаты. Барышня увлекла меня в первую слева, а Крот со своей пошел дальше. Захлопнув дверь, женщина (девушкой ее назвать у меня просто язык не поворачивался!) толкнула меня на большую кровать, стоявшую посреди комнаты. Я сел на нее, мельком оглядел и брезгливо поморщился, обнаружив на одеяле следы, оставленные предыдущими посетителями.

Дамочка тем временем принялась раздеваться. О стриптизе тут явно не слышали, поэтому она просто быстро развязала узелки на шнурках, удерживающие платье, и оно тут же упало к ее ногам. Боже мой! И это я подумал не с восхищением, а с ужасом. Обвислые груди, явные признаки целлюлита на бедрах, небритые подмышки и волосы на самом интимном месте, а главное – устойчивый запах давно не мытого тела, который тут же явственно ударил мне в нос, лишив всякого желания к знакомству с противоположным полом. Дамочка наклонилась и попыталась меня обнять, отчего запах стал только сильнее. Я в ответ толкнул ее на кровать, где она и растянулась, с готовностью раскинув ноги и уставившись в потолок. Посмотрев на это зрелище, я брезгливо сплюнул на пол, поднялся с кровати, отряхнул свои штаны от возможной грязи и вышел в коридор.

Ребята внизу уже расселись в ожидании. Никто не ушел – вероятно, достойной альтернативы этому заведению в городе просто не было. Увидев меня, спускающегося по лестнице, Рик спросил:

– Как, ты уже? Алекс, ну ты даешь!

– Нет, ребята, я не смог, – со вздохом сказал я. – После эльфиек человеческие женщины кажутся такими уродливыми... – я брезгливо поморщился, вспомнив запах. – Так что давайте, кто там следующий! Первая комната слева, – посоветовал я Рокину, устремившемуся вверх.

– Да, Алекс, не повезло тебе, – сочувствующе произнес Дельв. – Где же ты теперь эльфийку-то сыщешь?

– И не говори, – опять вздохнул я. – Ладно, вы тут развлекайтесь по полной, а я пойду, по городу поброжу, свежим воздухом подышу.

Я махнул парням рукой и вышел из борделя. Как сразу стало легче дышать после затхлого воздуха этого заведения! Я вдыхал весенний воздух полной грудью и просто бесцельно бродил по городу, высматривая что-нибудь интересное и необычное.

«Бедновато живет город, – подумал я, зайдя в несколько попавшихся по пути лавок. – Все держится только на армейском лагере. Если он опустеет, горожане просто разбегутся, как тараканы. Именно поэтому стену уже давно никто не ремонтирует, дома постепенно ветшают, а бордель рассчитан на непритязательный вкус солдат».

Только жаль, что не на мой вкус. Для меня такой выбор, а вернее, его отсутствие, было отвратительным. Да, я понимал, что на безрыбье и рак – шука, но выбирать первую попавшуюся, пользованную сотнями солдат проститутку было не в моем характере. Эх, рвануть бы сейчас в столицу, там и выбор больше, и девушки явно поприличнее, хотя и подороже. Только вот пока я добежу до столицы, пройдет не меньше двенадцати часов. Я не знаю, где там искать подобное заведение, поэтому еще накинем часок, а завтра к обеду уже нужно быть в лагере. То есть на сам процесс у меня останется минут пять максимум. Оно, конечно, можно и успеть, только смысла в этом я не видел никакого.

Ну, ничего, утешил я себя, через недельку дороги подсохнут, можно будет заехать и в столицу, чтобы оставить в тамошних борделях пару десятков золотых. Блин, сколько я уже без женщины обхожусь? Страшно даже подумать! Я случайно цвет не поменял втихаря за время обучения? Надо проверить. Остановившись на углу, я впился взглядом в бородатого полненького мужчину, принявшись мысленно его раздевать. Мужчина посмотрел на меня искоса и ускорил шаг, а я уже снимал с него трусы... Блин, да меня чуть не стошнило! Нельзя же было так четко все это себе представлять! Я быстро стер нарисованную в голове картину. А теперь проведем обратный эксперимент. Я уставился на симпатичную девушку в простеньком платьице, с корзинкой в руке и принялся мысленно медленно задираť ее платье. Вот показались стройные ножки, вот тугие бедра... Так, хватит экспериментировать,

спокойно, расслабимся, а то эти форменные штаны довольно тесные. Одно хорошо, эксперимент показал, что ориентацию я не сменил, и этот факт сильно меня успокоил.

Постояв и приведя в норму дыхание, я пошел вслед за девушкой с намерением познакомиться. Но не прошел и десяти шагов, как из-за угла к ней подскочил парень и выхватил корзинку из ее рук со словами: «Лина, давай я тебе помогу!».

«Эх, не везет так не везет», – подумал я и принялся искать другой объект охоты.

К сожалению, фортуна повернулась ко мне своей очаровательной попкой, но с фортуной мне заниматься было, увы, нечем. На улицах из противоположного пола попадались навстречу только маленькие девочки или матроны престарелого вида, а сочных и миловидных женщин как корова языком слизала. Я уже подумывал о том, что все они специально объединились в группу противниц секса с солдатами и заслали к нам своего шпиона, который моментально сообщал им, когда очередной отряд выходит из лагеря на улицы города.

Побродив по улицам до самого вечера, я вернулся в лагерь, так как мне совершенно нечем было заниматься. Разве что... ну, вы меня поняли. В лагере я чуть было не опоздал на ужин, однако уломал повара выдать мне порцию, так как от жареного мяса в моем желудке к тому времени остались одни только воспоминания. После ужина я занимался на мечях с начальником до тех пор, пока совсем не стемнело, а затем связался с Алоной и поболтал с ней часок. Странное дело, но когда я спросил, все ли у них в порядке, сестренка замылась и свернула разговор на другое. Однако я настойчиво задал вопрос еще раз, пригрозив, что не отстану. В общем, Алона поведала мне, что за последнее время на границе с кочевниками стало беспокойно. Уже несколько групп степняков нарушали ее и заходили в глубь гномьих земель. Так что усиленный отряд воинов во главе с Морином отправился разведать обстановку, и Алона очень переживала за брата. Узнав об этом, я не мог ни успокоить ее, ни поддержать, а просто сказал, что через двадцать дней приеду и постараюсь помочь чем смогу.

А после разговора, лежа на кровати, я думал: а не с этим ли связано мое усиливающееся чувство ожидания неприятностей? Вполне возможно. Засыпая, я решил сократить срок своего дальнейшего пребывания в лагере до пяти дней. Дороги к тому времени успеют высохнуть, только бы опять дождь не пошел.

Ночью дождь не пошел, и наутро все так же ярко светило солнышко. По обычному распорядку я поупражнялся с начальником, позавтракал, позанимался немного сам, потому что мои ребята еще прохлаждались в городе.

«Неужели они все еще в том борделе? – подумал я с улыбкой. – Тогда у его работниц наверняка была тяжелая ночь!»

К обеду подтянулись все парни, без опоздания и с довольными улыбками, как у котов, объевшихся сметаной. После обеда я их сильно гонять не стал, понимая, что ребятам нужно немного отдохнуть после ночных забав. Поэтому мы немного постреляли из лука, прошли пару раз полосу, а потом просто грелись на солнышке за бараком, пока никто из начальства не видит. Поужинав, все повалились как убитые по своим лавкам, а я с улыбкой отправился на одну из последних тренировок с начальником.

Эти дни много дали нам обоим. Я включил его опыт в свои навыки, а он подтянул свое умение сражаться мечами почти до моего уровня. В общем, я совсем не жалел, что отправился пережить сезон дождей именно сюда.

А утром по лагерю разнеслась страшная новость – к нам едет королевский инспектор! Мигом для всех нашлась работа, и солдаты со страшной силой стали готовиться к его прибытию, ожидаемому к вечеру. Все что-то делали, куда-то бегали и разве что траву не красили. Видимо, до этого здесь еще никто не додумался. Меня же с ребятами бросили на уборку территории, где я не усердствовал и парням велел особо не напрягаться, рассчитывая, что к обеду мы вполне сможем без напряжения убрать тот участок, который нам был выделен. Стахановцы в армии получают только мозоли.

Вокруг царила суета, а мы сидели и грелись на солнышке, иногда вскакивая и с особым

рвением возобновляя свою работу, когда в пределах видимости появлялся кто-нибудь из начальства. Об этом меня загодя предупреждала моя интуиция, которая оказалась и в этом деле весьма полезной. И как только мое ощущение неминуемых неприятностей становилось просто нестерпимым, я тихо командовал «подъем!», а ребята в момент расхватывали лопаты, грабли, тяпки и всеми силами изображали бурную деятельность. Лаприц, занесенный каким-то ветром на наш участок, даже похвалил бойцов, увидав их старания. Таким образом, мы добились наш участок как раз к обеду, куда со спокойной душой и отправились.

– Да ты прямо провидец какой-то! – сказал мне Крот по пути в столовую.

– Ерунда, это тоже можно достигнуть тренировками, – ответил я.

– А какими? – заинтересовались сразу несколько человек.

Я подробно рассказал о системе обучения в рассветной школе, развивающей интуицию.

– И что, каждого так закидывают картошкой? – любопытно спросил Трит.

– Каждого, кто достигнет определенного уровня обучения. Хотя бывают и вариации – моего учителя, например, закидывали камнями, а чем бросали в Карина, я даже не знаю.

– Начальник – тоже выпускник этой школы?

– Ага, – подтвердил я.

– То-то я погляжу, вы с ним быстро спелись, – заметил Крот, когда мы уже пришли к столовой.

Я только улыбнулся и пошел за обедом.

После приема пищи наш отряд не погнался на уборку, а велели переодеться в новенькую форму, уже давно поступившую на склад и выданную нам к такому торжественному случаю. Ну а после для всего начальства потянулось томительное ожидание. Ребята же наслаждались выпавшими на их долю минутами безделья и вовсю общались, обсуждая недавнее увольнение и делясь своими впечатлениями с десятком, который вернулся из города только сегодня, и с теми, что еще терпеливо ждали своей очереди. Так прошли три часа, в течение которых к нам в барак то и дело забегали командиры и проверяли нашу готовность.

Наконец напряжение командного состава достигло своего апогея, а в наш барак зашел Ринк и приказал следовать за ним на плац. Там нас построили в шеренги вместе с первыми отрядами, и мы стояли, считая мух, ворон, полусшепотом переговариваясь, и, вообще, всячески убивали время. Вскоре из своего домика вышел начальник лагеря, одетый в парадную белую форму. За спиной у него удобно расположились два клинка, которые он так любовно полировал все свободное время. Оглядев наш строй и выслушав доклады командиров, он приказал отправить нескольких солдат на улицы города, чтобы моментально сообщили, когда инспектор въедет в Ленец, и вернулся в свой домик. Примитивно, но другого способа связи здесь еще не придумали, а разговорники выдавать для такого дела наверняка было жалко.

Буквально через полчаса, когда я с грустью отметил, что мои ноги начинают постепенно затекать, раздался истошный крик:

– Едет!!!

Лаприц тут же подхватил эстафету, начав орать на бойцов, чтобы подтянулись и встали в струнку, иначе будут потом всю жизнь дежурными по сортиру. Парни волей-неволей подтянулись, а я стоял в первой шеренге как один из десятников, и потому старательно выпячивал грудь. Лаприц быстро пробежался по строю и, удовлетворенный увиденным, присоединился к группе командиров. Начальник повторно произвел парадный выход из своего домика, и действие началось.

Через три минуты в ворота въехали на конях четверо красивых гвардейцев, одетых в блестящие доспехи, при полном вооружении, включающем щиты и копья, а за ними появился ожидаемый инспектор. Его появление было весьма эффектным. На белом коне, в строгой, но изысканно украшенной золотой вышивкой одежде он появился на входе, а затем повернул своего жеребца к нашему строю. Моментально шеренги преобразились, солдаты даже дышать перестали, старательно выпячивая грудь и подобрав животы, а начальник лагеря подошел к легко спрыгнувшему с коня инспектору и поприветствовал его,

поклонившись:

– Добро пожаловать в тренировочный лагерь, ваше величество!

А я в это время усиленно думал, что же Фариам здесь забыл и не связано ли мое растущее предчувствие проблем с его появлением? Король тем временем поприветствовал Карина и направился к строю солдат.

– Здравия желаю, бойцы! – гаркнул он, глядя на нас.

– Зра... жела... ва... вели...!!! – проревел строй в ответ.

– Как служба? Тяжело ли вам приходится постигать воинскую науку? – не отставал Фариам.

– Ника... не... ва... вели...!!! – проревели бойцы.

– А есть ли у вас какие-нибудь жалобы ко мне? – спросил король.

В этот момент за его спиной начальник сделал такое страшное лицо, что всем бойцам сразу стало ясно: тот, кто осмелится на что-нибудь пожаловаться, сильно рискует своим здоровьем.

– Ника... не... ва... вели...!!! – опять хором проревели бойцы.

Я орал вместе со всеми, стараясь не глядеть на Фариама, чтобы тот не почувствовал мой взгляд. Хотя у меня и другая прическа и тяжелые занятия наверняка изменили черты моего лица, да и форма ушей стала другой, так что при беглом взгляде король наверняка меня не узнает, но кто его знает. Лучше перестраховаться, иначе то, что он подумает, я даже не могу предсказать. Ведь со стороны ситуация выглядит весьма странно – неплохой маг, который полгода назад вихрем промчался по королевству, вдруг оказывается заштатным капралом... Курам на смех!

Фариам меж тем удовлетворился ответами бойцов, но вместо того, чтобы отстать от нас, принялся неторопливо шагать вдоль строя, разглядывая лица и фигуры бойцов. Ребята старались еще больше выпятить грудь, а я, стоявший посередине строя, молился всем демонам и богам этого мира, чтобы королю не хватило терпения дойти до меня. То ли я молился неправильно, то ли боги в этот момент оглохли, но Фариам все же дошел до того места, где находился я. Попытавшись как все максимально вытянуть вперед грудную клетку, я набрал побольше воздуха и задержал дыхание, смотря поверх головы проходящего мимо короля.

«Пронесло», – с облегчением подумал я, когда Фариам, не заметив меня, прошел еще несколько шагов.

Я проводил его взглядом, потихоньку расслабившись и отметив черный меч, висевший за спиной короля. А длинные руки у правителя, ведь черный меч немного больше размером, чем мои эльфийские клинки. Я бы, например, не смог его вытащить из-за спины, а вот королю это спокойно удастся.

Однако рано я расслабился. Через два шага король внезапно обернулся и уставился на меня, не успевшего отвести взгляд. Прочитав в глазах Фариама узнавание, я моментально сник, прекратив паясничать и выпустив воздух из легких, а король вернулся и, поразглядывая меня немного, удивленно спросил:

– А ты что тут делаешь?

– Дурью маюсь, – честно ответил я, пожав плечами.

– Ну-ну, – с сомнением посмотрел мне в глаза Фариам.

– Честное эльфячье! – ответил я.

Король хмыкнул и вернулся к рассматриванию строя. Дойдя до его конца, он вернулся к командирам и произнес речь. Я даже и не вникал в ее смысл. Там было что-то о доблести, защите своей родины и прочая ерунда, которую говорят в таких случаях. Я не сомневался, что эта речь была загодя продумана королем, если не отрепетирована. Во время этой речи король постоянно задерживался на мне взглядом, а я все корил себя за то, что не свалил раньше, и раздумывал, чем же это мне может грозить. Нет, завтра с утра, прямо после завтрака, я покину этот гостеприимный лагерь, выплачу компенсацию и со спокойной совестью отправлюсь к сестре, всерьез займусь ее обучением, посмотрю на королевство

гномов и...

Задумавшись над такими приятными перспективами, я пришел в себя только тогда, когда король закончил свою речь и строй солдат на удивление четко рявкнул:

– Служим вашему величеству!!!

Король с важной миной кивнул и удалился с Карином в его домик, а Лаприц велел нам разойтись по баракам и ждать ужина. А в бараке меня окружил мой десяток, требовательно глядя в глаза. Общий вопрос озвучил Крот:

– Алекс, ты что, знаком с королем?

– Виделись один раз, – не стал отрицать я.

– А почему нам не рассказывал?

– Так вы и не спрашивали, – с улыбкой применил я железную отмазку.

– Расскажи, как это вышло? – попросили ребята.

– Извините, парни, государственная тайна, – обломал я их надежды. – Я дал клятву молчать, поэтому уж не обессудьте...

Видя, как вытянулись их лица, я поспешил добавить:

– Но своим мнением о короле я могу поделиться, если хотите.

Естественно, парни отказываться не стали, и я, сев на свою кровать, начал вещать примостившимся рядом парням, с улыбкой подумав, что ситуация сильно смахивает на рассказывание баек у костра под гитару.

– Итак, король Фариам Справедливый – мужик очень умный. Он грамотно просчитывает ходы своих противников и умеет отлично разбираться в интригах. Также он довольно приятный собеседник, имеет чувство юмора, врожденное достоинство и честь. Кроме всего перечисленного, правитель Мардинана весьма талантливый мечник. Видели клинок за его спиной? Это легендарный Черный меч темных эльфов, оружие, способное отражать атаки магов. Этот клинок в свое время был куплен за восемьдесят тысяч золотых и является одним из двух, про которые я знаю. Ну, и конечно, Фариам – очень умелый правитель, он пытается поддерживать дружеские отношения со всеми соседями... Вредных привычек не имеет, пока не женат. Это все, что я могу вам сказать.

Парни наконец от меня отстали. Как я уже понял, к клятвам в этом мире относились весьма серьезно. Обсуждая приезд этого «инспектора», мы скоротали время, пока не прозвучала команда на ужин.

Ужин сегодня был весьма разнообразным. Повара постарались на славу, приготовив восхитительный грибной суп, по вкусу очень напоминавший тот, что я ел в столице, и сладкий картофель, к каждой порции которого прилагался небольшой кусочек отбивной. Вот только старания их пропали зря, король в столовую так и не заглянул, зато забежал секретарь и объявил, что Эльфа Алекса срочно требует его величество.

– Мля-я-я... – протянул я, только приступив к картошке. – Весь ужин насмарку!

Не обошлось! Все-таки придется идти объясняться, может быть, даже сразу и попросить вольную, пока случай представился, чтобы снять с себя всякие подозрения. А то ведь мало ли что его величеству в голову придет. Лично я на его месте сразу бы подумал, что этот маг в моем войске обосновался явно неспроста, а потому нужно его хорошенько расспросить, а лучше вообще гнать подальше, чтобы воду не мутил. Кинув в рот отбивную и картошки, сколько влезло, я поднялся и пошел за секретарем, жуя и придумывая убедительные оправдания своим поступкам. В крайнем случае нужно будет напомнить Фариаму про случай с графом, чтобы король не думал, что я играю на стороне его противников.

В кабинете начальника шел спор. Это было слышно даже из-за закрытой двери. Я решил пока не вмешиваться, а немного послушать, о чем речь, но секретарь (чтоб его!) постучал в дверь и заглянул внутрь, торжественно произнеся:

– Эльф Алекс доставлен!

После этого он посторонился, пропуская меня. Я смерил его взглядом и зашел в кабинет прямо под светлые очи Фариама. Отдав честь сразу обоим, присутствующим в

кабинете, я услышал, как захлопнулась дверь, отрезая нас от остального мира.

– Ну, здравствуй, Алекс, – сказал его величество, однако руки не протянул.

– И вам не хворать, ваше величество, – ехидно ответил я, не сумев сдержать свой характер.

Начальник за спиной короля побледнел, явно ожидая чего-то нехорошего, но Фариам только улыбнулся и протянул руку. Я ее пожал, впредь пообещав себе хоть немного сдерживать свой длинный язык, особенно если ко мне обращаются особы такого ранга. К начальнику вскоре вернулся естественный цвет лица, а Фариам поинтересовался:

– Расскажи теперь, что ты здесь забыл?

– Да так, – махнул я рукой. – Внезапно закончились деньги, а время дождей нужно было где-то скоротать. Выход нашелся только такой.

Король удивленно на меня посмотрел:

– А объясни мне, на что можно было потратить такую огромную сумму денег, которая, по словам принцессы Алонианы, была у тебя полгода назад?

– На обучение в рассветной школе, – ответил я.

Удивление еще заметнее проступило на лице короля.

– А зачем...

– Нужно было! – отрезал я. – Просто нужно, других объяснений я не смогу привести при всем желании.

Король хмыкнул и оценивающе взглянул на меня:

– И как, сумел дорасти до старшего ученика?

– Я закончил обучение полностью, – улыбнулся я.

– За полгода?

Я кивнул и уже хотел было уточнить, что всего за четыре месяца, но потом вспомнил, что здесь же всего девять месяцев в году, а я все еще мыслю земными мерками. Начальник также выглядел весьма удивленным, ведь ему я об этом не говорил. А я, в свою очередь, прошелся взглядом по фигуре короля, его манере держаться, и отметил характерные признаки...

– Как я понимаю, мы все здесь учились у мастера Лина? – уточнил я.

Фариам кивнул, задумавшись.

– Что, неужели тоже картошкой швырялись? – спросил я короля, не сумев сдержать любопытства.

Он немного раздраженно посмотрел на меня, но все же ответил:

– Я не сумел получить звание мастера. Не хватило времени.

Мда, некрасиво получилось.

– Ну, учиться никогда не поздно. А можно поинтересоваться, зачем меня вообще оторвали от ужина?

Фариам переглянулся с начальником и с улыбкой пробормотал:

– Ты прав, нахальства ему не занимать...

Повернувшись ко мне, король сказал несколько неуверенно:

– Алекс, я сюда приехал не просто так. Мне нужен был Карин, но тут очень удачно подвернулся ты. Мне командир рассказал о твоём желании через несколько дней уйти со службы, но я хочу попросить тебя немного задержаться...

Я вздохнул и в отчаянии стукнул себя по лбу. А на немой вопрос короля раздраженно ответил:

– Я уже три дня задницей чувствую неприятности. Эх, нужно было уйти раньше... – я еще раз вздохнул и махнул рукой. – Давайте уже, рассказывайте! (На «ты» обращаться к королю я не рискнул, помня о только что данном обещании, хотя и так вел себя по меньшей мере нагло.)

– Спасибо, что разрешил, – иронично сказал король, а я немного смущенно улыбнулся ему в ответ, понимая, что мы с ним одного поля ягоды и ехидства у нас хватает.

– Ситуация такова: на западной границе в последнее время нарастает напряжение. Мои

люди докладывают о непонятных передвижениях степняков, и я решил послать туда опытного воина, который на месте смог бы разобраться в ситуации и оценить степень угрозы. Несколько нападений за последний месяц на хорошо укрепленные города заставляют меня опасаться, что это была всего лишь проверка.

Я кивнул в такт своим мыслям.

– Тебе что-то известно об этом? – спросил король с удивлением.

– Да... – Я продумывал сложившуюся ситуацию. – На гномов в последнее время тоже совершались набеги в глубь их территорий. Не удивлюсь, если на фантарской границе повторилось нечто подобное... А что, вам Шаракх не рассказывал? – удивленно поинтересовался я у правителя.

– Нет, да я и не спрашивал, – задумчиво ответил Фариам. – Теперь многое становится ясным...

Я не мешал ему размышлять, в свою очередь, думая, чем это может грозить мне. Похоже, надвигается буря. Первые набеги кочевников были явной разведкой, пробой сил, вскоре же они могут напасть большими силами, и если к этому времени...

– Так, на чем я остановился? – вышел из задумчивости Фариам. – Так вот, вначале я хотел послать на западный край королевства Карина, но он мне скоро очень может понадобиться здесь, поэтому я прошу тебя... Алекс, можешь съездить туда и посмотреть на обстановку? Это не займет у тебя много времени, а я тебя щедро вознагражу.

Он с ожиданием уставился на меня, а я стал лихорадочно прикидывать, как бы поубедительнее отказаться. К сожалению, все причины будто испарились у меня из головы и весомых слов я не находил. Это не мои проблемы, твердил я себе, мне к гномам нужно, что я забыл на границе? На кочевников смотреть не имею ни малейшего желания, а влезать в предстоящую драку мне попросту лень. А вот то, что драка точно будет, мне подсказывала интуиция.

Я думал долго, а Фариам не прерывал мое молчание. Вот еще гад! Ведь если бы он приказал мне как своему воину, я со спокойной совестью послал бы его далеко-далеко, но нет – вежливо попросил...

– Мля-я-я... – опять протянул я, понимая, что отказать Фариаму не смогу. – Ладно, поеду посмотрю. Только вам условие – сегодня же связываетесь с Шаракхом, выкладываете ему детально все подозрения, что у вас возникли, и обсуждаете совместные действия в возможной драке...

– А она точно будет?

– Моя интуиция подсказывает, что грядут неприятности. А для меня или для Мардинана, я точно сказать не могу. Так что всегда нужно готовиться к худшему!

– Ясно, – задумчиво пробормотал король, почесывая подбородок, но вдруг спросил меня: – Алекс, почему ты обращаешься ко мне на «вы»?

– Проявляю вежливость, – пожал я плечами. – А что не так?

– Ну, тебе-то можно и оставить церемонии, – хитро прищурившись, заявил Фариам. – Как-никак мы с тобой оба королевской крови!

Карин, стоявший за спиной короля, рухнул на стул, как подкошенный, а я, проводив его падение взглядом, тут же сказал Фариаму, перейдя на привычную мне манеру общения:

– Спасибо, что напомнил! Будешь сегодня разговаривать с Шаракхом, обязательно предупреди, чтобы Мирин, который только недавно отправился на границу, вел себя там поосторожнее!

– А что так? – не понял король.

– Волнуюсь я за него очень, – вздохнул я. – Как бы мне всерьез не пришлось правителем гномов становиться...

– А-а-а... Так это ты не за него, а за себя переживаешь, – улыбнулся Фариам.

– Одно другому не мешает, – огрызнулся я. – Да, и объясни, пожалуйста, Шаракху, куда ты меня послал, пускай знает, а то совсем нехорошо получилось – только вчера обещал, что скоро приеду, а сам... А может, без меня обойдетесь? – с надеждой спросил я Фариаму.

Тот в ответ покачал головой, без тени улыбки на лице. Понятно, какие уж тут шутки!

– Думаешь, я справлюсь? – с сомнением уточнил я.

– Я уверен в этом, – ответил Фариам. – Именно такой человек мне сейчас и нужен там, на границе.

– Наглый и ехидный? – спросил я с улыбкой.

– Нет, умный и способный грамотно просчитывать ситуацию. Ты ведь не стал убивать глав Гильдии наемников, хотя мои наблюдатели сообщили, что весьма бурно выяснил с ними отношения. А почему, кстати?

– Почему выяснял отношения или почему не убил?

– Второе.

– Я просто подумал, что ты не из тех людей, которые оставляют важные дела на потом. Если бы ты хотел их убрать, это произошло бы быстро, а так как ты их даже не тронул, я понял, что они для чего-то понадобились живыми. Кстати, как там все прошло с послем?

– Все замечательно, – улыбнулся король. – Благодаря тебе и моим людям граф в целости добрался до Империи, а в столице была обнаружена крупная сеть имперской разведки, за которой теперь ведется постоянное наблюдение. Кстати, Драф, которого ты не стал убивать, оказался ее начальником.

Это тот самый Крыс, понял я. Все-таки правильно я сделал, что оставил их в живых. Не зря ведь говорят, что знакомый враг лучше незнакомого, а рассекреченный разведчик перестает быть опасным. Теперь для Фариамы они угрозы не представляют, уж он-то своего не упустит и будет знать о каждом их шевелении.

– Спасибо тебе, за то, что предупредил, – продолжил меж тем король. – Иначе в Мардинане мог разгореться крупный скандал...

– Вплоть до военного вторжения, – продолжил я. – Это все понятно. Я только не слишком понимаю, почему ты не затеял встречную игру?

– Ты просто не все знаешь, – усмехнулся Фариам. – Мои люди уже давно работают в Империи...

– Все-все! – перебил его я. – В тонкости политических интриг я вникать не намерен. Это твоя стихия. Лучше коротко проведи инструктаж предстоящей операции.

И король начал рассказывать, бросая веселые взгляды на начинавшего подавать признаки жизни начальника лагеря.

Глава 13

А мы пойдем на запад

Инструктаж не затянулся. Всего полчаса мы с королем и пришедшим в себя Кариним, глядевшим на меня с некоторой опаской, обсуждали детали предстоящей операции. Мне необходимо было отправиться в Город, да-да, именно так, с большой буквы, поскольку выстроен он был совсем недавно и не получил еще имени, которым его обозначили бы на картах. В итоге бурных споров мне вручили приказ с красивой печатью для командира в Городе, в котором содержались четкие указания не мешать мне проводить разведку, присвоили звание сержанта и дали в нагрузку два с половиной десятка бойцов, закончивших четырехмесячный курс обучения, куда попали и мои приятели. На все мои просьбы, что я лучше и быстрее справлюсь с заданием в одиночку, мне ответили, что пополнение тамошнему начальнику гарнизона все равно нужно посылать, а посему... «да уймись ты, наконец!». На мой вопрос, почему бы тогда не послать пополнение в размере одного-двух отрядов, Карин просветил меня, что тогда кочевники могут понять, что мы начинаем готовиться, и (если подозрения окажутся верными) нападут раньше. Рисковать никто не хотел.

Я на всякий случай сделал два разговорных амулета, один из которых вручил королю. Теперь у нас будет нормальная связь, а то посылать гонцов с края королевства в столицу не очень продуктивно. Фариам усмехнулся, глядя на монетку (я действовал по старой схеме), и

вытащил из кармана свои амулеты, припасенные как раз для этого случая. Оглядев их, я сравнил со своим творением и отметил, что моя конструкция чуточку лучше, а запас энергии больше раза в три. Посоветовав королю не терять монетку, я тепло попрощался с Фариамом и уже хотел выйти, но король меня остановил:

– Алекс, мы еще не обсудили размер твоего вознаграждения за работу.

Я взглянул на короля с улыбкой, но тот был совершенно серьезен. Наверное, и впрямь полагал, что для меня это немаловажно.

– Хорошо, – кивнул я. – Определимся сразу. После того как все закончится, мне будет нужна лошадь, чтобы не тащиться пешком до Гномьих гор. Идет?

Король недоуменно посмотрел на меня. Видно, он ожидал совсем других требований, но все же кивнул, подтверждая наш договор. Я развернулся и вышел из комнаты, подумав, что король все еще не воспринимает меня в качестве друга, а его панибратское общение со мной – всего лишь хитрый психологический ход. Значит, над этим мне еще придется хорошенько поработать. А Фариам – молодец, сумел меня грамотно просчитать и заставить согласиться на абсолютно ненужное мне путешествие. Его оценка в моих глазах поднялась просто до заоблачных высот, но одновременно я понимал, что мне придется очень сильно постараться, чтобы завоевать его уважение и дружбу. А ведь это может и не получиться... И зачем я только во все это ввязался?

Коря себя за непредусмотрительность, я отправился в барак, чтобы перед дорогой хорошенько выспаться, а король с начальником остались в кабинете проводить планирование и подсчитывать все вооруженные силы королевства. На улице уже давно стемнело, вот-вот со мной должна была связаться Алона, и я беспокоился, успеет ли король пообщаться со своим коллегой или мне придется оправдываться перед сестренкой за невыполненное обещание. Зайдя в барак, я увидел, что мой десяток еще не спит и ждет моего возвращения. При моем появлении Крот вскочил и сразу же спросил:

– Ну что?

Меня тронуло такое беспокойство, а потому я решил сообщить им новости сейчас, а не с утра, как планировал.

– Короче, во-первых, мне дали звание сержанта, во-вторых, завтра вы и десяток Лютого отправляетесь под моим командованием в Город на границе. Спокойной всем ночи!

Я попытался улечься на кровать, но парни сгрудились вокруг меня теснее и потребовали подробностей.

– Ребята, потом все узнаете. Зачем сейчас голову забивать? Спите себе спокойно, завтра с утра все подробно объясню.

– Нет, ты сейчас расскажи, как это ты так высоко взлетел, – сказал Крот. – Еще ведь утром десятником был, а сейчас кто? Полусотник?

Я весьма плохо разбирался в табели о рангах Мардинана, поэтому только пожал плечами:

– Хрен его знает... Для вас я командир, а детальнее можете спросить у Хацека.

Именно этот старый сержант пытался на занятиях вбить в наши головы таблицу званий, применяемых в армии.

– Ладно... командир, – с иронией обратился ко мне Дельв. – И когда отправляемся?

– Завтра сразу после завтрака, – просветил я его. – Так что, если хотите, можете начинать готовиться к походу, а мне дайте вздремнуть часок.

Парни наконец от меня отстали и стали тихо обсуждать новости, а я быстро заснул, не забывая себе мозги лишними проблемами.

Меня разбудил вызов амулета. Оглядевшись, я понял, что все уже давно спят, тихонько выскользнул за дверь и лишь после этого ответил Алоне. Судя по ее голосу, она еще не знала новости, поэтому я не стал ее просвещать, а немного с ней позанимался и отметил, что простые плетения у нее получаются все более мощными, судя по грохоту, что она устраивала на тренировочной площадке. Через полчаса интенсивных занятий с ней я попрощался и пошел досыпать.

Утром я проснулся рано и побежал тренироваться на площадку. Начальника на ней я не увидел – наверное, совещание у них с королем затянулось далеко за полночь. Поэтому, хорошенько размявшись, я не стал продолжать, а вернулся в барак и принялся аккуратно упаковывать свои вещи. Вряд ли на два с половиной десятка человек выделяют лошадей, поэтому я опять связал свои сумки, чтобы было удобнее нести их на плечах. Посмотрев в карту, я понял, что идти до Города нам примерно дней пять, значит, подготовиться нужно основательно. По команде «подъем!» проснулись остальные члены третьего отряда, и только тогда я сообщил десятку Лютого, что сегодня им предстоит отправиться защищать границы королевства. По выражениям их лиц я понял, что они явно не готовы к такому повороту событий, и в приподнятом настроении отправился со своим десятком завтракать. Правильно говорят, сделал гадость – на сердце радость!

За завтраком я уточнил у парней, что вообще здесь выдают для таких дальних походов. Они сообщили, что просто выделяют деньги на пропитание для солдат, а вообще, каждому из них при вступлении в армию была выделена фляга, ложка и спальный мешок. А вот мне гад-хозяйственник не выдал ничего, то ли забыл, то ли умышленно промолчал. Ладно-ладно, все равно мне сегодня за сержантскими нашивками заходить, попляшешь ты у меня!

Съев последний завтрак, я собрал всех бойцов, которых отдали мне в подчинение, и велел готовиться к походу, а сам пошел на склад. Там я после большой и продолжительной битвы вырвал у местного каптенармуса три плотных мешка и один большой железный котелок. «Сгодится в хозяйстве», – подумал я, засовывая его в мешок. Зайдя напоследок к начальству, я получил у секретаря деньги на дорогу (целых шесть золотых!) и пожелание доброго пути от Карина и короля, который также обнаружился в кабинете начальника. Фариам долго рассматривал мой мешок с котелком, но так ничего и не сказал. А после этого я вернулся к уже ожидавшим меня с такими же вещмешками в руках ребятам. Всучив котелок Триту, как самому здоровому в отряде, я поручил парню беречь его и пошел за своими вещами.

Выходили мы из ворот четким строем, напоследок порадовав начальника молодцеватой выправкой, но уже через десять шагов за границей лагеря я велел парням расслабиться, и мы организованной толпой отправились к выходу из города. Он здесь был только один, поэтому нам еще предстояло обойти весь Ленец, чтобы потом двигаться в нужном направлении. Поздоровавшись с нашими знакомыми солдатами на входе, которым именно сегодня выпала честь дежурить на этом посту, мы вышли из города и потопали по дороге. Я внимательно изучил карту и знал, что через некоторое время должна быть развилка. Там мы должны свернуть направо и пройти немного на юго-запад, чтобы к вечеру дойти до Зеленца, от которого наш путь вел строго на запад.

Вскоре сзади послышался топот. Нас догонял отряд телохранителей короля вместе с ним самим. Я велел парням отойти в сторонку и пропустить кавалькаду, однако Фариам осадил коня, поравнявшись с нами, и сказал мне, не вылезая из седла:

– Алекс, я на тебя надеюсь!

Глаза короля были весьма серьезными, и я четко осознал, что, кроме меня, сейчас ему больше надеяться не на кого.

– Постараюсь не подвести, – ответил я и поднял вверх руку, сжатую в кулак. – До встречи, ваше величество!

Король улыбнулся и ответил мне тем же жестом, сказав ехидно:

– Удачи, ваше высочество! – А потом прищиприл коня и быстро поскакал вперед.

– Вот гад! – не выдержал я, когда король уже скрылся из виду.

Ну, все, сейчас начнется!

И я оказался прав.

– Алекс, а почему король назвал тебя высочеством? – удивленно спросил стоявший рядом Крот.

Я вздохнул и ответил:

– Потому что я мало того что ваш командир, так еще и по совместительству принц

Подгорного королевства... Пошли дальше!

Я продолжил путь, но вскоре понял, что шагаю в полном одиночестве. Остальные ребята стояли на месте и шокированно смотрели на меня.

Ну, Фариам, ну, зараза! Подложил мне свинью напоследок. Ему смешно, а мне теперь отдувайся!

– Что? У меня рога выросли или хвост? Чего вы на меня так уставились?

– Ал... ваше высочество, а ты... вы действительно принц? – спросил Дельв.

– Принц, принц. Только ненаследный, так что нечего так волноваться.

Парни все еще выглядели ошарашенными, поэтому я взмолился:

– Ребята, да не обращайтесь вы на это внимания! Кому какое дело, из какой я семьи? Забудьте обо всем и просто сделайте вид, что ничего не произошло. Я все тот же Алекс, что и был! – Ситуация порядком начала меня доставать. – Или вам не нравится, что у вас командир – принц? – попробовал я обратить все дело в шутку.

Немного помогло – ребята зашевелились, на лицах некоторых появились улыбки. Крот подошел ко мне и посмотрел в глаза:

– И когда же вы... ты собирался рассказать нам об этом?

– А никогда! – твердо ответил я.

Крот удивился и уже готовился задать новый вопрос, но я опередил его:

– Ты что, уже забыл, как вы от меня шарахались, когда я десятником стал? Да и видишь, что получилось в итоге? – Я указал ему на остальных ребят, все еще не решавшихся подойти ближе. – Думаешь, я хотел такого?

Крот задумался, а потом ехидно спросил:

– А что мы о тебе еще не знаем?

– Многого, – честно ответил я. – Некоторое, я надеюсь, вы не узнаете никогда.

Улыбка Крота померкла.

«Мы его теряем!» – подумалось мне, поэтому я просто сказал ему:

– Крот, я такой, каким ты меня знаешь. Я уважаю людей не за их чины или звания, а за их поступки. Если вы все сейчас не сможете забыть, что я из королевской семьи, и общаться со мной, как раньше, дальше я пойду один, потому что мне не нужны подданные или подчиненные, мне нужны просто друзья!

Я оглядел парней, молча смотревших на меня.

– Решайте, ребята. Либо вы будете видеть во мне только друга, даже не командира, а просто своего товарища, либо вы разворачиваетесь и топаете обратно в лагерь.

Парни переглянулись, но потом все же подошли.

– Ладно, Алекс, – озвучил Рик решение за всех. – Если ты месяц ел с нами дрянную перловку, значит, ты еще не самый плохой принц на этом свете! Мы с тобой, друг!

Я улыбнулся, на лицах многих парней также появились улыбки, а двое даже хохотнули.

– Алекс, а ты расскажешь, как там у вас во дворце? – спросил Трит.

– Нет, не расскажу, – обломал я его. – Я там и не был никогда.

– А...

– Я всего лишь приемный сын короля Шаракха, потому и являюсь ненаследным принцем. Вот, думал, месяцок побуду с вами, а потом поеду в горы, на королевство посмотреть, себя показать, но тут мне Фариам работенку подкинул не вовремя...

– Да, Алекс, а ты вечером обещал рассказать нам все подробности, – напомнил Крот.

– Пошли, – сказал я, разворачиваясь. – По дороге все объясню, или нам придется ночевать под открытым небом. Мне-то это привычно, а вот вам...

Парни двинулись за мной скорым шагом. Так начался наш путь на запад. По дороге я рассказал им все подробности предстоящего дела, то бишь разведки. Парни немного приуныли, узнав о возможной войне, но я сумел их убедить, что в обиду не дам и на амбразуры посылать не буду. Когда ребята поинтересовались, что же такое – эти таинственные амбразуры, я рассказал им о легендарных подвигах советских воинов, которые своими телами закрывали огневые точки противника. Правда, пулеметчиков пришлось для

понятности заменить на лучников, но в целом рассказ вышел понятным. После него парни спросили меня, почему эти солдаты были такими глупыми, что так бездарно сражались с врагом. Ведь можно было просто убить находящихся в укреплениях воинов противника! Пришлось рассказывать практически всю историю Великой Отечественной, соврав, что мое королевство находится далеко за восточной границей Империи, поэтому о таком здесь и не слыхивали. Я вспоминал все известные мне подвиги наших бойцов, изменяя детали и стараясь как можно более красочно описать все знаменитые сражения («Блицкриг» рулит! «Медаль за отвагу» и «Call of Duty» форева!), а ребята с горящими глазами меня внимательно слушали.

За рассказом время пролетело незаметно, мы уже давно миновали развилку, повернув направо. Яркое солнце вскоре поднялось в высшую точку, и я понял, что пора устраивать обед. Прервав свои рассказы о зверствах фашистов, я спросил бойцов, кто из них родом из окрестных земель. Выяснилось, что Глен из десятка Лютого прожил здесь всю жизнь. У него я и узнал, что дальше попадется деревенька, куда он с его друзьями бегал на... в общем, к девочкам. Я решил зайти в нее и плотно пообедать, потому что впереди было еще много часов марша до Зеленца. Ориентируясь по подсказкам нашего Сусанина, мы вскоре свернули с дороги и пошли через рощу, поверив на слово нашему проводнику, что так будет быстрее.

Наш Сусанин оказался порядочным человеком, и уже спустя полчаса мы шагали вдоль вспаханного поля к деревянной ограде, за которой стояла нужная нам деревенька. Мы вызвали немалое удивление своим появлением. Я быстро нашел старосту и выдвинул свои требования – обильный обед для трех десятков мужиков, за который я хорошо заплачу. Староста оказался весьма предусмотрительным и потребовал деньги вперед – десять серебрушек. Я очень удивился, вспомнив цены в столице, где на эти деньги можно было накормить только человека три, и быстро отсчитал требуемое. Староста тут же начал строить своих односельчан, чтобы те выносили столы, а нескольким хозяйкам дал задание обеспечить голодных солдат едой.

Стол и лавки помогали выносить мои парни. Накрывали их прямо посреди улицы, потому что внутри любого из домов больше чем десятерым не развернуться. Вскоре на столах начали появляться тарелки с едой, к которой мы и приступили, не дожидаясь, пока нам подадут все. Обед вышел замечательным, я и мои ребята уже успели отвыкнуть от нормальной пищи, поглощая армейскую овсянку и перловку в немереных количествах, а тут для нас устроили просто праздник желудка. На столах были соленые грибочки, вареники с творогом, сладкая картошка с луком, жареная рыбка, пельмешки... да много еще чего. Я с ребятами поглощал все это так, что за ушами трещало. За столами даже не было слышно разговоров – все старательно жевали и вспоминали, что такое – домашняя еда.

Однако обед все же был подпорчен, но не по моей вине. Когда хозяйки уже перестали выносить тарелки, а бойцы потихоньку сбавляли скорость жевания и ослабляли пояса, откуда ни возьмись появилась возмущенная женщина, ведущая за руку девушку лет девятнадцати, что называется, «в самом соку». Впечатление от ее фигуры портил только немного выпирающий животик, который можно было бы убрать парой месяцев строгой диеты. После этого пропорции ее тела стали бы просто на загляденье! Парни заметили их появление и устались внимательными взглядами на девушку, по их лицам я прочел, что все они вдруг очень сильно захотели с ней познакомиться. Лишь один боец отчего-то побледнел и попытался спрятаться за спинами товарищей. Это был именно Глен, который и привел нас сюда.

– Вот он, стервец! – издала победный клич женщина, показавший, что попытки Глена были безуспешны. – Вот он, паскудник! А я еще и не верила, когда мне Марка сказала, что дочкин хахаль в нашей деревне появился. Думала, у него смелости не хватит... – женщина распалялась прямо на глазах. – А у него зато наглости много! Надо же, посмел явиться сюда, после того как позорно сбежал три месяца назад.

Глен, приобретя совсем убитый вид, устался в стол и не поднимал взгляд, а красивая девушка выглядела совсем сконфуженной криками. Внезапно до меня дошло – этот животик

голоданием вряд ли можно убраться, так как он последствие не любви сытно поесть, а любви совсем другой...

– А ну на меня посмотри, гаденыш! Сделал ребенка моей дочке – и в кусты? А кто его растить, воспитывать будет? Кто, я спрашиваю?! – женщина сорвалась на визг, а я с силой ударил ладонью по столу, так что чашки подпрыгнули.

– Тихо, отставить истерику, – спокойным тоном приказал я и поднялся.

Подойдя к женщине, я уставился на нее внимательным взглядом, почувствовал ее злость и обиду, а затем приказал таким же спокойным тоном ребятам, которые давно перестали жевать и внимательно смотрели на нас:

– Всем продолжать трапезу. Глен, живо ко мне!

Бойцы заработали челюстями, повернувшись к тарелкам, а Глен, все такой же убитый и подавленный, поднялся из-за стола и подошел к нам. Я огляделся – все местные смотрели на нас, ожидая продолжения скандала. Я поморщился: такие разборки на люди не выносят, себе дороже потом получается от слухов, что разбредаются по округе методом «испорченного телефона». Найдя взглядом старосту, я обратился к нему:

– Уважаемый, мы займем ненадолго ваш дом для деликатного разговора?

Дождавшись его кивка, я направился к дому, подхватив упиравшуюся женщину за локоток и велел ее дочке и Глену следовать за нами. Зайдя в дом, я обнаружил большую комнату, из которой вынесли все лавки и стол, отпустил руку женщины и закрыл дверь, чтобы снаружи ничего не было слышно.

– Итак, начнем слушание, – сказал я и повернулся к женщине. – Позвольте представиться: меня зовут Алекс, я являюсь непосредственным командиром вот этого молодого человека. А теперь коротко и ясно изложите мне суть проблемы.

– Командир, значит... – гневно протянула женщина. – Теперь своего покрывать будешь, да? А мы значит, опять ни с чем останемся?! Знаю я вас...

– Тихо! – оборвал я вновь начавшую накачиваться злостью женщину. – Я же сказал, изложите четко и ясно! Все эмоции в сторону!

Женщина замолчала и зло уставилась на меня, а я понял, зачем она вышла со скандалом на публику – просто искала поддержки односельчан... Что ж, все прекрасно понимаю. Как говорят, вместе и батьку веселее бить!

– Я жду объяснений, – повторил я, видя, что дело не сдвигается с мертвой точки.

Женщина вздохнула и начала рассказывать. В кратком изложении ее история выглядела так: полгода назад в соседней деревне подрос негодник, который отважился вместе со своими друзьями отправиться сюда, искать большой и чистой любви. Друзки уже давно выбрали себе объекты и удалились с ними в укромные места, а неопытный парень остался без подруги. На беду мимо проходила дочка этой женщины, Лара, которой чем-то приглянулся незнакомый печальный парень. Естественно, завязалось знакомство, потом пошли встречи, поначалу днем, а чуть погодя уже и ночью, когда влюбленные вместе смотрели на звездочки. После звездочек началось более тесное их знакомство, а еще через полтора месяца начал потихоньку проявляться и результат этого знакомства, да так, что мать сразу забила тревогу и помчалась искать справедливости в соседнюю деревню. Там она нашла дочкиного ухажера и после долгих криков и споров с его родителями было решено устроить свадьбу, раз по-другому уже не получится. Вот только жених от греха подальше свалил в армию, так что осталась мать с беременной дочкой.

Во время этого рассказа я внимательно смотрел на Лару и Глена. Что он, что она избегали встречаться взглядами, но когда Глен смотрел на девушку, то в его глазах проскакивало нечто такое, что я даже затруднялся определить. А когда мать в рассказе дошла до бегства жениха, то Глен сильно покраснел и уставился в пол, а я ощутил его стыд.

Когда история подошла к концу, я начал раздумывать: что же теперь делать? Я мог легко послать разгневанную мать подальше, как и собирался поступить в самом начале разговора, повторив подвиг Карина в случае со Шрамом. Вот только меня смущало именно это «нечто», промелькнувшее во взгляде Глена.

– Я попрошу вас выйти ненадолго, чтобы я мог поговорить с молодыми, – сказал я матери.

– Говорите при мне, я тоже хочу послушать! – ответила она, уперев руки в бока.

– Уважаемая, я не буду говорить им ничего, что вас может интересовать. Я хотел просто узнать их версию событий, а в вашем присутствии они будут сильно стесняться. Попрошу удалиться, – я указал рукой на дверь.

– А я не уйду! – заявила мамаша. – И не указывайте...

– Вон! – рявкнул я, так что вздрогнули все трое, а женщина испуганно выбежала за дверь.

– Теперь будем разбираться с вами, – произнес я спокойным голосом, повернувшись к молодым.

Они глядели на меня с боязнью. Похоже, что мое внезапное спокойствие их напугало даже сильнее, чем вопль перед этим. Я подошел к девушке и взял ее за руку, вытянув немного вперед. Одной своей рукой я крепко, но мягко прижал ее ладонь, а пальцами второй обхватил запястье и настроился на сердцебиение. Одновременно я попытался прочувствовать ее состояние. К моему удивлению, это получилось легко, и я узнал, что девушка чувствует смущение, боязнь, обиду и... надежду. Я взглянул в ее глаза и мягко сказал:

– Я сейчас буду задавать вопросы, а ты отвечай на них честно, ничего не утаивая, потому что ложь я сразу почувствую. Понятно?

Девушка немного расслабилась и кивнула.

– Ты до встречи с Гленом занималась с кем-нибудь любовью?

Девушка отчаянно покраснела, но прошептала:

– Нет.

– А ты еще с кем-нибудь встречалась три-четыре месяца назад?

– Нет.

– То есть ребенок, которого ты сейчас носишь, точно от него?

– Да.

– Ты хотела бы выйти замуж?

Девушка покраснела еще больше, но все же ответила:

– Конечно.

«Ну, естественно, – подумал я. – Какая же девушка ответит на этот вопрос отрицательно?»

– Ты хочешь выйти за Глена? – спросил я Лару.

Она замялась, я ощутил ее учатившийся пульс. Чувства выдавали мне смесь надежды, жалости, стыда, обиды, нежности и еще массу оттенков...

– Нет, – ответила она, глядя в пол.

Я отпустил ее руку и подошел к Глену, схватив таким же образом его конечность.

– Объяснять ничего не буду, сразу вопрос: после Лары у тебя женщины были?

– Нет, – твердо ответил он, глядя мне в глаза, а я почувствовал: врет!

– Ты боишься женитьбы?

– Нет.

– А Лару ты боишься?

– Нет.

– А сбежал почему?

На следующий вопрос я и не ждал короткого ответа, я же не детектор лжи, мне нужно было узнать причину. Глен уставился в пол, а потом выдал:

– Мне так друзья сказали сделать...

– Хорошие у тебя друзья, – усмехнулся я. – Вот, научили тебя трусости, а ты оказался таким способным учеником... Последний вопрос: ты любишь Лару?

Глен посмотрел на девушку, которая все это время глядела на него. Лара, встретившись с ним взглядом, гневно фыркнула и демонстративно отвернулась, а парень мрачно ответил:

– Нет.

Я отпустил его руку и встал посередине комнаты, глядя на обоих.

– Мне все с вами ясно. Отвечали вы хорошо, честно. Но почему на последние вопросы я не услышал правду в ответ? Что с вами? Стыдно или страшно?

Глен и Лара удивленно посмотрели друг на друга, а я продолжил:

– Значит, для вас важнее советы окружающих, чем собственные чувства? Вы ведь уже взрослые люди, так начинайте жить по уму!

Молодые взглянули на меня с удивлением.

– Да-да, именно по уму! Разве ты маленький ребенок, что бежишь от ответственности, а, Глен? А ты, Лара? Для тебя что важнее, чтобы твоя мать получила деньги от меня или счастье со своим любимым?

Я стоял и смотрел на них, стоявших рядом и не решавшихся подойти друг к другу. Ну и что теперь, мне за них всю работу делать? Хотя... вот Глен сделал нерешительный шаг к девушке, а та в ответ кинулась к нему на шею, заливаясь слезами и твердя:

– Почему? Почему?..

– Прости меня, – шептал Глен, крепко сжимая ее в объятиях. – Прости, любимая...

Так, нужно сваливать отсюда, а то меня так сильно накрыло их чувствами, что того и гляди разрыдаюсь прямо здесь. Вот, уже и в глазах защипало...

Я постарался отгородиться от эмоций молодых, нежно целующих друг друга, а затем вышел, тихонько притворив дверь за собой. На улице меня уже поджидала заинтересованная толпа, которая с восхищением слушала мать Лары. Мои ребята стояли неподалеку с мрачными лицами, прикидывая, как будут сопротивляться разгневанным сельчанам, которые сейчас будут насильно женить их сослуживца. А женщина толкала гневную речь, она призывала не выпускать «подлого труса» из деревни, пока он не женится на ее дочке или пока не выплатит достаточную компенсацию. Я подивился, как это я так точно угадал причину девичьего вранья, и подошел к женщине. Увидев меня, она замолчала, а я громко обратился к ней, чтобы всем было слышно:

– Вопрос решен! Сейчас Глен вместе с отрядом отправляется на границу, чтобы защищать ее от набегов подлых кочевников, а через месяц или два вернется сюда, чтобы сочетаться с Ларой законным браком. Это я вам гарантирую!

– А почему не сейчас? – негодуя воскликнула мать Лары.

– Потому что у меня и так очень мало бойцов, а ситуация на границе весьма напряженная. Каждый человек на счету, и потеря такого умелого воина, как Глен, сильно ослабит наш отряд.

Мои парни отвернулись, пряча улыбки и вспоминая, каким «умелым» воином был доходяга Глен на полосе препятствий.

– А чтобы вы не подумали, что я просто не желаю допускать этот брак... – я порылся у себя в кошельке. – Вот вам деньги на подготовку к свадьбе!

Я сунул в руку матери три золотых монеты. Она уставилась на них, как на бриллиант размером с куриное яйцо, а я подумал, что жизнь в глубинке явно не сахар, если для них золотые в диковинку.

– Чтобы обе деревни запомнили! – добавил я, а затем крикнул в сторону дома: – Глен, нам пора, хватит миловаться!

Через несколько мгновений на пороге появился Глен. Подошел ко мне и встал по стойке «смирно». Я громко обратился к нему:

– Боец, теперь тебя ждут славные подвиги, чтобы ты мог вернуться героем к своей невесте!

Лицо Глена вытянулось. Небось уже решил, что я оставляю его здесь. Но парень быстро пришел в себя, отдал честь и продолжал стоять по стойке «смирно».

– У тебя три минуты, чтобы попрощаться, а потом догоняй нас! – скомандовал я ему, а затем рявкнул: – Отряд, стройся!

Бойцы моментально построились.

– Шагом марш! – скомандовал я. – Песню запе-е-вай!
– А мы теперь солдаты, мы brave ребята... – затянул отряд под изумленными взглядами деревенских и строевым шагом вместе со мной во главе зашагал прочь.

Когда деревня скрылась из виду, я прервал песню и сказал:

– Вольно, ребята! Теперь подождем нашего Сусанина, а то я дороги не знаю.

Логичный вопрос, последовавший за моей фразой, вынудил меня рассказать, кто такой этот Сусанин и чем он знаменит. Когда я закончил, к нам присоединился Глен и повел отряд к прежней дороге, а бойцы еще долго восхищались подвигом легендарного героя, который сумел не сломаться под пытками и не выдать врагу, как выйти из заснеженной чащи. Про пытки – это они сами придумали, так как наша официальная версия о них умалчивала. Выйдя на дорогу, мы гурьбой зашагали в сторону Зеленца. Выждав момент, ко мне подошел Глен:

– Спасибо, командир.

– За что?

– За то, что не сказали Ларе, про то, что у меня...

– Брось, Глен, все мы не без греха.

Он вскоре начал рассказывать ребятам все подробности только что происшедшего, а я подумал: почему же я не оставил его в деревне сразу? Зачем потащил с собой? Что одного лишиться, что всего отряда – для меня ведь в моем деле большой роли не играет. Так почему же? Анализируя свое недавнее состояние, я пришел к выводу, что сделать это меня заставила интуиция. Именно она подтолкнула к такому решению, которое на первый взгляд казалось нелогичным. При детальном анализе ситуации я понял, что вскоре молодого жениха ожидал бы ад покруче армии. С его новоявленной тещей в главной роли. Но теперь, когда я устроил представление, она волей-неволей станет считаться со своим зятем, что поможет сохранить молодую семью. Вот что значит общественное мнение! Теперь, даже если она будет чем-то недовольна, односельчане быстро ее одернут, напомнив, что лучшего мужа для дочери она и пожелать не может.

«Эх, – подумал я, – надо было бы побольше рассказать про ратные подвиги Глена, ведь кашу маслом не испортишь. Только теперь поздно. Додуматься бы раньше...»

Да, выходит, интуиция – все же очень необходимая вещь. Однако есть у меня опасение, что вскоре я перестану жить своими желаниями и буду доверять только этому шестому чувству, которое всегда подскажет, как выйти из любой сложной ситуации... Нет, это я явно перегибал палку. Такого не должно случиться, ведь мои желания тоже большей частью подсознательны, а значит, действуют с ней на одном уровне, что к плохому привести никак не может. Успокоив себя таким образом, я отметил, что теперь повесил себе на шею дополнительную проблему – придется еще приглядывать и за новоиспеченным женихом, чтобы он целым домой вернулся, а не свернул шею где-нибудь по дороге. В том, что Глен на это способен, я и не сомневался, вспомнив, как он рухнул с лестницы на нашем предпоследнем занятии.

Глава 14

Город

Через много часов непрерывного марша показался город Зеленец. Уже издали было видно, почему он так был назван. Городскую стену во многих местах украшал мох и вьющиеся лианы, забросившие на нее свои плети. Сейчас все они ярко зеленели, придавая городу характерный весенний колорит. На входе нас даже не попытались заставить платить пошлину – видимо, тут, как и на Земле, военным предоставлялись льготы. Первым делом в городе бросалось в глаза обилие виноградных лоз, оплетающих многие дома. Они росли на специально отведенных лужайках перед зданиями. За время дождей виноград уже успел выпустить молоденькие листья и теперь украшал город. Все это выглядело очень красиво, так что даже возникало желание задержаться здесь подольше, но у нас были другие планы.

Первым делом я по запаху нашел приличный трактир, где за полторы золотые монеты накормил всю ораву. Дальше я хотел идти искать подходящую ночлежку, но Крот, хитро усмехнувшись, спросил меня, когда же я скоманую им отправиться по девочкам. Подумав, я решил, что нужно дать им воспользоваться возможностью отдохнуть и расслабиться, и разрешил отправиться в свободный поиск, предупредив, чтобы завтра на рассвете были у западных ворот, так как ждать я никого не намерен. Отобрав котелок у Трита, чтобы не потерял в борделях, я с интересом наблюдал за переживаниями Глена. С одной стороны, ему очень хотелось отправиться с парнями, но ведь теперь у него появилась невеста... Он с надеждой взглянул на меня, но я разочаровал его:

– Решай сам, я ничего тебе советовать не буду.

Он немного поколебался, а потом сказал нескольким ребятам из своего десятка, которые ждали его в дверях трактира:

– Парни, идите без меня.

Те кивнули и ушли, а Глен остался со мной, расстроено глядя себе под ноги. Я положил руку ему на плечо:

– Молодец!

Глен удивленно посмотрел на меня.

– Да, ты решил правильно. Если о том, что было раньше, можно просто забыть, то сейчас это было бы подлостью чистейшей воды по отношению к Ларе. И если бы ты сейчас ушел с ними, то потерял бы всякое уважение в моих глазах.

Глен заметно повеселел. Вот ведь как иногда бывают нужны похвала и понимание. И даже то, что я нагрузил его котелком, отобранным у Трита, не смогло лишить парня приподнятого настроения. Вдвоем с ним мы нашли средней паршивости гостиницу, где сняли комнату с двумя кроватями, на которых и развалились, так как уже давно наступил вечер. Глен тут же заснул и даже улыбался во сне, а я еще немного позанимался магией, затем связался с Алоной. Она накричала на меня, обозвала разными неприличными словами и напоследок заявила, что я ничем не отличаюсь от Мирина – тоже готов в любой момент сунуться в драку. Я молчал и в нужных местах пытался оправдываться, пережидая бурю. Когда шторм превратился в маленький ветерок и я почувствовал, что вот-вот может хлынуть дождик, настало время мне сменить тему. Сперва я спросил о ситуации с кочевниками, поскольку это сейчас волновало меня больше всего. Ничего толком Алона не рассказала, но пообещала узнать у отца, если это мне так необходимо. Я заверил, что просто позарез нужно, и дал ей задание к завтрашнему вечеру прояснить ситуацию и заодно спросить, как там дела у Алисы и Квазика в Фантаре. Что-то мне подсказывало, что и их сия чаша не минула. Настроения заниматься магией сегодня не было ни у меня, ни у сестренки, поэтому я долго перед ней извинялся, а добившись прощения, со спокойной совестью завершил разговор и заснул.

Утром я привычно поднялся до восхода солнца, сделал небольшую разминку, растолкал Глена и вместе с ним позавтракал тем, что сонный повар сумел нам приготовить. После этого мы отправились к западным воротам, чтобы там встретить рассвет. Несколько наших парней уже были там. Забравшись в спальные мешки, они дремали на камнях прямо перед воротами. Чуть позже подошли еще десять, а к восходу подтянулись почти все. К моменту, когда стражники со скрипом открыли толстые створки, не хватало только капрала Лютого – второго офицера в нашей команде (первым я считал себя любимого). Решив, что он нас догонит, я отдал приказ выдвигаться и вручил почетный котелок Триту.

Мы продолжили наш путь, топча солдатскими сапогами обширные просторы Мардинана. К обеду нас догнал Лютый, который сначала дико извинялся, а затем беззастенчиво хвастался своими подвигами на ниве сексуальных утех. Через два часа по указанию уже другого Сусанина мы свернули с дороги и без приключений пообедали в деревеньке, носившей странное название Радужная. Почему оно появилось, никто из местных не мог ответить, да мы и не очень-то интересовались, налегая на еду, тем более что многие парни даже не успели толком позавтракать. В той же деревне я купил продуктов в

дорожку, равномерно распределив их между бойцами.

Дальнейшие два дня были похожи один на другой. Коротко – мы шли, и шли, и шли... В города я больше не заходил, решив, что питаться в деревнях будет намного дешевле. К вечеру следующего дня мы вышли к речке, и я устроил всем банный день. Парни искупались, постирали свои портянки, наверное, устроив этим тотальный геноцид местным обитателям ниже по течению. На меня они уже не косились, как в первые разы, когда в лагере нас всех заставили принимать водные процедуры – видимо, постепенно привыкли к моей пониженной лохматости. Пользуясь случаем, я поймал в речке три крупные рыбины и вылез на берег, удивив парней своим уловом. Из рыбы получилась отличная уха, которую все с большим удовольствием и практически моментально съели, так что мне пришлось опять нырять за рыбой, чтобы приготовить вторую порцию. Вот и пригодился котелок, а Трит оказался неплохим поваром и отныне постоянно стал готовить для нашего отряда.

Три ночи подряд я усиленно тренировался в области магии, создав еще одно новое плетение – гранату. Эта фиговина должна была взрываться с оглушительным грохотом, раскидывая во все стороны магические стрелы. Причем большую часть времени, уделенного на ее создание, я потратил на то, чтобы ограничить радиус ее действия. Под конец у меня получились три ее разновидности: одна поражала все в радиусе десяти метров, вторая выборочно дырявила пространство в области тридцати метров от места взрыва, а третья называлась «после нас – хоть потоп!» и не имела ни пределов заряда, ни обозримого радиуса действия. Ее я решил использовать только в самых крайних случаях, потому что эта дрянь могла легко продырявить и меня самого.

С Алоной я почти не занимался, а только долго разговаривал по вечерам. От нее я узнал, что совсем недавно кочевники пытались прощупать и фантарскую границу, но эльфы им дали жестокий отпор, поэтому больше они появляться не рискуют. Мирин объезжал с отрядом пограничные земли и нашел множество доказательств того, что кочевниками уже давно ведется негласное наблюдение за пограничной территорией гномов. Так что в Подгорном королевстве по тревоге формируются вооруженные отряды, которые в спешном порядке отправляются на кордон для предотвращения проникновения лазутчиков. Пока больших стычек с кочевниками в Подгорном королевстве не было, но один малый отряд Мирину удалось разбить, захватив пару пленных, от которых, однако, не было никакого проку.

А к обеду пятого дня пути мы достигли Города. Нет, городом это селение было назвать весьма трудно. Больше это походило на деревню, копию тех, которые мы посещали раньше, хотя и сильно укрепленную. Перед стеной из толстых длинных бревен был вырыт глубокий ров с кольями на дне, почему-то не заполненный водой, хотя широкая река протекала совсем неподалеку. Подойдя к деревне, мы обнаружили незапертые ворота, которые охранял всего один стражник в доспехах и с ведром на голове. Почему с ведром? Да потому что назвать это шлемом у меня просто язык не поворачивался. Воин оглядел нас через смотровую щель в своем головном уборе и грозным голосом спросил:

– Кто такие?

– Пополнение прямиком из тренировочного лагеря, – ответил я.

– А-а-а... Новички!

Воин снова принялся нас рассматривать, а потом сплюнул и вынес вердикт:

– Слабаки! И на кой вы нам тут сдались... Ладно, салабоны, идите вон к тому большому дому. Там обретается командир Хагел, он скажет, что вам дальше делать.

– Спасибо, – поблагодарил я воина, хлопнув по спине закипающего Лютого, уже намеревавшегося что-то сказать в ответ.

Пройдя немного по улице, я строгим тоном обратился к ребятам:

– Слушайте мой приказ: рот лишний раз не раскрывать, никаким своим умением перед местными не кичиться, конфликтов со старожилами не учинять. Помните, хоть вы и прошли большой курс обучения, но люди здесь отражают атаки кочевников уже не один год, а кто из вас может похвастаться, что побывал хотя бы в одном бою?

Молчание было мне ответом, но потом Дин робко спросил:

– Алекс, а во скольких схватках участвовал ты?

– Во многих, вы уж мне поверьте на слово. – Я задумался. – Кстати, спасибо, что напомнил. Парни, обо мне никому ни полслова. Ясно?

– Ясно, – вразнобой ответили они, а некоторые и вздохнули с сожалением, потеряв единственную возможность похвастаться перед аборигенами.

Вскоре мы дошли до нужного дома, провожаемые заинтересованными взглядами некоторых местных, которых, как я отметил, в деревне было немного. То ли все ушли куда-то, то ли просто населения здесь было очень мало. Велев ребятам подождать во дворе, я зашел в дом. Он действительно был большим. На одной его половине находилась кухня и столовая на полсотни человек, а на второй несколько комнат, в первую из которых я и заглянул. Там никого не обнаружилось, зато оказалось много разнообразного оружия, по большей части из ерундовой стали, как я успел рассмотреть. Во второй же комнате сосредоточенно обедал старик. На меня он обратил внимание, только когда я кашлянул.

– Добрый день, – поздоровался я. – Не подскажете, где я могу найти командира Хагела?

– Ты его уже нашел, – ответил старик, откладывая надкусанную куриную ножку. – Я так понимаю, пополнение из столицы?

– Не совсем из столицы, но суть вы уловили, – тут я вспомнил о манерах и вытянулся, отдал честь и громко произнес: – Сержант Алекс Эльф вместе с двумя с половиной десятками выпускников тренировочного лагеря Ленца прибыл под ваше командование.

Закончив доклад, я протянул командиру бумагу с печатью и подписью короля, которую тот сунул, даже не прочитав, в стол и, недовольно скривившись, заключил:

– Новобранцы. А я просил воинов... Эх, разрази всех вас демоны!

В расстроенных чувствах он сильно стукнул кулаком по столу, так что кружка, которая стояла на нем, подскочила и перевернулась. За моей спиной открылась дверь, и румяная пожилая женщина прошмыгнула мимо меня и подошла к командиру.

– Чего ты кричишь? Неужели пересолила?

– Нет, ты посмотри, Марфа, что творится! Я регулярно докладываю королю, что нам кочевники житья не дают, лишили нас двух десятков опытных воинов только за последний месяц, а тут вместо сотни латников мне присылают зеленых юнцов, которые еще мечи толком держать не научились. Куда это годится? Так нас просто сметут в следующий раз, а мы даже потрепать степняков напоследок не сумеем!

Командир тяжело вздохнул, глядя, как Марфа убирает пустые тарелки, и снова обратился ко мне:

– Сколько месяцев был в лагере?

– Один, – честно ответил я.

– Сосунок! – выдал мне Хагел и добавил непечатное.

– Тихо, котик, не ругайся! – легонько стукнула его Марфа по макушке. – Не кричи на мальчика, он же не виноват...

– Да, демоны бездны, виноват не он! Виноватым буду именно я, когда их кочевники стрелами наспигуют и в капусту порубят! – гневно воскликнул Хагел, сжав кулаки.

Видимо, ситуация тут была гораздо хуже, чем описывал мне король. Нужно все брать в свои руки, иначе дело не сдвинется.

Дождавшись, пока вспышка ярости у командира пойдет на спад, а Марфа выйдет из комнаты, забрав тарелки, я достал из угла табурет, как всегда на трех ножках, поставил его перед столом Хагела и уселся на него.

– А теперь по порядку и коротко изложите мне обстановку в Городе, – приказал я.

Видимо, переход был слишком резким, поэтому начальник некоторое время просто смотрел на меня, соображая, почему я так себя веду. Потом в его голове забрезжила идея.

– Так вы не новички? – с надеждой спросил он. – Гвардия?

– Нет, – разочаровал я его. – Все те парни на улице прослужили не больше пяти месяцев.

– А ты?

– А я, как уже сказал, всего месяц, но по этому поводу не расстраиваюсь.

– Так почему же вас всех сюда прислали? – не мог понять командир.

– Объясню четко и ясно. Прислали сюда одного меня, чтобы я своими глазами оценил обстановку на границе, а этих ребят просто дали мне в нагрузку. И если вы удосужитесь прочитать документ, который я вам только что предоставил, то много вопросов прояснится само собой. Я же пока хочу узнать у вас одно – что тут творится?

Хагел опять вздохнул, появившаяся было в его глазах надежда угасла без следа.

– Ситуация в Городе – хуже некуда. За последние месяцы было три нападения кочевников, причем каждый раз они наваливаются большими силами. Из моей сотни, что пришла со мной сюда пять лет назад, когда Город только строился, осталось всего двадцать человек.

– И как же вы отражаете нападения? – недоуменно спросил я.

Я действительно этого не понимал. Ведь для того, чтобы захватить этот Город, кочевникам нужно всего человек сто – сто двадцать, судя по количеству его защитников. Почему же они еще этого не сделали?

– Нам помогают все жители Города, – ответил Хагел. – Именно поэтому население стремительно сокращается. В последний раз кочевники убили почти четыре десятка людей.

– А сколько всего в Городе жителей? – уточнил я.

– Сейчас примерно две с половиной сотни... осталось, – глухо проговорил командир.

– А было пять лет назад?

– Шесть сотен, – голос Хагела совсем обесцветился.

– Как часто нападают кочевники, какими силами, в какое время суток?

– По-разному. В прошлый раз днем налетели почти сотней, конными, убили десятерых наших дровосеков и пятерых моих воинов, что их охраняли, а затем напали на Город. Хорошо, мы хоть ворота успели закрыть да их отогнали, больше десятка стрелами побили, но они еще пяток городских сумели со стены сшибить. В позапрошлый раз, два месяца назад, они ночью пешими подкрались незаметно к самой стене да начали перелазить через нее. Дозорный слишком поздно их сумел заметить, но тревогу поднял. Только пока мы подоспели... Тогда погибло больше сорока человек, но и с полсотни кочевников, которые ворвались в Город, мы уничтожили. После этого мы стали выставять больше дозорных. Еще раньше...

– Мне все ясно, – пробормотал я. – Схемы нет, логики нет, предугадать их следующее появление не удастся... Но почему вы не выставяете дозоры в приграничье? Ведь они бы смогли хотя бы предупреждать вас заранее о нападении, чтобы все жители успевали укрыться за стеной Города.

Хагел нахмурился:

– Парень, не держи меня за сопливого юнца. В первые несколько лет мы так и делали. Высылали конные дозоры в степь, объезжали окрестности. Но только поблизости кочевники никогда не ставят свои стойбища, а долго торчать в голой степи без пищи и воды нельзя. Да и, кроме того, поначалу ведь нападений почти не было, а потом и сами дозоры становились легкой добычей степняков. Именно так два года назад потеряли почти два десятка человек вместе с лошадьми, нарвавшись на большой отряд кочевников, и после этого решили сами в степь не лезть. У нас просто нет опыта, чтобы сражаться с ними на равных, поэтому на открытом пространстве у наших разведчиков нет никаких шансов.

– Но можно же посылать одного-двух воинов, чтобы контролировать подступы к Городу? Зачем было направлять именно крупный отряд?

– Потому что один воин никогда не сможет скрыться от кочевников в степи, они очень зоркие... сволочи! – со вздохом ответил Хагел, опустив взгляд. – Жаль, мы это поняли не сразу...

– Тогда скажите, а зачем, по-вашему, кочевники нападают на Город? Богатств же здесь явно нет, земля им и даром не нужна, своей в степи хватает, форпост также будет

бесполезен, а никаких рудных разработок или шахт я не заметил. Так почему они стремятся сюда, будто мухи на котлету, и регулярно устраивают на вас набеги?

Командир удивленно поднял на меня взгляд, как бы раздумывая, почему же я об этом не знаю, но потом коротко ответил:

– Кочевникам нужны рабы.

Я кивнул. Действительно, ведь люди – тоже хороший товар, который довольно неприхотлив и удобен для использования в степи. Именно поэтому кочевники каждый раз налетают маленькими отрядами и уходят, как только получают отпор, понимая, что оно того не стоит. Да, можно было бы отправиться один раз несколькими сотнями воинов сразу, чтобы мигом захватить Город, но они прекрасно представляют, что потери будут явно несоизмеримы с полученной добычей. Поэтому ограничиваются короткими дерзкими набегами, забирая с собой неосторожных жителей, оказавшихся вне стен.

– Значит, за пять лет степнякам удалось угнать в рабство примерно половину населения Города? – уточнил я.

– Не половину. Около четверти, – глухо ответил командир. – Многие погибли в стычках, а некоторые из моих ребят не вернулись из дозоров, поэтому я даже не знаю, что с ними случилось... Но в последнее время кочевники даже не стараются захватить рабов, а сразу всех убивают, поэтому жители стараются не отходить далеко от Города или берут с собой воинов для защиты... Хотя, как показало последнее нападение, и эта мера предосторожности уже стала бесполезной.

Я почесал в затылке. Мда, странные дела тут творятся. Интересно, почему же намерения степняков так резко изменились? Или они целенаправленно выбивают всех, способных держать оружие?.. Нет, хватит гадать на кофейной гуще!

– А почему в Городе сейчас так мало людей? – спросил я.

– Все на пашню отправились, – пояснил Хагел.

– Ясно... – пробормотал я и перешел к делу: – Значит, так, моим парням нужно выдать оружие, доспехи, чтобы хотя бы первая шальная стрела их не убила, затем надо бы расселить их и познакомить с вашими опытными воинами. Пусть каждый из них возьмет себе в пару новичка и все ему растолкует о том, как обычно сражаются кочевники, покажет, как нужно вести бой, находясь за укреплением...

– Ну-ну, раскомандовался! – усмехнулся старик. – А тебе рассказывать, как драться, я должен, что ли?

– Да уж как-нибудь перебыюсь, – язвительно ответил я.

– Так ты же всего месяц служишь! – удивился Хагел.

Я решил, что надо заканчивать этот разговор, и спросил:

– А вам что-нибудь говорят слова «рассветная школа»?

Глаза командира расширились.

– Ты ее ученик?

– Нет, мастер, – ответил я. – Как насчет оружия?

Командир встал и четко сказал:

– Все сделаю.

– Отлично. Тогда поручаю вам проследить за моими ребятами, а я пока пробегусь по округе и осмотрю близлежащую местность. К моему возвращению добудьте, пожалуйста, подробную карту окрестных земель и ближайшей территории кочевников. Она мне очень пригодится.

Я тоже поднялся и вместе с Хагелом вышел во двор к ребятам.

– Парни, – обратился я к своим бойцам. – Это командир Хагел. Он сейчас обеспечит вас оружием, расселит и накормит, а я пока пройду по окрестностям.

Махнув им рукой, я отправился к выходу из Города, слыша, как сзади Хагел раздает парням четкие указания. Лук я брать не стал, подумав, что обойдусь и так, тем более что долго осматривать местные достопримечательности не собирался. Главное, что я хотел сделать, – это связаться с Фариамом и доложить ему текущую обстановку, а в Городе

говорить с ним было нельзя, так как если об этом узнает Хагел, то замучает просьбами о подкреплении. Не буду же я ему рассказывать про гениальный стратегический план его величества? Он просто не поймет всю важность момента, и в этом я ему могу только посочувствовать. Не хотел бы я оказаться на месте этого командира и видеть, как неумолимо сокращается число тех, кого ты защищаешь.

Проходя по Городу, я осматривал дома. Они были выстроены добротно, с расчетом на многие десятилетия. Вот только многие из них пустовали, а у некоторых виднелись подпалы в крышах. Недалеко от себя я увидел церквушку с неизменным глазом на дверях, которая, судя по утоптанной дорожке перед входом, пользовалась у горожан большой популярностью. Я вздохнул и подумал, что наверняка для многих здесь живущих она стала последней надеждой. И как бы я ни презирал религию, но все же признал, что здесь она выполняет весьма необходимую функцию – облегчает страдания людей. Надо будет зайти как-нибудь, поболтать с местным священником, интересно ведь, какой он человек.

Дойдя до ворот, я кивнул стражнику и побежал в близлежащий лесок, что по карте должен был граничить с территорией кочевников. Вообще, эта деревня стояла на своеобразном полуострове, небольшим языком вторгавшемся в степь, поэтому и представляла собой такой лакомый кусочек для кочевых бандитов. Это было понятно, ведь Город не мог ждать поддержки ни с севера, ни с юга, потому что ближайшие форпосты находились в дне пути от него. Вот именно они были действительно крупными городами, и полусотенный отряд кочевников для них был не страшнее града. Так и приходилось Городу раз за разом выдерживать набеги, платя за это жизнями своих жителей и защитников. Если за пять лет население сократилось на две трети, то можно было только догадываться, сколько за это время они пережили набегов.

Ладно, это все неуместная лирика. Я нырнул под кроны деревьев и достал монетку. Король ответил практически сразу:

– Да, Алекс?

– Докладываю, ваше величество, – сказал я в ответ без тыканья, чтобы перестраховаться; вдруг рядом с королем еще кто-нибудь есть? – Только что с отрядом добрался до места назначения, провожу разведку местности. Предварительные сведения – положение в Городе, по словам командира Хагела, аховое, осталось две с половиной сотни жителей, а из гарнизона уцелело всего двадцать человек. Кочевники за последние месяцы нападали трижды и, вероятнее всего, в ближайшее время нападение повторится. Это пока все, более детально расскажу, когда проведу разведку и добуду пленного. Конец доклада.

– Ясно, – сказал король. – Не рассчитывал, что ты так рано туда доберешься... Ну, а по поводу того, о чем мы с тобой говорили, что-нибудь можешь сказать?

– Пока подозрения не подтверждаются, но сворачивать подготовку я бы не советовал. Думаю, через пару десятков я все узнаю точно, поэтому ежедневные доклады считаю бессмысленными. Как только появятся сведения, я тут же свяжусь с вами.

– Алекс, а чего ты выкаешь? – спросил вдруг Фариам, но потом догадался. – Рядом со мной нет посторонних, можешь общаться спокойно.

– Ладно, тогда позволь тебя спросить: а зачем было строить этот Город? Ничего здесь не добывается, товары не производятся, только люди мрут как мухи. К чему он вообще здесь?

Король вздохнул:

– А ты разве еще не понял?

А меня вдруг осенило и все разом встало на свои места, поэтому я повторил вздох Фариама и ответил:

– Теперь понял... Жестоко, хотя и предусмотрительно.

– Ты не осуждаешь? – спросил король.

– Нет, на твоем месте я поступил бы так же, – признался я. – Ну все, мне еще по окрестным лесам до вечера бегать, так что до связи!

– Удачи! – попрощался Фариам.

А я все думал, что это действительно жестоко, но только для жителей Города. В масштабах королевства это называется вынужденными жертвами. Действительно, зачем держать в постоянном напряжении все пограничные города? Можно построить всего один, но незащищенный, с минимальным количеством воинов в гарнизоне, которые держатся исключительно на собственном упрямстве и понимании, что отступать им некуда. Именно он будет тем камешком, о который будут стачивать свои острые зубки кочевники. Правда, и камешек со временем раскрошится, но ведь на его месте можно положить еще один, который будет гарантировать королевству еще пяток лет относительно спокойной жизни.

Жестоко? Конечно, жестоко! Но ведь по сути – это всего лишь один эпизод большой войны, а на войне и не такое случается. Ведь солдаты прежде всего должны выполнять приказ, а какие цели при этом преследует командир – это не их забота. Может быть, он послал их на верную смерть, чтобы выиграть пару дней, необходимых для того, чтобы развернуть свои силы перед врагом, а может, бросил их на убой, обеспечив тем самым себе отсрочку главной схватки...

С такими мыслями я бегал по лесу, осматривая все удобные ложбинки и овраги, в которых можно спрятаться небольшому отряду, ища следы пребывания кочевников. Понимая, что все подходы к Городу осмотреть не успею, я начал с северной части, по пути устанавливая между деревьями сигнальные нити, которые проработают всего несколько десятиц, но успеют предупредить меня о появлении большого отряда. Единственный их недостаток заключался в том, что они будут реагировать на крупного лесного зверя, поскольку я развесил их на деревьях примерно на уровне груди, но все же лучше так, чем совсем ничего.

До того как стемнело, я оббегал значительную часть леса в северной стороне, обнаружив его границу, за которой деревья мельчали и начиналась широкая степь – вотчина кочевников. Обнаружил я и остатки недавнего костра в овражке, но не смог определить даже примерно, когда его разжигали – может, две десятицы назад, а может, и больше. В другом месте я нашел давнишние отпечатки копыт – видимо, кочевники каждый раз использовали разные направления для подхода к Городу. В общем, закончив предварительную разведку, я решил возвращаться, а на следующее утро поставить сигналки и в южной части леса, чтобы почувствовать хоть какую-то уверенность.

Вернуться я успел к ужину и первым делом отметил появление большого количества жителей. Даже на воротах караул нес уже не один стражник, а трое. Они после того как я зашел, закрыли створки и повесили на них большущий засов. И снова я отправился к дому командира, узнавать, как поселили моих людей. Это было правильной идеей, так как, зайдя внутрь, я увидел, что все мои бойцы ужинают вместе с воинами Хагела. Один из последних, увидав меня, удивленно воскликнул:

– Гляди-ка, эльф!

Я не стал обращать на него внимания, а просто прошел на кухню и попросил накормить голодного бойца. На кухне обнаружилась Марфа и еще две девушки приятной внешности. Одна из них цепко ухватила взглядом мои уши и восхищенно уставилась на них. Я взял протянутые Марфой тарелки и многообещающе подмигнул любопытной девице. Если я тут застрял надолго, то почему бы не сделать мое пребывание здесь намного приятнее?

«Нужно будет познакомиться с ней после ужина», – подумал я, выходя в общую залу и ища, куда бы приткнуться.

Мои парни, заметив это, немного потеснились и организовали мне немного свободного места на краешке лавки, куда я и присел, отдавая должное ужину и мельком рассматривая их. Во внешнем виде бойцов изменилось многое. Теперь парни были наряжены в кожаные, а кое-где и металлические доспехи, у каждого появился пояс с кинжалом или ножом. Наверное, им выдали и более серьезное оружие, но в столовую с собой они его не потащили. Зря, конечно – воины Хагела явились ужинать даже в полных доспехах и с мечами, прислонив их к лавкам рядом с собой.

– Эй, эльф, тебя как звать?

Этот громкий возглас оторвал меня от восхитительной каши с мясным соусом. Посмотрев на его источник, я увидел матерого воина, поднявшегося с соседней лавки и подходившего ко мне с явным намерением познакомиться поближе. Меня насторожил тот факт, что все разговоры между воинами Хагела мигом прекратились. Я прожевал мясо и ответил, рассматривая этого субъекта.

– Мое имя – Алекс. А твое?

А воин был весьма колоритным – большая рыжая борода, мощные мышцы, что слегка прикрывались металлическими доспехами не первой свежести (я имею в виду не то, что их пару месяцев не чистили, а то, что все они были в заплатках и вмятинах). Он навис надо мной, внимательно разглядывая. Я приветливо ему улыбнулся, а воин внезапно заявил:

– Спокойной ночи, Алекс! – И коротко, без замаха, ударил мне в челюсть.

Выронив ложку, я отклонил голову в сторону, пропуская кулак воина, и ударил в ответ, целясь прямо в лоб этому танку. Данный представитель бронетехники свою голову не убирал, а потому получил точный удар, заставивший его глаза закатиться под лоб. Я легонько толкнул его в грудь, опрокидывая на спину, потому что догадывался, что если эта туша рухнет ко мне на стол, то ужин я точно не доем. Воин падал хорошо, громко, с металлическим лязгом, так, что даже пол содрогнулся. Я проводил взглядом его падение, а затем снова взял ложку и продолжил наслаждаться вкусным ужином, наверстывая пропущенный обед. В столовой наступила тишина, которая длилась всего несколько мгновений.

«Кто-то родился, – подумал я, – вот только явно не милиционер, про них в этом мире и не слышали».

А потом началось движение. Все воины Города разом поднялись со своих мест, им вторили мои ребята, собираясь с охотой присоединиться к народной забаве, что издревле носит название трактирной драки. Один только я с недовольством подумал, что для первого дня знакомства с Городом она будет явно лишней, и громко стукнул по столу рукой. Мои ребята замерли, а я поднялся, бросил им: «Сам разберусь», и направился к разгневанным воинам, обступившим тело здоровяка и теперь с явно недобрыми намерениями подступавшим ко мне.

– У вас проблемы? – спросил я.

Разговаривать воины явно были не намерены и сразу кинулись в драку. Первого я встретил кулаком в челюсть, отметив, что оружия никто из них не доставал, значит, убивать меня не собирались, а потому и я стал сдерживать свои удары. Второй и третий получили ногами в грудь, отлетев и хряснувшись спиной об стенку. Еще несколько начали молотить кулаками, стремясь меня хотя бы достать, но получили по «дыням» и затихли на полу. Мои ребята стали меня активно поддерживать:

– Давай, Алекс!

– Бей их!

– Вперед, командир!

– Алекс – чемпион! – добавил я сквозь зубы, пытаясь нащупать болевые точки у трех юрких воинов, которым уже удалось несколько раз ударить меня в спину.

«А ведь ломать им кости очень не хочется», – подумал я и опять применил свой коронный удар в лоб.

Очередное тело без признаков сознания рухнуло на пол, гремя доспехами, и тут же раздался грозный рык:

– Всем стоять!

Ого, не знал, что у Хагела такой зычный голос! Только зря я задумался, так как пропустил сильный удар по почкам, но извернулся, смягчив его, и влепил доставшему меня воину прямо по зубам. По еле слышному хрусту, парочки при пробуждении он точно не досчитается. В следующий момент мне пришлось присесть, уворачиваясь от хорошего замаха, нацеленного мне в ухо, и ударить кого-то в низ живота (ну, уж куда достал!).

– Я сказал, хватит!!! – зарычал Хагел.

Оглянувшись, я увидел, что больше на меня никто не нападает, и позволил себе расслабиться. Разгневанный командир подошел к нам и спросил у меня:

– Что тут произошло между вами?

– Если бы я знал, – пожал я плечами. – Безо всякой причины напали и пытались лишить зубов. Пришлось маленько ответить.

– Кто напал? – уточнил Хагел.

Перед этими воинами у меня никаких долгов не было, поэтому я кивнул на одну из туш, лежавшую на полу:

– Рыжебородый.

– Понятно, – командир почесал бородку.

– А мне не поясните? Я ведь в следующий раз и убить могу ненароком.

Хагел взглянул на меня:

– У Ламина эльф девушку увел еще в молодости. С той поры он ушастых... извини, Алекс... эльфов терпеть не может!

– И что будем делать? – задал я вопрос, глядя на то, как уцелевшие медленно приводят в себя пострадавших.

– Я поговорю с ним, – пообещал Хагел. – Как только он придет в себя... Он ведь очнется? – с тревогой спросил он.

– Должен, – пожал я плечами. – Сильно я не бил, так что только голова пару дней болеть будет.

– Добро, – ответил командир и приказал: – Всем привести себя в порядок, а Ламина занесите ко мне. И чтобы подобного не повторялось!

Я вернулся к парням и своему остывающему ужину, мимоходом еще раз подмигнул восхищенно смотревшей на меня из кухни девице. И успел доесть свою порцию, прежде чем воины привели всех пострадавших в себя. Приятным сюрпризом оказалась кружка холодного кваса, принесенная мне из кухни той самой девушкой, что восхищенно меня рассматривала. Улыбнувшись, я ласково сказал ей: «Спасибо, красавица!», чем вызвал легкий румянец на ее щечках. По многообещающему взгляду, которым она меня наградила, я понял, что продолжение нашего знакомства точно последует. Может быть, не сегодня, но непременно в ближайшие дни.

Глава 15

Нападение

После ужина я зашел в комнату к Хагелу. Там же обнаружился уже приведенный в чувство Ламин.

– С добрым утром! – поприветствовал я его ехидно, а затем обратился к командиру: – Мне нужна схема Города и всех точек, где ночью дежурят бойцы. Да, вы карту-то достали?

– Достал, – четко ответил Хагел и протянул мне приготовленный листок, видимо, уже успев ознакомиться с приказом короля.

Карта была ужасной. Даже контурные ученические, которые были широко распространены на Земле, превосходили ее на порядок. Это была даже не карта, а примитивная схема местности, где рядом с такими пометками, как «Холм Дикий» или «Ручей Быстрый», можно было обнаружить надписи: «Ягодная поляна, собирать в желтне» или «Место для силков на зайцев». Хмыкнув, я с сожалением понял, что лучшей карты у меня все равно не будет, а потому постарался запомнить ее хорошенько, чтобы не лишать Хагела единственного экземпляра. К немалому удивлению, я увидел еще две пометки, заставившие меня задуматься.

– А что такое «Первая» и «Вторая», которые обозначены тут жирными кляксами? – спросил я командира.

– Две деревеньки, – ответил тот. – От нас примерно в трех часах ходьбы – что одна, что другая.

Я посмотрел на их расположение. Эти деревеньки находились немного дальше от границы, чем Город, и прикрывались им как щитом. Первая была немного севернее, а вторая южнее, образуя с Городом своеобразный равнобедренный треугольник. Между деревнями было расстояние, которое наверняка можно пройти за час.

– И много в них жителей? – уточнил я, полагая, что если кочевники до них доберутся, то волей-неволей придется помогать.

– Да как нас примерно.

– А кочевники к ним забегают?

– Нет, пока случаев не было, – порадовал меня Хагел. – Их же только год назад построили.

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – глубокомысленно заявил я, возвращая карту старику.

Итак, контакты с тамошними жителями наладить не помешает. Нужно будет снабдить их амулетами, чтобы хоть подмогу быстро смогли позвать. Но это уже дело будущего. Я спросил Хагела, где меня поселили. Оказалось, что неподалеку стоит пустующий дом, где раньше жила семья из трех человек, который и станет моим пристанищем. Остальных моих ребят расселили по трое-четверо подобным же образом. Также я взглянул на схему Города, что быстро нарисовал для меня командир (овал с четырьмя точками – местами дозорных). Уладив все хозяйственные вопросы, я повернулся к Ламину:

– Теперь разберемся с тобой. Какие-то вопросы или претензии ко мне имеются?

Тот скривился и сплюнул в сторону.

– Понятно, говорить не желаем, – резюмировал я. – Что ж, командир Хагел, придется вам потерять еще одного бойца.

– Ты что, его убьешь? – воскликнул Хагел.

– Конечно, – спокойно ответил я, подходя к рыжебородому воину. – Я никогда не оставляю живых врагов, чтобы у них не появилась возможность воткнуть мне нож в спину.

– Стой! – закричал Хагел. – Он все понял и больше задираться не будет, только не убивай!

Я посмотрел в глаза привставшему Ламину и задумался, что лучше – мое спокойствие или сохранение одной боевой единицы...

– Ладно, – скривился я. – Под вашу ответственность!

– Спасибо, Алекс, – обрадовался Хагел. – Не сомневайся, я все ему растолкую. Он тебя и пальцем не тронет...

– А просто стрелу из-за угла выпустит, – иронично закончил я и вышел, оставив командира разбираться с поведением своих подчиненных.

В столовой в ожидании меня все еще толпились мои ребята. Так же там стояли несколько воинов Хагела, хмуро переговариваясь.

– Отряд, – негромко скомандовал я, – сейчас идите отдыхать, а с завтрашнего утра начинаем тренировки и отрабатываем умение сражаться на улицах города. Разойтись!

Ребята заторопились к выходу, а проходящий мимо Крот шепнул мне, что мои вещи уже отнесли в дом. Я смерил взглядом оставшихся воинов, прикинув, стоит ли мне в ближайшее время ждать от них подлянок, и тоже вышел на улицу. А там была уже глубокая ночь, и лишь в некоторых окошках горел свет, да на городской стене виднелось несколько ярких факелов, отмечающих места дозорных.

«Надо будет со следующей ночи привлечь ребят к дежурству, – подумал я, ища нужный мне дом. – Пускай постепенно приучаются к ответственности».

Двор моего жилища густо зарос сорной травой, а сам дом был очень пыльным и грязным. Посреди комнаты стояли мои сумки, на них лежал лук, а рядом – мешок, по округлостям которого я понял, что там находится котелок. Усмехнувшись, я понял, что Трит наконец-то избавился от своей непосильной ноши. Пару раз чихнув, укладываясь на лавке, я понял, что завтра придется выкроить время еще и для уборки. В деревни мне точно не успеть, так как по плану у меня тренировка, осмотр местности, развешивание сигналок на

южном направлении и еще...

Уже через мгновение я крепко спал, полностью погрузившись во всепоглощающую темноту.

Однако посреди ночи меня разбудило некое чувство тревоги. Спросонья я натянул куртку и принялся надевать на спину перевязь с ножнами. И лишь только я поднялся с лавки, снаружи прозвучал истошный вопль:

– Кочевники!

И понеслось. Тут же где-то за городской стеной послышался дружный рев многих луженых глоток, в доме неподалеку Хагел строил своих людей, отдавая приказы, куда кому бежать. А я лихорадочно натянул тетиву на лук, схватил один колчан из сумки, забросил его на спину и машинально взял в руки то, что выкатилось следом. Это оказалась фляжка лимэля, и я по привычке сунул ее во внутренний карман формы. Выскочив на улицу, я услышал свист и взглянул на небо. Оно расцвело десятками огненных точек, которые стремительно мчались к земле. Спустя мгновение горящие стрелы начали вонзаться в крыши домов, в стены, в уличную пыль. Раздались крики людей, призывающие тушить огонь, и я понял, что пора и мне выходить на сцену. Перекрывая общий шум, я заорал:

– Третий отряд, всем взять оружие со щитами и отправиться защищать стены Города!

– Слушаюсь, командир! – раздалось в нескольких местах, но я уже бежал туда, где крики раздавались отчетливее всего.

Подбежав к западной стене, я увидел, как через нее перемахивают личности, очень похожие на разбойников. Достав стрелу, я выпустил ее в ближайшего, а потом стал стрелять в тех, кто уже успел перелезть через стену и бежал по улице прямо на меня.

«Хорошо, что кочевники щиты с собой не захватили, – подумал я, – да и правильно – мне так удобнее их расстреливать».

Через десяток стрел нападавшие, прорвавшиеся в этом месте, закончились, а я подошел вплотную к стене и увидел двух мертвых воинов Хагела. У одного в груди торчала стрела, нашедшая уязвимое место в доспехах, у второго было перерезано горло.

Подойдя к трупам, я почувствовал, как в меня вливается энергия из мертвых тел, и включил свой насос на полную катушку, чтобы не упускать такую нужную и полезную в хозяйстве вещь. По шуму в округе я понял, что атаквали сразу с нескольких направлений, а потому залез на стену и поглядел, не осталось ли нападавших с этой стороны. Оказалось, что это была только первая партия. Остальные просто еще не добежали, так как вместо этого старательно закидывали город горящими стрелами. Пожалев, что взял мало боезапаса, я сел на стену и, как в тире, начал расстреливать кочевников. Пара стрел прилетела мне в ответ, но мой защитный кокон они пробить не смогли и бессильно упали в ров.

Пока никто из горожан не видел, я начал пробовать на кочевниках свое новое изобретение – лезвие. Бесшумная бритва срезала им головы, разрезала пополам, а я расширил свой радиус поглощения и постарался дотянуться до груды мертвых тел, что осталась от этой группы поддержки. Впитав всю видимую энергию, я побежал на противоположный конец города, где уже вовсю шумела битва. По дороге увидел, как горожане пытаются потушить горящие стрелы и уже занявшиеся кровли домов. Также я встретил четверых своих парней и развернул их, велел охранять западную стену.

А вот на восточной было жарко. Около десятка защитников отражали атаки кочевников, которые пытались через нее перелезть, приставив лестницы. Поняв, что мне там самое место, я, не снижая скорости, подбежал к стене и, не обращая внимания на крики воинов: «Куда?!», перепрыгнул через нее, постаравшись оттолкнуться посильнее, чтобы не рухнуть в ров с кольями. Оказалось, мои старания были напрасными – ров был закрыт во многих местах деревянными настилами, по которым перебегали кочевники. Кинув свой лук на землю и запомнив это место, я достал клинки и начал упражняться.

Я бил, резал, распарывал бездеспешные тела нападавших, чувствуя, как сила широким потоком вливается в мое тело. Вскоре мой резерв оказался переполненным, и я пустил энергию прямиком в сафрус – он до сих пор лежал у меня во внутреннем кармане форменной

куртки. Разделавшись с тремя десятками нападавших, которые не успели отправиться покорять стену города, а терпеливо ждали своей очереди, прикрывая своих стрелами, я побежал обратно. И начал методично уничтожать противников, перерубая лестницы, срубая головы кочевникам и не обращая внимания на редкие удары, что мне доставались. Защитный кокон делал их не опаснее комариного укуса.

Добывая в спины нескольких последних степняков, я уже было подумал, что на сегодня это все, но не тут-то было! К Городу из близлежащего лесочка уже направлялась конница, которую я не заметил во время своих упражнений. И секунд через десять она должна была оказаться совсем рядом со стеной.

– Всем лучникам приготовиться! – крикнул я и бросился к тому месту, где оставил свой лук.

К моему счастью, на него никто не наступил, поэтому я быстро подхватил его и понял, что стрел у меня осталось не больше двух десятков, а всадников было явно больше.

– Лучники, залп! – крикнул я воинам на стене, начав стрелять сам.

У меня получалось хорошо, а у защитников Города – не очень. Кочевники не потрудились взять с собой факелы, чтобы осветить себя, поэтому четко их видел один я. Остальные жители Города не обладали таким хорошим зрением, позволяющим видеть в кромешной тьме, а огонь факелов не мог развеять ее дальше полусотни шагов. Кочевники стали соскальзывать с седел один за другим с моими стрелами в телах, но тут я увидел, что оставшиеся натягивают луки.

– Всем лечь! – рявкнул я, когда нападавшие на бегу открыли беспорядочную стрельбу.

Крики на стене показали, что не все защитники успели выполнить мой приказ, что сыграло на руку кочевникам. Воины Хагела были весьма заметны на стене в свете факелов и горевших крыш, а потому представляли собой замечательные мишени. Когда я выпустил последнюю стрелу, нападавшие лишились двадцати двух всадников, но остальные уже доскакали до городской стены и прямо с лошадей стали через нее перепрыгивать, доставая сабли. С десятков гадов увидели меня и попытались приласкать клинками, но я выпустил лук из рук, сбил с лошади первого попавшегося ударом своего лезвия в грудь и запрыгнул в седло, понимая, что мне нужно находиться на одном уровне с нападавшими, а не бегать за каждым и подпрыгивать.

Дело пошло веселей – прищпорив лошадь, я срубил головы пяти ближайшим кочевникам и бросился на подмогу горожанам, проехав по настилу над рвом и перепрыгнув через стену, по примеру кочевников, прямо с седла. А защитникам приходилось туго – больше двух десятков воинов с налету перемахнули через стену и уже устроили на улице кровавую баню, подавляя их своим яростным напором. Я сразу же включился в бой, бросаясь туда, где кочевников было больше всего. В один из моментов схватки, полоснув степняка поперек живота, снеся вторым клинком голову следующего, я вдруг увидел впереди Глена, который самоотверженно рубился с опытным воином кочевников. Эта схватка длилась всего две секунды, понадобившиеся мне, чтобы вонзить один меч в сердце ближайшего и достать из ножен кинжал.

Но я не успел всего на мгновение – мой кинжал вонзился в глаз кочевнику как раз в то мгновение, когда тот пропустил мимо себя неумелый удар Глена и вонзил ему в грудь свою саблю. Ярость бурной волной поднялась из глубины души, превратив меня в дикого зверя. Зарывав, я ускорился и почувствовал упругое сопротивление воздуха, платя за это растяжением мышц и долгими минутами боли, которая придет впоследствии. Срубив головы еще семерым кочевникам, находившимся в пределах моей досягаемости, я мигом оценил ситуацию и понял, что оставшихся здесь воины Хагела прикончат без меня. Поэтому, метнув клинки в двух степняков, которые медленно перелезали через стену, я подхватил лук с колчаном, что валялся рядом с одним из убитых горожан, и наложил стрелу.

Сбив тремя выстрелами тех, которые как раз очень удачно высунули свои головы из-за стены, я помог воинам, прикончив еще одного кочевника, оставшегося на ногах, а затем подбежал к стене и стал максимально быстро выпускать стрелы во вражеских всадников под

ней, постепенно возвращая себе нормальное восприятие времени. Когда в живых осталось всего пятеро нападавших, они поняли, что их атака окончательно провалилась, и повернули коней к лесу. Но мои стрелы доставали их, впиваясь в затылки и незащищенные спины.

Когда остался последний, краем сознания я подумал, что, вообще-то, мне очень нужен пленный, а я тут всех убиваю направо и налево. Хоть бы оглушил кого-нибудь! Убрав лук, я сформировал магический захват и вытянул вперед, надеясь добраться до всадника, который скакал, тесно прижавшись к лошади и стремясь слиться с ней. Мой захват вскоре нащупал шею коняги и туго обвил ее. Сосредоточившись, я рывком опрокинул лошадь вместе с седоком на землю, а затем в который раз перепрыгнул через стену и отправился за пленным, понимая, что он – мой единственный шанс узнать нужные сведения.

Вот только на полдороге, по начинающей таять ауре, я понял, что кочевник мертв. Лошадь со всего размаху упала на него и смяла человека практически в лепешку. Остановившись, я проверил магическим зрением все окрестности, но больше человеческих аур в пределах моей видимости не наблюдалось – видимо, степняки и в самом деле закончились. Раздраженно сплюнув, я поспешил назад, надеясь, что хоть в Городе раненые кочевники должны остаться. В очередной раз перелезая через стену, я едва успел увернуться от свистнувшего над моей головой меча одного из воинов.

– Тихо! – крикнул я. – Своих-то рубить не надо!

Спрыгнув со стены, я увидел, что горожане уже потушили практически все горящие крыши и начали заниматься ранеными. Пройдясь по месту драки, я убедился, что ни одного живого кочевника защитники мне не оставили, и опять сплюнул. Все летит демонам под хвост! (Если они здесь хвостатые, конечно.) Операция проведена бездарнее некуда – куча трупов и никакой информации.

«Еще и новоявленного жениха не уберег, – с сожалением подумал я, обходя мертвые тела нападавших. – Теперь Ларе придется самой растить ребенка. Нехорошо получилось, но я хотя бы постарался».

Впитывая остатки энергии из мертвых тел и переправляя их в сафрус, я подумал, что нужно будет собрать свое оружие. Первым делом я пошел за кинжалом, который остался в глазнице у кочевника, убившего Глена. Воины и горожане почтительно расступались передо мной, но я совсем не обращал на это внимания. Мне был понятен их испуг, ведь я один убил почти половину всех нападавших, но сам при этом не получил ни царапины. Такого поневоле бояться начнешь! Да и ладно, не буду я с ними налаживать отношения, пускай опасаются, пускай восхищаются, мне абсолютно на это начхать. Как только добуду нужную информацию, передам ее Фариаму, и пускай уже он сам с ней разбирается.

Подойдя к телу кочевника, я выдернул кинжал и еще раз с сожалением посмотрел на тело Глена. И тут же очень удивился – Глен был еще жив! Его аура пока держалась в теле, а когда я наклонился над ним, то услышал его хриплое дыхание. Осмотрев бойца, я обнаружил, что сабля кочевника насквозь пробила ему грудь совсем рядом с сердцем, и лишь чудом его не задела, повредив несколько ребер и легкое. Когда я перевернул Глена, то хриплое дыхание сменилось бульканьем, а в уголках рта появилась кровь. Я понял, что нужно спешить, и достал флягу из внутреннего кармана, не обращая внимания на любопытных, что уже окружили нас. Первым делом я вытащил зубами пробку, а потом одним рывком выдернул из раны саблю кочевника. Потекла кровь, но я моментально опрокинул в рану фляжку с целебной жидкостью, надеясь на лучшее.

Да, эта рана практически смертельная и, вполне возможно, это был простой расход ценного продукта, но я не мог поступить иначе. Подняв голову Глена, я влил ему в рот еще несколько глотков лимэля, надеясь, что зелье поможет и на этот раз. Несколько минут ничего не происходило, а потом я увидел, как края жуткой раны на груди начинают медленно сходиться. Я принялся им помогать, выравнивая и прижимая друг к другу. Под изумленные возгласы Глен закашлялся и открыл глаза. Я помог ему повернуться на бок, чтобы он мог выкашлять всю еще не запекшуюся кровь из поврежденного легкого, а затем дал выпить еще несколько глотков лимэля, а несколько капель вылил ему на спину в том

месте, где был разрез.

«Не помешает», – подумал я и стал смотреть магическим зрением, как происходит процесс заживления.

Не прошло и двух минут, как Глен уже полностью пришел в себя и удивленно стал ощупывать свою грудь, найдя на месте раны лишь большой шрам. К тому времени как он окончательно пришел в себя, я уже успел отыскать клинки, очистить их от крови и вложить в ножны.

– К-командир? – изумленно уставился на меня боец. – Мы что, уже на том свете?

– Поднимайся, – я подал ему руку. – Или ты от такой царапинки помереть надумал?

Глен схватил меня за руку и с трудом поднялся. Его пошатывало, видимо, от большой потери крови, поэтому я тут же приказал ему:

– Сейчас идешь в столовую и выпиваешь кружку вина, а потом набиваешь желудок, так как тебе еще только предстоит узнать, что такое настоящий голод. А после этого – спать! Понял?

– Слушаюсь, командир! – вытянулся в струнку пошатывающийся Глен и попытался отдать мне честь.

Я едва успел перехватить его руку, чтобы ненароком он не поломал себе подживающие ребра. Как маленький, честное слово!

– Иди давай, – сказал я с улыбкой и обратился к окружающей нас толпе: – Кто-нибудь, проводите его, а то еще сомлеет по дороге.

Двое горожан с готовностью подхватили Глена под ручки и повели к столовой, а я колыхнул фляжку, обнаружив, что она еще на треть заполнена целебной жидкостью. Эх, гулять так гулять!

– Еще раненные есть? – спросил я народ.

– Есть! Конечно, есть! – засуетились все и буквально потащили меня к дому, куда сносили всех пострадавших.

Их было много, в основном легкораненные, получившие стрелы в мягкие ткани или просто небольшие порезы. Их я лечить не стал – нечего добро переводить, а вот несколькими тяжелораненым помог. Одному из них кочевник пропорол бок кинжалом, поэтому я влил в рану немного лимэля, а потом дал воину сделать глоток из фляжки. Когда процесс пошел, я повернулся к следующему. Им, к моему удивлению, оказался Ламин, получивший стрелу в грудь. Рана оказалась серьезной, потому что стрелу уже пытались извлечь, что привело к ужасным последствиям – наконечник отломался и остался в ране в непосредственной близости от сердца. Здесь смог бы помочь очень опытный хирург, а не местная знахарка, которая сейчас штопала разрезы Трита. Последнего угораздило каким-то образом влезть в самую гущу драки и получить больше десятка глубоких ран.

Секунду поколебавшись, я все же решил помочь Ламину и присел рядом с ним. Воин был без сознания, что облегчало мне задание. Под удивленные шепотки раненых и любопытных, что зашли вслед за мной в дом знахарки, я двумя пальцами залез в рану на груди воина и сосредоточился. Нет, я не стал пытаться пальцами ухватить наконечник, вместо этого я небольшим магическим коконом обернул его вместе со всеми частичками грязи, попавшей в тело, а потом осторожно стал подтягивать, стараясь не задеть сердце. Через минуту наконечник стрелы уже был в моих пальцах, и я вытащил его под изумленные охи раненых, наблюдателей и самой знахарки. После этого я капнул в рану лимэль, влил пару глотков в рот Ламину, а остаток дал выпить Триту.

Затем я вышел из дома и отправился искать командира Хагела. Он обнаружился за стеной, где вместе со своими воинами осматривал мертвые тела кочевников. Когда я, отыскав свой лук, подошел к нему, он находился в полнейшей прострации.

– Командир! – позвал я его.

Спустя несколько мгновений он повернулся и уставился на меня.

«Ну, сейчас начнется», – мысленно вздохнул я.

– Алекс... – Хагел выглядел донельзя ошарашенным, под стать своим воинам, которые

стояли рядом с ним. – Я слышал многое про рассветную школу, некоторое вообще принимал за откровенное вранье... Но теперь поверил всему, что мне говорили!

Я огляделся и попытался сосчитать трупы под стенами. Где-то десятков семь-восемь будет, почти как в лагере разбойников, с которыми я встретился полгода назад. Вот только тогда мне сильно помогли эльфы, а сейчас я практически всю работу проделал сам. Оглядывая в свете горящих факелов тела, лежавшие местами поодиночке, а кое-где целыми грудками, я поймал себя на мысли, что не чувствую ни жалости, ни сострадания, ни ужаса от того, что абсолютно хладнокровно зарезал и пристрелил больше полусотни людей. Может, эльфы были правы, я действительно тот самый Убийца?

– Спасибо, Алекс! – твердо произнес Хагел. – Ты спас Город и всех...

– Не стоит, командир, – прервал я его, понимая, что изъявление благодарности может затянуться надолго. – У меня к вам парочка советов. Во-первых, нужно как можно быстрее отловить всех лошадей, которые сейчас еще не успели разбежаться по всей округе. У меня на них имеются большие планы. Во-вторых, нужно собрать все оружие кочевников, чтобы к утру я смог хорошенько в нем покопаться и прикинуть, как лучше вооружить людей. Это нужно сделать тоже быстро, поэтому пусть вам помогают все мои бойцы и горожане. Хорошо?

– Сделаем! – отдал мне честь Хагел.

– Ну, а пока вы все это будете делать, я вздремну, – сказал я и пошел досыпать, провожаемый восхищенными взглядами воинов.

На улицах Города былолюдно. Там находились практически все жители, помогая воинам стаскивать трупы кочевников в одну кучу. Все громко обсуждали происшедшее, склоняясь к мысли, что если бы не «новый командир», то кочевникам удалось бы без проблем захватить поселение. Когда я проходил мимо, разговоры стихали, превращались в шепотки. Это все мне ужасно льстило, но одновременно я понимал, что жить здесь долго не смогу, так как со временем такое отношение окружающих превратится в пытку. Добравшись до своего дома, я отметил, что постепенно начало светлеть, и подумал, что часа два у меня еще есть, пока Хагел со всем разберется.

И вот тут адреналин в крови перестал действовать, и на меня навалилась маячившая на краю сознания боль. Наступила расплата за несколько мгновений ускорения, и теперь все разорванные ткани, все поврежденные мышцы ныли, требуя срочно заняться собой. Рухнув на жесткую лавку, я задействовал процессы восстановления тела, даже не имея сил на то, чтобы снять перевязь с мечами. А потом мое сознание снова унесла с собой темнота.

Когда я вынырнул из забытья – ведь сном мою угольную яму назвать было весьма сложно, – на дворе уже был день. Поднявшись, я при солнечном свете оглядел себя и свою одежду. Защитный кокон мне очень помог, заодно избавив от необходимости отчищать одежду от крови кочевников. Хорошо, что я в этот раз настроил его на защиту от стрел, отодвинув от тела сантиметра на два, что позволило мне остаться целым и чистым. Вот только мое лечение Глена и еще нескольких раненых оставили на рукавах и правом боку форменной куртки засохшие пятна, которые теперь вряд ли отстираются. Придя к выводу, что их не сильно видно на черном фоне, я не стал переодеваться и вышел на улицу. Там меня уже поджидал Дин. Он радостно мне улыбнулся.

– Доброе утро, командир!

– Дин, запомни, утро добрым не бывает, – хмуро ответил я, потирая мятое лицо и чувствуя, что на этот раз почему-то не выспался. – Из наших ночью кто-нибудь погиб?

– Лютый, – ответил уставившийся в землю Дин.

Вот это было плохо, ведь теперь я остался без офицера в своем отряде. Нужно срочно подыскивать ему замену, назначить одного бойца, а лучше сразу двух на должность десятников, иначе может быть неразбериха. Лютый, весельчак и балагур, еще недавно с таким упоением рассказывал о своих хождениях по борделям... Я тяжело вздохнул. Да, не уследил я, и теперь в нашем отряде стало на одного меньше.

– Как это произошло? – спросил я Дина.

– Он кинулся на троих кочевников, что свалили одного из людей Хагела, двоих сумел положить, а третий все-таки достал его... – хмуро ответил парень.

– Он погиб как герой, – уверенно сказал я, подбадривая тем самым совсем повесившего нос Дина.

Хотя для меня, если честно, не было никакой разницы – что умирать героем, что трусом, результат-то все равно один.

– А ты чего здесь караулишь?

– Хагел приказал дожидаться, когда ты проснешься, а потом отвести к нему.

– Ладно, – согласился я, ища взглядом хоть какую-то бочку с водой.

Но на моем дворе ничего подобного не обнаружилось.

«Нужно будет завести», – подумал я, чувствуя непреодолимое желание умыться.

– А тут колодец есть? – спросил я Дина, отправляясь с ним к дому командира.

– Есть, через два дома отсюда.

Свернув в указанном Дином направлении, я действительно обнаружил колодец. Там стояли несколько пожилых женщин с полными ведрами и вовсю общались. Подойдя к ним, я поздоровался и, не обращая внимания на их настороженные взгляды, покрутил ворот, поднимая ведро с водой. Она была чистая, холодная и очень вкусная. Напившись, я попросил Дина полить мне на руки и с наслаждением умылся. Однако это никак не помогло снять мне сонное состояние, а потому я просто вылил ведро себе на голову, чувствуя, как ледяные струи прогоняют дрему.

После водных процедур я бодренько отправился к командиру, но до него дошел не сразу, потому что меня остановили соблазнительные запахи, доносившиеся из столовой. Решив, что пару минут Хагел может и подождать, я вместе с Дином зашел на кухню и добыл завтрак, подарив мимоходом несколько комплиментов положившей на меня глаз девушке.

«Ох, чувствую, сегодня мне что-нибудь обломится», – подумал я, ловя ее восхищенный взгляд.

Быстро умяв свой завтрак, я отправился к Хагелу.

В кабинете у командира былолюдно, там собрались все его бойцы. Их количество явно уменьшилось. Как видно, теми двумя, что я нашел у западной стены, потери не ограничились. Тихонько проскользнув внутрь, я встал за их спинами и решил не прерывать инструктаж, проводимый командиром.

– ...многие новички показали себя храбрыми воинами, так что вам поручается взять их себе в ученики и поднатаскать в умении обращаться с оружием, а то некоторые из них вообще меч в руках держать не умеют. Пусть каждый из вас сейчас же выберет себе двоих и начинает с ними тренироваться. Парни, сегодня ночью мы потеряли четверых, поэтому чем скорее вы сделаете из новичков умелых воинов, тем больше у нас шансов отразить следующее нападение. Всем понятно?

Воины нестройным хором подтвердили, а я подумал, что теперь у меня снимается еще один камень с души. И мне уже не придется заниматься подготовкой ребят, а значит, появится больше свободного времени, которое можно будет потратить на вылазку в степь. Тем временем Хагел скомандовал бойцам разойтись, и они дружно повернулись к выходу, но остановились, уставившись на меня. Такие удивленные взгляды меня уже порядком начинали доставать. Я шагнул в сторону, освобождая проход, но никто из воинов выходить из комнаты не спешил, зато подал голос Ламин, стоявший сбоку.

– Алекс... – помявшись, смущенно произнес он. – Ты это... Прости меня за вчерашнее.

– Я не обиделся, – ответил я рыжебородому воину, надеясь закончить на этом разговор, но тот решительно продолжил, машинально дотронувшись до свежей заплатки на доспехах:

– Мне рассказали ребята, что ты спас меня. Так что теперь я должен тебе жизнь!

Я раздумывал, что же сказать в ответ, чтобы и не обидеть, и не унизить воина. Тем временем сквозь ряд бойцов прошел Хагел и посмотрел на меня:

– Алекс, ваши распоряжения выполнены.

Я недовольно поморщился. Так дело не пойдет!

– Хагел, не нужно мне выкать, я же ваш подчиненный, да и лет мне поменьше будет.

– Но...

– Никаких возражений! – отрезал я. – То, что я умею хорошо махать мечами, еще не означает, что у меня больше полномочий. Я вчера всего лишь давал вам советы, а не отдавал приказы. Так буду поступать и впредь, а вы оставьте этот тон и общайтесь со мной как с одним из своих воинов. Ладно?

– Почему? – недоуменно спросил Хагел.

Нет, все приходится разжевывать!

– Потому что у вас больше опыта, вы больше меня знаете о кочевниках и об обороне Города. Если здесь буду командовать я, то могу таких ошибок наделать, что самому потом стыдно станет. Это понятно?

Хагел кивнул, и у меня отлегло от сердца. На секундочку я представил себе, что значит руководить обороной всего Города, рулить всеми его делами, и мне стало дурно. Нет, в такие дела я влезать не намерен. У меня есть свое конкретное задание, вот его я и буду выполнять, а все остальное – постольку-поскольку!

– Да, командир, мне нужно с вами кое-что обсудить. Думаю, что ваши воины уже могут идти. Им нужно еще о многом поговорить с моими бойцами.

Хагел махнул рукой своим людям, и они потихоньку вышли из комнаты, только Ламин обернулся и серьезно кивнул мне, показывая, что от своих слов он отказываться не собирается. Когда он закрыл за собой дверь, я взял табурет, сел и, дождавшись, пока командир усядется на свое место, начал выяснять все нужные мне детали.

Глава 16

Разбор полетов и подготовка

– Я так понимаю, это было самое крупное нападение кочевников за все время существования Города? – спросил я Хагела.

– Да, на моей памяти еще никогда не было случая, чтобы к его стенам подступал такой сильный отряд. Мы насчитали больше полутора сотен трупов...

– А сколько погибло горожан?

– Почти два десятка, из них четверо – мои люди, – помрачнел Хагел.

– А почему кочевники в этот раз использовали такую странную тактику?

– Ничего странного. Их действия были вполне разумны и оправданны. Я и сам бы так действовал на их месте, если бы мне нужно было захватить Город. Тактика просто безупречна – две группы тихо пробираются к городским стенам, убивают бодрствующих защитников и открывают ворота, в которые врывается подоспевшая конница... Да у нас практически не было шансов! Я бы просто не сумел удержать Город, если бы все так и вышло.

Я еще раз прокрутил недавние события. Все верно – кочевники уже прорвались в одном месте, убив двоих защитников, и, если бы я не оказался с ними рядом, вполне успели бы открыть ворота всадникам. Нам очень повезло, что кто-то из дозорных все-таки успел поднять тревогу, перебудив половину города.

– А как они сумели пробраться незамеченными под самые стены? – спросил я.

– Похоже, что весь путь они проделали очень медленно, поэтому дозорные их и не заметили, несмотря на факелы. В темноте ведь медленное движение вообще незаметно.

– А откуда у степняков огонь? Ведь они посылали на город горящие стрелы.

И правда, зажигалок ведь у них нет, а чтобы запалить костерок с помощью огнива, нужно довольно много времени. Насколько же я помнил, стрелы появились практически сразу после первых криков.

– Старый трюк, – махнул рукой командир. – Несли с собой угли в чугунах. Мы нашли их с десятков на поле.

– Понятно... – пробормотал я. – А что вы еще интересного там обнаружили?

– Да все, как обычно. Хотя в этот раз они даже легкие щиты с собой не брали, надеялись на быстрый захват.

– Это я заметил. А вот как кочевникам удалось так близко подобраться на лошадях, но их никто не услышал? Как дозорные не услышали ржание или топот?

– Алекс, кочевники – далеко не дураки, – вздохнул Хагел. – Они надели на копыта своих скакунов мешочки с травой и завязали им морды. Ты что, этого не заметил ночью?

– Да как-то не приглядывался. Не до того было. Сколько удалось собрать лошадей?

– Около семидесяти. Несколько все же убежали.

А вот это было плохо. Даже если одна лошадь вернется к кочевникам без всадника, они моментально сообразят, что нападение провалилось, и пошлют новый отряд, который будет явно больше прежнего. Это, конечно, я прикидывал наихудший вариант, если подозрения об организованном наступлении верны, а в том случае, если это всего лишь одиночный отряд, больше они в обозримом будущем не появятся.

«Ну, что ж, пока будем готовиться к худшему», – решил я.

– Нужно сегодня же распределить лошадей между всеми моими бойцами, чтобы они начали учиться ездить верхом.

– Но зачем? – не понял Хагел.

Да я и сам не мог понять, почему мне в голову пришла такая идея – посадить всех защитников на лошадей, но отчего-то был уверен, что это будет правильно. Сработала интуиция? Не знаю. Только теперь мне нужно было убедить Хагела поступить именно так.

– Я раскрою вам одну маленькую государственную тайну, – тихо сказал я командиру, честно глядя в его глаза. – Король подозревает, что кочевники начинают подготовку к вторжению на земли Мардинана, поэтому и послал меня проверить, так ли это. Сейчас они обломали зубы о Город, но если подозрения его величества верны, то они или повторят попытку, или просто обойдут это поселение, получив открытый доступ в глубь королевства к незащищенным деревням. Нам нужно создать здесь такой отряд, который в нужный момент смог бы быстро прийти на помощь обороняющимся. Кроме того, мне будут нужны воины на лошадях для скорой вылазки в степь. Там, как вы сами говорили, пешим не очень погуляешь.

Командир с сомнением смотрел на меня, выслушивая весь этот бред, но я глядел честно и открыто, понимая, что если сказать правду, он легко убедит меня в обратном. Ну, не мог же я ему прямым текстом сообщить: «Хагел, я задницей чувствую, что этот конный отряд мне очень скоро понадобится». Вот и приходилось придумывать.

Командир спустя мгновение все же кивнул:

– Хорошо. С сегодняшнего дня твои парни будут обучаться ездить верхом.

– Договорились. Что с оружием кочевников?

– Все собрали, как ты и просил. Его сложили в оружейной.

– Тогда я хотел бы на него взглянуть.

Я поднялся и в сопровождении Хагела отправился в соседнюю комнату. Там действительно лежала громада всевозможного оружия. В основном это были сабли, слегка изогнутые на конце, луки и множество стрел. Стрелы, как я понял при ближайшем рассмотрении, оказались немного короче эльфийских, но из моего лука ими стрелять вполне было можно. Попробовав сталь одной из сабель, я понял, что она весьма ерундового качества, но ее было много, а значит, она подойдет для дела, которое я задумал.

– В Городе есть кузнец? – поинтересовался я.

– Конечно, – удивился Хагел.

«Ну да, – сообразил я, вспомнив свежую заплатку на доспехах Ламина. – Мог бы и не спрашивать».

– Тогда у меня будет к нему задание. Пускай он возьмет все железо, что добыто в ночном бою, и сплавит к вечеру в единый слиток.

– Зачем?

– Король дал мне один артефакт, который может превратить любой дрянной металл в высокопрочный сплав. Я хотел бы вооружить всех защитников клинками, способными

разрезать любой доспех, а также кольчугами, которые не пробьет ни одна стрела, – пояснил я, придумав достаточно правдоподобную версию того, что собираюсь сделать.

Командир стоял и тихо офигевал, а я подумал, что моя идея вполне может и не сработать, и тогда я просто опозорюсь перед всеми жителями Города. Да, теперь у меня было время и прекрасная возможность создать металл, подобный тому, что был в эльфийских клинках. Это поможет Городу выстоять и даст мне возможность оценить всю технологию производства, которое я собираюсь в скором времени наладить у гномов. Главное, чтобы кузнец не подкачал.

– Алекс, а ты уверен, что стоит переводить такое количество довольно неплохого оружия? – наконец подобрал слова командир.

– Неплохого? – усмехнулся я и извлек из ножен один свой меч.

Взмахнув им, я срезал пару сантиметров с конца сабли, которую все еще держал в руке. Я махнул клинком еще раз, и еще. С каждым взмахом сабля все укорачивалась, а глаза командира становились все больше. Бросив остаток сабли в груды железа на полу, я взял свой клинок двумя руками и протянул его Хагелу. Тот внимательно осмотрел лезвие, но никаких изъянов, разумеется, не нашел. И тогда четко сказал:

– К вечеру все будет готово. Я лично за этим прослежу.

– Только помните, чем больше будет металла, тем лучше, – предупредил я его. – Можете даже собрать все старые доспехи и оружие, что лежит сейчас без дела, любое железо подойдет. Артефакт, насколько мне известно, увеличивает крепость металла, но уменьшает его размер примерно втрое, так что прикиньте, сколько получится в результате и хватит ли его на всех.

– Хорошо, – кивнул Хагел.

– Тогда я сейчас проверю южное направление, а к вечеру обязательно вернусь, – сказал я и вышел из оружейной.

Проходя мимо столовой, я опять подмигнул хорошенькой девушке, что стреляла в меня глазками. Надо будет хотя бы узнать, как ее зовут.

Когда я шел к воротам, все жители, попадавшиеся на моем пути, почтительно здоровались со мной и восхищенно рассматривали во все глаза. После третьего встречного я уже начал подумывать о том, что перемахнуть через стену можно в любом месте, вовсе не обязательно идти к воротам. Да, героем быть приятно, но только очень обременительно. Ладно, по идее, завтра должно стать полегче, страсти поутихнут и мне можно будет ходить по улицам вполне спокойно, не вызывая всеобщего поклонения.

«Явление Алекса народу», – усмехнулся я, когда сразу три женщины почтительно в пояс мне поклонились.

Дойдя до ворот, я кивнул своим парням, которые под надзором одного из воинов Хагела учились правильно работать мечами, инсценируя ситуацию, когда условный противник лезет на стены. А за воротами меня ждал простор, безлюдье и солнечный день. Я побежал к лесу в южном направлении, которое вчера не успел осмотреть, и вскоре увидел несколько десятков горожан. Они рыли большую траншею, готовясь закопать в ней тела всех кочевников. Интересно, а где они будут хоронить своих? Кладбища я в городе что-то не видел, значит, оно обязано быть где-то неподалеку, ведь если тут есть церковь Единого, то умерших именно хоронят, а не сжигают, как это принято в других религиях.

«Короче, вечером узнаю», – решил я и побежал дальше.

Следы, оставленные кочевниками, были явными, и заметить их мог любой, у кого есть глаза. Действительно, они пришли с южного направления, которое я вчера не успел перекрыть сигналками. Спустя пятнадцать минут я добежал до того места, где находилась в засаде конница. Побегав дальше, я через часок-другой достиг края леса, за которым была поросшая редкими кустиками и молодой травой степь. Я не стал углубляться во владения кочевников, понимая, что это будет глупо и бесполезно, и начал развешивать сигнальные нити на деревьях, стремясь обеспечить своевременное предупреждение о подходе врага. Эх, если бы вчера я начал именно отсюда, то можно было обойтись и вовсе без потерь! Но уже

поздно было сожалеть.

Гадая, скоро ли кочевники предпримут новое нападение, я цеплял нити на деревья, обеспечивая их зарядом на две десятицы. Через час такой скучной и однообразной работы я внезапно услышал звонок будильника. Сработала одна из моих сигналок, которые я по привычке снабдил именно этим звуком. Я сорвался с места, определив, что место прорыва находится к северо-западу от города, в двадцати минутах бега от меня. Демоны бездны, я ведь забыл дать Хагелу разговорный амулет! Предупредить горожан, чтобы готовились к обороне, не получится. Теперь нужно решить, сразу бежать к Городу или же мчаться к месту прорыва.

Прикинув, что при свете дня дозорные заметят кочевников достаточно быстро, а значит, успеют закрыть ворота, я отправился на север. Если кочевники будут на лошадях, то, в крайнем случае, у них будет форы в пятнадцать минут, так как сигналки я развешивал на достаточном удалении от города.

Через двадцать пять минут быстрого бега (все-таки я неточно определил нужное место) я добрался до точки назначения. Однако там обнаружил только порванную нить. Следов большого отряда не было заметно, а потому я успокоился и облегченно перевел дух. Внимательно разглядывая землю, я обнаружил отпечатки подков, которые вели к степи. Это кто был, лазутчик или уцелевший кочевник? После вчерашнего разгрома остался посмотреть, как собирают трупы его соотечественников, а затем отправился докладывать командирам? Я решил пуститься по следам, чтобы это выяснить. Если это был действительно лазутчик, то его начальник, возможно, находится неподалеку, а это дает мне реальные шансы узнать нужные подробности...

Моим надеждам не суждено было сбыться. Пройдя шагов триста, я обнаружил полянку с зеленой травой, на которой мирно паслась пегая кобыла с седлом. Плюнув с досады, я понял, что это была ложная тревога, и подошел к лошади.

– Раз из-за тебя я сюда бежал, то обратно повезешь меня ты, – сказал я ей и запрыгнул в седло.

Кобыла подняла голову от травы и флегматично посмотрела одним глазом на непрошеного гостя на своей спине, а я подхватил уздечку и пришпорил ее, разворачивая. Быстро залатав дырку в сигнальной сети, я поскакал обратно, так как еще не весь сектор юго-западного направления был у меня охвачен. Со средством передвижения дело пошло веселее, но немного медленнее, так как лошадь не везде могла проехать там, где я сумел бы спокойно пробежать. Пару раз приходилось объезжать буреломы, из-за чего я потерял лишнее время, но уже через три часа работа была сделана, и мы со спокойной совестью повернули к Городу. Теперь кочевники никак не подберутся незамеченными.

«Кстати, пока у меня есть лошадь, можно проверить одну вещь», – подумал я, подгоняя животное и вынуждая его бежать изо всех сил.

М-да, скачки по лесу – дело не слишком приятное. Ветки хлестали меня по лицу, пару раз пришлось перепрыгивать через невысокие заросли, причем здесь лошадка показала себя на высоте, с ходу взяв барьеры. Вскоре лес кончился, и впереди показалась городская стена. Продолжив эксперимент, я, не снижая скорости, направил лошадь к воротам, в которые вскоре и въехал, перепугав дозорных. Те сразу кинулись их закрывать.

– Отбой тревоге! – громко сказал я, притормозив лошадку.

– Что случилось? – с тревогой спросил меня один из моих парней, находившийся неподалеку.

– Ничего, – ответил я. – Просто засекал время, которое понадобится кочевникам, чтобы максимально быстро добраться до города. Так что не стоит беспокоиться, пока еще никто не нападает.

Я спрыгнул с лошади и уточнил:

– А где у нас держат лошадей?

В ответ один из воинов Хагела, имени которого я до сих пор не удосужился узнать, показал мне направление к импровизированному загону, где содержались все лошади

кочевников. Отведя туда и свою кобылку, я направился перекусить, понимая, что обед опять прозевал.

В столовой, несмотря на то что время трапезы давно прошло, присутствовало много народа. Среди людей Хагела я заметил и своих бойцов, которые что-то бурно обсуждали. Прощмыгнув мимо них на кухню, я опять встретился с той самой девушкой.

– Привет, красавица, – подарил я ей свою самую очаровательную улыбку. – Не спасешь ли ты усталого воина от лап голодной смерти?

Девушка покраснела, но споро выставила передо мной тарелки: в одной была каша с мясом, а в другой – наваристый суп.

– Благодарю, несравненная! – обрадовался я и, не откладывая в долгий ящик, поинтересовался: – А могу я узнать имя моей спасительницы?

– Кара, – улыбнулась девушка.

– Благодарю тебя, Кара, и надеюсь на скорую встречу, – сказал я и галантно поцеловал ей ручку.

Подхватив свои тарелки и провожаемый взглядом вконец смутившейся девушки, я вышел в общую комнату, где и сел за ближайший столик. Следующие пятнадцать минут просто выпали у меня из жизни, поскольку я наслаждался ужином. Практика показывает, что чем больше хочешь есть, тем вкуснее кажется еда. Когда тарелки опустели, я стал воспринимать окружающий мир и с интересом прислушался к спору, который разгорелся между моими ребятами и воинами Хагела.

– Да если бы не командир, вас бы всех тут на кусочки порубили! – доказывал Дин высокому воину, скептически поджавшему губы.

– Отбились бы, чай, не впервой! – возражал ему стоявший рядом воин с густой черной бородой.

– Так ведь он один больше сотни кочевников истребил! – упорствовал Дин.

– Ну и что? Повезло просто, что они нападения с тыла не ожидали!

– Да он один защищал западную стену! – поддержал Дина Трит.

– Там еще двое наших было, – возразил ему длинный.

– Но ведь...

Этот спор, разгоравшийся все больше, заставил меня тяжело вздохнуть. Нашли тему, блин! Я поднялся с лавки, подошел к ним и хлопнул никак не унимавшегося Дина по плечу.

– А ну отставить! Нашли о чем спорить. Я же всех предупреждал, больше молчите и слушайте, а рот понапрасну лучше вообще не открывайте.

– Командир, но ведь это правда, что без тебя Город бы захватили? – простодушно спросил меня Трит.

– А если бы дозорный не успел крикнуть, то всех бы зарезали во сне! – парировал я. – Ребята, оставьте разногласия, нам еще предстоят бои плечом к плечу, так что не выясняйте, кто круче, а лучше тренируйтесь больше!

Я развернулся и под внимательными взглядами направился к Хагелу, узнавать, как там продвигается дело с железом. Однако в кабинете его не было, а в соседней оружейной было практически пусто – валялись только луки и колчаны со стрелами, не было ни следа сабель, мечей и доспехов. Я понял, что процесс идет, поэтому вышел из дома начальника и стал прикидывать, чем бы заняться, пока не стемнело. И со вздохом признал, что самое время начать уборку в своем новом доме.

Она затянулась надолго. Вначале мне пришлось выкатить из сарайчика бочку и оставить ее во дворе, а самому, взяв в руки два ведра, раз двадцать прошвырнуться до колодца и обратно. Наполнив бочонок наполовину, я решил, что этого хватит, и принялся за уборку, раздевшись, чтобы не запачкать новую форму. Штаны я все же оставил, подвернув их до колен, чтобы не вышло конфуза, если кто-нибудь любопытный будет заглядывать в окна. Разыскав веник, я вымел весь мусор из дома, а потом, чихая от поднятой пыли, принялся протирать все влажной тряпкой; тряпку я нашел в том же сарайчике. Дом оказался просто огромным, судя по количеству моих усилий, потраченных на его приведение в

относительно чистое состояние. Выгнав наружу всех пауков, прочно обосновавшихся в углах под потолком, я перешел к отмыванию кухни.

Там, к моему удивлению, было пусто. Видимо, хозяйственные соседи уже давно растащили всю посуду, чтобы не пропадала зря.

«Ну и ладно, – подумал я, очищая печку от грязи и паутины, – у меня котелок есть, вот им и буду обходиться».

В разгар уборки, когда я, сам весь грязный и покрытый слоем пыли и мелкого мусора, матерился сквозь зубы и яростно тер тряпкой пол, у меня появилась гостья, но совсем не та, которую я ждал. Легонько кашлянув, привлекая мое внимание, в дом зашла местная знахарка.

– Здравствуйте, Алекс, – вежливо поздоровалась она.

– И вам не хворать, – оглушительно чихнув и почесав нос, ответил я.

– Я прошу прощения, что потревожила вас в такой момент, – знахарка улыбнулась, оглядев меня. – Но не затруднит ли вас ответить на парочку вопросов?

– Совсем не затруднит, – ответил я, выполаскивая тряпку в ведре с водой.

Понятно, зачем она пришла. Только вот как мне теперь поступить? Нужно подумать. Я оглядел знахарку магическим зрением. Способностей у нее никаких не было, значит, первый вариант сразу отпадал...

– Я бы хотела узнать у вас... – начала она, но я перебил ее:

– Простите, как ваше имя?

– Нарада.

– Так вот, Нарада, у меня к вам просьба – обращайтесь ко мне на «ты», потому что мне так будет удобнее. Хорошо?

– Как скажешь, Алекс.

– Тогда, чтобы не терять времени, скажу сразу. Эта жидкость, которая вылечила раны воинов, называется лимэль. Да, мне известен секрет его приготовления, но научить вас я не могу.

– Понятно, – разочарованно пробормотала она. – Я и не надеялась...

– Нет, вы меня не так поняли, – я бросил тряпку на пол. – Это не потому, что я не хочу делиться этой тайной, а просто потому, что вы все равно не сможете его приготовить.

– Почему?

Рассказать или нет? Союзник мне в принципе не помешает, поскольку то, что я задумал, потребует много моих сил, а вот если взять себе помощников...

– Я смогу вам рассказать, если только вы поклянетесь, что больше из местных никто этого не узнает.

Знахарка кивнула и с готовностью ответила:

– Я клянусь своей кровью, что никому не расскажу то, что ты мне поведаешь.

Я хмыкнул. Было видно, что это ей не впервой. Я тоже всегда так легко клянусь, поскольку знаю, что вполне могу нарушить клятву, и совесть при этом мучить не будет. Вот только альтернативы нет никакой. Не просить же ее принести мне клятву верности? Так что опять я вернулся к началу – довериться или нет? Хотя, что я раздумываю, и так полгорода мной восхищается, значит, сильных последствий может и не быть. Ну, пусть четверть станет меня бояться, треть – ненавидеть, так я же не собираюсь тут оставаться на всю жизнь.

– Дело в том, что приготовить этот напиток может только маг, а вы, простите, никаких способностей не имеете, – сказал я.

– Маг? – переспросила знахарка. – Так значит...

– Да, – подтвердил я.

Нарада посмотрела на меня с большим удивлением.

– А почему вы... ты сразу об этом не сказал, когда пришел в Город?

– А представьте, что тогда было бы? – усмехнулся я.

Знахарка задумалась, а потом внимательно посмотрела на меня:

– Значит, тебе не нравится, когда все тебя боятся и уважают?

– Ну-ну, не нужно путать грешное с праведным. Страх окружающих действительно меня не прельщает, а от уважения я никогда не отказывался. Вот только магов обычно не уважают, а ненавидят. Я понимаю, почему так сложилось, но поделать с этим ничего не могу, так как свой ум другим не вставишь...

– Алекс, я уверена, даже если ты всем признаешься, что ты маг, здесь тебя не будут ненавидеть, – доверительно сказала Нарада.

– Нет, я все же не буду с этим спешить, – покачал я головой. – Мне привычнее ходить в шкуре воина.

Нарада вздохнула и собралась уходить, но я остановил ее:

– Мы же еще не договорили, куда же вы уходите?

– Разве?

– Вы же хотели спросить меня, не приготовлю ли я лимэль для нужд жителей Города, не так ли?

Нарада замялась, перебирая пальцами тоненький поясик на талии.

– Я не осмелилась...

– Вот-вот, я об этом и говорил – только страх и ненависть. Если бы я был обычным человеком, разве бы вы раздумывали, прежде чем задать этот вопрос?

– Прости, Алекс, я не думала, что тебя это оскорбит.

Знахарка не поднимала на меня взгляда.

– Нарада, я такой же человек, как и все остальные, просто умею чуть больше. Вот только, в отличие от других магов, я знаю, что это не дает мне права быть выше обычных людей... – я махнул рукой.

Зря я ей рассказал, нужно было просто ответить, что король дал мне про запас несколько фляжек. Разве не прокатило бы? Да еще как! А теперь и нормальных отношений не получилось, и вся моя задумка летит в бездну. Да, я давно подумывал пополнить свой запас лимэля, но все не хватало ни времени, ни желания, а тут как раз выдалась такая возможность – получить помощь в сборе необходимых ингредиентов у местных, которая теперь явно пропала. Разве я могу доверить такую кропотливую работу человеку, который будет выполнять ее из-под палки? А ведь знахарка теперь все мои просьбы будет воспринимать, как приказы. В этом я был твердо уверен. И ничего хорошего в результате не выйдет, а в самом лучшем случае действие полученного лимэля будет весьма слабым...

– Алекс, а сколько тебе лет? – внезапно прервала мои невеселые размышления Нарада.

– Двадцать семь, – ответил я, прикинув, что в сезон холодов, по идее, у меня был день рождения, про который я даже и не вспомнил.

– Выглядишь ты значительно моложе.

– Сохранился неплохо, – усмехнулся я.

– Но отчего-то в твоих глазах иногда проскальзывает такое, что твоим летам не характерно...

– Я многое повидал, – ответил я, вытирая грязные руки о штаны.

Нарада задумалась, а потом доверительно сказала:

– Знаешь, я на своем веку встречала нескольких магов. Они очень отличались от тебя... Для них было неважным отношение к ним окружающих. С обычными людьми они вели себя, как со скотиной, цедили приказы сквозь зубы и жестоко наказывали нерасторопных. Почему же ты не стал таким?

– А может, у меня еще все впереди? – улыбнулся я.

– Нет, я вижу, что ты таким никогда не станешь... – сказала Нарада и добавила: – Прошу, прости меня за мое недоверие.

– Да не за что, – смутился я.

Знахарка улыбнулась:

– Вот теперь я действительно убедилась, что ты порядочный человек!

– Эльф, – поправил я ее.

– Я не про это, – усмехнулась Нарада.

– Так, – решительно произнес я, поняв, что разговор нужно переводить на другую тему. – Пока я еще не покраснел, давайте обсудим вопрос с лимэлем. Прошу в комнату, там хоть присесть можно, – махнул я рукой.

Мы вышли из кухни в просторную комнату, которая моими стараниями уже стала намного чище. Смахнув вещи с лавки, я пригласил Нараду сесть и стал обсуждать с ней все детали налаживаемого производства. Она с радостью вызвалась мне помочь в сборе необходимых ингредиентов, и я с облегчением понял, что теперь просто обязано получиться. Знахарка сделает все, что только от нее зависит, причем безо всякого принуждения и гораздо старательнее, чем после обычного приказа. Теперь я действительно понял смысл дружеских отношений, оказавшийся намного более глубоким, чем мне казалось всю мою жизнь. Странно, но дома у меня не получалось с такой легкостью заводить друзей. Может, потому, что они были мне и не нужны? Или потому, что я не понимал самого смысла дружбы? Или...

Мы со знахаркой говорили долго, я перечислил ей все травы, которые было необходимо собрать, и Нарада заверила, что их можно найти в здешних местах. Это меня волновало больше всего. Правда, не все прошло гладко, большие трудности возникли с определением нужных растений. Знахарка эльфийским не владела, гномий не изучала, а на общем я не знал и половины названий нужной мне зелени. Иногда приходилось долго и тщательно описывать какое-то растение, пока Нарада не понимала, что это вообще такое. Закончили мы, договорившись о том, что как только знахарка и ее ученицы соберут первую партию травок, я займусь приготовлением целебного напитка, который в первую очередь достанется воинам, а уже потом буду продолжать делать запас на нужды жителей Города. Расстались мы весьма довольные друг другом, после чего я вернулся к уборке. Закончив отмывать кухню, я вынес ведро на улицу и выплеснул грязь, заодно полив хрен, буйно зеленеющий у меня на участке перед домом.

Громкий смех послышался от невысокой изгороди, что огораживала мой участок. Оглянувшись, я увидел двух девчонок, прикрывавших рты ладошками и смотревших на меня. Оглядев себя, я понял, что представляю весьма колоритное зрелище – полуголый, весь в паутине, разводах грязи и пыли. Однозначно, красавец! Нет, нужно срочно помыться. Купаться в бочке было нерационально, так как потом мне опять пришлось бы наполнять ее, бегая к колодцу, поэтому я решил отправиться на реку, протекавшую неподалеку. Захватив рубашку, куртку и сменное белье, я коротким путем (перемахнув через городскую стену) направился к воде.

Река протекала всего в трехстах шагах от восточного края стены и была весьма неглубокой. Пройдя немного вверх по течению мимо нескольких женщин, стиравших белье, я обнаружил заросли кустов и невысокого камыша, там и решил остановиться. Кинув на кусты свою одежду, вошел в воду и принялся смывать с себя грязь. Вода была мне по пояс, а потому я просто присел, с удовольствием плескаясь в ней, а потом распутал свои волосы, отросшие явно сверх всякой меры, и принялся их тщательно промывать, подумывая над тем, чтобы срезать всю эту пышность, к демонам, и больше не заморачиваться по этому поводу.

Сзади зашуршали камыши. Опасности я не почувствовал и с улыбкой подумал, что это моя знакомая Кара решила полюбопытствовать, каков я в голом виде. Однако это оказалась совсем не Кара.

– Девушка, а хочешь познакомиться? – прозвучал сзади весьма знакомый голос.

Я выпрямился, повернулся и сказал в ответ:

– Рокин, а хочешь наряд на кухню?

Стоявший в камышах Рокин выпучил глаза и даже немного присел.

– К-командир, это ты?

– Не похож? – ехидно спросил я.

– Извини, Алекс, обознался, – смутился Рокин.

– Вот теперь и отправляйся на кухню, будешь отрабатывать свое обознайство! – приказал я.

Парень вздохнул, повесив голову, и пошел назад, проламываясь сквозь камыши, но тут

я его окликнул. Боец обернулся, и я пояснил непонятливому:

– На кухне работают две молоденьких красивых девушки. Вот только ту, которую зовут Кара, я уже для себя присмотрел, имей в виду.

Рокин расплылся в улыбке:

– Спасибо, командир!

Он быстрым шагом отправился к городским воротам, а я вылез и оделся. Постирал напоследок свои грязные шмотки и пошел в Город, отметив, что уже начинает темнеть.

Глава 17

Эксперименты и упражнения

Первым делом я зашел к себе домой, а затем, переодевшись и захватив оружие, отправился разыскивать Хагела. Мне предстояло заняться алхимией, вот только не превращением свинца в золото, а переработкой дрянного железа в высокопрочный материал. Сказать, что я волновался, это значило бы сильно преуменьшить мое состояние. Внешне я сохранял полную невозмутимость, так как уже давно научился не показывать окружающим свои истинные чувства, но внутри страшно переживал. Одно дело – превратить в эльфийскую сталь мелкую монетку, а совсем другое – килограммы железа. А я ведь даже не засек, сколько при этом процессе тратится энергии, поэтому сейчас опасался, что силы, накопленной в сафрусе, будет недостаточно. Ох, только бы не опозориться!

Хагела дома снова не оказалось, и я спросил, где мне найти кузницу. Кузнец жил в южной части города, почти рядом со стеной. Его дом был маленьким, а вот кузница рядом с ним – огромной. Оттуда доносились голоса, запахи разогретого металла и кожи, слышался стук нескольких молотов. Первым, кого я увидел, зайдя внутрь, был Хагел. Он стоял полуголым в этом дышащем жаром аду и орудовал большим молотом, опуская его на раскаленный металл. Рядом с ним, у второй наковальни, работал гигант-кузнец, в руках которого был точно такой же молот, казавшийся детской игрушкой. Двое пареньков-подмастерьев помогали мастерам, держа раскаленные чушки большими клещами.

– Прервитесь, уважаемые! – крикнул я сквозь грохот.

Хагел в последний раз ударил по металлу и отложил молот, а кузнец продолжал работу.

– У нас еще не все готово, – сказал мне подошедший командир, вытирая со лба пот. – Но через несколько часов весь металл будет в одной глыбе, как ты и просил, так что подожди маленько.

– Нет времени, буду работать так. Где результат?

Хагел махнул рукой, останавливая кузнеца, и провел меня чуть дальше по кузнице. Там я увидел бесформенную глыбу металла, которая состояла из многих покореженных деталей, смятых вместе. Размер этой глыбы превышал полтора метра в диаметре, а сколько она весила, я даже боялся представить. Наверное, тонн десять, а может быть, и больше. Я оценил это футуристическое произведение искусства и сказал Хагелу:

– Нужно снести поближе все железо, которое должно пойти на переработку.

Командир кивнул, и работники перетаскали весь металл, дожидавшийся своей очереди в углях и на наковальнях, а кузнец добавил к этому всему несколько болванок и пару своих инструментов, швырнув напоследок в общую кучу еще и старый молот.

– Теперь я попрошу вас выйти, так как амулет, данный мне королем, является государственной тайной, которую мне запрещено разглашать, – сказал я всем. – Вы уж меня простите.

– Да ладно, – усмехнувшись, прогудел густым басом кузнец. – Мы все прекрасно понимаем. Пошли, Хагел, пивка хлебнем после тяжелой работы!

Все быстро покинули кузницу. Парнишка, который из любопытства решил задержаться, был за ухо вытащен Хагелом наружу. Я почесал макушку и приступил к работе. Первым делом впитал всю энергию, что была в раскаленном железе, направив ее сразу в сафрус, лежавший в кармане, так как мой резерв был давно переполнен. Пощупав холодный

металл, я присел рядом с ним и подтянул к себе магическим захватом одну из болванок, решив начать с меньшего. Проникнув магическим зрением внутрь металла, я начал накачивать его энергией, заставляя частички материала притягиваться друг к другу. Спустя некоторое время передо мной оказался горячий кусок эльфийской стали. Я оставил его остывать, а сам принялся за следующий.

Закончив со всеми мелкими ошметками, я проверил свой резерв. Оказалось, что все эти опыты потребовали совсем немного энергии. Это было хорошо, так как, если прикинуть по весу весь металл, что я уже переработал, он не набирал и десятой части большой чушки. Проверив магическим зрением, чтобы никто не подглядывал за моими художествами, я начал работать с основным куском железа. Сколько я так просидел, не знаю, но когда закончил, а потом остудил весь металл, впитав в себя избыточную энергию, на улице было уже совсем темно.

Вдыхая свежий воздух, который показался мне ледяным после жара кузницы, я улыбнулся. Все получилось. Теперь Город имеет достаточно высококачественного металла, чтобы снабдить своих воинов первоклассным оружием и непробиваемыми доспехами. И тут моя улыбка померкла, а потом я со злостью дал себе в лоб и вернулся в кузницу. Ну, и идиот, однако! Да, мне было нужно, чтобы весь металл сковали воедино, чтобы не тратить время, работая над сотнями маленьких деталей, но как теперь кузнецу дробить эту чушку? Ведь вряд ли эта махина сможет поместиться в печь.

«Так, будем исправлять ошибки», – подумал я и нагрел магией металлическую глыбу. Потом несколькими десятками лезвий разрезал ее на аккуратные бруски и остудил. Проверив свой резерв, я убедился, что после эксперимента от первоначального запаса осталась всего пятая часть. Но это все же того стоило, так как с одной своей задумкой я успешно справился. Мои предположения, что технология производства эльфийской стали одинаково работает и с медью, и с железом, подтвердились и предоставили мне возможность вздохнуть спокойно. Что ж, теперь о будущем можно не волноваться – с таким умением я всегда смогу заработать себе на хлеб с маслом.

Выйдя из кузницы, я спросил ближайшего горожанина, возившегося у себя на участке, где здесь поблизости можно выпить пивка. Оказалось, что буквально через три дома от кузницы находится трактир, в котором я вскоре и отыскал кузнеца с Хагелом.

– Все! – выдохнул я, опускаясь на лавку рядом с ними. – Как пивко?

– Неплохое, – сказал кузнец.

– У меня будет пара советов по поводу вашей дальнейшей работы, – я поманил рукой девушку, которая бегала неподалеку с подносом.

– Чего изволите? – спросила она, слегка поклонившись.

– Кружку пива.

Девушка умчалась, а я повернулся к кузнецу:

– Кратко расскажу о получившемся металле. Он сверхпрочный, так что пластины для доспехов нужно делать максимально тонкими, чтобы его хватило на всех. Стрелы такие доспехи точно пробить не смогут, даже если их детали будут толщиной с волос... это вы потом проверите. Оружие я посоветую вам делать точно такое же, как у меня, – я достал один из своих клинков и продемонстрировал кузнецу. – Это будет наиболее рациональным и удобным. Изучите сейчас этот клинок и воспроизведите точно такие же, по два на каждого воина. Если останется металл, то сделайте вот такие кинжалы, чтобы всем хватило.

Я достал свой кинжал с пояса и также положил его на стол перед кузнецом, внимательно разглядывавшим мой меч. Вернулась девушка с пивом и поставила кружку передо мной. Улыбнувшись, я поблагодарил ее, расплатился и попробовал напиток. Пиво тут варить не умели, оно было кисловатым и сразу же просилось обратно. Видимо, местные вкусы были несколько непритязательнее моих, раз аборигенам такой напиток был по душе. Отставив кружку, я закончил инструктаж кузнеца:

– Этот металл, насколько мне известно, легко поддается ковке в нагретом состоянии, но его невозможно ни согнуть, ни наточить, когда он охлажден. Учитывайте это в работе и

помните, что довести остроту клинков на точильном камне после всей работы у вас не выйдет, точите их сразу, пока не остыли. Думаю, на этом все. Как только первая партия будет готова, нужно будет снабдить ими воинов, чтобы они начали тренироваться. В первую очередь их должны получить ваши люди, – я взглянул на Хагела. – А уже после них и мои ребята.

Я сделал еще один глоток и поморщился. Нет, такую гадость пусть другие пьют! Я встал и уже хотел было уйти, но кузнец окликнул меня:

– Алекс, ножики свои заberi.

– Так я думал их вам оставить как образец, – удивился я.

– Не переживай, я мерку запомнил, сделаю так, что сам не отличишь! – улыбнулся гигант, протянув мне клинки, которые в его ладони действительно казались ножиками.

Я вложил их в ножны и шагнул к двери, но теперь меня остановил Хагел.

– Алекс, сейчас будут похороны погибших вчера горожан. Ты придешь? – с надеждой спросил он.

Эх, а я так хотел отдохнуть, пока есть возможность, а похороны... Ну не люблю я подобные мероприятия и считаю их бестолковыми! Довелось мне присутствовать на нескольких похоронах на Земле, поэтому я точно представляю себе, как все происходит. Сначала торжественная часть, некоторые толкают речи, остальные глотают слезы или откровенным образом скучают, дальше начинается прощание с усопшим. Вот этого я вообще не понимаю – говорить что-то труп, прощаясь с ним как с живым человеком, даже целовать мертвого... тьфу! По мне, так закопать, и дело с концом! И останется от человека только память других людей, а хорошая или плохая – зависит от того, как жил усопший. Ну, и третьим пунктом похорон является банкет. Как такое повелось, сложно сказать. Для меня вообще как-то дико провожать человека в последний путь банальной обжираловкой...

Но если отказаться, то можно навлечь на себя подозрения в не порядочности, показать неуважение к павшим. Значит, придется пойти. Заверив Хагела, что обязательно поприсутствую на церемонии, я отправился подкрепиться, а на кухне в столовой опять встретился с Карой, явно обрадовавшейся моему появлению. Вторая девушка мыла тарелки на пару с Рокином, весело хохоча над тем, что он шептал ей на ушко. Улыбнувшись, я подумал, что сегодня он в одиночестве спать не будет. Нужно и мне переходить в наступление.

– Красавица, меня опять одолел жуткий голод. Есть ли у тебя, чем утешить страдальца?

– Есть, конечно, – улыбнулась она. – Только ешь быстрее, потому что сейчас должны будут хоронить защитников Города. Нужно успеть, пока процессия не вышла за стены.

– Понял. Буду жевать так быстро, как только смогу.

Девушка выдала мне кашу с мясной подливкой, которую я с аппетитом умял, слушая веселое щебетание Рокина с девушкой. Под конец моей трапезы на кухне появилась Марфа и позвала всех присоединиться к проводам. Кинув в рот последнюю ложку, я отодвинул пустую тарелку и вместе со всеми вышел из дома Хагела на улицу, где уже собралась большая толпа. Все мужчины были с факелами, а женщины держали в руках зажженные свечи, так что ночная тьма отступила. Лица горожан были сосредоточены, кое-где я замечал блестящие слезы.

Мда, и теперь придется мне все это терпеть. Я ощущал сонливость после плотного ужина. Эх, вместо этого сейчас бы вздремнуть часочков шесть, а лучше больше, но нет – нужно проводить мертвых в последний путь. Кстати, даже немного интересно, как здесь обстоят дела с загробной жизнью? Есть в их вере рай и ад или что-то типа Валгаллы? Надо будет потом узнать у местного священника.

Внезапно по толпе прошелестел шепоток: «Несут, несут!» и из-за поворота вышла колонна воинов, несшая на своих плечах грубо сколоченные деревянные носилки, на которых лежали завернутые в мешковину тела. А я все думал, куда это бойцы подевались? А они, оказывается, стали важной частью ритуала погребения. Впереди процессии шагал командир Хагел, а рядом с ним шествовал старик с давно побелевшими волосами, одетый в

серый плащ. Священник. Значит, они шли от церкви, вот только не могу понять, зачем? Если церковь находится ближе к воротам, чем дом Хагела, то возвращаться как-то нерационально.

Тем временем процессия поравнялась с толпой, мужчины с факелами неторопливо занимали свои места по бокам колонны, а женщины встали позади нее со своими свечками, прикрывая их от слабого ночного ветерка. Кара, которая стояла рядом со мной, достала из кармашка платья маленькую свечку и присоединилась к процессии, а я подошел к Хагелу, так как факел, разумеется, не подготовил. Траурная процессия продолжала свое неспешное шествие, а я мельком подумал, что здесь довольно рационально подошли к этому делу. Не было непременно атрибута наших похорон – гробов, что я оценил. Правильно, зачем переводить материал? Оглянувшись, я увидел, что воинов на все носилки не хватило, поэтому некоторые несли обычные горожане. Сегодня Город провожал в последний путь девятнадцать своих жителей.

Не торопясь, мы двигались все дальше к северной стене, проходя скорбным шествием по главной улице Города. Когда я уже подумал, что мы собираемся совершить своеобразный круг почета, голова процессии подошла к стене, где находилась небольшая дверца. Так вот оно что! Действительно, зачем проходить через весь город, чтобы выйти из ворот, когда тут есть такой служебный вход, который, похоже, был сделан как раз для таких вот случаев. Священник подошел к двери и распахнул ее, первым выйдя за пределы городских стен. Хагел последовал за ним, а я вышел третьим. Дальше процессия немного затормозила, так как с носилками воинам пришлось помучиться. И если люди Хагела привычно перехватывали их, заводя за спины, то мои парни замешкались и создали пробку.

Вздохнув, я понял, что церемония обещает затянуться, но ничего не сказал, чтобы не нарушить обряд. Когда все вышли из города и вновь построились таким же порядком, священник продолжил неторопливое движение. Мы шли к кладбищу, которое располагалось за северной стеной в пятистах шагах от Города. Кладбище было аккуратным и ухоженным. Ровные ряды плюсов стояли на могилах, украшенные вырезанными на них глазами. Почему плюсов? Да потому что эти деревянные сооружения на кресты, принятые в христианской символике, походили мало. На краю довольно обширного кладбища (дальний его конец достигал лесной опушки) были вырыты свежие могилы, рядом с которыми бойцы и положили мертвые тела.

Все отошли немного назад, а священник неторопливо открыл лица усопших. Я присоединился к своим парням, надеясь, что сейчас дело пойдет быстрее, но нет – священник начал толкать речь. Вот за что я не люблю попов, так это за их умение говорить без умолку, сплетая слова в искусное кружево, которое гипнотизирует тебя, навеивает сон... Покачнувшись, я понял, что и в самом деле чуть не заснул, поэтому решил отрешиться от всего этого и заняться делом, чтобы не тратить время напрасно. Я стал совершенствовать свое плетение защитного кокона, так как уже давно подумывал о том, чтобы превратить его в маскировочную сеть, что позволит мне оставаться незамеченным на местности.

Увлечшись этим, я пропустил все слова священника о героизме защитников, о том, что Единый оценит их старания по достоинству, и прочей дребедени. На этом можно было бы закончить, но святой отец начал говорить о каждом в отдельности, вспоминая все его положительные качества. Мысленно сплюнув, я опять ушел в размышления и понял, что защитный кокон очень сложно будет переработать, гораздо проще создать абсолютно новое плетение, из многих маленьких зеркал, которые будут попарно соединены, передавая изображение от одного другому. Тогда я смогу получить то, что хамелеону и не приснится – идеальную маскировку!

Оторвало меня от размышлений упоминание знакомого имени, и я прислушался к речи священника.

– ...он героически сражался на улицах нашего Города, отдав свою жизнь, защищая его. Справедливо будет, если его командир сам расскажет о своем бойце. Алекс, продолжите, пожалуйста.

Я понял, о ком он говорит, но не горел желанием толкать речь. Я даже не стал

выходить из строя своих ребят, чтобы обратиться ко всем, вместо этого просто сказал:

– Лютый был отличным парнем и хорошим бойцом. Жаль, что он погиб, но я всегда буду о нем помнить.

«Да, я действительно не забуду о нем, – возникла у меня мысль. – Ведь это был первый боец под моим началом, которого я потерял, и, надеюсь, последний».

Священник посмотрел на меня с немалым удивлением, когда я замолчал. Видимо, он ожидал намного большего, но не стал меня упрекать и подвел итог пламенными словами:

– Все они навсегда останутся в наших сердцах!

После этого началось торжественное погребение, с которого я по-тихому смылся. Невежливо? Ничего страшного, обойдется! Я и так потратил на все это больше двух часов моего свободного времени, которое мог бы с пользой провести, хорошенько выпавшись. Ведь завтра с самого утра мне нужно отправляться в эти номерные деревеньки, чтобы поговорить с тамошними жителями.

«Планы грандиозные, – думал я, вернувшись домой и ополаскиваясь водой из бочки. – И заняться ими нужно как можно скорее. Если мои прогнозы верны, то через день или два следует ожидать новой партии кочевников, а если нет, то придется самому отправиться в степь на рекогносцировку».

Чистый и свежий я зашел в дом, улегся на лавку и закрыл глаза. И через пять минут почувствовал, что не один я улизнул с церемонии погребения. Нежные шаловливые пальчики пробежали по моему телу, даря ласку.

– Кара... – прошептал я, поднявшись и сгребая в объятия девушку.

Что было дальше, описывать, думаю, не имеет смысла. Скажу только, что я постарался доставить ей наслаждение. И это, судя по ее сдавленным стонам, мне вполне удалось. Кара оказалась не девушкой, чего я втайне опасался, так как растлением малолетних заниматься вовсе не собирался. Она была уже достаточно опытной женщиной с обалденной фигурой и дикой необузданной страстью. Я старался изо всех сил, сдерживаясь, как только возможно. В этом мне очень помогала картинка той самой ночной бабочки из Ленца, что навечно запечатлелась у меня в памяти. Почему я так старался, хотя очень хотелось закончить все побыстрее и заснуть? Это же элементарно – первое впечатление всегда самое запоминающееся, а я хотел, чтобы Кара приходила ко мне еще неоднократно, пока я буду в Городе.

– Какой же ты ненасытный! – прошептала мне на ухо девушка, обмякнув в очередной раз в моих объятиях.

– Я еще только начал, – ответил я, целуя ее нежную шейку и готовясь продолжить наши упражнения.

Кто бы сомневался, что в этот момент я почувствовал вибрацию монетки у себя на груди.

Демоны, как не вовремя!

Я сжал амулет в кулаке и услышал голос Алоны:

– Алекс, ты куда пропал? Почему не связываешься со мной?

– Алона, я сейчас занят, подожди немного. Через полчаса я с тобой свяжусь, ладно?

– Ладно, – вздохнула гномка.

– Ты только не обижайся, но я действительно не могу разговаривать, – сказал я, успокаивая ее.

– Хорошо, разбирайся со своими делами, я буду ждать! – ответила Алона повеселевшим голосом.

Я прервал связь и опять потянулся к шейке Кары, но та внезапно отстранилась и холодно спросила:

– И кто это был?

– Моя сестра, – честно ответил я, не пытаясь привлечь ее обратно, так как она наверняка отстранилась бы еще больше.

В такие моменты напором ничего добиться нельзя, нужно, чтобы девушка сама

изменила свое мнение и сделала шаг навстречу, потому что настойчивость порождает сопротивление. Если бы я продолжил ее обнимать, то Кара просто вырвалась бы и ушла, даже прекрасно осознавая, что не права. Загадочная женская логика имеет массу характерных и стандартных моментов. Изучив их, можно вполне приемлемо сосуществовать с женщинами, принимая эти выверты как неистребимые баги. А вот если хотя бы попытаться их исправить... Лучше сразу повеситься, потому что тогда будет битва до победного конца, в которой мужчина традиционно уступает, вспоминая известную пословицу про мудрого и глупого.

Моя тактика принесла плоды. Кара хоть и не вернулась сразу в мои объятия, но уже не так холодно уточнила:

– Сестра?

– Да, – подтвердил я и начал сыпать подробностями, подтверждая, что это не банальные выдумки. – Ее зовут Алона, ей недавно исполнилось восемнадцать, а сейчас она осталась совсем одна, так как два ее старших брата отправились на границу сражаться с кочевниками, а сестра Алиса упорхнула с мужем в другое королевство. Все еще не убедил?

– Нет, Алекс, я верю тебе, – смущенно сказала Кара и потянулась ко мне.

«Победа, – подумал я, целуя ее очаровательные груди, налитые соком. – Вот теперь можно и продолжить!»

Меня хватило еще минут на пятнадцать, после чего Кара покинула мой дом, нежно поцеловав меня напоследок. Я лежал на жесткой лавке и чувствовал блаженство. За полгода вынужденного воздержания у меня ничего не атрофировалось, чему я был несказанно рад. Тяжело поднявшись, я вышел во двор и повторил водные процедуры, смывая липкий пот с разгоряченного тела. Жить, как говорится, хорошо!

Вернувшись в дом, я сразу связался с Алоной.

– Привет, сестренка! – радостно воскликнул я. – У тебя там ничего не стряслось?

– Все хорошо, – затараторила Алона. – Я учусь, тренируюсь, читаю книжки...

– Сказки? – хмыкнул я.

– Ты что? Летописи о нашей истории, свод законов и всякую прочую ерунду. Папа решил сделать из меня настоящего посла, представляешь?

– Не представляю, – честно ответил я.

Знания-то получить можно, но вот характер переделать – никак! Алона на роль посла явно не тянула, не тот склад ума, не то мышление, нет в ней прирожденной хитрости и изворотливости. Короче – дохлый номер. Хотя, если Шаракх просто всерьез озабочен образованием дочери, то, возможно, в качестве пряника пообещал ей именно эту должность. Это я понимаю и целиком одобряю, мотивация в таком деле будет явно нелишней.

– А у нас вчера была битва на границе! – заявила Алона.

– Мирин не пострадал? – обеспокоенно спросил я.

– Нет, что ты! Все закончилось нашей окончательной победой! Брат разгромил целый отряд кочевников, насчитывающий полсотни воинов!

Алона продолжала расписывать происшедшее, а я с грустью подумал, что все действительно серьезно. Кочевники от прощупывания перешли к решительным действиям. Первым стал Фантар, но там они получили по зубам, потом настал черед Мардинана и гномов. Везде они встретили отпор и лишились своих воинов, но меня настораживало их количество, отправленное в Город. Неужели они всерьез планируют начать отсюда? Да, об окончательной и бесповоротной победе тут явно говорить пока рановато. Все еще только начинается. Завтра же нужно не только посмотреть на деревеньки, но и максимально укрепить их оборону, а также подумать о том, не рекрутировать ли в Город несколько десятков местных молодцев, которые знакомы с луками не понаслышке.

– Алекс, ты что, не слушаешь? – донесся до меня голос Алоны.

– Конечно, слушаю, продолжай!

– Так вот, через два месяца в королевстве запланированы большие торжества. Там что-то связано с круглой датой открытия первой шахты, потом юбилей какого-то древнего

короля... Я не вникала в это, просто знаю, что будут празднества, и ты должен на них присутствовать.

– Обязательно?

– Конечно! Кто же без тебя будет обряд принятия в семью проводить?

– Да-да. Как только разберусь здесь, сразу к вам.

– Ты уже мне это полгода обещаешь.

– Ну, виноват, – покаялся я и похвастался: – Зато я на досуге раскрыл секрет эльфийской стали, которая столь высоко ценится. Так что как только приеду, доставлю вашим кузнецам множество проблем!

– Здорово! – обрадовалась Алона. – А Расскажи, чем ты еще занимался?

– Да всем помаленьку, – скромно ответил я.

Но Алона все же заставила меня, уже зевавшего от усталости, рассказать о подробностях ночной битвы, а потом долго восхищалась тем, как героически отражали нападение защитники Города. Через несколько минут я почувствовал, что мои глаза уже слипаются, а рот становится открывать все труднее, и сказал сестренке:

– Алона, я сейчас просто отключусь, потому что целый день бегал, а вчера полночи не спал. Давай завтра договорим.

Гномка хмыкнула и прервала разговор, сказав напоследок:

– Ладно, Алекс, приятных тебе снов!

– И тебе, – едва успел попрощаться я.

Вытянувшись на лавке, я внезапно осознал – а ведь нет у меня снов, ни приятных, ни каких-либо еще! И это продолжается с тех самых пор, как я попал в этот мир. Странно, но отчего-то раньше этот факт меня не напрягал, а вот сейчас я вдруг загорелся желанием увидеть хотя бы одно сновидение. Ведь не может так быть, что во время отдыха у человека полностью отключается подсознание! Еще по психологии мы учили, что подсознательное никогда не дремлет и во время нашего сна переваривает полученную за день информацию. Так почему же как только я засыпаю, то просто выпадаю из жизни? Нехорошо это как-то. Получается, что я стал каким-то ущербным. Вроде бы и совсем незначительная деталь, а все равно неприятно. Вздохнув, я расслабился и наконец отключился.

Глава 18 Страх

Проснулся я совершенно разбитым – видимо, вчерашние упражнения очень меня утомили с непривычки. Я потянулся на лавке, ощущая, как затекло мое тело, и внезапно почувствовал дискомфорт. Что-то было не так. Я не мог пошевелить руками. Нет, я их чувствовал, но вот поднять не мог. Создавалось такое впечатление, что меня словно плотно завернули в ковер и завязали его веревкой.

– Что за... – начал было я, открывая глаза, но все слова моментально выветрились из головы.

Я уставился на ослепительно белый свет у себя над головой. Это было весьма странным и сразу же выбило меня из колеи. Я зажмурился, а потом немного поморгал, надеясь, что наваждение исчезнет. Вот только белый свет и не думал пропадать, но постепенно тускнел и под конец превратился в нечто серое, с трещинками... Да ведь это же потолок! Обычный побеленный потолок, которым уже давно никто не занимался – вон и трещинки пошли, а в углу целый кусок побелки отвалился, обнажая железобетонную плиту.

Стоп, какой железобетон, какая побелка в Мардинане? Я лихорадочно огляделся. Большая комната, окна с решетками, железные панцирные кровати, стены, окрашенные синей краской. Что это за место? Я попробовал снова пошевелиться и обнаружил, что туго завязан в простыню, которая стягивала мне руки за спиной, и в следующий миг понял, что это совсем не простыня. Я был завернут в смиренную рубашку!

Я попытался принять сидячее положение. Не с первого раза, но мне это удалось. Голова

плохо соображала, рождая чувство, что вчера я сильно перебрал. Но страх постепенно заставлял мои извилины работать быстрее. Пошевелившись, я услышал шуршание и взглянул на кровать, на которой лежал. Простыня не первой свежести, в каких-то желтых пятнах, а под ней, по всей видимости, расстелена клеенка.

«Больница, – решил я, – вот только...»

– Ярко светит солнышко... Ярко светит солнышко... – донеслось до меня тихое пение справа.

Я повернул голову и увидел, что на соседней кровати спиной ко мне сидит человек и, раскачиваясь взад-вперед, напевает себе под нос первую строчку песенки, повторяя ее снова и снова. Его голос был явно мальчишеским, но лица не было видно. Оглядевшись, я обнаружил, что в комнате есть еще люди. Они тихо спали на кроватях, которых вместе с моей было шесть. Страх ледяными щупальцами обвил мое горло и стал подбираться к самому сердцу, а разум пронзила дикая мысль – да ведь это не просто больница! Это психушка!

– Не может быть! Этого просто не может быть! – прошептал я.

– Ярко светит солнышко... Ярко... – не умолкал человек на соседней койке.

«Нужно действовать», – подумал я и спустил ноги с кровати.

Пол оказался холодным, а мои ноги ватными и непослушными. Пошатываясь, я все же сумел на них устоять, медленно подошел к ближайшему окну и осторожно выглянул. На улице обнаружилось раннее утро, ухоженные клумбы с цветочками, пара асфальтированных дорожек и несколько скамеек. Вдали, за железной оградой, виднелись редкие деревья с зеленой листвой, похожие на березки. Я выдохнул сквозь зубы. Действительно, это была психушка. Вон – и дверь комнаты металлическая, со смотровым окошком, и ручки с этой стороны нет. Я повернулся к человеку, что напевал себе под нос, глядя в окно. К моему удивлению, это был не парень, как мне показалось вначале, а старик лет шестидесяти, невероятно худой и с большой лысиной.

– Где мы? – попробовал я привлечь его внимание, чувствуя, как слова с трудом продираются через непослушное горло.

Старик прекратил раскачиваться, обернулся и посмотрел сквозь меня.

– Что это за место? – повторил я попытку.

Псих только улыбнулся и снова запел:

– Ярко светит солнышко... Ярко светит солнышко...

После этого он опять стал раскачиваться, набирая нужную амплитуду, а я понял, что сейчас сам сойду с ума. Как же я тут оказался, если еще вчера ночью засыпал в Городе? Какая неведомая сила перенесла меня в это место? Или же... Страх сковал мое сердце, когда эта мысль промелькнула у меня в голове. Неужели все мое путешествие, другой мир, эльфы, гномы, все это было только бредом? И я никуда не перемещался, ни с кем не дрался, а все это время лежал здесь, не приходя в себя?

Внезапно, прерывая мои лихорадочные мысли, закрипела дверь и открылась, пропуская внутрь громилу в белом халате, за которым семенил маленький толстенький старичок с козлиной бородкой. У старичка была добродушная улыбка, с которой он и обратился ко мне:

– Ой, смотрите, кто это у нас проснулся... И как сегодня ваше самочувствие?

– Не разобрался еще, – скромно ответил я.

– Ай-яй-яй, – запричитал старичок, подбегая ко мне. – Какой прогресс, какой замечательный прогресс. Мы уже говорим...

Он достал из кармана маленький фонарик и посветил мне в глаза. Я инстинктивно зажмурился, поскольку свет был слишком ярким.

– Нет-нет, – забормотал старичок, – не нужно закрывать глазки. Мне хочется проверить реакцию ваших зрачков. Ну-ка...

Он опять посветил мне в глаза, и я стоически выдержал эту пытку, позволяя ему меня осмотреть. Так как он был на голову ниже, мне пришлось немного наклониться. Закончив

осмотр, доктор спрятал фонарик в карман.

– Доктор, – обратился я к нему. – Вы ведь доктор, я не ошибаюсь?

– Ни в малейшей степени, батенька, – ответил старичок. – Профессор Семенович, да-да, именно Семенович, к вашим услугам.

– Профессор, где мы?

– А вы и не знаете? – всплеснул руками Семенович.

– Я догадываюсь, но хотел бы услышать это именно от вас.

– Что ж, батенька, напомним вам, что это областная психиатрическая больница.

– Мля-я-я... – протянул я.

Подозрения подтвердились: я угодил прямиком в «желтый дом».

– А за что меня тут держат? – поинтересовался я.

– Знаете что, батенька? – добродушно улыбнулся Семенович. – Пойдемте-ка в мой кабинет и спокойно поговорим обо всем. Я вас чаем напою, с сухариками!

– Конечно, профессор, – не стал возражать я. – А можно с меня снять смиренную рубашку, а то руки слегка затекли?

Фокус не прошел. Старичок хитровато улыбнулся и погрозил мне пальцем.

– Но-но, больной. Вы ведь только неделю назад буянили и размахивали руками, бегали по больнице и пугали пациентов. А Мише, который вас пытался утихомирить, даже зуб выбили, – Семенович показал рукой на бугая, который смерил меня злым взглядом, показывая, что, в отличие от меня, прекрасно все помнит.

– Хорошо, как скажете, профессор.

В моем положении лучше было не возникать, поэтому я без споров пошел за профессором из комнаты, провожаемый тихим пением психа. Кабинет профессора был на втором этаже, на который мы поднялись по лестнице. Меня еще пошатывало, так что бугай Миша взял меня под локоток, дернув так, что я начал живее переставлять ноги. Если я споткнусь и рухну тут, на лестнице, никто, кроме меня, особо переживать наверняка не станет.

Открыв дверь, украшенную маленькой пластиковой табличкой с надписью «Проф. Семенович», доктор пригласил меня зайти и сам вошел следом. Миша остался снаружи, что меня несказанно обрадовало.

– Садитесь, больной, – указал мне доктор на табуретку, стоявшую напротив стола, а сам прошел и уселся в дорогое кожаное кресло, с комфортом откинувшись на спинку.

Я подошел и осторожно присел на табуретку, машинально отметив, что она на четырех ножках, а потом спросил:

– Вы не могли бы рассказать, почему я здесь вообще оказался?

– А вы так ничего и не вспомнили? – радостно оскалился доктор. – А ну-ка, проверим вашу память!

Он достал из ящика стола папку, раскрыл и положил перед собой.

– Как вас зовут, батенька? – обратился он ко мне.

– Алекс... в смысле, Алексей Ветров.

– И что вы помните последнее, Леша?

– Ну, я помню, как я лезу на одну горку, которую мне посоветовали приятели, чтобы посмотреть на закат. Внезапно трава под моей рукой вырывается из земли, нога соскальзывает, и я кубарем лечу по склону...

– Отлично! Просто превосходный результат! – обрадовался Семенович. – Моя методика дает отличный эффект!

– Прошу прощения, но все же поясните мне, как и почему я здесь очутился? – перебил я радость профессора.

– Ну, это объяснить совсем просто. Ваши приятели обеспокоились, что вас не было утром, и сами пошли к той горке, возле которой и нашли вас. Леша, вы были без сознания, с серьезной черепно-мозговой травмой. После недолгого курса лечения в больнице вы пришли в себя, но потеряли способность адекватно мыслить. Вы часто несли непередаваемую

тарабарщину, а иногда начинали бить всех, кто находился рядом, поэтому ваши родители поместили вас именно сюда, поручив моей заботе. А я перепробовал на вас множество разных методик, но все они не приносили вам просветления. И вот только вчера я решил испытать на вас новый препарат... между прочим, мое личное изобретение! – похвастался профессор. – И он дал поразительный результат! Вы пришли в себя, способны общаться и здраво мыслить! Теперь я покажу им всем, что значит не признавать моих талантов, я докажу...

Профессор сжал кулаки и начал выкрикивать оскорбления в адрес неведомых мне недоброжелателей, а я сидел и ошарашенно размышлял. Все, чем я жил последние полгода, весь этот новый мир, все мои новые знакомые, абсолютно все оказалось лишь красочным сном, и теперь пришло время очнуться в реальности. Вот так и приходит конец мечте, вздохнул я. Минуту назад ты засыпал эльфом, от которого зависела судьба немаленького человеческого поселения, а проснулся душевнобольным в смиренной рубашке.

– Доктор, – обратился я к Семеновичу, продолжавшему потрясать кулаками. – А когда же мне можно будет покинуть это заведение?

– Что? – не понял профессор. – Ах да, еще не скоро, очень не скоро.

– Почему? – изумился я.

– Ну, я же должен убедиться, что у моего препарата действие постоянное, а не временное. Знаете, батенька, я совершенно уверен, что возможен рецидив, поэтому мой препарат сегодня вам нужно будет еще раз ввести. Сейчас-сейчас...

Семенович начал копать в ящике стола, а затем извлек оттуда запечатанный пятикубовый шприц и прозрачную бутылочку с ядовито-зеленой жидкостью. Распечатав шприц, он наполнил его этой дрянью и выпустил пузырек воздуха, капнув струйкой зеленой жидкости на папку с моей историей болезни.

– Так, батенька, а сейчас мы сделаем вам укольчик...

Он поднялся из-за стола и с явно недобрыми намерениями подошел ко мне.

– А это действительно необходимо? – с испугом спросил я.

– В принципе, можно было бы и обойтись, так как риск слишком велик, – пробормотал профессор. – Но необходимо закрепить полученный эффект! Ну-ка, привстаньте немного.

Я поднялся и отошел подальше от профессора.

– Если такой большой риск, может быть, не нужно...

– Так-так, больной сопротивляется, – улыбнулся профессор и крикнул: – Мишенька!

На его зов дверь раскрылась, и на пороге нарисовался бугай. Подошел ко мне, схватил за руку и дернул к себе. А дальше мое тело среагировало само. Я одним точным ударом пятки сломал лодыжку бугаю. Тот охнул и стал заваливаться на меня, но я отскочил и подставил коленку для его челюсти, которая с хрустом с ней соприкоснулась. А уже после того, как тело санитаря рухнуло на пол, ударил стопой в шею бесчувственному Мише, ломая ему позвоночник. Бугай дернулся разок и затих у моих ног, а я понял, что теперь мне назад дороги нет. Я же убил человека, а это не шутки! Я повернулся к профессору и увидел, что он уже поднял трубку телефона, лежащего на столе. Смотри на меня расширенными глазами, он прокричал в нее:

– Это Семенович, пришлите санита-а-а!..

Это моя нога ударила его в низ живота, и крик захлебнулся. Выше мне поднять ее не позволила смиренная рубашка. Поэтому я ударил согнувшегося профессора сбоку в коленку, дробя сустав, а затем наступил ногой на горло, прерывая стон и жизнь светила медицинских наук. Начав, я уже не имел права останавливаться. Стремительно выбежав за дверь, я лихорадочно начал просчитывать варианты. Проще всего было вырваться через главный вход, пока его не перекрыли, поэтому я побежал к лестнице. Но по ней уже поднимались три дюжих молодчика в белых халатах и с резиновыми дубинками в руках. Это было для меня слишком. С двумя я бы еще связался, но трое мне были явно не под силу. Вот если бы снять смиренную рубашку...

Я бросился обратно, осматривая окна. Везде решетки, не выпрыгнешь. И тут меня

осенило – в кабинете у Семеновича решеток не было! Слыша топот санитаров, догоняющих меня, я ворвался в кабинет профессора. Так и есть – окно оказалось незащищенным. Разбежавшись, я оттолкнулся от пола и ласточкой прыгнул в него. Вот только маленько недооценил крепость стекла. Да, оно разбилось, острой бритвой располозовав мне лицо и затылок, но сильно замедлило скорость моего прыжка. Именно поэтому я зацепился ногами за раму и дальше полетел уже вниз головой. Последним, что я увидел, был быстро приближающийся асфальт...

Я подскочил на лавке, едва сдержав рвущийся наружу дикий крик, и лихорадочно огляделся. Я был в своем только сегодня отмытом доме, на деревянной лавке. Вокруг была темнота, а за окном небо только-только начинало светлеть. Я с трудом унял бешено колотившееся сердце, краем сознания слыша тихий шепот: «Ты хотел... хотел...»

– Нет, – решительно прошептал я. – Таких снов мне больше не нужно! Пускай будет тьма, пускай угольно-черная яма, но не такие кошмары! Достаточно! Не нужны мне никакие сны, и без них неплохо!

Я облегченно повалился обратно на лавку, вытер со лба холодный пот. Нет, что-то со мной явно неладное творится. И ведь далеко не в первый раз я замечаю, как на краю моего сознания появляется этот странный шепот. Что это, раздвоение личности или кое-что посерьезнее? Про второй вариант думать не хотелось, так как он был весьма страшным, а страха я во сне сегодня достаточно натерпелся. Надо же, какой реальный кошмар приснился! Я ведь уже практически поверил, что все, случившееся со мной, было лишь моей фантазией!

Вздохнув и немного успокоившись, я повернулся на бок и постарался уснуть. Но лишь минут через двадцать вновь ощутил, как рядом со мной возникла расплывчатая фигура. Она наклонилась и ласково провела рукой по моей щеке.

– Спи, Алекс... – услышал я тихий шепот и понял, что это вновь пришла моя подруга темнота.

Нет, не так... Моя подруга – Темнота. Теперь я понял, что это действительно имя, которое я дал сущности, что постоянно была рядом со мной, облегчая мои страдания и даря необходимый мне отдых. Что ей было от меня нужно, зачем и почему она находится рядом со мной – сейчас все это для меня было не важно. Она – моя подруга и никогда не причинит мне зла, в этом я был абсолютно уверен. Именно потому я лишь улыбнулся, почувствовав ее нежное прикосновение.

«Хорошо», – мысленно прошептал я в ответ и почувствовал, как Темнота подхватила мое сознание и унесла в неведомые дали.

Я проснулся поздно утром, чувствуя себя прекрасно отдохнувшим и полным энергии. Сделав небольшую разминку во дворе, умылся остатками воды из бочки, оделся, нацепил оружие, уже давно ставшее неотъемлемой частью тела, сунул в карман куртки флягу с лимэлем и пошел завтракать.

В столовой толпился народ. Я поздоровался со всеми и сразу же прошел на кухню, взяв там пару тарелок с едой из рук сияющей Кары. Быстро прикончив свою порцию, я направился к Хагелу.

– Доброе утро! – весело поздоровался я с командиром, сидевшим за столом и подсчитывавшим что-то на клочке бумаги.

– Доброе, Алекс, – поприветствовал он меня в ответ. – У нас намечается небольшая проблема, так как железа, которое ты сделал королевским амулетом, не хватает на все, что необходимо. Придется или отказываться от кинжалов, или делать меньше мечей.

– Плохо, – пробормотал я. – Но ведь железа было вполне достаточно, почему же так вышло?

– Видишь ли, Алекс, сегодня утром мы подсчитывали с Вашуном, сколько нужно металла для доспехов. И пришли к выводу, что после того как все парни будут закованы в непробиваемую сталь, у нас останется разве что третья часть, а может, и того меньше.

Я вздохнул:

– Тогда нужно отказываться от вторых мечей для каждого, так как кинжалы будут

более необходимы воинам, а качественно овладеть двуручной техникой за короткий срок все равно не получится.

– Так и сделаем.

– А как там с лошадьми? Нужно уже начинать учить моих ребят. Есть ли у вас люди, которые смогут этим заняться?

– Найдутся. Только я все равно полагаю, что это напрасная трата времени.

– Поверьте на слово, так нужно! – уверенно сказал я, поднимаясь. – Начинайте обучение немедленно, а я сейчас отправлюсь в деревни, чтобы на месте разобраться с их обороной и посмотреть, как помочь им защититься от кочевников. Ну и заодно попробую решить вопрос с пополнением, потому что оборонять такой большой населенный пункт всего полусотней воинов будет тяжело. Вы же не будете против, если я попробую набрать новичков из деревенских?

– Это гиблая затея, – ответил Хагел. – Я уже пробовал обращаться к старостам деревень с подобным предложением, но один говорит, что ко мне никого не отпустит, а второй и рад бы, но только деревенские сами не хотят получить шальную стрелу от кочевников. А такие трусы мне даром не нужны.

Я задумчиво потер лоб. Похоже, идея с пополнением накрывалась медным тазом. Ладно, на месте разберусь.

– А к деревням ведут какие-нибудь дороги? – спросил я. – А то на вашей карте я их что-то не нашел.

– Так вы же все по ней и приехали, – удивился командир. – Если пойдешь назад, то через три часа ходьбы слева должна появиться тропинка, ведущая к Первой, а чуть дальше справа появится дорожка, которая ведет ко Второй.

– Ясно. А много ли у нас луков лежит в оружейной?

– Да сотни две наберется. А что?

– Возможно, я отправлю кого-нибудь из деревень за этими луками, так как подозреваю, что хорошего оружия у них там совсем нет.

– И то верно! Сумеют при случае хотя бы напугать степняков.

Я заверил Хагела, что к вечеру должен вернуться, и отправился в загон к лошадям. Выбрав там знакомую пегую кобылу, оседлал ее и поскакал к воротам. Выехал из Города и отправился дальше по дороге, которая еще недавно привела сюда мой отряд. Особо не спешил, берег силы животного и где-то через час увидел слева едва заметную тропинку, на которую и свернул.

Спустя минут пятнадцать впереди показалась Первая деревенька. Она была средних размеров и насчитывала домов тридцать. Местные жители сразу же обратили на меня внимание, видимо, гости тут нечасто бывали. Спрыгнув с лошади, я поинтересовался, где тут можно найти старосту, и аборигены тут же отвели меня к одному из домов, с удивлением рассматривая мой внешний вид. Видимо, с эльфами им еще не приходилось сталкиваться. Старостой оказался мужичок лет сорока с мудрыми глазами и широкой улыбкой. Когда я представился и сказал, зачем приехал, он сильно обрадовался и пригласил меня отобедать, хотя полдень еще и не думал наступать. Я вежливо отказался и расспросил его о делах в деревне.

Добыча нужной мне информации не заняла много времени. Вскоре я знал, что деревенька является самой обычной, каких много раскидано по всему Мардинану. Живет она в основном тем, что выращивает на полях и собирает в лесу. Охоты тут практически нет, так как крупнее зайца в здешних лесах дичи не водится. В каждом дворе есть своя скотина, которая дает молоко, шерсть и мясо, а в широком ручье, что протекает неподалеку, водится рыба. Поинтересовавшись, не замечали ли жители тут чего необычного, я узнал, что всюду царит спокойствие и о кочевниках ничего не слышно. Я предупредил старосту, что теперь может и пройти такой слух, поэтому им весьма желательно подготовиться.

Заикнувшись о наборе в армию, я получил недоуменный взгляд и узнал, что в деревне проживает всего семьдесят человек, способных держать оружие, но реальный отпор

нападающим могут дать всего десятеро, которые никак не хотят уходить с насиженного места. Хагел уже пытался их уговорить месяц назад, но так и не преуспел. Тогда я просто приказал старосте сегодня же отправить в Город нескольких жителей и взять там с полсотни луков и стрелы, чтобы хоть как-то вооружить народ. Стрел я попросил много не брать, так как в деревне был свой кузнец, который спокойно мог выковать наконечники для новых.

Староста в ответ на мой приказ лишь скептически хмыкнул, и тогда я рассказал о недавней атаке на Город, предупредив, что даже если деревня подаст сигнал о нападении, помощь придет не раньше, чем через полчаса. А за это время кочевники вполне могут вырезать всех жителей и спокойно убраться восвояси. Только тогда староста наконец проникся моей идеей и помрачнел, представив себе такую картину, а я достал из кошелька пару серебрушек, сосредоточился и поместил в них разработанное мной плетение. Отдав одну из монет старосте, я объяснил, как ею пользоваться, и предупредил, чтобы он докладывал мне не только в тот момент, когда понадобится помощь, но и если вдруг возле деревни будут замечены лазутчики кочевников. В ответ он заверил меня, что все сделает в лучшем виде и сейчас же пошлет людей за луками, а потом заставит всех жителей усиленно с ними тренироваться.

Я поблагодарил его и коротко простился. Так, этих вроде бы предупредил. Запрыгнув на лошадь и выехав на тропинку, я подумал, что вряд ли жители этой деревни, даже вооруженные луками, сумеют сильно задержать кочевников. Если мне нужно всего полчаса, чтобы добраться сюда, то в самом лучшем случае я приеду в тот момент, когда от жителей останется едва половина. Печально, но ничего с этим поделать нельзя, ведь моментально перемещаться на большие расстояния я еще не научился. Кстати, интересно, существует ли здесь такое плетение, как телепорт? В эльфийских книгах о таком не упоминалось, но, может быть, имперские маги знают об этом? А что, было бы здорово: сделал шаг – и ты уже за тысячу километров. Фантастика, блин! Эх, нужно поскорее разобраться с кочевниками, чтобы со спокойной совестью отправиться к гномам, подзаработать у них денег и отправиться в имперскую Академию...

Строя такие радужные планы, я свернул на широкую дорогу и поехал дальше. Через некоторое время уже справа показалась заросшая травой тропинка, которую я не сразу и разглядел. Свернув на нее, я подумал, что Вторая деревня наверняка совсем заброшена, раз этой тропинкой никто не пользуется.

Однако это оказалось совсем не так. Первое, что мне бросилось в глаза, был высокий забор с крепкими воротами, отгородивший деревню от внешнего мира. И хотя ворота были нараспашку, я понял, что характер местных жителей довольно сильно отличается от аборигенов Первой деревни.

На воротах дежурил парнишка, который при моем появлении сразу закричал:
– Гости!

Тотчас из близлежащих домов вышли несколько мужчин, сжимавших в руках кто лопату, а кто и вилы. По их настороженным лицам я понял, что они долго раздумывать не будут, прежде чем пустить их в ход. Спрыгнув с лошади, я представился, заставив аборигенов немного расслабиться и провести меня к старосте. Им оказался крепкий пожилой мужичок, который назвался Залином. Узнав, кто я и что мне нужно, он улыбнулся и пригласил гостя отобедать, прежде чем вести серьезные разговоры. Я на этот раз отказываться не стал и плотно поел с гостеприимным хозяином, у которого даже нашлась кружечка приличного пива для гостя. Чувствуя приятную сытость, я начал узнавать необходимые мне сведения.

Оказалось, что в деревне около сорока домов и почти двести жителей, считая детей и стариков, хотя последних практически и не было. Жили они так же и занимались тем же, что и жители Первой деревни. Выяснилось, что раньше они проживали немного южнее, рядом с городом Железным, а переселились сюда после того, как их прежнюю деревню сожгли кочевники. Именно поэтому они построили такой высокий и крепкий забор, чтобы впредь было удобнее защищаться от грабителей. Узнав об этом, я поинтересовался, знают ли они о

жителях Первой деревни.

– Дураки! – ответил староста. – Живут на границе, а защищаться даже не думают! Кочевникам они на один зуб, уж я-то знаю.

Тогда я поинтересовался, как же местные сами собираются отбиваться от степняков, на что Залин заявил:

– У нас, почитай, сорок сильных мужиков, которые имеют свое оружие. Чай, недостатка в железе мы не знаем, сумели запастись, так что отобьемся.

– От скольких? – уточнил я.

– А ежели нужда заставит, то и от полусотни отобьемся! – решительно заявил староста.

Я живо обломал его воинственный пыл, рассказав о том, как на Город недавно напало втрое большее количество захватчиков, так что настолько самонадеянно вести себя все же не нужно. Староста задумался, а я рассказал ему о своем плане вооружить жителей луками, чтобы хоть задержать кочевников в случае чего. Залин выслушал меня и одобрил эту идею. Тут же послал своего сынишку за несколькими дюжими деревенскими парнями и приказал, чтобы те без промедления отправились в Город. Я еще больше зауважал деятельного старосту и точно так же снабдил его своим амулетом, чтобы мог сообщить в случае чего. Напоследок я попробовал попросить Залина отпустить десяток молодцев в Город на подмогу, но наткнулся на отказ.

– Ты пойми, паря, – сказал староста, – ежели я своих пошлю, то кто тут останется защищать деревню? Какой мне прок, если они в Городе головы сложат?

– Но ведь именно Город стоит на пути кочевников, – попробовал я убедить Залина. – Именно его нужно защищать в первую очередь, потому что как только его не станет, степняки доберутся и до вас!

– Вот как не станет, так и будем думать! – отрезал староста. – И вообще, мое дело – сторона. Я здесь не границу охраняю, а о благе односельчан думаю, так что пусть об этом король заботится, чай, каждый год налоги платим.

Справедливо и вполне оправданно. Так что любые мои аргументы здесь не помогут, да и не нужны они. Город и так обречен. Причем обречен изначально, еще при строительстве. Когда-нибудь его все-таки захватят степняки и сожгут дотла, а потом Фариам прикажет на этом месте построить новый, который наверняка также не успеет получить название... Я вспомнил длинные ряды плюсов на городском кладбище, которых на первый взгляд было явно больше пяти сотен, и подумал: сколько же городов на этом месте превращались в пепелища и как сказочный феникс снова возрождались? Вот теперь мне стало понятно, почему Хагел сам не мог набрать пополнение в свой отряд, а только посылал просьбы королю. Так что на картине окружающего мира появился еще один мазок.

Я объяснил старосте, как пользоваться разговорником и, уже собираясь распрощаться, спросил:

– А вообще у вас тут ничего странного не происходило? Лазутчиков вражеских не замечали?

Староста почесал бороду и неуверенно ответил:

– Лазутчиков вроде не было, а странного... Нет, вам, наверное, это будет совсем неинтересно.

– И все же? – я был заинтригован.

– Да объявился в округе недели две назад один зверь странный. Нападает на наших овец, но есть не ест, а только убивает. Уже три случая было, и два раза пастух только тень успевал заметить, а в последний раз мы с мужиками сторожить вышли, так я и сам успел его рассмотреть. На волка сильно похож, но намного крупнее и следы оставляет странные. Сроду в наших лесах такого не водилось!

– Убить пытались?

– Вот как раз в третий раз наш Шалый застал его прямо над овечьей тушкой, так даже замахнуться не успел, как эта тварь в кусты бросилась.

– Да, это весьма странно... – пробормотал я.

– Вот тут как раз ничего странного-то и не было! Шалый ведь перед тем как сторожить, для храбрости принял чарку-другую браги, так что и не успел спяну-то. Зато потом сказки всякие рассказывал, будто примерещилось ему, что тот волк очень на человека был похож, вот только враки это все. Зверь, он и есть зверь!

– А давно последний случай был?

– Так, почитай, уже дня четыре прошло. Сегодня должен объявиться, мужики уже засаду приготовили, ждут.

– Так он что, среди дня нападает? – удивился я.

– А ты, что ли, думаешь, что мы овец среди ночи пастись выводим? – усмехнулся Залин.

– Мда, – выдохнул я. – Загадка.

– А присоединиться не желаешь? Не убьешь, так хоть поглядишь на нашу напасть.

– А что, было бы совсем неплохо!

Все равно мне делать до вечера было нечего, кочевников ожидать сегодня глупо, а заняться чем-то нужно. Почему бы и не охотой?

– Тогда пошли, – сказал староста. – Я сейчас тоже туда схожу, мужиков сменю, а то с самого утра сидят, болезные, еще даже и не обедали...

Глава 19

Зверь

Поднявшись, староста прихватил свою сабельку, которую снял со стены. Ох, не прост был Залин, весьма не прост. Вполне возможно, раньше он служил в армии, раз сумел так грамотно наладить оборону деревни и завел в ней весьма строгие порядки. На такого человека вполне можно положиться и не лезть с ненужными советами. Он сам прекрасно знает, что можно противопоставить кочевникам, вот только почему же тогда свою прежнюю деревню не смог уберечь?

Я вышел вслед за старостой из дома и начал раздумывать над странностями в поведении зверя, а таких было предостаточно. Во-первых, это убийство скота не ради мяса. Любой хищник обязательно начал бы есть тушу на месте или хотя бы попытался уволочь ее к себе. Зачем же еще убивать? Возможно, ради крови? Кто его знает, может быть, в этом мире существуют еще и вампиры, не боящиеся дневного света и брезгующие людьми. Моя память об этом молчала, хотя при жизни в эльфийском селении я изучил многие разумные и неразумные расы. А еще одна странность – это как раз нежелание зверя убивать людей. Ведь, насколько я понял, при его третьем появлении пьяный охотник застал его над убитой овцой, так что же помешало ему вцепиться человеку в горло? Запах алкоголя? Не слишком убедительно и на причину никак не тянет.

Так же меня очень настораживал рассказ о человекоподобии этой твари, что сразу же ставило ее в число тех, которых нужно опасаться больше всего. Если бы это была обычная кашна, я бы просто вышел к ней и попытался договориться, может быть, даже уговорил поохотиться на кочевников. С кэльвами, я уверен, также никаких проблем не возникло бы, но эта неизвестная тварь... Кто она?

Так, в раздумьях, я со старостой дошел до большой зеленой поляны, окруженной стеной кустов и деревьев, на которой мирно паслась отара овец голов так в пятьдесят.

– Вот мы и пришли, – сказал Залин. – Занимай место, которое тебе приглянется, а я пойду мужиков наших сменю.

– А что, мы всего вдвоем сторожить будем? – уточнил я.

– А ты боишься, никак? – хитровато взглянул на меня староста.

– Нет, просто удивляюсь.

– Да не хочется мне напрасно каждый день по целому десятку выставлять. Два дня назад так и сделали, а эта зверюга и не появилась. Вот даже сегодня непонятно, выйдет она на охоту или же решила перебраться отсюда подальше. – Староста почесал в затылке и

закончил: – Ничего, нам ведь ее голова и не нужна, лишь бы только овец больше не резала.

– Понятно, – кивнул я. – А сколько же нам тогда ждать придется?

– Тварь всегда нападала в обед, так что нужно будет посторожить до вечера, когда овец обратно в деревню поведем. Так, на всякий случай.

Я огляделся магическим зрением, но никакой твари в окрестностях не обнаружил, зато нашел две неподвижные человеческие ауры в кустах на другой стороне поляны. Судя по всему, они просто спали, поэтому я оглядел местность уже обычным зрением и решил устроиться на большом раскидистом дереве, чтобы с высоты было прекрасно видно всю отару и сторожевой пункт под теми кустиками.

– Я устроюсь вон там, – махнул я рукой, показывая старосте на дерево.

– Ну, тогда я пойду к своим, – ответил Залин и отправился на другой конец поляны.

Я подошел к дереву и ловко на него забрался, устроившись на трех ветвях, что образовывали весьма удобное место. Зеленые листья скрывали меня, но совсем не мешали обзору. Можно было бы, конечно, возразить, что при ближайшем рассмотрении все равно моя позиция заметна издали. Вот только не нужно учить эльфа прятаться на дереве! Если я захочу, меня и белка, что обосновалась в дупле над моей головой, будет считать всего лишь еще одной веточкой.

Обозревая окрестности со своего насеста, я прислушивался к ругани старосты. Он распекал своих односельчан за то, что они притащили с собой фляжку местной браги, которую уже умудрились «выжрать без закуси». После пары довольно увесистых затрещин Залин отправил пошатывавшихся мужиков обратно в деревню, а сам остался на их месте, слегка замаскировавшись в кустах. Надо было лук с собой взять, посетовал я, максимально расслабившись. А теперь в случае появления твари придется идти на сближение и резать ее клинками. В крайнем случае метнуть их. Ведь если я применю магию, староста этого может просто не понять, а у нас только-только с ним наладились отношения...

Настроившись на длительное ожидание, я замер, в моем теле живыми остались только глаза, изредка сканирующие местность. Все было тихо, ничто не предвещало беды. Я грустно подумал, что сидеть тут придется до вечера. Столько времени зря потеряю! Не буду же я, сидя в засаде, разрабатывать новые плетения, потому что обязательно настолько задумаюсь, что пропущу появление не только твари, но и целого взвода кочевников.

«Нужно было отказать», – мелькнула в голове последняя мысль, а потом я просто выключился, стал бездумным автоматом, фиксирующим малейшие изменения в картинке передо мной.

Ничто не изматывает так, как ожидание, и не мне вам об этом рассказывать. Порой изведешься настолько, что будешь каждую минуту поглядывать на часы, мельком удивляясь, отчего это время так медленно тянется. Мне приходилось на Земле просиживать, простаивать, в общем, проводить время в очередях. Тогда у меня банально не хватало терпения, чтобы просто ждать. Я всегда старался себя чем-нибудь занять – играл на мобильнике, рассматривал вывески и плакаты, читал книги, которые предусмотрительно брал с собой. Правда, от книг я впоследствии стал отказываться, так как произошел со мной один случай, когда я зачитался и пропустил не только всю очередь, но и время закрытия того заведения, где сидел с четырех вечера. И хорошо хоть уборщица открыла для меня дверь своим ключом, иначе пришлось бы заночевать там...

А эльфу, которым я наполовину являлся, было довольно смешно вспоминать об этом, ведь с самого детства нас готовили к длительным дежурствам на границе леса. Нас учили часами оставаться неподвижными, да еще иногда и в очень неудобной позе, когда сложно даже вдохнуть полной грудью. Эти уроки я хорошо усвоил, и они здорово выручали меня в дальнейшей жизни. Так, например, я узнал, где хранится ключ от склада с оружием, выведал, где учитель прятал несколько весьма интересных книг, которые отчего-то мне не показывал, подсмотрел, как... Да много еще чего я сделал благодаря приобретенным навыкам. А умение выбрасывать из головы все мысли прошло жестокую проверку, когда я целый час просидел, наблюдая за тем, как мой наставник занимается любовью со своей тогдашней избранницей.

Это вообще глупо получилось, ведь я тогда следил за старейшиной, но пришлось понаблюдать именно за этим процессом. В то время я уже начал обучаться магии, да и вообще был вполне созревшим эльфом, для которого уже не являлось секретом, откуда берутся дети, поэтому данное наблюдение принесло мне колоссальные знания техники, которые я, однако, так и не сумел опробовать. Самое смешное, что на следующий день мой наставник подошел ко мне и заявил, что обучать скрытности меня больше незачем, так как я отлично усвоил все уроки. После этого заявления я все же догадался, что каким-то образом был обнаружен, и на досуге, которого у меня было не так много, продолжал совершенствовать свои навыки.

Прошел час, за ним второй. Я отмечал, что солнце начало медленно клониться к закату, но не подавал признаков жизни. Маленькая белочка несколько раз прошла по моей спине, занятая своими делами, овцы внизу неторопливо жевали траву, щебетали лесные птицы. Староста уже извелся под своим кустиком, отмахиваясь от насекомых, почесываясь, и наверняка не раз пожалел, что не захватил с собой заветную флягу, которая бы заметно помогла скрасить ожидание. Кусты, за которыми он сидел, слабо шевелились. Нет, искусству маскировки его явно не обучали.

Оглядывая в очередной раз поляну, я отметил слева шевеление. Оно было слабым, поэтому я поначалу даже не обратил на него внимания, но шевеление повторилось. Началось, понял я, заметив серую тень, стремительно перебегавшую от одного дерева к другому. Со своего места мне не удавалось четко рассмотреть зверя, лишь было заметно, что лапы у него непропорционально большие и длинные. Я начал прикидывать варианты. Метнуть в него клинок у меня отсюда не получится. И не в том дело, что не доброшу, просто зверь вполне может увернуться и удрать. Значит, нужно выждать момент и спускаться на землю.

Зверь, удостоверившись, что все тихо и спокойно, появился на поляне во всей красе. Теперь я смог хорошо его разглядеть. Голова его явно походила на волчью, но уши отчего-то были совсем небольшими и напоминали человеческие, задние лапы оказались длинными, а туловище худым и коротким. Все тело зверя было покрыто густой серой шерстью и казалось каким-то нерациональным, чужеродным. Последний гвоздь в гроб теории о волке забило то, что на краю поляны зверь поднялся на задние лапы и повертел башкой.

Нет, это не волк. Это создание точно раньше было человеком, но в какой-то момент превратилось в зверя, приобретя некоторые волчьи черты. Убедило меня в этом наличие на передних лапах зверя пяти длинных пальцев. У зверей такого быть не может, ведь им это и даром не нужно. Так по теории эволюции получается, а вот человеку без них просто невозможно обходиться. Теперь вполне понятно, почему эта тварь не нападала на людей. Возможно, будучи человеком, она отличалась мягким характером, исключавшим даже мысли об убийстве себе подобных. Но тогда зачем она режет скот?

Зверь тем временем вновь опустился на все четыре лапы и припустил к стаду, тревожно заблеявшему при виде хищника. Находился он как раз между мной и старостой, зайдя с неохваченной дозорами стороны поляны. Дождавшись, когда он приблизится к отаре на расстояние трех прыжков, я сиганул с дерева, выхватывая из-за спины клинки и до смерти перепугав бедную белочку, которая быстрее молнии юркнула в дупло. Мягко приземлившись на ноги, я со всей возможной скоростью побежал к зверю. Вот только не учел, что и староста, также увидев объект охоты, кинется ему навстречу, крича и размахивая саблями.

Вот дурак. Нужно было дать зверю прикончить одну овцу, чтобы он на нее отвлекся, а затем просто снести кудлатую башку с плеч, прекратив нападения раз и навсегда. А староста же просто стремился отогнать хищника, чтобы тот через несколько дней появился снова. Глупо и непродуктивно! Зверь, услышав вопли Залина, остановился в нескольких метрах от испуганных овец, развернулся и припустил наутек, не дав мне добежать до него всего шагов тридцать. Не отчаиваясь, я метнул в него один из своих клинков, но хищник внезапно отпрыгнул в сторону, и клинок бессильно пронесся мимо.

Вот оно, настоящее звериное чутье. Оно сродни моей интуиции, а значит, его можно перехитрить. Я достал из ножен кинжал, метнул второй клинок в зверя и запустил следом кинжал. Зверь, подчиняясь своему инстинкту, отпрыгнул влево, пропуская меч, но кинжал разрезал ему левое плечо. Споткнувшись, зверь, тем не менее, добежал до ближайших кустов и скрылся в них. Швырять в него лезвием, которое держал наготове, я не стал, поскольку рядом со мной стоял тяжело дышавший староста. Его бы точно заинтересовало, почему это вдруг впереди неведомой силой срезаются кусты и деревья.

– Не рассчитал, – пробормотал я, сетуя на то, что кинжал, что должен был пронзить сердце твари, только поранил ее.

– Да ты просто мастер, Алекс! – восхищенно сказал Залин. – Где ты так здорово научился клинки метать?

– Долгая история, – отмахнулся я. – Я сейчас пойду за ним. Зверь ранен и далеко уйти не сможет, нужно его добить по-быстрому.

– Я с тобой! – с готовностью поддержал меня староста.

Ну уж нет, свидетели мне не нужны! Не будь старосты, тварь бы уже давно лежала посреди поляны, располосованная лезвиями на почти ровные кусочки.

– Нет. Тварь может вернуться, чтобы напасть на овец, так что кому-то придется остаться здесь, – заявил я Залину.

Тот засомневался, но я добавил с улыбкой:

– У вас же получилось уже один раз ее отогнать, а так громко кричать я вряд ли сумею.

Староста с серьезным видом кивнул:

– Добро, посторожу!

Не теряя времени, я побежал по следам зверя, подобрав по пути свои клинки. Следы были четкими, тварь ломилась сквозь кусты, не обращая внимания на маскировку, а на траве в некоторых местах виднелись капли крови. Видно, поранил я зверя довольно сильно. Вскоре я понял, что зверь сменил направление и стал забираться к западу, поближе к Городу. Спустя еще десяток минут я увидел, что отпечатки его лап становятся малозаметными, и перешел на шаг. Зверь замедлился и сталлизывать рану, понял я, не обнаруживая каплю крови дальше по пути. А вот тут он встал на задние лапы, совсем как человек. Теперь нужно опасаться засады, так как даже загнанная в угол крыса может серьезно ранить.

На всякий случай я активировал защитный кокон. Хотя он заметно уменьшает радиус действия моего магического зрения, зато сможет уберечь от когтей зверя. Кто его знает, сколько там заразы. А если это мутация, вызванная каким-то вирусом? Нет, я понимал, что это бред, но десятки фильмов на эту тему заставляли меня задуматься над возможностью передачи этой заразы через кровь или в результате царапин от когтей. Надо будет Залину сказать, чтобы больше не выводил никогда овец на ту полянку, ведь там осталась звериная кровь. В этот момент мне четко припомнились кадры из фильма про овец, которые вдруг начали отдавать предпочтение человечине. У меня от такой картинки даже мурашки по коже пробежали. Это будет проблемой похлеще, чем кочевники, так как, насколько я помню, в том фильме не было хеппи-энда.

Размышляя о такой напасти, я внезапно увидел впереди холмик. Соблюдая максимальную осторожность, я начал подкрадываться к нему, озираясь и ежесекундно ожидая нападения зверя. Но все было тихо. Подойдя к холмику, я увидел в нем большую нору, причем уже довольно старую, вырытую несколько лет назад, так как ее края поросли травой и кустами. Из норы явно ощущался звериный запах, поэтому я встал за кустиками слева от входа и принялся ждать, справедливо полагая, что лезть в нору будет явной глупостью. Во-первых, я не знаю ее строения, а там может быть и лабиринт, во-вторых, тварь может улизнуть через черный ход, в отсутствии которого я не был уверен, а в-третьих...

Из норы послышался шорох, и я выбросил все мысли из головы, приготовившись к появлению зверя. До меня донеслись тихие шаги, и я машинально подумал, формируя плетение лезвия, что тварь опять встала на задние лапы. Шаги приближались, и вскоре на

свет появился... парнишка лет четырнадцати. Я едва смог удержать подготовленное плетение и принялся рассматривать незнакомца, который спокойно направился по направлению к Городу. Его длинные серые волосы закрывали уши, на ногах были сапоги, а ремень на поясе стягивал плотную рубаху, на левом рукаве которой медленно проступало темное пятно.

– Эй, парень! – окликнул я, выходя из-за кустов.

Парнишка обернулся, продемонстрировав великолепную реакцию, и с испугом уставился на меня. Далеко он отойти не успел, поэтому я даже на расстоянии двадцати шагов почувствовал его липкий страх и обреченность.

– Ты тут волка не видел? – спросил я его, дружелюбно улыбнувшись.

Парень в ответ помотал головой.

– Ладно, – пробормотал я. – Только проблема в том, что его видел я. И кажется мне, что то был не простой волк, а оборотень. Что ты на это скажешь?

Из парнишки словно выдернули какой-то стержень. Его плечи поникли, а голова опустилась. В его чувствах теперь преобладали безнадежность и печаль.

«Похоже, что он собирается умереть», – подумал я, продолжая рассматривать его.

Парнишка стоял, уставившись в землю, и молчал. В моей душе шевельнулось нечто, похожее на жалость. Я решительно наступил на нее сапогом, прервав все ее потуги убедить меня в том, что пацана нужно просто отпустить. Нет уж, так просто он отсюда не уйдет!

– Тебя как зовут? – спросил я, на пару шагов приближаясь к нему.

Парень поднял голову и удивленно посмотрел на меня:

– А зачем это вам?

«Ого, не «тебе», а «вам», – отметил я. – Уважает, значит, или просто знает, кто я такой, а это становится еще интереснее».

– А может, мне нужно знать, кого я собираюсь убить, – ехидно ответил я.

– Марик, – парень снова опустил голову.

– Отлично, – весело произнес я, подходя еще на два шага. – А не расскажешь мне, Марик, что ты есть такое? А то мне просто жутко интересно. Никогда, знаешь ли, оборотней не встречал.

Я говорил дружелюбно, так что в эмоциях мальчишки робко шевельнулась надежда. Он снова поднял голову и взглянул мне в глаза:

– Вы же все равно меня убьете, так почему спрашиваете?

– А я дотошный, – пояснил я. – Хочу все о тебе узнать, познакомиться, так сказать, поближе. Может, и убивать тебя не придется. Человеческой крови же на тебе нет, ведь так?

– Нет, клянусь! – с жаром ответил мальчишка. – Я убивал только животных! Поверьте мне!

Его чувства говорили мне, что он не врет, поэтому я сделал вид, что задумался. Нельзя сразу давать людям то, что они хотят. Если перед этим они немного подождут, то их радость от приобретенного увеличится на порядок. Основы психологии, знаете ли.

– Ладно, верю, – сказал я уже начавшему отчаиваться мальчишке.

Он впервые счастливо улыбнулся, а я заметил, что пятно на рукаве его рубашки стало еще больше. Немного поколебавшись, я полез в карман куртки и достал оттуда флягу с лимэлем. Откупорив ее, протянул целебный напиток парню.

– Пей.

– Что это? – с недоверием спросил Марик, принимая флягу.

– Не отравляйся, не волнуйся. Пей давай!

Марик поднес флягу ко рту и сделал маленький глоток. Его глаза расширились, а дыхание участилось. Переждав взрыв в желудке, он сделал еще один глоток, побольше, и опять застыл, восторженно прислушиваясь к своим ощущениям.

– Все, давай назад, – протянул я руку за флягой.

Марик, глядя на меня, быстро сделал еще один глоток и вернул мне лимэль. Я хмыкнул. Наглый, оказывается, парнишка, мне это нравится. Такого можно и к делу

приспособить, вот только сперва узнать все нужные подробности.

– Ладно, давай присядем где-нибудь и спокойно поговорим, – сказал я, закупоривая флягу и смотря на то, как Марик потрясенно ощупывает свое раненое плечо.

Я огляделся и заметил поваленное дерево, довольно трухлявое на вид, но вполне пригодное для того, чтобы сесть на него, и пошел к нему. Парнишка спустя несколько мгновений последовал за мной. Присев на дерево, я понял, что оно совсем уже превратилось в труху, потому что рассыпалось под моим весом, поэтому встал, отряхнул штаны и просто опустил на землю, скрестив ноги. Марик последовал моему примеру и устался на меня с ожиданием.

– Чего смотришь? Рассказывай давай! – велел я ему.

– Что рассказывать-то?

– Все. И желательно с самого начала.

Марик вздохнул и начал свое повествование. Отца у него не было, вернее, был, но, как в таких случаях принято говорить, сложил голову на дальних рубежах Отечества, защищая Родину от подлых врагов. Всю свою жизнь мальчик знал, что его отец был героем, и страшно этим гордился, но как только ему исполнилось семь лет, начались странности. Например, он заметил, что его начали бояться животные, а через полгода он сам стал смотреть на них как на добычу. Переломный момент наступил через несколько месяцев, когда он с соседскими ребятами гонялся за курицей. Та отчего-то отчаянно не хотела попасть в суп и всеми силами этому сопротивлялась, бегая по всему двору и дурача преследователей. Именно тогда Марик, увлекшись погоней, с легкостью догнал беглянку и схватил в охапку. На этом все бы и закончилось, но он не смог остановиться и, повинаясь инстинктам, впился зубами в бедную птичку и перегрыз ей горло.

Когда все остальные увидели его с мертвой курицей, облизывающего кровь с губ, начались проблемы для Марика и его матери. Соседские ребята стали считать его психом и сторонились мальчика, а односельчане настороженно присматривались и перешептывались за его спиной. Именно тогда он понял, что обладает превосходным слухом, и узнал, что его отец был совсем не героем, а просто заезжим гостем, который несколько недель жил у его матери. Марик не стал подходить с этим вопросом к ней, понимая, что всей правды все равно не узнает, и продолжал жить, избегая общения с одноклассниками и стремясь всеми силами забыть вкус горячей крови на губах.

Не получилось. Через некоторое время в деревне была убита собака. Односельчане удивлялись, какой же хищник мог запросто проникнуть во двор, чтобы лохматая ничего не заметила, а потом впиться клыками ей в горло. Через месяц случай повторился, а затем еще раз. Жители деревни вскоре начали организовывать ночные дежурства, после которых нападения прекратились, а маленький Марик усвоил главное правило хищника – не охотиться там, где живешь. Именно поэтому он организовал себе логово в лесу, вдали от деревни, и стал часто там бывать, совершая набеги на местных кроликов и другую мелкую живность.

Поначалу у него ничего не получалось. Приходилось ставить силки, чтобы поймать кролика, а потом уже убивать его, вгрызаясь зубами в нежное тельце. Но так терялся весь вкус охоты, оставалась какая-то жажда и неудовлетворенность. Марик продолжал приносить тушки кроликов, белок, барсуков матери, которая хоть и видела на них следы укусов, но ничего не говорила. И вот однажды, бегая по лесу, мальчик увидел кролика, что выскочил прямо у него из-под ног. Не раздумывая, Марик помчался за ним. Поначалу кролик сумел оторваться, но какой-то дикий азарт помог парнишке стать ловким и быстрым. Внезапно он обнаружил, что бежать на четырех конечностях значительно легче. Забыв обо всем, он видел перед собой только убегающую добычу.

Догнав кролика, он вцепился в него клыками, глотая пьянящую жидкость и урча от наслаждения, а когда опомнился, то обнаружил, что его тело изменилось. Он оказался весь покрытым серой шерстью, а лицо превратилось в волчью морду с острыми клыками. Страх заставил его опрометью броситься к единственному родному человеку – матери. Прибежав к

ней, он очень опасался, что она закричит, увидев зверя в одежде сына, но мать лишь поинтересовалась, почему у него на рубашке кровь. Оглядев себя, Марик понял, что вернул свой прежний облик, и рассказал матери обо всем.

Она выслушала внимательно и сказала, что теперь пришло время ему узнать всю правду. С замиранием сердца Марик слушал историю о том, как судьба привела в дом его матери одного усталого путника, который оказался воином самого короля. Накормив его и залечив раны, полученные в яростной схватке, мать Марика внезапно поняла, что полюбила его с первого взгляда. Что тому было причиной, звериное обаяние, блеск зеленоватых глаз или добрая улыбка, она не сказала, но Марик узнал, что его мать провела с ним лучшие дни своей жизни. Уходя, путник сказал, что он оборотень, и обещал вернуться, чтобы забрать ее в столицу, если она не отречется от него.

Женщина была напугана, но не отреклась от своего любимого, а через несколько месяцев ожидания к ней пришел старый воин. Он рассказал, что ее избранник погиб на чужой стороне, и передал мешочек с монетами, который тот приказал доставить ей, если с ним случится беда. С той поры для женщины жизнь потеряла смысл, она постепенно угасала, лишившись цели. Обеспокоенные односельчане даже пригласили к ней знахарку, чтобы та посмотрела ее хвори. Именно она поведала, что женщина беременна. Такое известие вернуло ей волю к жизни, а через положенное время у нее появился сын, который стал объектом ее любви и заботы. С каждым днем он подрастал, а женщина все больше замечала, как он становится похожим на своего отца, зверя, оборотня, любимого...

Прошел еще год после того, как Марик узнал страшную тайну. Теперь он все чаще уединялся в лесу, охотясь в своем зверином обличье. Но зависть не давала односельчанам покоя. Появились нехорошие слухи, что Марик просто обворовывает силки других охотников. А в один прекрасный день один из мужиков заметил, как мальчишка превращается в зверя. Это положило конец жизни в деревне матери и ее сыну. Разгневанные жители едва не спалили заживо мать Марика в ее собственном доме, но им вместе удалось убежать, прихватив собой тот самый мешочек с монетами. Поскитавшись немного по дорогам Мардинана, они примкнули к группе переселенцев, что отправилась на границу строить там новую жизнь. Так они и появились здесь.

Первые несколько лет Марик вел себя тихо, но потом звериная природа дала о себе знать, и он вновь начал охотиться, добывая для Города свежее мясо. Его все считали удачливым ловцом, но сам он чувствовал, что его душе нужно что-то большее. Пару лет мальчик сдерживался, а потом напал на отбившегося от стада теленка. Это принесло ему несказанное облегчение. Мать все поняла, когда жители нашли труп теленка в окрестностях. Именно она посоветовала Марику уходить для такой охоты подальше от дома. И вот совсем недавно он обнаружил место, где жители деревни, стоявшей на отшибе, пасли овец, и решил, что из-за нескольких они не будут сильно расстраиваться. Остальное мне было уже известно.

После рассказа Марика я недолго думал. Все оказалось намного серьезнее, чем я предполагал, и простых решений тут не найдется. Вот только мне и не нужны были простые решения, потому что у меня уже давно сложился четкий план необходимых действий, которые полностью отвечали всем моим интересам. Поглядев в глаза парню, в которых была надежда на совет, на помощь, я сказал:

– Марик, похоже, что дело дрянь. Твоя жажда растет и становится все более неконтролируемой. Думаю, что через несколько лет ты плавно перейдешь на людей и в этом я тебе ничем не смогу помешать.

Марик повесил голову и тихо прошептал:

– Я не хочу убивать людей. Не хочу!

– Это пока, – «обнадежил» я его. – Раньше ты ведь тоже не хотел убивать овец, а довольствовался кроликами.

– И что же делать? – спросил парень, взглянув мне в глаза.

– Тут есть три варианта. Первый – ты возвращаешься в Город и продолжаешь жить, зная, что однажды твоя жажда сведет тебя с ума и вынудит броситься на первого встречного.

Вполне возможно, это будет твоя мать. Второй – ты сейчас бросаешь все и всех и уходишь жить в леса, которые находятся в средней части Мардинана, или вообще подальше в Империю, где водится крупная дичь, и стараешься жить так, чтобы тебя не увидели люди, постепенно с каждым прожитым годом теряя человеческий облик. После этого ты в один прекрасный момент обязательно нападешь на людей, но тогда тебе это будет уже абсолютно безразлично. И третий – поступаешь по примеру твоего отца. Выбирай.

– А по примеру... это как? – спросил с надеждой Марик.

– Становишься воином.

– Но...

– Да, тебе также придется убивать людей, но как и любому другому воину. Ты ведь не просто станешь охотиться на них, а будешь истреблять врагов своего народа. Ведь твой отец именно поэтому поставил свои таланты на службу королю и принес немалую пользу Мардинану, судя по мешочку с деньгами. Поверь, немногим воинам удастся собрать приличную сумму за время службы.

Марик задумался, а я не торопил его. В таком деле спешка может только навредить. Я ведь сказал ему правду, повернув ее в выгодном для себя свете. Он действительно не сможет жить, борясь со своей жадностью. Рано или поздно он убьет человека, и тогда все нравственные барьеры, сдерживающие его сейчас, полетят к демонам. Я же предлагал ему разумную альтернативу – существование не без проблем, но все же весьма приемлемое. Главным было то, что сейчас он мне нужен. Нужен настолько, что я просто отпущу его, если он выберет другой вариант, в надежде на то, что он вскоре изменит свое решение.

Именно сейчас, когда сложилась такая напряженная ситуация, когда со дня на день ожидается нападение, мне был просто необходим еще один разведчик. Напарник, на которого я смогу свалить часть дел. Ловкий, быстрый и абсолютно незаметный. Сигналки – это одно, они не дают всей полноты картины, да и не могу я развешивать их повсюду, так как сам запутаюсь, где какая. Я перекрыл лес на подступах к Городу, но весь юг и север так и остались незащищенными и открытыми для вторжения. Жалко, что я не могу быть в нескольких местах одновременно...

– Я согласен, – выдохнул Марик.

– На что? – не понял я.

– Я хочу стать воином короля! – твердо ответил он.

– Что ж, тогда я принимаю тебя в свой отряд и назначаю на должность главного разведчика! – торжественно провозгласил я, наблюдая за тем, как губы парнишки растягиваются в улыбке.

Ну, не буду же я говорить, что он главный, поскольку единственный? Пусть погордится немного, больше пользы будет.

Поднявшись с земли и отряхнув штаны, я сказал:

– Я сейчас вернусь в деревню и заберу свою лошадь, а ты пока выходи к дороге и отправляйся по ней. Я тебя вскоре подберу.

Развернувшись, я уже собирался бежать к деревне, но голос Марика меня остановил.

– Спасибо вам! – смущенно произнес Марик. – За все спасибо.

– Не за что. И теперь мы с тобой на «ты».

Подмигнув пареньку, я побежал в сторону деревни.

Глава 20

Новые заботы

Уже через пятнадцать минут бега я достиг знакомой полянки, на которой обнаружил ожидавшего меня старосту. В ответ на его вопросительный взгляд, я сказал:

– Все в порядке. Зверь вас больше беспокоить не будет!

– Что, добил-таки? – поинтересовался Залин. – А где тушку оставил? Интересно все же глянуть на эту зверюгу, да и голову оттапать надобно будет.

Мда, а я и не рассчитывал, что дело примет такой оборот, иначе просто сказал бы, что не догнал хищника, и дело с концом! Что же теперь мне придумать? В сказку, что тело просто испарилось под лучами солнца, староста вряд ли поверит, не такой он человек. Больше вариантов в голову отчего-то не приходило, и я со вздохом решил рассказать Залину правду.

– Не стал я его добивать.

– Как же так? – удивился староста. – Ты же сказал, что он больше нападать не будет?

– Не будет, мы с ним договорились, – честно ответил я.

– Договорились? Со зверем?

Изумлению Залина просто не было пределов, поэтому я добавил:

– Этот зверь оборотнем оказался, так что мы с ним мило побеседовали, после чего он дал согласие больше не охотиться в этих краях.

– Оборотень! – потрясенно выдохнул Залин. – А мы-то думали, что это за тварь? А оно вон как вышло...

Староста почесал бороду, а потом посмотрел на меня:

– Он-то охотиться здесь больше не будет, а кто убытки людям от его охоты возместит? Ведь трех овец порезал, гад!

«Вот жук! – восхитился я смекалкой старосты. – Сразу ведь ухватился за денежный вопрос. Теперь вовек не отстанет, пока не выдам требуемую сумму, ведь по сути-то я крайним оказался. Отпустил оборотня, значит – плати, коли такой жалостливый».

Староста глядел на меня с хитроватым прищуром, по которому я понял, что он знает, о чем я сейчас думаю. Вот теперь я точно попал, потому что в ответ на его заявление надо было сразу говорить, что это не мои проблемы, и все... Хотя мне с ним еще довольно долгое время нужно общаться, как-никак вместе против кочевников планируем отбиваться, так что лучше отношения не портить. Вряд ли овцы могут стоить много.

– И сколько вы хотите? – поинтересовался я.

– А ты сам посчитай – каждая овца стоит около двенадцати серебрушек в ближайшем городе. Продаются они там только в базарные дни, а значит, людям еще месяц придется куковать без скотины...

– Короче, двух золотых хватит? – мрачно осведомился я.

– Ну, надо бы еще накинуть за то, что везти их сюда далеко... – начал наглеть староста.

– А также скинуть цену, потому что оборотень ни мясо, ни шерсть забирать не стал, – продолжил я, ехидно ухмыляясь.

Староста понял, что нарвался отнюдь не на простачка, а потому просто сказал:

– Пятьдесят серебрушек, и мы в расчете!

– Ого! – присвистнул я. – Дороговаты нынче овцы!

– А что поделать, дорога ложка к обеду, – вздохнул староста, пряча ухмылку.

Доставая кошелек, я подумал, что и в этом мире в ходу такая поговорка. Воистину, люди везде одинаковы!

– В расчете! – сказал я Залину, протягивая ему четыре золотых.

С такими темпами я быстро без гроша останусь. Нужно будет потом действительно сказать Марику, чтобы больше не охотился в этих краях, а то Залин меня не так поймет. На крайний случай, если совсем жажда замучает, есть же еще Первая деревня...

– Благодарствую! – сказал староста, принимая деньги.

«Хоть бы о сдаче заикнулся, – подумал я. – А то совсем уже мелочи не осталось в кошельке, все на разговорные амулеты потратил. Ладно, в пивной потом разменяю, когда нужно будет».

– Добро, – глядя на довольную рожу Залина, произнес я. – Раз вопросов больше нет, я поеду в Город.

– Ну, тогда пошли, хоть до деревни провожу, – ответил староста.

– А овцы?

– А что им тут сделается? – удивился он. – Ведь единственного окрестного хищника ты

отвадил, а сами они далеко не разбегутся.

Развернувшись, он потопал к деревне, а я пошел с ним рядом, надеясь, что Марик отправился на дорогу, а не бродит где-нибудь поблизости. Кстати, после лимэля его наверняка начнет мучить зверский голод, а какой размах он принимает у оборотней, остается только гадать.

– Значит, взял оборотня к себе? – донесся до меня сквозь мысли голос старосты.

– Угу, – машинально ответил я и только потом удивленно посмотрел на Залина.

Вот ведь, человек-загадка! С виду – обычный сельский житель, простоватый, а голова варит, дай бог каждому.

– Да ты не смотри-то на меня так, – улыбнулся Залин. – Нетрудно было догадаться, что ты его к делу постарайся приспособить. Сам же давеча плакался, что в Городе защитников не хватает.

Вот ведь жук, сумел меня грамотно просчитать! Хорошо, что я платить не отказался, потому что с таким пройдохой нужно всегда поддерживать теплые отношения, иначе хлопот не оберешься.

– Осуждаете? – спросил я.

– Нет, совсем наоборот. Я ведь тоже так поступил, – доверительно сказал Залин.

– Тоже с оборотнем столкнулись?

– Нет, тут вот какой случай вышел. В молодости служил я десятником в королевском войске, пришлось и повоевать, и повидать всякого. Не раз я терял своих бойцов, но всегда старался подыскивать себе лучших. Так вот, завербовался однажды к нам один человек, разбойник. Его ватагу всю королевские охотники перебили, а он умудрился сбежать и потом еще полгода в городе куролесил, пока его и там не прижали. Короче, решил он себе спокойную жизнь обеспечить и пошел в армию. Да все прознали о его прошлом и отказывались с ним даже рядом находиться, не то что служить вместе. А мужиком он был крепким да и оружие умел держать в руках. Вот я и упросил командира зачислить его в мой десяток, мда...

Староста замолчал, вспоминая былое.

– И что?

– Так вот, командир тогда мне прямо и сказал, что я себе зверя в десяток беру, еще и отговаривать пытался. Только я был тверд и настоял на своем. Так Берк и появился у нас... Поначалу не обошлось без накладок, но потом все как-то привыкли, да и сам разбойник пообтесался, стал для нас своим. После этого я ни разу не пожалел, что взял его в свой десяток. Воином он был знатным, пару раз меня от смерти спасал...

Староста опять замолчал.

– И где он сейчас?

– А нет его уже лет десять, – ответил Залин со вздохом. – По глупости погиб. Встретил своих старых дружков в городе, а они его и порезали, сонного. Видно, задолжал им Берк при своей старой-то жизни... Так что я тебя прекрасно понимаю и даже одобряю. Набирать к себе нужно только лучших, а кем они являлись до этого – уже не столь важно.

Я молча шагал рядом со старостой, открывшимся с весьма неожиданной стороны. Теперь понятно, почему он занимает такой высокий пост в деревне и пользуется всеобщим уважением. У такого баловать не будешь, все насквозь видит! Да и мыслит довольно разумно, ведь большинство, кого я знаю, наверняка желали бы смерти оборотню. Как жители той деревни, где он жил. А вот Залин мало того что оценил его качества, так еще и не страдает всякими предрассудками, призывающими убивать всякого, кто сильно отличается от остальных. Я полностью разделял его мнение по поводу набора, ведь Марика я действительно взял к себе потому, что лучше него в деле разведки не может быть никого. Ну, кроме меня, но мне как командиру это по статусу положено.

Вскоре мы достигли деревни. Залин тут же отправил одного из мальчишек присматривать за овцами, сообщив, что от зверя мы избавились. Подробностей Залин жителям не поведал, но я не сомневался – у него хватит времени и сообразительности

придумать свою красочную версию происшедшего. В то, что староста расскажет правду, я не верил абсолютно.

– Ну что, поужинаешь со мной? – спросил Залин, покосившись на небо.

– Нет, поеду в Город, и так целый день потерял, – ответил я. – А вот продуктов на дорожку весьма недурно было бы захватить.

Староста улыбнулся:

– На одного или на двоих?

– На одного, – ответил я сообразительному Залину. – Я могу и до Города потерпеть, а вот кое-кто сегодня остался без обеда.

Хмыкнув, староста скрылся в своем доме и вскоре вынес мне небольшой мешочек, в котором, судя по запаху, был хлеб, вареный картофель и еще что-то из овощей. Я поблагодарил его и отправился за своей лошадью, которая спокойно жевала себе травку, заботливо принесенную кем-то из местных колхозников. Запрыгнув на нее и махнув рукой старосте, я выехал из деревни по заросшей тропинке.

«Эх, – мельком подумал я, – совсем забыл спросить у Залина, почему ею давно никто не пользуется. Хотя скорее всего просто ходят по другой дороге, ничего странного».

Выехав на ровный путь к Городу, я прикинул, сколько времени ушло на болтовню, и посчитал, сколько потребовалось Марику, чтобы сюда добраться. Выходило, что он опережает меня минут на двадцать. Я пришпорил лошадь и через полчаса заметил на дороге одиноко бредущую фигуру. Притормозив около парнишки, я спросил:

– Подвезти?

Марик вздрогнул и едва не отпрыгнул от меня. По его сжатым губам я понял, что дело уже давно приняло серьезный оборот. Быстро достав мешочек с продуктами, я протянул его оборотню.

– Держи, набей желудок!

Парень по-звериному втянул воздух, расширив ноздри, и буквально вцепился в мешок. Раскрыв его, он принялся с жадностью поедать вареную картошку, даже не очищая ее, хлеб, кусок сыра, какие-то пирожки, овощи, которые я даже не успевал рассмотреть, настолько быстро они исчезали у него в пасти. Именно в пасти, поскольку у Марика сейчас были явно заметны удлинившиеся острые клыки. Под конец трапезы или насыщения, что будет точнее, к пареньку вернулась способность адекватно мыслить, он даже пробормотал нечто вроде благодарности, дожевывая последнюю картофелину.

– Мда, крепко тебя прихватило, – сказал я, глядя на него.

– Не знаю, что на меня нашло, – ответил смущенный Марик, прожевав остатки и вернув мне пустой мешок. – Раньше со мной подобного не было, а сейчас вдруг как накатило... Теперь я понимаю, что в таком состоянии могу убить кого угодно, даже маму...

– Не переживай об этом сильно, – успокоил я его. – Это еще дело в лимэле, который залечил твою рану. После него всегда требуется много есть, что ты и ощутил сейчас. Мда... знал бы, как тебе приходится, меньше бы со старостой болтал... Залезай!

Я протянул ему руку и помог взгромоздиться на лошадь, которая рядом с ним вела себя нервно, то и дело всхрапывая. Повинуясь мне, кобылка потрусилась по дороге, а устроившийся за моей спиной Марик спросил:

– А вы не расскажете всем о том, кто я?

– Нет, не волнуйся. И кстати, мы с тобой уже на «ты», забыл?

– Извини...

Да, остальным ребятам пока еще рано знать о скрытой сущности нового члена отряда. Пусть видят в нем просто подростка, который очень хочет вкусить воинской романтики.

– Кстати, подбери себе второе имя. В армии так принято, – обратился я к Марику.

Он надолго задумался, а потом признался:

– Ничего в голову не приходит. Только Бесстрашный или Грозный, но это будет глупо, правда?

– Еще как! – усмехнулся я. – У разведчиков или шпионов, что, в принципе, одно и то

же, обычно неброские имена, чтобы их не мог вычислить враг. Иногда даже их заменяют цифры.

– Как это? – удивился Марик.

– Вот, например, в моем королевстве практически каждый знает о легендарном шпионе, агенте ноль ноль семь, – пояснил я.

Пример, конечно, крайне неудачный с точки зрения незаметности (как же его не вычислить, если о нем знают все?), но других номерных шпионов я назвать не могу.

– А как тебя зовут? – поинтересовался Марик.

– Алекс.

– А второе имя?

– Эльф.

– Просто Эльф? – разочарованно протянул он.

– Ага. А ты думал, будет нечто вроде Отважного или Громовержца? – усмехнулся я.

– Ну, вроде того... – протянул парнишка. – А ты мне не придумаешь имя?

– А тут и думать нечего – Волчонок! Как, годится?

– Ты не шутишь?

– Ничуть.

Марик задумался, а потом произнес:

– А пусть будет! Так даже интереснее.

– Ну, вот и славно! – ответил я.

А дальше начал проводить краткий инструктаж по поведению паренька в нашем отряде. Служить он будет наравне со всеми, а это значит, что он станет обучаться владению мечом, стрельбе из лука, верховой езде, причем меня уже не будет волновать, боятся его животные или нет. Но главной его задачей в ближайшие дни будет два раза за ночь (после отбоя и перед рассветом) оббегать Город по широкому кругу, вынюхивая следы чужого присутствия. Сигналки, оно, конечно, неплохо, но и подстраховаться не помешает.

Так вскоре мы доехали до Города. У его стены я увидел весьма забавную картину – мои парни учились ездить на конях. Зрелище было весьма комичное, особенно если вспомнить, что полгода назад я выглядел точно так же. Проводились занятия под началом двух воинов Хагела, крепко державшихся в седлах с умением бывалых ветеранов. Они заставляли моих парней идти строем, поворачивать коней по команде, переходить на галоп и возвращаться на шаг. Видно было, что тренировки идут уже не один час, так как лица у парней были по большей части измученными. Только четверо не подавали никаких признаков изнуренности – видимо, раньше неплохо успели научиться. Их я запомнил, чтобы впоследствии взять с собой на первую вылазку в степь, что уже наметилась в моих планах.

Подъехав к парням, я поглядел в их злые и сосредоточенные лица и понял, что для них уже давно не секрет, кто заставил их испытывать такие страдания. Это хорошо, можно будет после тренировки испробовать одну веселую штуку. Улыбнувшись, я радостно сказал им:

– Привет, ребята! Вижу, вы усваиваете первые уроки, раз с коней уже не падаете!

Раздалась пара смешков, видимо, кто-то сегодня отличился таким образом.

– Разрешите представить вам нового члена отряда. Марик Волчонок!

Я спрыгнул с лошади, выставляя паренька на всеобщее обозрение.

– Теперь он будет тренироваться вместе с вами, поэтому попрошу Волчонка не обижать, подлянок ему не устраивать, а то ведь он может и ответить.

– Так же, как ты? – уточнил Дин, усмехнувшись.

– Хуже, – ответил я и обратился в Марику: – Занимай место в строю и начинай тренироваться.

– Но как? – испуганно спросил он.

– Молча! – рыкнул я. – Запомни первое правило: в армии приказы командира не обсуждаются, так что сядь нормально на лошади и учись с ней обращаться.

Хлопнув кобылу по крупу, я подошел к воинам Хагела. Мои ребята осматривали новобранца и отпускали ехидные шуточки на тему его возраста. Ничего, скоро привыкнут, да

и парень наберется уверенности.

– Как они? – спросил я воинов, кивнув на своих.

– Сносно, – ответил один из них. – Еще пара десятиц – и научатся прилично держаться.

Плохо, я рассчитывал на гораздо меньшее время.

– Всеми силами ускорить обучение, – приказал я. – Разделите отряд на группы и поставьте во главе каждой тех, кто уже умеет ездить. Пускай соревнуются, преодолевая препятствия и устраивая забеги на различные дистанции. Уже через семь дней мне нужно получить из них хороший конный отряд.

– Это невозможно! – хором заверили меня воины.

– На свете все возможно, – ответил я. – Погоняйте их еще часок, а потом перейдем к стрельбе из лука. Завтра начнем обучаться стрелять на ходу по примеру степняков. Если кто-то из старших воинов захочет присоединиться, буду только рад.

Оставив задумчивых воинов разбираться с их подопечными, я пошел в Город. Мне предстояло еще навестить знахарку. Идя по улице, я размышлял, что все-таки еще долго ребята будут обучаться верховой езде. Это не могло радовать, так как интуиция подсказывала мне, что конный отряд может понадобится гораздо раньше. Был, конечно, вариант их обучения с помощью магии, но к этому я пока не хотел прибегать. В крайнем случае сам справлюсь!

Нарады дома не было. Бдительные соседи сообщили, что она с самого утра вместе со своими ученицами отправилась в лес. Значит, процесс сбора ингредиентов шел полным ходом. Я направился к Хагелу. Раз пока с лимэлем выходит облом, то нужно хотя бы узнать, как там обстоит дело с оружием, ведь уже должны быть готовы хотя бы несколько образцов. Мне самому не терпелось пощупать те клинки, что выйдут из-под молота здешнего кузнеца.

Хагел раздавал указания нескольким горожанам насчет содержания такого большого количества лошадей в Городе. Я прошел в угол кабинета и сел на свою любимую табуретку. С лошадьми действительно выходит проблемка. Прокорм их вызывает много трудностей, а пользы от них пока никакой. Продать бы их, что ли? Только кто их здесь купит? Нужно перегонять четвероногих в столицу или просто в крупный город, подыскивать лошадика, который сможет взять их, причем не за бесценок... Это целое дело, которое также требует тщательного обдумывания. Уйдя в свои мысли, я не заметил, как начальник выпроводил горожан из кабинета, а поэтому пропустил первую его фразу.

– Простите, задумался, – сказал я в ответ на его вопросительный взгляд. – Что вы сказали?

– Я спросил, как ты съездил? – повторил Хагел.

– Нормально, – ответил я и коротко рассказал о результатах своих наблюдений, а потом поинтересовался, добрались ли посланцы деревень до Города.

– Добрались. Жители Первой прибыли раньше, так даже и не знали, сколько им нужно взять луков. Я дал им около полусотни и стрел колчана четыре, запас себе пусть сами делают... Знаешь, судя по всему, даже если они будут день и ночь всей деревней тренироваться, все равно останутся для кочевников легкой добычей.

Я кивнул, подтверждая его выводы. Менталитет не натренируешь, и если ты жил долгое время, ничего не опасаясь, вряд ли сможешь дать отпор тем, кто захочет тебя обидеть. Так и жители Первой. Я не сомневался, что многие из них даже не смогут выстрелить в человека.

– Но вот жители Второй меня очень удивили, – продолжил Хагел. – Заявились четверо дюжих парней, чуть всю оружейную мне не вынесли. Забрали сотню луков, хотели и больше, но я просто им не дал, ведь нам и себе нужно что-то оставить. Так еще хотели и стрел взять колчанов сорок, но уже не смогли все это поднять, поэтому просто взяли две сотни стрел и с недовольными лицами удалились. Вот за них я полностью спокоен. Если кочевники нападут на ту деревню, мало им точно не покажется!

Я усмехнулся. Если староста там – жучара еще тот, так и жители все ему под стать. Наверное, будут еще долго сокрушаться, что пришли только вчетвером, иначе Хагелу бы

несладко тут пришлось. Оставили бы они Город без стрел своими загребущими лапами.

– Так, с деревнями вопрос решен, теперь скажите, как там дела обстоят с оружием из эльфийской стали? – решил я вернуться к теме, с которой пришел.

– Эльфийской? – переспросил Хагел.

– Да, эта сталь называется эльфийской, поскольку секрет ее приготовления известен только эльфам. Одноразовые амулеты, естественно, не в счет.

– Кузнец работает с самого утра. Обещал к ночи доспехов восемь сделать.

– Медленно. Если нападение повторится, то оно будет или завтра, или послезавтра, а чем больше доспехов будет готово, тем больше жизней мы сохраним. Так что нужно сказать ему, чтобы не мудрил с отделкой, шлифовкой и тому подобной ерундой. Нужно сделать много, а не красиво. И пусть начинает работать над клинками. С ними возни будет меньше, а люди должны как можно быстрее привыкнуть к новому оружию.

– Хорошо, Алекс, я передам ему. А почему ты думаешь, что нападение повторится?

– Можете назвать это предчувствием, так как точно я вам все равно не отвечу. Просто ощущаю это.

Мы помолчали, задумавшись каждый о своем, а потом я вспомнил, что прояснил еще не все вопросы.

– Как у нас дела с лошадьми?

– Плохо, – порадовал меня Хагел. – Много заботы требуют, держать негде. Вот, думаю на мясо пустить десятка два...

– Нет, таких крайних мер нам не нужно!

Какая глупость – пускать на ветер такие большие деньги. Я же еще помнил, как продал свою лошадку в столице за семь золотых. Почти месячная зарплата воина, а тут – на мясо!

– Лошадей нужно будет продать, но не всех, а только свободных. Тех, на которых уже сидят мои парни, трогать не будем, они еще пригодятся. Думаю, вполне возможно десятка три отправить в ближайший крупный город и сбыть там, пусть даже по заниженной цене. Сотни две золотых за них точно дадут...

– А кто же этим заниматься будет?

– А вы не можете посоветовать?

Командир почесал бородку, а потом с сомнением ответил:

– Я могу послать с пяток людей посмышленнее, чтобы переправили табун, но это займет не меньше трех суток, а ослаблять сейчас оборону Города, когда ты сам сказал, что вскоре ожидаешь нападения...

– Ладно, – признал я правоту Хагела. – Пока оставим этот вопрос, но на мясо пускать их не будем. Откровенно говоря, жалко мне их!

Командир усмехнулся, но возражать не стал, приняв такую причину моей заботы о животных.

– Кстати, я все-таки нашел нам пополнение, – проинформировал я его. – Сегодня я взял в свой отряд одного бойкого паренька по имени Марик. Лютого он, конечно, не заменит, но как разведчик вполне сгодится.

– Марик? Знаю его. Добрый охотник, хотя и нелюдимый жутко, живет с матерью, не проказничает в Городе, хотя по возрасту положено... Хороший из него разведчик должен выйти! Я подготовлю все необходимые документы и поставлю его на довольствие.

– Ну и отлично, – я поднялся с табуретки. – Тогда последний вопрос: где у вас тут на луках тренируются?

– На заднем дворе, – махнул рукой Хагел. – Там и мишени есть.

Я кивнул и вышел из его кабинета, отправившись спасать своих парней от пыток лошадьми. Выйдя за городские ворота, я увидел, что тренировка в самом разгаре, воины Хагела явно вошли во вкус и гоняли моих ребят и в хвост и в гриву. Поглядев на них, я в который раз отметил, какие из них хорошо держатся в седле, а потом все же прекратил занятие, велел всем отправляться назад в Город. Проезжавшие мимо меня парни награждали меня весьма многообещающими взглядами. Я поспешил за ними следом, чтобы не

пропустить одно из самых красочных зрелищ за весь этот день.

Мои ожидания оказались не напрасными, на это стоило посмотреть! Усталые бойцы покидали седла с неохотой, за несколько часов практически с ними породнившись. На земле их ноги дрожали, подгибались, несколько ребят плюхнулись прямо в пыль, постанывая и держась за причинные места, другие пошатывались и материли несчастных четвероногих. Только несколько бойцов бодро соскочили с коней и подошли ко мне, не собираясь падать на землю от усталости.

– Где обучались? – спросил я.

Выяснилось, что в семье у троих держали лошадей, одного заставил отец, а пятый – Рик – вообще оказался сыном лошадника. Я удивился и спросил:

– А что, твой отец неважный торговец?

– Нет, – ответил Рик. – Держит в кулаке весь восток Мардинана, торгует даже с гномами.

– Так почему же тогда ты пошел не по его стопам, а отправился в армию?

– Да папаша мой вбил себе в голову, что только армия может сделать из меня настоящего мужчину. Как я ему ни доказывал, что это далеко не так, он ничего не хотел слушать...

– Отлично! – обрадовался я и добавил, увидев, как недоуменно посмотрел на меня Рик:

– Мне сейчас нужен человек, который бы смог заняться продажей лошадей. Поэтому ты послезавтра отправишься к отцу с двумя десятками четвероногих. Справишься?

– А почему именно я? – протянул Рик. – Что я, самый рыжий?

– Если и ты откажешься, лишних лошадей просто пустят на мясо, – вздохнул я.

– Таких великолепных скакунов на мясо! – возмутился Рик. – Тому, кто это сделает, я лично морду набью! Их же можно продать по пятнадцать золотых в любом городе!

Отлично, просто замечательно! Я глядел, как Рик сжимает кулаки. Сразу видно сына своего отца. Теперь он точно мне поможет, да и заодно будет у него возможность похвастаться своей службой перед папашей.

– Тогда начинай думать, что тебе для этого понадобится, а завтра скажи мне, – прервал я его ругательства.

Вскоре к нам, прихрамывая и ковыляя, подтянулся весь отряд. Даже Волчонок выглядел уставшим, хотя тренировался меньше всех.

– А теперь идем упражняться в стрельбе из лука! – обрадовал я парней, вызвав у всех тяжкие вздохи.

Нестройной толпой мы отправились к дому Хагела, взяли из оружейной луки и стрелы, а потом пошли на задний двор, где я действительно увидел небольшую удобную площадку для стрельбы. Она была длиной метров сто и заканчивалась глухой стеной, которая была уже в многочисленных щербинах, говоривших о том, что не мы первые пришли сюда пострелять. Мишенями в данном тире служили деревянные круги, прибитые к столбам на расстоянии от пятидесяти метров и дальше. Последние две мишени висели на самой стене и были почти новенькими, без кучи дырок и вмятин.

«Это типа для самых метких», – ухмыльнулся я.

Дождавшись, пока все натянут луки и приспособят колчаны за плечами, я первым отстрелялся, взяв для разнообразия лук кочевников. Он был более упругим, стрелы летели гораздо дальше, но контролировать прицеливание было намного сложнее. Как я понял, такой тип лука был предназначен для стрельбы навскидку, что и демонстрировали степняки, стреляя прямо с седел. Выпустив три стрелы и немного пристрелявшись, я вонзил еще пять в один из кругов на стене, попав почти в самый центр.

«Все-таки нужна практика, – подумал я, опуская лук. – Только зачем? Мой же лук гораздо лучше, так что вряд ли имеет смысл переучиваться».

– Теперь вы! – сказал я парням, глядевшим на мои упражнения.

Для них моя точность не стала чем-то новым, так как в лагере нам почти ежедневно приходилось тренироваться, выпуская по несколько десятков ерундовых стрел. Парни почти

синхронно вздохнули и стали стрелять. Нет, на последние мишени они не замахивались, стреляли в те, которые были ближе всего, но и там их успехи были невелики.

– Не цельтесь долго, быстро оттягивайте тетиву, – давал я им советы.

Минут через десять парни более-менее пристрелялись, но успехи были все же неважные. Даже Волчонок показывал мне, что лук он в руках держит впервые. Куда им переходить на стрельбу с коней, раз и так мажут, как слепые котята! Ладно, перейдем к моей шутке, может, тогда успехи будут получше.

– Достаточно! – сказал я опорожнившим по половине колчанов бойцам, поглядев на скромные несколько десятков стрел, украшавших ближайшие мишени. – Я вижу, что вы с детства страдаете косоглазием или руки у вас растут не как у обычных людей, а из задницы. Как же вы будете во врагов стрелять, если с полусотни шагов в деревяшку не попадаете? Думаете, кочевники сами будут под ваши стрелы подставляться?

Лица ребят посерьезнели, некоторые опустили глаза, пряча гнев. Хорошо, нужная кондиция достигнута.

– Может, вам мишень поменять? – задумчиво пробормотал я.

Бросив лук на землю, я отправился к первому ряду столбов с кругами, а дойдя до них, развернулся к парням и сказал, не в силах сдержать улыбку:

– Такая мишень вам подойдет?

Все ошеломленно уставились на меня.

– Чего застыли? Стреляйте. Тот, кто сумеет меня задеть, освобождается от занятий, а кто отстреляется хуже всех, получит наряд на кухню!

Ребята все еще стояли в нерешительности, ломая всю мою задумку. Но вот наконец Крот первым поднял лук и выпустил в меня стрелу.

«Молодец, – подумал я, немного отклонившись вправо. – Мог бы в сердце попасть, вот только целился долго и давал слишком большую нагрузку на пальцы».

Следом еще несколько бойцов подняли луки. Стрелы просвистели в опасной близости от головы, но уклоняться я не стал, заранее увидев их траектории. А потом начался расстрел. Парни с азартом принялись выпускать стрелы в меня, опустошая колчаны, а я уворачивался, ловил их руками и мимоходом думал, что прицельность у моих ребят теперь значительно повысилась. Вот что значит правильно подобрать мотивацию!

Защитный кокон я надевать не стал, так как опасности практически не чувствовал, моя интуиция загодя подсказывала, куда нужно сместиться, чтобы избежать появления лишней дырки в теле. Краем глаза я заметил, как несколько воинов Хагела, пришедших посмотреть на нашу тренировку, застыли, выпучив глаза. Да и сам Хагел, выглядывавший из окна своего кабинета, тоже выглядел малость ошарашенным. Я усмехнулся и тут же за это поплатился – одна из стрел, которую явно выпустил Крот, оцарапала мне щеку. Я еще понаблюдал за ним, подмечая, что целиться он стал меньше, отчего точность выстрелов только увеличилась. М-да, у каждого оружия свои прибаамбасы, и пока к ним не привыкнешь, оно будет тебе только мешать.

Вскоре у ребят стали заканчиваться стрелы. То один, то другой опускали луки и давали ну очень ценные советы тем, у которых они еще оставались:

– В глаз его, в глаз!

– Да нет, лучше между ног бейте!

– Вали командира!!!

Дождавшись, пока стрелы кончатся у всего отряда, я поймал последние две руками и невозмутимо подошел к парням.

– Ну что, заметны большие успехи! – обрадовал я бойцов.

Те радостно оскалились в ответ.

Я стер кровь со щеки и добавил:

– Крота от занятий можно освободить...

– Нет, Алекс, я все-таки буду тренироваться! – возразил мне ухмыльнувшийся Крот. – Кто же пропустит такое веселье!

Ребята от такого заявления откровенно заржали, снимая напряжение и ту злость, которую они накопили за весь день усиленных занятий. Похоже, мне придется заводить такую приятную традицию – расстрел командира или его избиение. Недаром же, как я слышал, будучи на Земле, на Востоке принято держать в офисах чучело начальника, чтобы при нужде можно было навалить ему пенделей. И разрядка неплохая, и отношения получше. Значит, теперь возьму себе на заметку.

– Ну, раз так, то добавлю, что тарелки сегодня пойдет мыть Рокин!

Парень опустил голову, пряча довольную улыбку.

Нет, стрелял он не хуже остальных, но кого-то мне нужно было «осчастливить» нарядом, раз уж обещал.

– А теперь собирайте стрелы, а потом ужинать! – приказал я. – Только в оружейную луки не относите, привыкайте ходить с ними везде, чтобы они вскоре стали частью вашего тела.

Услышав смешок среди ребят, я добавил:

– Нет, не той частью тела, о которой сейчас подумал Дин.

Теперь смешков прозвучало больше, а потом парни не спеша разошлись по стрельбищу, собирая боеприпасы и выковыривая стрелы из мишеней, пока еще было не слишком темно. А я решил сходить к Хагелу и узнать, как там дела с кузнецом.

Глава 21

Что-то близится

Зайдя к командиру, я встретился с его откровенно недоумевающим взглядом, по которому понял, что он явно считает меня сумасшедшим. Ну и ладно, если ничего не спросит, не буду его в этом разочаровывать.

– Что там с доспехами? – перешел я сразу к делу.

– Вашун сказал, что уже приноворился к новому металлу и теперь дело пойдет быстрее. Он обещал все закончить уже через три дня, только просил твоих парней зайти к нему, чтобы с них мерки снять. Наши-то он все знает, ведь не раз уже нам панцири ковал.

– Зайдут, я прослежу, – пообещал я, думая о том, что три дня – хотя и довольно небольшой срок, но явно недостаточный для полной подготовки.

– Алекс, а зачем ты это устроил? – вдруг спросил Хагел.

– Чтобы защитить воинов Города, – с недоумением ответил я.

Это и ежу понятно, тогда почему он об этом спрашивает?

– Нет, я не об этом. Зачем ты устроил показательное выступление на заднем дворе?

«Значит, он действительно записал меня в психи, – подумал я с усмешкой. – Или в позы, что перед всеми хвастаются своими талантами».

Ладно, объясню популярно.

– Во-первых, ребята сбросили напряжение, попытавшись меня задеть. Во-вторых, их результаты стали значительно лучше, так как старались они гораздо больше. В-третьих, я обеспечил им хорошее настроение на остаток дня. Ну и напоследок, мне тоже была необходима тренировка подобного типа.

Да, это именно так. Просто я подумал, что интуицию, как и остальные мои навыки, тоже необходимо поддерживать в рабочем состоянии, обеспечивая ее регулярными нагрузками, иначе она зачахнет или будет работать через раз. А это меня будет очень беспокоить, так как, быстро привыкнув к ней, без нее я обходиться уже не смогу. Сегодняшняя тренировка показала, что моя интуиция значительно сильнее обычного звериного чутья и позволяет мне оставаться целым в гораздо более опасных ситуациях...

«Если только я при этом не отвлекаюсь на всякую чепуху», – подумал я, потирая щеку, где уже давно затянулась небольшая царапина.

– Но ты же мог пострадать! – удивился Хагел.

– В этом и был смысл тренировки, – пояснил я. – Если новички начинают обучение с

деревянных мечей, потом тренируются друг с другом на затупленном железе, то профессионалам нужны именно такие занятия, где одно неверное движение может означать смерть. Техника рассветной школы – это все же не шутки!

Командир, по обыкновению, почесал бородку и пробормотал:

– Ох, зря я раньше не верил... Ладно! Завтра мои люди получают оружие и доспехи из нового металла, а потом придет черед твоих парней. Кстати, человека, который хорошо разбирается в лошадях, я не нашел, но мог бы выделить...

– Нет нужды, – прервал я Хагела. – У меня в отряде есть парень, у которого отец всю жизнь занимался куплей-продажей лошадей. Послезавтра, я думаю, он сможет отправиться к себе домой с несколькими десятками четвероногих. Это значительно облегчит вашу заботу и принесет Городу небольшой доход.

Командир кивнул:

– Хорошо. А сколько человек ему потребуется взять с собой в дорогу?

– Он мне должен завтра сказать, – ответил я, раздумывая, что же еще упустил.

Вроде бы все темы уже обсудили, пора и поужинать. Я простился с Хагелом, который обычно не выходил трапезничать в общую столовую, и вышел из его кабинета.

В столовой уже толпился народ, оголодавшие воины рассаживались по лавкам, а Кара с несколькими бойцами, вызвавшимися ей помочь, разносила по столам нехитрый ужин. Подмигнув девушке и вызвав небольшой румянец на ее щечках, я взял тарелку с кашей и принялся уплетать ее за обе щеки. Парни за ужином обсуждали прошедшую тренировку, так что мне пришлось стать объектом их незамысловатых шуток и дружелюбных подколов. Жалко, что все мои бойцы, как обычно, сели отдельно от остальных защитников Города. Это было не слишком хорошо, так как я хотел их методично перемешивать, чтобы парни поднабрались опыта у старших товарищей, а пока это не очень получалось. Одно хорошо – конфликтов никаких не было, что не могло не радовать.

Быстро поужинав, я попрощался с парнями и велел им хорошенько выспаться сегодня, поскольку завтра у нас по плану снова скачки. Дома я взял чистое белье и отправился на реку – помыться и поплавать. Вернувшись, поговорил с Алоной и узнал, что в Подгорном королевстве пока все спокойно. После этого разговора я лег на лавку и собирался уснуть, но меня навестили, и еще около часа мы с Карой предавались любовным утехам, даря друг другу наслаждение. А после ухода довольной девушки меня посетила Темнота, принеся отдых моей душе.

Утром я проснулся рано, сделал разминку, сбегал искупаться, лихо перепрыгнув через забор, а потом пошел завтракать. В столовой уже былолюдно. Я примостился на краешке скамейки и с аппетитом съел гороховый суп и гречневую кашу с жареной рыбкой. Волчонок шепнул, что за время ночных обходов он ничего подозрительного не заметил. Я поблагодарил его за службу и попросил сегодня продолжить обход. Марик удовлетворенно улыбнулся, ощутив себя полезным, а я, набив желудок, подождал, пока подтянутся все мои ребята, а потом вместе с ними отправился за лошадьми.

Тренировка выдалась напряженной. Поначалу мы просто учились ездить строем, разворачиваться по команде, а потом я устроил забеги с несколькими командами. После этого мы принесли пару мишеней и поставили их посреди полянки. Стрельба на скаку оказалась весьма нелегким делом, но к обеду у многих уже начало получаться. Конечно, с кочевниками их результаты в сравнение не шли, но неподвижную мишень парни с грехом пополам научились поражать с седел. Стрел мы извели много, почти третью часть потом даже и не нашли в густой траве, но весьма довольные своими успехами вернулись в Город.

Вот только все приподнятое настроение мне портило неизвестно откуда взявшееся ощущение надвигающейся опасности. Оно давило на нервы и заставляло напрягать извилины, размышляя над тем, что же я еще упустил в подготовке. Вроде бы сделал все, от меня зависящее, чтобы Город снова смог выстоять, но душу все же грыз червячок сомнения. А что, если не выйдет? Что, если кочевники просто поменяют планы и обойдут Город стороной? Но это сомнение развеивал ветерок предчувствия неприятностей, грозивших

свалиться на наши головы.

После обеда меня выловила знахарка, с радостной улыбкой сообщившая, что все необходимые для лимэля ингредиенты уже собраны и ждут меня. Я с готовностью отправился вслед за ней, велел парням зайти к кузнецу, пока меня не будет, чтобы тот смог снять все необходимые мерки. Люди Хагела уже с утра щеголяли в новеньких доспехах, плотно облегающих их тела. Вот только шлемы кузнец мог бы сделать и поменьше, а то они уж очень напоминали банальные ведра. Ну и хрен с ними! Лишь бы смогли уберечь от стрел, а внешний вид не так и важен. Потом я как-нибудь начерчу кузнецу вид нормальных шлемов с откидывающимися забралами. На такие шлемы пойдет меньше ценного металла.

Размышляя над дизайном будущих горшков для «тыковок» моих парней, я вошел в дом знахарки. Она тотчас же выгнала своих учениц, понимая, что секретность превыше всего. Первым делом я осмотрел все запасы и пришел к выводу, что Нарада проделала просто титаническую работу, а главное – за короткий срок. Поблагодарив знахарку от всей души за ее труд и вызвав легкое смущение у нее на лице и чувство удовлетворения, донесшееся до меня, я приступил к приготовлению лимэля. А что, похвала ничего не стоит, зато всем приятна! Я бы ее еще раз десять похвалил, но это уже было бы слегка подозрительным.

Первым делом я наполнил водой большой чугунок и начал его подогревать магией, поскольку именно так можно было добиться нужной температуры. После того как вода стала активно испаряться, я начал одну за другой бросать туда травы, сразу придавшие жидкости зеленоватый оттенок. Закончив с первой стадией, я остудил воду и слил ее в несколько пустых горшков, а затем избавился от вываренной травы. Следующий этап проходил более скрупулезно – здесь нужно было тщательно просчитывать количество необходимых ингредиентов, чтобы, не дай демоны, не переборщить. После второго этапа у меня вышло еще два горшочка мутновато-розовой жидкости, которые я опять слил в чугунок и стал постепенно доливать первый отвар, помогая силой магии взаимодействовать компонентам. Именно магия в данном случае служила катализатором химического процесса, который в результате выдавал сложный состав, так положительно влияющий на живые организмы. Без моей силы этот отвар был бы не полезнее обычной настойки валерианы, и хорошо еще, если стал бы давать именно успокаивающий, а не слабительный эффект...

Медленно, не спеша, тщательно насыщая отвар своей силой, я смешивал жидкости. Знахарка смотрела на это действие, даже позабыв дышать, а я мельком взглянул на процесс обычным зрением и отметил, что мои руки и отвар начали отчего-то испускать желтоватое свечение. Раньше при изготовлении лимэля я пользовался только магическим зрением и такого не замечал.

«Довольно интересное зрелище», – подумал я, проследив за тем, как от моих рук как бы отлетают искорки и растворяются в зеленоватой жидкости.

«Не отвлекаться! – напомнил я себе. – Иначе весь процесс пойдет насмарку!»

Вернувшись к работе, я вскоре заставил прореагировать всю розоватую жидкость, оставив немного лишнего настоя из первой стадии. Здесь, главное, не жадничать. Конечно, его придется вылить, так как долго такой отвар храниться не может, но если бы его не хватило, под хвосты демонам отправился бы весь напиток. Это было одним из многочисленных секретов, так и не указанным никем в книге, хранившейся в библиотеке моего учителя.

Убирая переизбыток энергии из напитка и помешивая его длинной ложкой, я размышлял, что параноя эльфов сослужила им в данном случае плохую службу. Не знаю, чего боялись их маги, не описывая в книге точных рецептов (шпионов, что ли?), но в конечном итоге лесной народ остался без такого целебного зелья. Нет, маги среди них еще остались, вот только по книге они приготовят разве что слабительное, и всем ушастым в скором времени грозит банальное вымирание... Хотя десятком лет раньше, десятком позже – для истории значения не имеет, да и для меня уже тоже.

– Готово! – заявил я и перелил несколько ложек жидкости, которая еще слабо светилась, в кружку. – Теперь нужно снять пробу.

Не решаясь сделать глоток, я внимательно смотрел на лимэль в кружке, вспоминая, все ли я сделал правильно. Вроде ничего не упустил, все растения варил исключительно по советам учителя, от себя ничего не добавлял...

– Может, я первая? – с готовностью взяла вторую кружку Нарада.

– Нет, экспериментатор должен сам отвечать за свои действия, – со вздохом заявил я, все еще не решаясь отхлебнуть.

– Экс...эспре... Кто? – удивленно спросила знахарка.

– А, не берите в голову, – ответил я и решительно сделал глоток.

Ух! На такой эффект я не рассчитывал! Горло обожгло, в животе произошел взрыв, из глаз полились слезы, а в голове внезапно прояснилось так, что я увидел, чем занимается каждый житель в Городе на расстоянии трехсот шагов от меня, даже не вызывая свое магическое зрение. Я согнулся, откашливаясь, а Нарада кинулась ко мне, пытаясь помочь и поддержать мое заваливающееся тело. Ноги мои стали ватными и начали дрожать, и я плюхнулся на пол, соображая, почему лимэль так подействовал в этот раз.

– Ты как, Алекс? – обеспокоенно заглянула Нарада мне в лицо.

– Еще не разобрался, – ответил я ей с пола, прислушиваясь к своим ощущениям.

«Вроде бы все улеглось», – подумал я, вставая на ноги.

Только я не встал, а прямо-таки подскочил, перепугав знахарку. Тело словно было переполнено энергией, хотелось дурачиться, прыгать и веселиться. Сила опьяняла, но это была не магическая энергия, а фантастически ускорившиеся процессы моего тела. Я чувствовал, как бешено колотится сердце, лихорадочно гоня по жилам кровь, но попытался прийти в себя и успокоиться. Разведя руки в стороны, я стал медленно вдыхать и выдыхать полной грудью. Спустя несколько минут пришло головокружение, а спустя еще немного времени буря в моем теле улеглась, оставив после себя заряд бодрости и желание повторить все сначала.

– Понятно, – сказал я обеспокоенной Нараде. – Слишком концентрированный вышел, такой и мертвого должен поднять. Нужно его разбавить маленько... Раз эдак в пять!

Я долил в свою кружку обычной колодезной воды и сделал маленький глоток. Вот теперь я ощутил привычный вкус лимэля, ничем не отличающийся от того, который был у меня во фляжке. Запомнив, насколько его разбавил, я дал Нараде попробовать самой. Первый эффект превзошел все ожидания. Знахарка прямо расцвела и похорошела после одного глотка, счастливо улыбаясь мне. Показав ей, как именно разбавлять получившуюся ядреную смесь, я пообещал завтра же сделать еще одну порцию.

– А почему не сейчас? – удивилась Нарада.

– А куда продукт девать будем? В горшках держать нельзя – выдохнется быстро, а столько фляг мы при всем желании не наберем, так что поговорите со старостой, чтобы срочно озаботил жителей.

– Обязательно поговорю, – пообещала знахарка. – Спасибо тебе, Алекс. Сейчас же пройду по всем домам с ранеными и напою их этим чудесным зельем.

Вот она, настоящий доктор! Именно такие постоянно ласково твердят больному, что у него ничего серьезного, даже когда тот находится при смерти. Именно такие работают не за деньги, а за идею. Именно они не дают нам разочароваться во всех врачах, которые за твои же деньги найдут в твоём теле такие болячки, о которых никто и не слышал. Здесь они встречаются через раз (насколько я понял из личного опыта), а вот на Земле в тысячу раз реже. Печально, учитывая огромную разницу в численности населения.

Я посмотрел на сияющую Нараду и сказал ей на прощание, улыбнувшись:

– Только после этого напитка вполне могут уши заостриться, и волосы выпасть в некоторых местах.

Я потрогал свои большие локаторы.

– Ну и ничего страшного! – махнула рукой Нарада. – Скажу тебе по секрету, мои ученицы вчера в лесу только и говорили о красоте эльфов, так что твои уши, оказывается, весьма привлекательны. Да и сам ты – красавец хоть куда!

Она весьма оценивающе на меня посмотрела, поэтому я понял, что линять отсюда нужно побыстрее, чтобы действие лимэля, так здорово омолажившее знахарку, не довело меня до ненужных проблем. Быстренько распрощавшись, я скорым шагом удалился, краем своих длинных ушей расслышав тихий смех Нарады.

Вернувшись к ребятам, я отправил их пострелять на задний двор, пообещав, что присоединюсь к ним немного позже. Выпитый мной концентрированный лимэль требовал срочно набить чем-нибудь желудок, поэтому я направился напрямик на кухню, удивив Кару своим аппетитом, а потом пошел опять изображать живую мишень. Сегодня успехи были более заметны, хотя про наряды и поощрения я даже не заикался. Во время обстрела я не отвлекался и учился ловить стрелы на лету, чтобы в дальнейшем пополнять свой боезапас снарядами противника. Мне до сих пор было неприятно вспоминать, как я пропустил врагов к стене только потому, что у меня кончились стрелы.

После тренировки я дал ребятам отдохнуть пару часиков, понимая, что вечером нужно будет снова вернуться к лошадям. Часа четыре до ужина еще было, и я начал размышлять, чем бы заняться. Не придумав ничего, просто отправился к себе, решив постирать кое-какие вещи. Перебирая одежду, я подумал, почему все время ношу форму, если все в Городе предпочитают свободную одежду. Неужели за месяц службы я так к ней привык, что уже не могу расстаться? Хотя нет, доношу форму, а ту одежду, за которую отдал свои кровные, пока поберегу. Надо же будет перед гномами показаться во всей красе!

От таких мыслей меня отвлек стук в дверь. Приятный женский голос за ней произнес:

– Разрешите?

– Заходите, открыто! – сказал я, сворачивая лишние вещи и засовывая их обратно в сумку.

Дверь открылась, и на пороге появилась миловидная подтянутая представительница женского пола, которой, по моим оценкам, было слегка за тридцать.

– Здравствуйте, – деликатно поздоровалась она. – Я не отвлекаю вас от важных дел?

Я подумал, что стирку вряд ли можно назвать делом важным, и ответил:

– Нисколько. Заходите, присаживайтесь, – я показал на лавку, так как больше сесть у меня было не на что.

Гостья прошла в комнату и аккуратно присела на указанное место, разглядывая меня. Я, в свою очередь, рассматривал вошедшую и признал, что общее впечатление о ней можно уместить в двух словах – сильная женщина. Ее глаза были цепкими и строгими, губы привычно сжаты в строчку, а все ее состояние говорило о том, что в любой момент она готова к чему угодно. И ни падение метеорита, ни извержение вулкана поблизости не смогут лишить ее уверенности в себе.

– Чем я могу вам помочь? – поинтересовался я.

– Я пришла поговорить с вами о моем сыне.

– А как зовут вашего сына?

– Марик.

Все понятно, разговор будет долгим. Я подтащил к себе поближе сумку с одеждой и с комфортом уселся на нее прямо перед гостьей, подумав, что садиться на стол было бы верхом неприличия. Кроме того, взгляд снизу вверх психологически дает некоторые преимущества оправдывающемуся, а мне, судя по всему, сейчас предстоит делать именно это.

– Скажите, почему вы взяли его к себе? – спросила женщина.

– Простите, не знаю вашего имени...

– Мирана.

– Так вот, Мирана, разве ваш сын вам все не объяснил?

– Он рассказал мне об этом, но я бы хотела услышать ваш ответ.

– Хорошо. Я взял его в свой отряд потому, что так он сможет принести гораздо большую пользу, нежели бегая по лесам и охотясь на домашнюю скотину.

Женщина опустила глаза, признавая свой промах, но все же спросила:

- То есть вы взяли его, чтобы он под вашим руководством убивал людей?
- Именно так, – просто ответил я.
- Но как же...
- Что?

– Это же бесчеловечно! – гневно заявила женщина. – Он ведь еще ребенок!

Я вздохнул и терпеливо объяснил:

– Этот ребенок уже начал чувствовать голод и охотничий азарт. Кто знает, сколько ему нужно времени, чтобы окончательно превратиться в хищника?

– Марик не станет хищником!

– Станет, еще как станет. От судьбы никуда не уйдешь. Некоторые рождаются послушной скотиной, а некоторые – свирепыми хищниками. Можно надеть маску, притворяясь перед остальными, но наедине с собой... Ведь вы же прекрасно видите перемены, происходящие с ним, не так ли?

Женщина молчала, а я продолжил:

– Как я уже говорил вашему сыну, он сейчас запросто может уйти из отряда и жить так же, как жил до этого. Вот только долго ли? Вчера я спас его от вполне заслуженного наказания, но кто знает, что случится с ним в следующий раз?

– Я не хочу, чтобы мой сын стал убийцей! – твердо сказала Мирана.

– Он станет не убийцей, а воином, если вам от этого будет легче.

– Это одно и то же.

– А почему вы так этому противитесь? Вы ведь знали, что все выйдет именно так, что Марик вырастет и приобретет черты своего отца? Просто не могли не знать.

Женщина опустила голову, а я понял, что угодил в яблочко, и продолжал развивать успех, говоря ей тихим голосом:

– Вы ведь пришли сюда не просить о том, чтобы я отпустил Марика. Вы пришли, чтобы я поддержал вас, чтобы облегчил ваши страдания. Поверьте, я вас прекрасно понимаю. Кто же хочет от своего ребенка, чтобы он встал на путь смерти? Но у Марика уже нет другого выбора. Он может либо стать изгоем, объектом всеобщей охоты и ненависти, либо превратиться в героя, в защитника, что охраняет свой дом от врагов...

– Но я не хочу, чтобы он повторил путь своего отца!

– А это совсем необязательно, ведь очень многие удачливые, сильные воины благополучно доживают до старческих седи. Я не могу вам гарантировать, что с Мариком ничего не случится, но могу пообещать, что всеми силами присмотрю за ним, как и за любым другим бойцом моего отряда. Так что не стоит тревожиться.

Женщина тяжело вздохнула. Видимо, надеялась на совсем другой исход разговора.

– А остальные члены вашего отряда знают, что он оборотень?

– Пока нет, но непременно узнают.

– Но почему вы им ничего не сообщили? – удивилась Мирана.

– Просто я по себе знаю, что такие новости нужно выкладывать далеко не сразу, – усмехнулся я.

Женщина задумалась, а потом поднялась с лавки. Я почувствовал, что камень с ее души не упал, но стал немного легче. Большого я, увы, сделать не мог, так что и пытаться не стоило, поэтому просто проводил Мирану до двери и сказал:

– Убийцы не всегда бывают только плохими.

– А разве есть и хорошие? – удивилась мать Марика, оборачиваясь ко мне.

– Подумайте, ведь у каждого королевства есть своя армия обученных убийц, которых все жители называют защитниками. Если вас это еще не убедило, то ответьте мне: я плохой?

Женщина внимательно посмотрела в мои глаза и покачала головой:

– Нет, вы защищаете нас, заботитесь о Городе, о его жителях... Нет, вы не плохой.

– А между тем целый народ называет меня Убийцей.

– Но почему? – удивлению женщины не было предела.

– Эта история не из тех, что рассказывают незнакомым людям, вы уж меня простите.

Просто не стоит все смахивать в один угол – есть убийцы, для которых убийство является целью, а есть защитники, для которых оно лишь средство.

Женщина постояла немного на пороге, а потом все же кивнула и напоследок сказала:

– Спасибо вам, Алекс. Храни вас Единый!

Мирана ушла, я закрыл за ней дверь и подумал, что далеко не все выходит так гладко, как я ей сказал. И сын ее действительно станет в скором времени убийцей, а точнее, охотником. Он будет убивать, чувствуя наслаждение, от этого хищнику никуда не деться. Но кто сказал, что работа не должна приносить удовольствие? Причем даже такая работа.

После ухода матери Марика я сходил на реку и выстирал всю пропыленную одежду. Вернулся домой, а затем вместе с парнями продолжил тренироваться верхом. В этот раз попадания были намного точнее, ребята уже привыкали к седлам, могли без особых проблем управлять лошадьми, короче, налицо был явный прогресс. Однако меня это не особо радовало. Все эти два часа упорных занятий я чувствовал приближавшуюся бурю, которая вот-вот должна разразиться над нашими головами. Жалко только, что моя интуиция не могла подсказать мне точное время и место событий. Вот бы еще научить ее разговаривать, тогда совсем отлично бы вышло. Приходит тебе в голову такое своеобразное сообщение: «Тогда-то в таком месте тебя будет поджидать враг, советую подготовиться и желаю удачи! Твоя интуиция»... Так, что-то я начинаю нервничать. Иначе с чего бы такие дурацкие мысли посещали мою голову?

Вскоре стало темнеть, и я вместе с ребятами вернул лошадей в загон, а затем отправился на ужин. Вспомнив о проблеме с лошадьми, спросил Рика, подумал ли он над моим предложением. Парню явно не хотелось заниматься этим делом, но он все же ответил, что может отправить несколько десятков лошадей к своему отцу, если я дам ему в помощь еще троих парней. Оказалось, что его отец живет не так далеко от столицы, так что дорога туда и обратно не должна занять больше трех дней. Естественно, я согласился и пообещал передать его слова Хагелу, чтобы подыскал нужных людей. Одной проблемой стало меньше, но облегчения это мне совсем не принесло.

Перед ужином я зашел к командиру и поинтересовался, как обстоят дела с клинками. Оказалось, что уже три десятка готовы, но находятся в стадии подгонки и отделки. Узнав об этом, я попросил плюнуть на отделку и немедленно снабдить ими воинов.

– Ты что-то знаешь? – спросил меня удивленный Хагел, выслушав мою просьбу.

– Чувствую, – ответил я. – Сегодня вечером или завтра утром будет нападение, а у нас еще совсем ничего не готово!

Я стал рассказывать взад-вперед по кабинету командира. Демоны, я даже не припомню, когда в последний раз так нервничал! Правильно говорят, что ожидание хуже битвы. В засаде я сидеть умею, а вот так дожидаться неприятеля, понимая, что тебе банально не хватает всего одного дня, чтобы противопоставить ему сильный отряд... Это порядком напрягает. Да, я справлюсь и сам, но просто не хотелось бы по-глупому терять своих людей, к которым уже начал чувствовать некую привязанность и командирскую заботу. Да, только теперь я понял, что они стали для меня чем-то большим, чем просто случайные знакомые. Наверное, они постепенно и плавно переместились в разряд друзей, причем это вышло совершенно незапланированно и неожиданно для меня. И сейчас я начинал осознавать, что дружба накладывает определенные обязательства, поэтому мне придется разрываться между желанием поскорее все закончить и заботой о своих подчиненных, потому что... Крот, Дин, Рокин, да и все остальные без исключения... Я просто не хочу, чтобы они погибли!

Нет, я не стал более сентиментальным. Не хватало мне еще розовых соплей в моей жизни! Я не буду лить по ним слезы, когда их не станет, не буду сильно переживать, когда добуду нужные сведения и уберусь отсюда подальше, оставив их служить дальше. Просто мне намного приятнее видеть их живыми, чем знать, что они погибли из-за моих ошибок... Наверное, я становлюсь настоящим командиром, раз начинаю задумываться о таких вещах. Это было плохо, ведь мне очень не хотелось зависеть от кого-то, а еще больше не хотелось, чтобы кто-то зависел от меня. Алонки мне за глаза хватило и больше подобных

экспериментов не нужно!

Хагел не мешал моим мыслям, наблюдая за моими метаниями по комнате. Вскоре я остановился и повторил просьбу:

– Раздайте клинки воинам, пускай хотя бы начинают к ним привыкать. Вашун пусть работает всю ночь. Чем больше мечей он сделает до нападения...

– Я ему передам твои слова, – серьезно кивнул Хагел.

– Тогда прикажите сегодня тем воинам, что занимались с моими ребятами верховой ездой, спать вполглаза и быть готовыми выехать по моему сигналу.

– Ты хочешь отправиться навстречу врагам? А если их будет в несколько раз больше, чем...

– Там посмотрим. Я еще сам не уверен, откуда последует нападение, но подготовиться все же не помешает.

Закончив разговор с командиром, я вышел из его кабинета и присоединился к ужинающим парням. Сегодня меня совсем не веселили их шуточки и рассказы, я думал о предстоящем бое. По идее, мне нужно проделать все самому, вдали от городских стен, так зачем же я тогда собираюсь тащить с собой этих новичков? Но, немного поразмыслив, я понял, что, оберегая парней, не получится сделать из них воинов. Именно в бою они должны почувствовать свои силы, проверить свои навыки, а потери... Потери – это неизбежная часть воинской статистики.

Увидев, что практически все ребята уже управились с ужином, я поднялся и громко сказал, привлекая всеобщее внимание:

– Парни, сегодня ночью нам предстоит бой! Сейчас пусть каждый из вас проверит свое оружие, подготовит его, а потом пойдет к местной знахарке Нараве, чтобы получить флягу с целебным напитком. Спать сегодня ложитесь одетыми, чтобы не терять драгоценное время, и спите чутко, чтобы могли вскочить по моей команде. Я каждого персонально расталкивать не собираюсь! Тем, кому достанутся новые клинки, которые принесет сейчас командир Хагел, обязательно опробуйте их, приналовитесь к ним...

Я задумался, припоминая, что бы еще посоветовать.

– А что, сегодня опять нападут кочевники? – удивился Дин.

– Да, – подтвердил я.

– А ты откуда знаешь? – озвучил общий вопрос Крот.

Вот ведь любопытный!

– Задницей чувствую! – просто ответил я ему и пошел повидаться со знахаркой, провожаемый напряженным молчанием, которое воцарилось в столовой.

У Наравы оказалось готово практически все. Благодаря распоряжению Хагела ей удалось найти у горожан больше полусотни небольших фляг. Оглядев всю добычу, я забраковал пяток, так как таскать с собой больше двух литров лимэля будет неудобно, но десятка три явно походили на мои фляжки, были небольшими и удобными. Знахарка сказала, что с завтрашнего дня можно будет раздать все эти фляги воинам. Я сообщил в ответ, что планы немного изменились, и парни придут за ними уже сегодня. Внимательно посмотрев на мое напряженное лицо, она осведомилась:

– Нападут сегодня?

– Ночью, – ответил я. – Так что готовьтесь.

Напоследок я доверху наполнил лимэлем свою фляжку, а потом отправился домой, так как сделать большего для Города уже не мог. Если бы точно знать, что кочевники придут с запада, а не со стороны деревень, можно было бы сразу выслать туда конный отряд. Но у меня такой уверенности не было, поэтому я решил не рисковать, разделяя и без того маленькие силы защитников.

Вернувшись в свой дом, я обнаружил там Кару, с нетерпением ожидавшую меня. Сегодня любовные занятия я продолжал недолго, так как не хотел растрачивать силы. Те пятнадцать минут, что я уделил девушке, оказались для нее явно недостаточными, поэтому мне пришлось пообещать, что завтра ночью обязательно все наверстаю.

«Мда, или у них в Городе такие фантастические любовники, с которыми она встречалась ранее, или это просто аппетит приходит во время еды», – размышлял я, провожая Кару.

Наскоро приняв водные процедуры, я оделся и заснул, подумав напоследок о том, что все мелкие бытовые заботы почти не оставляют времени для серьезных занятий магией. А я же еще не сообразил, как сконструировать качественную маскировку...

Благодаря Темноте ночью я спал как младенец, укрытый непроницаемым для тревог и волнений черным одеялом, и только перед самым рассветом в моей голове зазвонил будильник. Мигом проснувшись и вскочив с лавки, я понял – началось!

Глава 22

Кто к нам с тем за тем, тот от того и того!

Подхватив и надев на спину перевязь с мечами, я быстро закинул туда же свой лук и пару колчанов со стрелами, решив сегодня взять больше боезапаса, чтобы на всех гадов хватило. Выбежав из дома, я закричал что есть силы:

– Отряд, подъем!!! По коням!!!

В окрестных домах сразу же началось шевеление, несколько парней тут же выбежали мне навстречу, но я, не останавливаясь, приказал:

– Всем собраться у загона с лошадьми!

Прибежав к загону, я увидел, что там никого нет. Вашу мать! Забыл вчера предупредить, чтобы кто-то дежурил здесь и на ночь лошадей не расседывал. Судя по моей сигналке, неприятель приближался с северо-запада и минут через сорок уже будет под стенами Города, а я ведь планировал его встретить еще на подходе... Чувствуя, как время утекает сквозь пальцы, я кинулся оседлывать сонных лошадей, взяв в подмогу парней, что прибежали первыми. На это дело ушло непростительно много минут, но все же, оседлав три десятка лошадей, мы понеслись к воротам. К моему отряду присоединилось еще четверо воинов Хагела, уверенно державшихся в седлах. Это правильно, поддержка опытных вояк мне совсем не помешает, вот только если они проявили такую инициативу без согласия командира... Хотя нет, вряд ли, Хагел точно должен об этом знать. Вероятнее всего, он же и приказал своим бойцам сопровождать нас. Потом спрошу, когда вернемся.

Не снижая скорости, мы выехали за ворота, заблаговременно открытые дозорными, и понеслись в том направлении, где сработала моя сигнальная нить. Да, я допускал возможность, что это была ложная тревога, и что, приехав на место, мы обнаружим только оленя или заблудившуюся лошадь, или еще какое-нибудь крупное копытное, но моя интуиция подсказывала мне другое. Небо уже начинало светлеть, в предрассветных сумерках было все хорошо видно, и я не боялся каких-нибудь ямок, из-за которых можно навернуться с лошади. Вот только остальным приходилось туго, потому что факелов мы брать не стали, а ночным зрением никто из бойцов не обладал. Но я нашел выход из положения – приказал отряду растянуться, а сам поскакал впереди всех, выбирая наиболее удобную дорогу. В этом мне очень помогла разведка, и я подумал, что не зря столько времени бегал по лесу.

На ходу я оглядел своих бойцов. На некоторых из них были железные доспехи, за спинами торчали колчаны и луки, а сбоку виднелись мечи на поясе. Надо будет сказать, чтобы впредь ножны делали с лямками для ношения за спиной, а то из-за пояса такие клинки доставать не слишком удобно, теряется несколько мгновений. Но это уже дело привычки, ведь мои ребята только недавно стали носить оружие, поэтому им не нужно будет долго переучиваться, в отличие от воинов Хагела. Но не все парни радовали меня подготовленным видом. Некоторые мало того что выехали не в полном облачении (то ли доспехов не досталось, то ли в дикой спешке не успели их натянуть), так кое-кто был вообще полуголым, несмотря на все мои вчерашние предупреждения. Двое и вовсе отличились – не надели даже форменные куртки и сейчас щеголяли в белых рубашках.

– Санк, Рем, снимите свои рубашки и засуньте их куда-нибудь! – крикнул я парням на

скаку.

– А куда? – уточнил Санк.

– Да хоть в задницу себе, но перестаньте маячить светлыми пятнами! В вас же сейчас и слепой попадет!

Парень сконфузился и стал на скаку стягивать рубашку, не зная, куда девать лук. Рем решил дело проще, он просто сорвал с себя рубаху и отшвырнул в сторону. Теперь вроде получше, парни перестали представлять собой легкие мишени. Я посмотрел на суровых воинов Хагела, которые мало того что выехали при полном вооружении, так еще и шлемы не забыли прихватить. Вот у кого ребятам следовало бы поучиться!

Еще раз оглядев растянувшийся отряд, я стал прикидывать, сколько прошло времени с того момента, как раздался сигнал. Выходило, что минут двенадцать. Еще через пять минут бешеной скачки впереди должен появиться длинный овраг, который пересекал линию между городом и местом прорыва. Именно там я и планировал устроить засаду. Этот овраг был глубоким, так что лошадям его с ходу не перепрыгнуть и вообще не преодолеть. Кочевникам, если они верхом, придется обязательно объезжать его. Вот только куда именно они направятся, на юг или на север? Я вспомнил точную карту местности, что нарисовал себе мысленно при недавней рекогносцировке, и решил, что с юга они точно не полезут, поскольку там растут довольно колючие кусты. Я бы на их месте поберег коней и обошел овраг с севера. Значит, там и нужно подыскивать место для засады, я даже примерно знал, какое. Только бы успеть!

Чтобы раньше времени не выдать себя шумом, я вскоре сбавил скорость, теряя драгоценные минуты, но, несмотря на все мои опасения, наш отряд все же успел добраться до места предполагаемой засады. Признаков неприятеля пока еще не было видно, но магическим зрением на самом пределе видимости я разглядел плотное скопление аур, которое медленно приближалось к нам. Похоже, кочевники не спешили, чтобы в сумерках не поломать ноги лошадям. Это было нам на руку. Оглядев местность, я убедился, что лучше варианта не найти, и остановил отряд рядом с лесистым холмиком, который располагался неподалеку от конца оврага. Возвышенность эта была совсем небольшой – всего несколько метров по сравнению с остальным лесом, но именно она даст моим неопытным бойцам преимущество верхней позиции для более точной стрельбы.

И даже расстояние до того места, где, предположительно, будут проезжать кочевники, оказалось совсем ерундовым – всего сотня метров с небольшим, плевое дело! В том, что они проедут здесь, я не сомневался, так как именно в этом месте в лесу была полянка, которая выглядела гораздо привлекательнее рощи на краю оврага. И тут я вспомнил, что кое-что упустил из виду. Ведь мои бойцы не умеют стрелять так же хорошо, как и я, а это значит, что даже такая удобная позиция вовсе не гарантирует большого урона в неприятельском отряде. Это для меня плевое дело – перебить кочевников, которые с холмика будут видны как на ладони, а вот для остальных... Ладно, оставалось только надеяться, что парни не подведут, переигрывать все равно поздно, кочевники уже приближались. Спрыгнув с седла, я подождал, пока все остальные последуют моему примеру, и четко объяснил задачу бойцам:

– Кочевники пойдут вон оттуда, а вы сейчас засядете на этом холмике и будете методично обстреливать их, стараясь не попасть под встречные выстрелы. Лошадей нужно отвести подальше, чтобы они раньше времени не выдали ваше присутствие, самим спрятаться за деревьями или вообще на них, кому как будет удобнее, и начинать стрелять только всем вместе по команде, когда кочевники приблизятся. Раньше не вздумайте, потому что только вспугнете их. Подавать команду будет Крот.

– А много их будет? – спросил Волчонок дрожащим голосом.

Волнуется парень или это только возбуждение от предчувствия скорой схватки?

– Сейчас их около двухсот, – припомнил я размер пятна, что заметил магическим зрением. – Но я постараюсь, чтобы сюда дошла в лучшем случае сотня, а насколько мне это удастся, вскоре поглядим. И напоследок запомните, умение побеждать не только в том, чтобы убивать врагов, а еще и в способности самому оставаться живым. Так что

поаккуратнее, парни, и не подведите меня!

Я махнул рукой отряду и побежал навстречу кочевникам, решив срезать путь и подойти к ним прямо через овраг. Своим магическим зрением я уже вполне их различал. Степняков оказалось немногим меньше, чем две сотни, но все равно для моего отряда это до фига. Нужно срочно сократить их поголовье, пока они не добрались до места, причем сделать это как можно незаметнее. В лучшем случае после первых стрел моих парней погибнет пара десятков, а уж потом начнется позиционный бой. Да, мои бойцы находятся в более выгодном положении, но стрелять умеют гораздо хуже, поэтому мне сейчас придется очень постараться.

Пробежав где-то с километр, я достиг того места, где кочевники внезапно обнаружили, что на их пути встала непреодолимая преграда в виде оврага с протекающим на дне ручейком. Только они стали поворачивать своих лошадей на юг, а не на север, как я надеялся. Это была катастрофа. Я стоял, обняв деревце на противоположном краю, и смотрел на то, как кочевники, растянувшись длинной цепочкой, следуют вдоль оврага в сторону, противоположную моей засаде. Мне оставалось только материться. Мои гениальные планы, достойные самого Наполеона, пошли демонам под хвост, что было вполне естественным. Я ругал себя последними словами, давая себе мысленные оплеухи. Возомнил себя гениальным стратегом, великим полководцем... тьфу! Позорище одно! Все тактические навыки ограничиваются прохождением многочисленных стратегий на компьютере, а туда же – командовать!

Ладно, самобичеванием тут делу не поможешь, придется исправлять. Но как теперь сделать, чтобы ни один из врагов не ушел? В прежнем плане это было предусмотрено – я захожу с тыла и контролирую все пути их отхода, а ребята расстреливают кочевников с фронта, вынуждая тех отвечать. Вперед, к Городу, они точно не побегут, оставляя за своими спинами неизвестный вооруженный отряд. Ну а теперь остается надеяться только на везение и рассчитывать, что я сумею магией перебить немало степняков и не дам улизнуть ни одной сволочи. И если первое было вполне вероятно, то последнее уже маловыполнимо. Это же не кролики, за всеми не уследишь при всем желании. Стоит им только выйти за пределы моего магического захвата, и все – ищи ветра в поле. Но что уцелевшие будут делать потом? Поджав хвосты, убегут подальше или приведут с собой подмогу в десятикратном размере? Именно это я предугадать никак не мог.

Я уже хотел направляться к южному концу оврага, но моя интуиция заставила меня немного повременить. И точно! Удача сегодня была явно на моей стороне. Вглядевшись магическим зрением в пространство, я увидел, что кочевники возвращаются.

«Напоролись на колючки», – понял я.

Прыгнул в овраг и побежал по грязи и воде в сторону степняков. Их возвращение было мне весьма на руку, так как сейчас они растянулись длинной цепочкой. Однако нужно было обеспечить себе большее расстояние для тихой охоты. Поэтому я пробежал еще метров двести и выбрался из оврага. И увидел приближавшегося неприятеля уже обычным зрением. Замаскировавшись под кустом, я стал терпеливо дожидаться, пока проедет весь отряд врагов, подсчитывая их. Дойдя до ста восьмидесяти двух, я понял, что кочевники закончились.

«Все, пора», – решил я.

И осторожно выбрался из-под куста.

Первые кочевники умерли молча, получив две магические стрелы прямо в «тыковки». Я поддержал их магическими захватами, а потом тихонько стащил тела из седел на землю и уложил, постаравшись, чтобы ни одна их железка не звякнула. Операция прошла без шума и пыли. Замыкающие ехали с небольшим отрывом, поэтому никто ничего не заметил. Высосав за несколько секунд всю энергию из их мертвых тел, я направил ее в сафрус, одновременно перекачивая туда половину своего резерва и сетуя на то, что не догадался сделать этого раньше. Бесшумно пробежав вперед, повторил операцию еще с двумя, забрав энергию и у них, а затем еще, и еще...

А вот дальше возникла первая сложность – впереди ехала группа из десяти человек.

Пару секунд поразмыслив, что же делать, я аккуратно продырявил черепашки троим, подхватил их захватами, а затем вынудил их лошадей сбавить шаг, отделяя от общей массы. Предрассветные сумерки играли мне на руку – и снова никто не поднял тревогу. Уложив трупы и забрав их энергию, я подумал, что с каждым разом магические действия удаются мне все лучше. Зря я раньше не уделял этому внимания, ведь практика может мне многое дать. Размахнувшись, я таким же способом убил сразу пятерых и аккуратно подхватил падающие тела.

А дальше пошла просто однообразная работа. Кочевники растянулись довольно сильно и, по моим прикидкам, должны были уже через несколько минут достигнуть места засады. Вот тогда они выедут на открытое место и непременно обнаружат потерю многих членов отряда, значит, мне нужно поторопиться. Я убивал кочевников одного за другим, бесшумно и безжалостно, не чувствуя по этому поводу никаких сомнений. Я выбрал единственно верное решение, лишая их жизней, поскольку знал, что они пришли сюда убивать. Убивать тех, кто находится под моей защитой, тех, кто мне небезразличен. А раз так, то и незачем волноваться, моя совесть легко выдержит еще некоторое количество трупов, и кошмары по ночам мучить не будут, об этом позаботится Темнота.

Кстати, очень странно получалось. Ведь, если хорошенько разобраться, то с того момента, как попал в этот мир, я спокойно относился к чужой смерти. Не было ли связано это с тем, что мне больше не снились сны, а если точнее, не являлось ли это результатом того, что ко мне периодически стала навеваться новая подруга на букву «Т»? Именно эти несвоевременные мысли заставили меня сбиться с заданного ритма, и один мертвый кочевник упал на землю, выскользнув из моего магического захвата.

Мля-я-я... Сразу трое воинов, ехавших впереди, обернулись на звук.

Три магических стрелы мгновенно пронзили им головы, и они застыли в седлах, а затем аккуратные захваты стащили их с лошадей и уложили на сырую землю. Остальные все так же продолжали путь, не замечая, что за ними следуют только несколько лошадей с пустыми седлами. Облегченно вздохнув, я побежал дальше. Сейчас передние должны достигнуть конца оврага, а потом наверняка остановятся, чтобы дождаться остальных. Так бы поступил я, и не думаю, что предводитель этих гадов окажется глупее. Ведь должен же у них быть предводитель? Его я рассчитывал взять живьем, чтобы порасспросить о делах, творящихся в степи. Еще десяток мертвецов были уложены на землю, и я опять слил энергию из своего резерва в сафрус. Что-то мне стало маловато емкости тех трех камней, что я вживил в тело, пора уже подумать о расширении. Что мне там говорила Темнота, когда я впервые проводил подобный эксперимент: не спешить? А может, сейчас уже время пришло? Надо же двигаться дальше...

Еще двое рухнули на землю, а я увидел, что впереди собирается большой отряд. Я понял, что пора действовать, моя тихая охота принесла хороший результат – почти семьдесят врагов уже мертвы. Дальше настанет время охоты громкой, но как теперь их подманить под стрелы парней, чтобы те хоть получили необходимый опыт?... Ничего так и не придумав, я убил еще одного кочевника, отделившегося от остальных, и залез на его лошадь, приготовившись вступить в бой, как только командир обнаружит недостачу личного состава.

«Придется работать самому, – с сожалением подумал я. – А парни так и будут тренироваться на неживых мишенях».

И тут опять удача мне улыбнулась, в который раз за сегодняшнее утро. Видимо, настроение у нее сегодня было очень веселым, не иначе. Вождь кочевников, или их командир, или еще кто-то... короче, их главный решил не дожидаться всех своих, а продолжил путь вперед, как только рядом с ним собралось человек пятьдесят. Я увидел, что пока остальные выезжают из чащи, эта группа двинулась в том направлении, где их поджидали мои ребята.

«Теперь только не напортачь, Крот, только не напортачь», – мысленно зывал я к благоразумию парня, осторожно пристроившись в хвост кочевникам, догонявшим основную массу.

Крот не подвел. Как только конный отряд подошел на максимально близкое расстояние, с возвышения донесся дикий рев:

– Бей гадов!!!

И тотчас из-за деревьев стали выскакивать мои парни и, почти не целясь, выпускать стрелы в кочевников. Это принесло свои плоды. Уже через секунду с десятков всадников свалились под ноги лошадям, а остальные начали лихорадочно доставать свои луки и сабли. Убив магическими стрелами ближайших пятерых врагов и на всю катушку запустив свой энергетический насос, я достал лук с загодя натянутой тетивой и методично начал отстреливать кочевников, которые, выхватив сабли, скакали к месту засады. Мои парни к рукопашному бою еще не были готовы, поэтому я таким способом обеспечивал им прикрытие, чтобы они могли без помех расстреливать неприятеля издали.

Однако и кочевники на полянке вскоре начали выпускать стрелы в ответ. Два вскрика моих бойцов, донесшихся до меня, показали, что били они вполне метко, несмотря на сумерки, поэтому я крикнул:

– Всем укрыться и подготовиться к рукопашной!

Обстрел кочевников моим отрядом прекратился, но я всеми силами стремился восполнить этот пробел, опустошая свой колчан и одновременно запуская в ближайших ко мне гадов магические стрелы. Эх, жалко, что я не успел подобраться к основной группе, а застрял с отставшими – теперь приходилось сильно отвлекаться на тех, кто был рядом со мной, следя за тем, чтобы никто не улизнул. Именно поэтому я и не пытался пользоваться одной только магией, а работал луком. Хоть это и было медленно, но зато кочевники не могли догадаться, что им противостоит не обычный лучник, а маг.

Разумеется, степняки, видя, что я расстреливаю их, словно в тире, попытались ответить. Но я прикрылся защитным коконом и сделал вид, что уклоняюсь от их стрел. Вот только лошадь подо мной этого делать не умела, и вскоре громко заржала и повалилась на землю. Успев выпрыгнуть из седла, я только порадовался, что лучники сейчас отвлеклись на меня, а не на парней, и продолжил их методично расстреливать, опустошая свои колчаны. Спустя минуту среди нападавших никого с луком не осталось, но с десятков кочевников, объединив свои усилия, пришпорили лошадей и помчались на меня. Сократив их поголовье еще на двоих, я отбросил лук в сторону и выхватил клинки.

Не дожидаясь, пока они доберутся до меня, я сам бросился навстречу и, оказавшись между первыми двумя всадниками, подпрыгнул. Слаженный взмах клинков – и два врага остаются без голов, еще один – и кочевник справа сжимает распоротый живот, последний прыжок – и еще двое умирающих валятся под ноги своим лошадям, обливаясь кровью. Дерьмовые у вас железки, парни, мои клинки их на раз режут. Еще двоих я убил быстро сформированными лезвиями, уже не таясь, а поэтому оставшийся в живых струсил, увидав, как рядом с ним воины буквально распадаются на части, и развернул своего коня, надеясь удрать. Перехватив клинки в одну руку, я достал кинжал и метнул его в голову кочевнику, точно попав рукоятью в затылок.

«Один пленный есть», – подумал я, провожая взглядом падающее тело.

Но степняков все еще было десятка два-три. Они остались от той главной группы, которая сразу же кинулась к месту засады и была здорово пощипана моими стрелами. Но когда я отвлекся на лучников, многим из них все же удалось достичь холмика, и сейчас они рубились с моими ребятами. Слегка ускорившись, я поспешил на помощь своему отряду, на бегу добив нескольких раненых, получивших стрелы в места, не слишком важные для жизни.

«Нет, все-таки парням нужно больше упражняться с луками, – подумал я, мельком оглядывая тела. – Вот если бы в засаде посадить всего двоих эльфов, то все кочевники за пару минут получили бы по стреле, да так, что и добивать бы никого не пришлось!»

Добежав до парней, я сразу включился в схватку, располосив одного кочевника, наседавшего на Крота, и отрубив руку другому, который уже замахивался на Глена. Нет, этот парень точно не вернется целым к невесте! Из-за часто растущих деревьев нападавшие не могли сформировать ударный кулак, поэтому весь бой сразу распался на множество мелких

схваток, в которых все решало лишь умение каждого бойца владеть оружием. Я снес голову еще одному из нападавших, неосмотрительно попавшихся мне на глаза, потом метнул клинок в бородатого мужика, намеревавшегося разрубить Рокина пополам, и помог одному из воинов Хагела (какому, понять было сложно из-за ведра на его голове) справиться со своими двумя, убив тех ударами в спину. Никаких правил честного поединка, только эффективная гибель противника – так меня учили в рассветной школе, и это я принимал с пониманием и всецело одобрял данный подход к схватке, чем немало в свое время удивлял мастера Лина.

Внезапно сбоку раздался звериный рев, и я увидел, как полностью трансформировавшийся Волчонок прыгнул на кочевника, который наседа на Санка, и вцепился ему в горло, буквально за мгновение располосовав его острыми клыками. Отшвырнув свою жертву, оборотень метнулся в сторону и напал на следующего противника, который подбирался к Дину. Молодец, Марик, справляется просто на «отлично»! Поэтому я перестал следить за ним и постарался охватить всю сцену боя целиком. Несколько моих парней уже лежали на земле, но ранеными или убитыми – пока было не определить, поскольку всасываемая мной отовсюду энергия мешала различить их ауры.

С ревом на меня пошел здоровенный кочевник с боевым топором, но получил точный удар, рассекший ему сонную артерию, и пролетел мимо, а потом грузно рухнул на землю, зажимая горло. Затем я убил еще одного воина, просто ткнув клинком в голову, метнул подхваченную с земли саблю в кочевника, собиравшегося зарезать Трита, быстро скользнул вперед и еще одним взмахом клинка распорол горло какому-то пожилому степняку. И понял, что бой начинает стихать.

Кстати, а вот интересно, почему я не пользовался магией, сражаясь рядом со своими бойцами? Ведь удобнее было бы наградить всех кочевников магическими стрелами в голову и не страдать ерундой, но я по старой привычке работал только железом. И от кого же я скрываюсь? Ведь все равно после допроса пленных я покину Город, помахав ребятам ручкой на прощание. Так почему я все еще не решаюсь на открытую демонстрацию своих возможностей? Боюсь ненависти окружающих, их страха или чего-то иного? Да и секрет мой скрыть уже не получится, ведь мне нужно будет объяснять наличие огромного количества трупов степняков с аккуратными дырочками в головах. Хотя здесь тоже можно придумать оправдание. Сказать, например, что амулет секретный был, а какой, не могу показать – государственная тайна, а это вам не шутки!

Спустя еще минуту, когда мы всем отрядом окружили оставшихся степняков, я понял, что подсознательно боюсь не страха или ненависти своих парней. Я боюсь потерять их дружбу, их уважение, их доверие, которые с таким трудом завоевал. Ведь если принца во мне бойцы моего отряда могут и не замечать, то нельзя заранее сказать, как они отреагируют на то, что я внезапно окажусь магом. Поэтому наверняка лучше всего мне и дальше носить маску воина. Все равно нам вскоре придется разбежаться в разные стороны, а мне так хочется сохранить наши дружеские отношения...

Бой был окончен, когда несколько парней разом проткнули тело рослого кочевника в роскошной одежде и с дорогим мечом, успевшего натворить немало дел. Он располосовал плечо Дельву и едва не отрубил руку Ласу, когда его окружили мои парни, поэтому они и не стали с ним церемониться, накрыв медным тазом все мои планы по захвату вождя. Но зато бойцы по достоинству оценили преимущества своих новых клинков, которые при сильном ударе разрезали и саблю противника, и его вместе с ней.

«Ох, как ерундово получилось», – подумал я, оглядывая место побоища, а потом приказал тяжело дышавшим парням:

– Всем быстро осмотреть себя. У кого есть раны, полить на них лимэлем из фляжек, а потом выпить несколько глотков!

Затем я подошел к лежавшим на земле парням. Одного из них, Дилон, еще можно было спасти, так как он еще дышал. Я вылил ему на грудь, проткнутую в нескольких местах саблями, немного лимэля из своей фляги, а почти половину влил парню в рот. Края ран

начали быстро затягиваться, поэтому я отошел от него и стал проверять остальных. Оказалось, что не все в спешке захватили с собой выданные им накануне фляги, но более целые и предусмотрительные товарищи поделились со страдальцами целебной жидкостью. Процесс лечения прошел отлично, раны быстро заживали под удивленными взглядами воинов. И хорошо еще, что никому из парней в схватке не поотрубали конечности, а то, кто его знает, как в таком случае повел бы себя лимэль. На моей памяти такого еще не было.

Оглядывая своих воинов, собравшихся вокруг лежащих на земле тел, я одновременно осматривался магическим зрением, проверяя, не осталось ли живых врагов, кроме того, которого я приласкал кинжалом по затылку. Оказалось, что есть еще тройка тяжелораненых, что лежали совсем неподалеку, и двое со стрелами в животах, которые упали на поляне, где их настиг первый залп. Одну ауру я заметил в кустах за спиной и развернулся туда, сжимая клинок в руке. Следом за мной повернулись и остальные, уставившись на тот куст, где явно виднелась человеческая фигура.

– А ну, выходи! – рявкнул я, надеясь, что этот трусливый кочевник понимает общий.

Кусты зашевелились, выпуская фигуру, но это оказался вовсе не кочевник. Перед нами стоял покрытый шерстью волк-оборотень в одежде Марика. Это было весьма кстати, поэтому я радостно сказал:

– Так это ты, Волчонок! А я уж было тебя за кочевника принял... Чего по кустам прячешься? Тебе ведь гордиться нужно. Видел я, как ты сегодня двоих завалил, поэтому, пользуясь случаем, выражаю свою благодарность! Вот, ребята, учитесь! – кивнул я остальным на Марика. – Новичок в отряде, а как сражается – любо-дорого смотреть!

Ребята с испугом и удивлением рассматривали оборотня, который все еще не принимал человеческий облик. Видимо, напряжение схватки было слишком велико, чтобы моментально успокоиться, парню требовалось время, чтобы прийти в себя и обратиться.

– Ну, и чего застыли? – спросил я ошеломленных парней. – Царапины свои осмотри, все залечили? Тогда бегом раненых кочевников искать! Всех их снести в одно место, а я уже разберусь, что с ними делать. А ты, Волчонок, давай принимай привычный облик, а то многие тут от страха в штаны наложжили!

Марик оскалился, да и среди парней раздались неуверенные смешки. Все зашевелились, разбредаясь по поляне, а я подошел к Дилону, который уже пришел в себя, но пока не спешил подниматься.

– Ты как? – поинтересовался я у него, присев на корточки.

– Я уже умер? – шепотом спросил парень.

– Пока нет, – разочаровал я его. – А что, очень хотел? Так я всегда могу помочь, если попросишь! – я ехидно улыбнулся.

– Фу-у-ух! – облегченно выдохнул Дилон. – А я уж было подумал, что на том свете. Смотрю, все наши парни стоят в крови, рядом чудовище волосатое скалится...

– Так, еще раз Марика обзовешь чудовищем, получишь в зубы! – предупредил его я.

– Так это Волчонок? – удивленно прошептал Дилон.

Соображает парень.

– Да. Поднимайся, давай, хватит на сырой земле валяться, еще отморозишь себе чего-нибудь!

Я протянул ему руку, Дилон, ухватившись за нее, поднялся и остался стоять на нетвердых ногах. Я оглянулся на оборотня, уже принявшего человеческий вид, но все еще стоявшего со смущенным видом неподалеку, и окликнул его:

– Марик, дуй сюда!

Когда Волчонок подбежал к нам, я проинструктировал его:

– Сейчас отведешь Дилона к лошадям, чтобы он по дороге не рухнул, а потом найдешь в седельных сумках кочевников воду и что-нибудь съестное и принесешь ему. Понял?

Марик кивнул, закинул руку пошатывавшегося Дилона себе на шею и зашагал с ним к лошадям.

Вот и все, бой закончен, мы победили. Причем сама схватка заняла от силы несколько

минут, что свидетельствует только о профессионализме командира. Ведь долгий бой – это банальная драка, а опытные воины знают, что врагов нужно бить быстро, чтобы не давать им шансов ответить. Именно это и обеспечивает успех операции, как и в данном случае.

Жаль только, что совсем без потерь обойтись не получилось. Я посмотрел на тело Кина, лежавшее со стрелой в глазнице. Метко стреляют, сволочи, а он даже шлем не надел... Хотя, может, ему он и вовсе не достался, так как кузнец по моему приказу начал делать клинки, не обеспечив сперва всех воинов доспехами.

«Что ж, вот и вторая моя потеря на должности командира отряда, – подумал я, стоя над мертвым телом и ощущая легкую грусть. – Возможно, если бы я сразу начал убивать всех кочевников с помощью магии, этого бы не случилось, но тогда не меньше десятка точно бы успели скрыться в лесу. Вот и думай после этого, стоило оно того или нет... Ладно, чего попусту размышлять, нужно решать вопросы с пленными», – оборвал я свои невеселые мысли и пошел к ребятам, сносившим тела еще живых кочевников в одно место.

Подойдя к ним, я убедился, что тот, кого я оглушил, вполне живой и вскоре должен прийти в себя, поэтому осмотрел остальных. Двое были порезаны очень сильно и потеряли много крови, один даже умер при переноске, так что я только и сделал, что выпил энергию, еще находившуюся в его теле. А вот нескольких, со стрелами в животе, я осмотрел внимательным образом. Выбрав одного, помоложе, я выдернул у него из бока стрелу, вызвав слабый стон, а затем полил рану лимэлем и влил ему в рот остатки из своей фляги. После этого я приказал этого и оглушенного крепко связать, а остальных быстро прирезал мечом. Последнее несколько шокировало моих ребят. Трит даже попытался спросить у меня:

– А зачем?..

– Ты хочешь сказать, что мне нужно было их вылечить и отпустить с миром? – с иронией поинтересовался я.

– Нет, но стоило хотя бы взять их в плен, – сказал недоумевающий Трит.

– Мне двоих вполне хватит, остальные не нужны, – пожал я плечами.

– Но тогда бы...

– Трит, запомни раз и на всю жизнь. К врагам нельзя проявлять жалость, это может стоить тебе жизни. Однажды оставленный за спиной недобитый противник в любой момент может вонзить тебе кинжал в спину!

– Но они ведь тоже люди! – изумленно сказал стоявший рядом Павод.

– Нет, все они враги! – ответил я. – А враги – это такие твари, которых нужно уничтожать при первой же возможности.

Я оглядел стоявших рядом парней и с недовольством сказал им:

– Ребята, вспомните о том, что они пришли сюда убивать мирных жителей Города. Они собирались напасть на нас, сонных, и просто-напросто уничтожить. Как их можно жалеть после этого? В моем королевстве издавна существует такая поговорка: «Кто к нам с мечом придет, тот от него и погибнет!» С этой мудростью жили многие поколения моих предков, сопротивляясь любым захватчикам, посмеявшимся посягнуть на их земли. Я полностью их поддерживаю и считаю, что в бою жалость только вредит. Если будешь раздумывать, прежде чем нанести удар, противник убьет тебя первым. Если оставишь недобитого врага, завтра он придет к тебе со своими друзьями. Если не готов убивать в бою, то ты уже мертв! Эти нехитрые правила постарайтесь хорошенько запомнить и следуйте им всегда. Может быть, поначалу это покажется вам диким и аморальным, но предложите мне другой путь, без убийств, и я с радостью выберу его!

Молчание было мне ответом. Ребята смотрели на трупы кочевников и думали, а я не мешал им. Чем скорее они научатся этим простым правилам, тем больше вероятность того, что они выживут в дальнейшем. Да, на их глазах я превратился в бессердечную сволочь, которой всегда являлся, но мне уже было все равно. И даже если они после этого станут относиться ко мне с презрением, меня это не сильно расстроит, ведь совсем скоро я уже буду далеко отсюда...

– Ладно, Алекс, мы все поняли, – сказал подошедший ко мне Крот. – Ты не переживай

за нас, мы будем стараться!

Я недоуменно посмотрел на него. То есть мое выражение лица он истолковал как переживание. Довольно неплохо вышло, теперь надо бы еще немножко закрепить успех, но тут уже сам Крот пошел мне навстречу и сказал:

– Спасибо, что сегодня спас всех нас. Ведь если бы не ты, нас просто смели бы первым ударом!

– Да, точно! Спасибо, командир! Отлично стреляешь! – слышалось с разных сторон.

– Ладно вам, ребята, Кина ведь я не смог уберечь... – сказал я, опустив голову.

– И все же знай, Алекс, я теперь твой должник! – торжественно произнес Крот и протянул мне руку, которую я не менее торжественно пожал.

Пусть так, лишь бы не презрение и страх.

– Я тоже твой должник, – произнес подошедший ко мне Рокин. – Если бы не ты, меня бы разрезали на две половинки!

Я пожал и его протянутую руку.

– А я вовек тебе должок не отдам, – сказал мне подошедший Глен. – Ты ведь меня уже в третий раз спас!

– Во второй, – поправил я, пожимая его руку.

– Нет, – хитро улынувшись, сказал парень. – В деревне тоже считается!

А потом все парни без исключения стали ко мне подходить и пожимать руку, благодаря за помощь, за спасение их жизней. Даже смущенный Трит протянул свою клешню и пробормотал извинения за то, что вел себя как зеленый новичок. Следом за моими парнями подошли и воины Хагела, сняв ведра с голов. В одном я с удивлением узнал Ламину, который многозначительно посмотрел на меня и также пожал руку. Все никак не уймется! Должник, мать его...

Наконец, закончив с этими пожиманиями, я с улыбкой сказал всем:

– Все, парни, мы победили. Возвращаемся домой.

Глава 23

Допрос

Но мы далеко не сразу отправились обратно. Сначала парни переловили всех лошадей в пределах видимости, чтобы не оставлять лишней работы горожанам, которых я планировал сюда послать за оружием кочевников. Жалко бросать столько железа в лесу, поэтому жителям Города еще придется потрудиться. Пока ребята гонялись за лошадьми, я успел пробежаться к моим сигналкам и восстановил линию, нарушенную кочевниками. Теперь опять можно спать спокойно, с этой стороны враг не пройдет незамеченным. Вернувшись, я помог парням собирать лошадей в табун и краем глаза отметил, что лицо Рика становится все более мрачным. Парень понимал, что возиться с ними придется именно ему. Закончив с этим делом и плюнув на тех четвероногих, что уже успели далеко удрать, мы аккуратно погрузили на одну лошадь тело убитого Кина, а на две других плотно упакованных пленников и, запрыгнув в седла своих лошадок, двинулись к Городу.

Дорога обратно была довольно хлопотной. Оказывается, сопровождать такой табун – весьма нелегкая задача, и, несмотря на то что лошади стремились бежать за своим вожак, которого в данный момент изображал я, встав, как обычно, во главе отряда, все равно частенько приходилось переходить на шаг, чтобы подождать отставших. Через час такой весьма неторопливой езды впереди показались стены Города, который встречал нас во всеоружии. Ворота его были наглухо закрыты, а над стеной торчали головы дозорных, внимательно изучавших окрестности. Именно они первыми заметили наше появление и велели открыть ворота, выпуская наружу группу любопытных горожан с луками в руках, спешивших посмотреть на наше триумфальное возвращение.

Я с удовольствием подумал, что в отсутствие нашего отряда Город не остался совсем беззащитным. Хагел даже при минимуме своих людей сумел организовать достойную

оборону, задействовав всех жителей. Если бы за то время, что мы разбирались с кочевниками, здесь появился еще один их отряд, Город вполне мог выстоять. Что ни говори, а приятно оставлять за собой такой надежный тыл. Ладно, это все неуместная лирика. Впереди меня ждут очень важные дела, а именно – завтрак, а потом допрос, причем именно в такой последовательности. Только сейчас я понял всю мудрость известной поговорки о том, что война войной, а обед – по расписанию, и мой желудок меня в этом всеми силами поддерживал.

Трофейных лошадей я оставил на лугу перед стенами, так как понимал, что в загон все они точно не влезут. Значит, сегодня же нужно их отправить к отцу Рика, иначе это будет просто стихийным бедствием – содержать всю эту ораву у Города вряд ли выйдет. Разве что всех жителей на конюшню отправить, но это уже полный бред. Подозвав к себе Рика, я сказал ему:

– Сейчас быстро завтракаешь, затем берешь тройку наших ребят, кто хорошо держится в седлах, говоришь Хагелу, сколько тебе еще нужно людей для такого табуна, и на полной скорости мчишь к отцу. И отдаешь ему всех этих коняг. Цель понятна?

– Понятна, – вздохнул парень, которому теперь предстояло пару суток провести в седле. – А деньги?

– Какие деньги?

– Ну, те, что мой отец сумеет выручить за лошадей.

– Пусть он сразу даст тебе за них половину их реальной стоимости, которую ты привезешь сюда. Думаю, столько денег у него вполне найдется.

– А остальное?

– А остальное пусть оставит себе как вознаграждение за труды. Лишнего брать не нужно, понял?

– Все ясно! – улыбнулся парень.

Да, я делал его отцу прекрасный подарок, если учесть, что одна такая лошадь стоит примерно пятнадцать-двадцать золотых монет, а у нас их почти две сотни... Можно неплохо заработать! Правда, деньги меня сейчас волновали в меньшей степени, но лишними они не бывают никогда.

В общем, оставив трофейных лошадей пастись, мы въехали в Город. Первым ко мне подошел Хагел с намерением узнать все подробности произошедшего, но я сразу озадачил его вопросом:

– Где тут можно найти помещение с крепкими стенами вроде тюрьмы? Мне туда пленных поместить нужно.

Командир задумался, а потом выдал:

– Погреб моего дома будет самым лучшим вариантом.

– А они там картошку не поедят? – с улыбкой поинтересовался я.

– Так им же можно и рты завязать, – серьезно ответил Хагел, смотря на связанных кочевников, что подвезли к нам ребята.

Командир не стал терять время и быстро приказал своим людям, чтобы сняли пленников с лошадей и отправили в подвал, а сам вопросительно уставился на меня.

– По дороге расскажу, – сказал я ему и обратился к своим парням: – Наших лошадей в загон, а самим мыться и завтракать!

Услыхав волшебное слово «завтракать», парни верхом отправились к загону, а мы с Хагелом пешком пошли к его дому. По дороге я кратко описал бой, а также заметил, что неплохо было бы отправить жителей на сбор металлолома и прочих нужных вещей, что сейчас валяются около оврага. Заодно пусть выловят всех оставшихся лошадей, их там еще три десятка должно бродить неподалеку, чтобы к обеду отправить их всех подальше отсюда. А также пусть наскоро похоронят степняков. Командир мигом оценил ситуацию, сразу же оставил меня одного ковылять к столовой, а сам помчался раздавать ценные указания, планируя вместе со всеми отправиться на место недавнего боя.

Я с облегчением вздохнул. Все от меня зависящее я уже сделал, и дальше машина

должна покатиться сама, без моих упорных толчков. Вот теперь можно приступать к выполнению первоначального плана.

Зайдя в столовую, я обнаружил, что самые быстрые мои парни уже вовсю насыщаются. Присоединившись к ним, я с улыбкой смотрел, как они почти мгновенно опустошают тарелки и слезно просят у поварих добавки. Впервые бойцы на своей шкуре ощутили последствия лимэля. Ничего страшного, скоро это пройдет, правда, запасы провизии к тому времени они успеют опустошить изрядно. Подмигнув Каре, принесшей мне еще одну порцию горячей картошки, хотя добавки я не просил, краем глаза я вдруг заметил хмурое лицо Волчонка, сосредоточенно жевавшего свою порцию.

Это было странно, так как у всех остальных парней были улыбки до ушей. Они весело обсуждали прошедший бой, радуясь тому, что им повезло остаться в живых. И только Марик глядел перед собой невидящим взглядом, не принимая участия в разговоре. Одно радовало – ребята не стали теребить его по поводу оборотничества, ведь если бы посыпались вопросы: «А каково это? А как у тебя зубы вырастают? А почему шерсть?..», то даже я на месте Волчонка просто сбежал бы подальше от таких надоедливых сослуживцев, а может, и обматерил их на прощание. Но ребята показали себя с лучшей стороны, тактично обойдя вниманием способности своего нового товарища. Лишь только раз эта тема вскользь промелькнула за завтраком, когда Дин поблагодарил смутившегося Марика за то, что тот прикрыл ему спину.

Молодцы, ребята. Растут потихоньку. Но меня беспокоило состояние Волчонка, уж очень явно были видны следы переживания на его лице. Дождавшись, пока он опустошит свою тарелку, я сказал ему:

– Марик, на пару слов.

Волчонок кивнул и поднялся из-за стола. Провожаемые радостными голосами парней, мы вышли из столовой и направились ко мне домой. Разговаривать на улице не хотелось, потому что тема была очень деликатного свойства, а если кто услышит, то слухов потом не оберешься. Ведь городок-то маленький, тут чихнешь ненароком, а тебе с другого конца обязательно крикнут: «Будьте здоровы!» Зайдя в дом, я кивком показал Марику на лавку, а когда он сел, попросил:

– Расскажи, о чем думаешь.

Волчонок долго колебался, но потом все же поделился своими тревогами.

– Алекс... Я сегодня убил человека... Даже не одного, а трех человек. Получается, теперь я стал убийцей? – в его голосе была обреченность.

– Да.

Демоны, сначала матери объяснял, теперь еще и сыну растолковывай! Только нужно перед этим кое-что уточнить, уж больно момент специфический.

– А что ты чувствовал, когда убивал?

Волчонок помялся, а потом неуверенно сказал:

– Азарт, восторг... свободу, наверное...

– А что чувствуешь сейчас?

Я мог бы не спрашивать, так как четко слышал его эмоции, но мне нужно было, чтобы он сам разобрался в своих чувствах.

– Сейчас мне стыдно, мерзко и противно, – признался Марик. – Я вел себя как обычный зверь. Что, если я скоро навсегда останусь таким?

Он с надеждой заглянул в мои глаза, а я вздохнул и присел рядом с ним, положив руку ему на плечо.

– Послушай, что я тебя скажу, Марик. Ты сегодня не был с остальными ребятами, когда я толкал длинную речь о том, что жалость к врагам недопустима, но сейчас я хочу сказать вовсе не об этом. Ты переживаешь о том, что когда-нибудь станешь зверем, оставив без внимания все человеческое, которое сейчас в тебе есть. Правильно переживаешь, но запомни: пока ты еще задумываешься, плохо поступаешь или хорошо, ты всегда остаешься человеком. Звери живут одними инстинктами... хотя бывают и исключения, – вспомнил я о

кэльвах. – Вот они никогда не переживают по поводу своих жертв, это могут делать только разумные существа. Поэтому оставь все сомнения и прими как данность: ты тот, кем являешься. Станешь ли ты хуже или лучше, зависит только от твоего выбора. И не нужно терзаться сомнениями об убийстве врагов. Ты ведь воин, который защищает своих близких и друзей, а не хищник, который убивает только ради собственного удовольствия.

– Но я ведь чувствовал удовольствие! Я же ощущал восторг, когда убивал! – воскликнул Марик.

– И этому я могу дать объяснение. Поначалу я не совсем разобрался в тебе, и думал, что ты получил кровь зверя, которая навязывает тебе свои инстинкты, жажду охоты, жажду чужой крови и смерти. Сейчас я понял, что это не совсем так. В моем королевстве есть такие люди, которых называют адреналинщиками. Они постоянно устраивают себе необычайные приключения, специально придумывают трудности, для того чтобы ощутить то же, что и ты, – восторг и свободу. Именно они спускаются по быстрым рекам, забираются на отвесные скалы, прыгают с большой высоты, только для того, чтобы почувствовать, что и в самом деле живут. Именно так, рискуя своей жизнью, они получают необходимую им дозу впечатлений. Без этого они просто не могут существовать, так же, как и ты. Тебе ведь тоже нужна охота, но не из-за мяса, а ради азарта, ведь так?

Волчонок кивнул, приободрившись, и спросил:

– А в кого они превращаются?

– Кто, адреналинщики?

– Да.

– По-разному, – чуть подумав, ответил я. – Когда прыгают с больших высот, становятся птицами, когда плавают в воде – рыбами, когда забираются на скалы – пауками. Есть еще много разных вариантов...

– Здорово! – воскликнул парнишка.

Интересно, что бы он сказал при виде человека в акваланге: похож он на рыбу или не очень? Я посмотрел на Марика и увидел, что его переживания немного развеялись, но только полностью их убирать не стоило, поэтому я добавил:

– Помни, что я тебе сказал, но не думай об этом в бою, так как мне не хочется тебя потерять. Ладно?

– Ладно. А что мне сказать маме?

– Я бы посоветовал рассказать ей все, иначе потом возникнут большие проблемы, напряжение в отношениях, а это просто недопустимо. Между вами не должно быть никаких секретов, это разрушает взаимное доверие... Тем более что она и так очень сильно за тебя волнуется.

– Тогда я побегу к ней! – подскочил на лавке Марик.

– Давай, – ответил я и добавил, когда он уже был в дверях: – Только про ночные обходы не забывай, ладно?

– Не забуду! – крикнул он мне уже с улицы.

Я еще посидел немного на лавке, думая о том, что в последнее время все чаще в разговорах убеждаю других: убийство – это не плохо, а совсем наоборот, что жалость вредна... Нет, завязывать нужно с этим, свою голову другому ведь не отдашь. Ну, убедил я кого-то в том, что убивать врагов – хорошо, а вдруг он будет записывать в свой список врагов всех кого попало? Нехорошо получится, а виноватым буду я, потому что надоумил. Ну и ладно, ребята после всего вроде бы поумнели и с кочевниками в дальнейшем церемониться уже не будут, Марик тоже успокоился, значит, пока все путем. Что там дальше по плану?

Решительно поднявшись, я снова отправился к дому Хагела, чтобы разыскать погреб, куда отнесли пленников. Обнаружился он быстро, потому что возле него дежурил серьезный Ламин. У него я уточнил, есть ли свет в погребе. Тот ответил, что там есть небольшое окошко под самым потолком, но, если нужно, можно достать пару свечей. Я подумал, что для первого этапа света вполне хватит, а там посмотрим, как дело пойдет. Велев воину

никого не пускать, я спустился по деревянной лестнице в сырое помещение, пропитанное запахами картофеля, земли и квашеной капусты. Этот запах отчего-то всегда витал в любых погребах, в которые я спускался, так что неожиданностью для меня он не стал.

Пленники лежали на полу, крепко связанные, с заткнутыми ртами, перевязанными вдобавок веревкой. Я подумал, что опыт содержания пленных у местных защитников имеется, и они прекрасно понимают, что, обладая крепкими зубами, путы перегрызть не проблема. Так что я только порадовался их предусмотрительности. Нет, я совершенно не волновался по поводу того, что пленники сбегут, меня беспокоило, что их могли прибить при попытке к бегству, а мне они пока были нужны живыми и относительно целыми.

Выбрав сперва того кочевника, что постарше, я развязал веревку, стягивавшую ему рот, а затем извлек кусок ветоши из его пасти. Пленник оказался бойким и сразу же попытался откусить мне палец, за что и получил зуботычину.

– Малах кары нас! – злобно прошипел он, сплевывая кровь с разбитых губ.

– Спасибо, дорогой! – обрадовался я и прижал пальцы к его сонной артерии.

Через четыре секунды пленник лишился сознания. Это мне и было нужно. При слабом солнечном свете, пробивавшемся сквозь маленькое оконце под потолком погреба, я оттянул его веки и взглянул в глаза кочевнику. На этот раз эксперимент прошел еще быстрее. Моментально я оказался внутри его разума, представшего как кусочек степи, окруженный плотным серым туманом. На сухой земле росли редкие колючки, кусты и полусохшая травка. Методом тыка я начал определять, какое растение отвечает за его знание родного языка. Твердя услышанные три слова, я перемещался по внутреннему миру степняка, но быстро понял, что теряю время. Я же маг, так почему бы мне просто не придумать поисковик, который помог бы определить нужное знание?

Спустя пару минут я создал нечто вроде мячика, который с бешеной скоростью покатился по земле, касаясь всех растений, что встречались на его пути. Хорошо тут магичить. Это не в реальном мире, где нужно сначала придумать плетение, потом его выстроить, накачать энергией и прочее, здесь нужно просто четко представить, что именно тебе необходимо – и уже получаешь результат! До меня донесся звоночек и я увидел, что мой шарик остановился у одинокого куста чертополоха. Подойдя к нему, я понял, что означают те три слова. Это было общеупотребительное непечатное ругательство кочевников, приблизительно означающее широко распространенное на Земле пожелание собеседнику отправиться подальше.

Аккуратно скопировав данное растение, я пересадил дубликат на свою полянку, в который раз порадовавшую меня яркими красками. Успешно завершив этот процесс, я вновь вернулся в унылый разум пленника и продолжил эксперименты. Теперь я сформировал другой поисковик, который должен был обнаружить его воспоминания обо всех намерениях их начальников относительно наступления на Мардинан. Но эта попытка отчего-то окончилась неудачей. То ли я неправильно задал параметр поиска, то ли кочевник просто не знал таких вещей, но мой шарик так и остался недвижимым, не собираясь искать среди колючек нужное мне растение.

Тогда я изменил задачу. Теперь я попробовал найти все, что пленный знал о вооруженных силах своего народа. На этот раз шарик покатился вперед и быстро стал перебирать все попадающиеся ему на пути растения. Обрадовавшись, я вскоре услышал звонок, но дальше начались странности, на которые я совсем не рассчитывал. Подав сигнал у одного кустика, шарик не остановился, а уменьшился и покатился дальше, к соседнему, где последовало второе уменьшение и еще один звонок. Через полтора десятка звонков шарик исчез совсем. Может быть, израсходовал все отпущенные силы, может быть, нашел все, что было нужно, кто его знает. В магии разума я был всего лишь желторотым птенцом, только-только начавшим постигать ее основы, поэтому точного ответа не знал.

Прикинув объем работы, я вздохнул и решил, что таким методом результата не добьешься. Придется работать по старинке, дедовскими методами, с помощью игры в вопросы и ответы. Если уж и нужно мне будет перекачивать столько информации в свой

мозг, то проще будет взять сразу все, ведь это только на один мой запрос я нашел такую кучу «ссылок», а у меня их... Я матернулся и вспомнил родимый Интернет. Здесь была точно такая же ситуация – безразмерные стога информации, но найти в них необходимую иголку практически нереально. Поразмыслив, я понял, почему так произошло. Ведь воспоминания – это огромный пласт наших знаний, они не распределяются в нашей голове сразу по файлам и каталогам, чтобы их было легче найти, а представляют собой гигантский монолит. Это же не навыки и умения, которые имеют свойство рефлексов, благодаря чему и располагаются в мозгу более компактно.

Еще раз помянув добрым словом демонов этого мира, я задумался. Может быть, и вправду забрать сразу все знания степняка, чтобы потом самому в них разобраться? Так же будет проще, ведь в своих воспоминаниях почти всегда можно найти то, что нужно (если только склерозом не страдаешь). Но вскоре я отбросил эту идею – мне просто было страшно. Ведь неизвестно, как себя поведет эта информация в моей голове. А если опять произойдет слияние, и я на треть стану грабителем, что лежит сейчас без сознания у моих ног? Нет, так рисковать не хотелось, ведь своим характером я гордился и менять его не собирался. А вдруг этот степняк окажется маньяком или педофилом, а то и того хуже? Ведь мне после перекачивания информации автоматически достанутся все эти качества и целеустремления!

Нет, ну его куда подальше! Слишком уж несоизмеримы вероятные негативные последствия с легкостью получения нужных знаний. Оставив все размышления на подобную тему, я вынырнул из разума пленника и огляделся. Похоже, что на все эксперименты у меня ушло всего несколько минут реального времени. Я тут же приступил к допросу второго кочевника, бывшего в сознании. Однако на все мои вопросы он не отвечал – сжимал губы и отворачивался. Странно, может, я не тот язык скопировал? Хотя нет, по его глазам было видно, что он меня понимает, но говорить не хочет. Ладно, перейдем ко второму этапу, хотя он для меня будет малоприятным, а для пленных так и вовсе...

Выйдя на улицу, я вдохнул свежий воздух полной грудью. Кочевники явно не признавали пользы водных процедур. Мылись они, наверное, только в тот момент, когда их дождь в седле застанет. Как так можно жить, я даже и не представлял. Бомжи, они и есть бомжи! Попросив все еще стоявшего на страже Ламина, чтобы присмотрел за пленниками, потому что я не стал опять завязывать им рты, я отправился к кузнецу.

У Вашуна кипела работа, сам он, потный и уставший, бил огромным молотом по заготовке для клинка. Оторвав его от этого занятия, я попросил несколько металлических предметов, а именно – маленькие клещи, напильник и длинный тонкий прут. Напоследок я захватил немного горячих углей, насыпав их в глиняный горшок.

– А для чего тебе все это? – поинтересовался Вашун.

– Пленников научить разговаривать, – просветил его я.

– А-а-а... – понимающе протянул кузнец. – Только угли быстро остынут.

– Не беда, – ответил я и вышел из кузницы.

Горшок с углями я прихватил просто по привычке, так как собирался накаливать железо магией. Так было проще и быстрее, а угли – просто для отвода глаз. Я пока не знал, какими вопросами меня Хагел закидает, когда вернется с места побоища. Лучше уж придерживаться своей старой легенды.

Вернувшись в погреб, я попросил Ламина выйти и приступил к уже очнувшемуся пленнику, чтобы закончить с ним. Работа была грязной, муторной, противной, но я подбадривал себя тем, что как только получу нужные сведения, то буду свободен как ветер, и это заставляло удваивать усилия. Не подумайте, что все это доставляло мне огромное удовольствие. Я ведь садистом точно не был, и чужие страдания не приносили мне ни радости, ни удовлетворения. Но я понимал, что такую работу за меня никто делать не будет, а значит, придется потерпеть и продолжать пытки.

Но, несмотря на все мои старания, пленник отказывался отвечать на мои вопросы. Даже со спиленными зубами и раздробленными пальцами он только продолжал материть меня на своем языке. Я почувствовал к нему большое уважение как к достойному противнику и

понял, что все мои попытки разговорить его окажутся бесполезными. Предприняв последнюю попытку допросить кочевника, я клятвенно пообещал ему исцелить все его раны и ожоги, если он честно и правдиво ответит на все мои вопросы. Пленник только плюнул мне в лицо, за что и получил удар по голове, лишивший его сознания. Первый блин вышел комом.

– Тогда приступим к тебе, – радостно оскалившись, сказал я, подходя ко второму кочевнику.

Пусть понервничает, пусть увидит, что я действительно псих, которому нравится доставлять другим боль. Подхватив щипцы, я взялся за его пальцы, чувствуя дикий ужас кочевника. Уже спустя несколько секунд пленник заговорил. Психология и в этот раз помогла мне. Не так тяжело самому переносить страдания, как видеть, что делают с другим, и осознавать, что ты сам скоро подвергнешься той же участи. Он болтал без умолку, отвечая на все мои вопросы, иногда с абсолютно ненужными подробностями, а я все слушал, запоминал и думал. Думал: а зачем им все это?

Через два часа после начала допроса я поднялся наверх, прихватив с собой окровавленные инструменты и оказавшийся ненужным горшок с углями. Вы спросите, почему я действовал так грубо и неаккуратно, почему просто не использовал навыки, полученные мной в рассветной школе? Это просто. Искусство, которому я обучался у мастера Лина, было смертельным, не рассчитанным на применение в пытках. Да, я знал множество болевых точек на теле человека, удар в которые может причинять невыносимые страдания. Но это знание мне не помогло бы, так как уже после второго удара пленник обязательно лишился бы сознания, а после пятого у него просто бы понизился болевой порог, ведь разум при таком воздействии начинает пытаться оградить сознание от мучений. Правду говорят, человек привыкает ко всему, даже к боли, поэтому проще и надежнее было использовать проверенные средства. Ведь не так сложно терпеть невыносимую боль, гораздо страшнее видеть, как ломаются твои кости, как капает кровь с твоей растерзанной плоти, как... Брр, мерзость какая!

Выйдя из полутемного погреба на свежий воздух, я снова с наслаждением прочистил легкие от запахов грязных тел, паленой кожи и квашеной капусты.

– Нужно поручить кому-нибудь убрать тела и закопать их где-нибудь подальше, – сказал я Ламину. – И советую дверцу погреба денек подержать открытой, пусть проветрится, а то воняет там после них...

– Ты их что, убил?

– Да. Все, что они могли рассказать, я уже знаю, поэтому больше мне пленные не нужны... Или ты их жалеть собрался?

– Нет, конечно, – фыркнул Ламин. – Просто уточнил, нужен ли я здесь еще или можно идти отсыпаться.

– Свободен, – махнул я рукой. – Иди отдыхай, только людей пришли, чтобы трупы вынесли.

Я отправился отдавать инструменты кузнецу. Поглядев на окровавленные клещи, Вашун недовольно покачал головой, а я извинился за nepотpeбный вид, в котором возвращаю железки, и направился домой, чтобы в спокойной обстановке связаться с Фариамом и передать ему все те сведения, которые узнал. Во дворе я тщательно вымыл руки, оттирая с них кровь и грязь, оставленные кочевниками, а зайдя в комнату, тут же сбросил с себя куртку, всю провонявшую бомжениной. Достав разговорный амулет, я сжал его в кулаке и стал ждать ответа. Через довольно продолжительное время раздался голос короля:

– Слушаю тебя, Алекс.

– Там рядом никого нет?

– Нет, говори смело, – успокоил меня Фариам. – Я специально покинул совещание.

– В общем, я сегодня провел допрос нескольких пленных... Кое-какая информация появилась, но сомнения все же остались. Пленные были низкого ранга, главаря захватить не удалось. Рассказываю все коротко и по порядку. Месяца два назад все кочевые племена,

обитающие в степи, объединились. На совете вождей был избран самый достойный, которому и поручили власть над союзом племен. Этим счастливым оказался некто Холах, доселе непримечательный вождь одного заштатного племени. По отзывам кочевников, отличается большим умом и хитростью, как и огромной жадностью. Именно он начал стремительную подготовку к нападению на Мардинан и соседние земли. С Фантаром и гномами у них, как я понял, не получилось, так что все свои силы кочевники бросили сюда. По словам тех же пленных, подготовка проводилась в рекордно короткие сроки, все это обеспечивалось полновесным золотом, поэтому племена, разводившие лошадей, просто сказочно обогатились. Сейчас в составе союза пять крупных и более двадцати мелких племен. Численность этого нового образования, по примерным оценкам, от полутора до двух сотен тысяч человек. Воины составляют приблизительно четвертую их часть, так как практически все мужчины, если они не старики и не дети, считаются у кочевников воинами. Сейчас степь бурлит, стремительно строясь в отряды, преимущественно конные. И хотя пешими кочевники стараются не сражаться, но, по слухам, даже если собрать всех коней в степи, все равно на всех воинов, желающих принять участие в походе, их не хватит. Так что около двадцати или больше тысяч будет без лошадей, что, однако, сильно армии Мардинана работу не облегчит. Также по слухам, что ходят по племенам, дикие горцы, живущие у западной окраины степи, практически рядом с океаном, тоже согласились заключить мир с кочевниками, с которыми ранее всегда были на ножах, и присоединиться к общему походу на восточные земли. Сколько их примет участие, я не могу сказать даже примерно, так как слухи к делу не пришьешь. Может, тысяч двадцать, а может, и все сто. Ориентировочно основное наступление будет днй через двадцать-тридцать, сейчас же кочевники хотят захватить Город и укрепиться в нем, чтобы обеспечить себе плацдарм для прорыва в обход пограничных крепостей. А теперь я хотел спросить, как там у тебя обстоит дело с подготовкой.

Фариам помолчал, переваривая новости, а потом ответил:

– Плохо. Удалось собрать только двадцать тысяч бойцов, треть из них – пока зеленые новички, вчерашние крестьяне. Еще планирую разыскать всех ветеранов, ушедших на покой, но и это обеспечит не больше чем тысячу бойцов...

– Рассветная школа?

– Мастер заверил, что если будет туго, то приведет всех своих учеников, но и это не переломит ситуацию. Я все равно не смогу выставить против врага больше тридцати тысяч бойцов, даже если оставлю незащищенными все пограничные города! Фарханд иман!

Я запомнил ругательство, произнесенное на незнакомом мне языке, а потом спросил Фариама:

– А если собрать крестьянское ополчение?

– А ты сам думаешь, что предлагаешь? – безнадежно сказал король.

– Мда... – протянул я. – Ситуевина.

Ополчение ничего не сможет сделать против превосходящих сил противника. Даже если собрать всех жителей приграничья, максимум, что они смогут устроить кочевникам, – завал из собственных трупов, поэтому король на это не пойдет, и в этом я его целиком и полностью поддерживаю. Ситуация гнилая, с какой стороны ни посмотри. Если кочевники не захватят Мардинан, то значительно его обескровят.

Я начал раздумывать над проблемой и внезапно понял, что в моем же рассказе нечто меня сильно напрягает. Несколько странностей, которые я никак не мог объяснить. Первое: с чего бы это кочевникам объединяться и отдавать власть выборному вождю? Второе: кто все это дело финансирует? Ведь деньги уже потрачены весьма немалые, а должно потратиться еще больше. И третье... И тут меня осенило. Да ведь это же элементарно! Нужно только проверить один-единственный факт.

– А как у королевства с магами?

– Никак, – мрачно ответил Фариам. – Я предлагал работу имперской Гильдии магов, направлял запросы в Академии, но все мои предложения или возвращаются с отказами, или

же за них просят несусветные суммы, которые я не смогу собрать.

– А вольные маги? Ведь есть же в королевстве недоучки или просто одаренные люди...

– Всех их словно ветром сдуло из Мардинана. Неужели ты думаешь, что я не пытался их найти? Всех их поманили бесплатным обучением в Академиях или они просто бесследно исчезли среди бела дня. Все, что мне досталось, – это десяток умелых знахарок, у которых есть дар, и три паренька, что могут зажигать огонь и двигать предметы на расстоянии.

– Тогда все ясно! – заявил я.

Все неувязки с финансированием ниоткуда и внезапным желанием кочевников воевать увязались.

– Думаешь, Империя? – спросил сразу же въехавший в ситуацию король.

– Я уверен в этом, – удивившись его сообразительности, ответил я.

Наверное, король тоже размышлял на досуге, просто у него не хватало данных, а сейчас он пришел к тем же выводам, что и я. Все это нападение было умело организовано имперцами. Действительно, ведь легче всего захватить страну, которая совсем не будет сопротивляться, а еще лучше – под видом освободителей от кочевников вторгнуться на земли Мардинана и тихо прогнать захватчиков, мол, «погуляли, а теперь – домой!», самым заняв их место. Идеальный вариант, честь и хвала имперским стратегам!

– Что ты посоветуешь? – устало спросил Фариам.

Видимо, совсем потерял надежду, если спрашивает совета у меня.

– Вешаться! Больше ничего не остается! – сказал я со смешком.

– Алекс, как ты можешь шутить, когда... – король осекся. – Да, ты как раз можешь. Наш уговор выполнен, ты волен идти, куда пожелаешь. Оплату можешь забрать из любой моей конюшни в столице, если соберешься сюда наведаться, а не сбежишь сразу подальше из королевства. Удачи!

Король прервал связь, а я подумал, что теперь мое задание выполнено, можно спать спокойно. Вернее, не спать, а идти на все четыре стороны, потому что теперь я – вольный человек! И ничего больше меня не держит в этом захудалом городишке, в этой обреченной стране, потому что свое обещание я выполнил... Вот только почему же у меня так хреново на душе?

Глава 24

Решение

Я лег на лавку и задумался. Мардинан уже обречен. Действующая армия составляет всего двадцать тысяч человек, ну, пусть двадцать две. Еще несколько тысяч воинов раскидано по городам на границах, но в одиночку они погоды не сделают. Если даже их собрать в одно место и оставить беззащитными города, то кто даст гарантию, что кочевники будут с ними сражаться, а не нападут на королевство в другом месте, оставив в дураках всех его защитников? Ведь главная их цель – пограбить и обратно домой. Вряд ли они станут оседлыми жителями, так что это стихийное бедствие будет весьма недолгим, но крови прольет немало.

Что будут делать разбойники в захваченных городах? Правильно, убивать, потому что горожане обязательно будут сопротивляться, ведь кто же грабителей хлебом-солью встречает? В итоге жители городов и деревень при нападении могут убить нескольких кочевников, за что и будут впоследствии ими строго наказаны. Если после нашествия в живых останется хотя бы треть населения Мардинана, я сильно удивлюсь. Интересно, а сколько всего в королевстве жителей? Тысяч четыреста или больше? Ополчение есть откуда набрать, но против опытных лучников оно не станет серьезной преградой. Скорее досадной помехой.

Хорошо, зайдем с другой стороны. Где может король набрать опытных воинов? Попросить у соседей. Гномы дадут немного, потому что сами обеспокоены нападениями и вряд ли будут сильно оголять свои границы. Про Фантар сказать не могу, так как вообще о

нем ничего не знаю, кроме его местоположения – на северной границе Мардинана. Вряд ли тамошнему королю понравится, что по землям их соседей шастают разбойники. Вот только какие у них там отношения с Империей? Если от нее раньше было много проблем, то логично предположить, что Фантар сможет прислать немного воинов в поддержку Фариаму. Но если же у них намечается мир-дружба-жвачка, то расклад выходит совсем иной...

Что же делать? Как же Мардинану выкрутиться и уцелеть? Что может противопоставить король кочевникам?.. А ничего! В самом удачном случае он просто продлит агонию страны, постольку соотношение один к трем, а то и больше, если вспомнить таинственных горцев, ничем не перебьешь. И все – гейм овер! Если у тебя мало юнитов, то, как ни старайся, карту тебе не захватить. Разве что... Нет, эти мысли мне нужно отбросить подальше. Мое дело – сторона, я вообще тут мимо проходил, теперь к сестре поеду, церемонию принятия в семью посмотрю. Красиво должно быть. Да и вообще я раньше никогда в горах не бывал, теперь хоть исправлю упущение.

Я встал с лавки, пошел во двор к бочке и тщательно умылся. Но облегчения это мне не принесло, раз за разом я, как бумеранг, возвращался к мысли об этой безнадежной ситуации. Зайдя в дом, я снова лег на лавку и постарался расслабиться, чтобы выспаться на дорожку. Однако сон не шел, и в голове мельтешили мысли. Если Империя своего добьется, то не значит ли это, что она потихоньку начнет обращать внимание на своих остальных соседей? А Гномьи горы – совсем рядом, руку протяни и достанешь. Пара покушений, удачные несчастные случаи, подкупленный совет и вот уже на троне – новый гном, который очень хочет дружить с Империей.

Вот только для этого им придется убрать и меня, потому что как-никак я принц, хоть и ненаследный. Но ведь это лишь, покуда жив Мирин, Алона и их отец. После их смерти я автоматически становлюсь преемником, и никого не будет волновать, что Подгорный трон мне до лампочки... Так, что-то я совсем не о том думаю. Главное, что первыми жертвами станут Мирин и Алона. Этот факт заставлял меня отчего-то испытывать злость и сжимать кулаки. Действительно, Алона стала моим слабым местом, единственным по-настоящему родным для меня существом в этом мире. Я просто не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось.

А ведь это вскоре произойдет. Не пройдет и года, как Империя займет Мардинан, но точно не остановится на достигнутом, а тут же начнет двигаться дальше. Я бы не остановился, ведь еще по истории проходил, что любой империи, чтобы существовать, нужно расширяться, пока она не развалится на части. Конечно, нам объясняли совсем другими словами, но смысл был именно такой. Значит, чтобы остановить нападение на мою сестренку, я должен защитить Мардинан, чтобы Империя опять стачивала об него свои зубы, так как он является единственным слабым звеном на этом краю мира. И не потому, что государство или правитель плохие, а просто потому, что здесь живут люди. А людей всегда легче уговорить присоединиться к Империи, чем гномов или темных эльфов. Это понимаю я, это понимают и имперцы, а значит...

Я нащупал в кармане амулет и сжал его в кулаке.

– Да? – раздался голос Фариамы, усталый и обесцвеченный.

– В каких отношениях Фантар с Империей? – спросил я.

– А зачем тебе это? – донесся до меня вздох короля.

– Интересно, знаешь ли, – ехидно ответил я.

Фариам помолчал, а потом уже не так безнадежно ответил:

– Недавно у них произошел инцидент с имперскими послами, так что тех даже выдворили из страны. В общем, любовью к Империи Фантар не пылает. А что ты придумал?

«Вот же голова, – улыбнулся я. – Как моментально соображает! Мне бы такую на плечах!»

– Сначала ответь мне, сколько воинов может предоставить король Фантара, чтобы не иметь Империю у себя под боком вместо Мардинана.

– Думаю, тысячи две-три сможет выделить. На большее я не могу рассчитывать.

– Итого можем прибавить три-четыре тысячи отличных воинов... Еще бы знать, какие они большей частью, конные или пешие.

– Я же говорил: максимум три, – поправил меня Фариам.

– Я еще Ваза попрошу выделить тыщонку, думаю, он мне не сможет отказать, – пояснил я.

– Ваза? Принца Квазиленда? Не знал, что ты с ним знаком... – Фариам задумался, а потом снова тяжело вздохнул. – Но все равно этого мало. Даже если гномов попросить, нужного количества мы не сможем набрать.

– А не хотите нанять вполне квалифицированного воина-мага, мастера рассветной школы, выпускника Академии лесных эльфов и просто хорошего парня? – спросил я, ухмыляясь.

– Это ты о себе? – серьезно уточнил король.

– А как же.

– И какова твоя цена? – осторожно поинтересовался Фариам.

– Все та же – хорошая лошадь, – уже без улыбки ответил я.

Он действительно считал меня продажной сволочью, и вряд ли я его смогу когда-нибудь переубедить. Жаль.

– А зачем тебе это? – мрачно спросил король.

– Я просто хочу спокойствия для этой части мира, – просто ответил я. – Это нужно для меня, для моей семьи и для моих друзей. Имею я право этого хотеть?

Фариам ошарашенно молчал и искал подвох в моем предложении, а я думал, не много ли бросаю на весы, ввязываясь в эту драку. Ведь пойдя вперед, я вряд ли уже смогу отступить. Только упасть, а это очень больно.

Король вышел из ступора и хрипло сказал:

– Спасибо, Алекс, я не смел надеяться...

– Замнем для ясности, – оборвал его я. – Какие планы? Что будем делать?

– А ты что планируешь предпринять?

Я почесал макушку и ответил:

– Я думаю, что раз уже кочевники наметили Город для захвата, то целесообразным будет и дальше обламывать им зубы именно здесь, пока ты со своей стороны подтягиваешь войско к границе и обговариваешь все детали сотрудничества с соседями. После этого я планирую наведаться туда, где заседает совет вождей. Кстати, довольно странно, выбрав себе одного вождя, все еще заседать советом и решать там текущие дела... Короче, я думаю, если Холах внезапно свернет себе шею, то пока имперцы будут подыскивать нового вождя, у нас появится еще немного времени. А там и с горцами можно что-нибудь решить, и по степи прогуляться тихонько, посмотрев, где у них что...

– Я понял тебя, Алекс и всецело одобряю, – сказал Фариам. – То есть я опять займусь подготовкой и переброской сил, а ты пока постарайся обеспечить кочевникам головную боль. Отличный план!

– Старался! – усмехнулся я.

– Только связывайся со мной почаще, чтобы я знал из первых уст, как там дела на границе, хорошо?

– Ладно.

– Тогда, удачи тебе, Алекс, – на этот раз уже теплее пожелал мне король.

– Фариам, я скажу тебе напоследок одну мудрость, которую знает каждый житель моего королевства – воюют не числом, а умением. Так что у нас всех еще есть шансы, не вешай уши!

Король в ответ только усмехнулся и прервал связь, а я подумал, что опять подарил Фариаму надежду. И опять умудрился вляпаться в темную историю! Как я ни старался быть в стороне от событий, все равно получилось так, что стал одной из ключевых фигур игры. Мог ли я поступить по-другому? Конечно, мог, но почему-то не захотел. Что это было, совесть ли проснулась, детство заиграло в одном месте или... Да что теперь гадать, когда

назад дороги нет? Мои планы на будущее опять уничтожает маленький пушистый гаденыш, и я не представляю, что мне делать дальше. Общий смысл игры понятен – продолжать отражать атаки кочевников на Город, постепенно лишая их живой силы, вот только меня гложут большие сомнения, что это все удастся без сучка и задоринки. Я грустно вздохнул и подумал, что опять придется объясняться с Алоной по поводу непредсказуемой задержки. Ладно, придумаю что-нибудь, ведь, сунув руку в пасть дракону, не стоит жалеть о колечке на пальце.

Встав с лавки, я вышел из дома и опять направился к Хагелу сообщить пренеприятнейшее известие. Формально он все еще являлся моим командиром, к тому же отвечал за все дела в городе, поэтому я планировал посвятить его уже во все детали предстоящей партии. Может, и пособит каким советом, ведь опыт прохождения стратегий и планирование обороны в реальной войне – это две разные вещи. Один раз прокатило, но что получится в следующий, сказать трудно. Лучше всего иметь под рукой опытного воина, который в любой момент может указать на твои ошибки, а я же не дурак – упираться не буду и к полезным советам всегда прислушаюсь. Одна голова ведь – хорошо, а две... – последствия Чернобыля.

Зайдя в нашу «резиденцию защитников», я обнаружил, что все ребята уже давно разошлись. Отсыпались, наверное, после бурного утра. Хагел был на месте, видимо, только недавно вернувшись с места схватки, и сразу же спросил:

– Почему не подождал меня и сам провел допрос?

– Ну, вас же не было... – начал отмазываться я.

– Не юли! – грозно сказал командир. – Мог бы и подождать немного, а то я, как только вернулся, первым делом увидел, что мертвые тела из погреба выносят!

Мда, со стороны нехорошо получилось, а на самом деле мне просто не нужны были свидетели, которые могли бы помешать моей работе. И дело было не только в нагревании железа магической энергией или быстром обучении языку. Кроме этого, я еще ставил простенький полог молчания, не выпустивший крики за пределы погреба, вовсе пользовался магическими захватами, а также еще некоторыми приемами магии разума, от которых у меня до сих пор пробегали мурашки по спине.

Я ведь после допроса не просто убил пленников, а тренировал на них свои умения, понимая, что больше такого подопытного материала могу и не найти. Помня свою неудачу с поиском нужной информации, я отрабатывал разные приемы переноса знаний, учился определять их содержание, обходясь без поисковика. Потом я постепенно увеличивал скорость перекачки информации от объекта к объекту, выдирая знания у пленных и перемещая их в свою голову. И добился того, что на перенос небольшого количества информации к себе у меня стали уходить доли секунды. Полученные знания, помня свои страхи, я тут же уничтожал, чтобы избежать всякого риска.

Но вот с обратным процессом выходило сложнее. Неторопливое копирование степняки выдержали без труда, а пытаясь увеличивать скорость, я лишил разума одного пленника, превратив его в дебила, а второму отчего-то сразу выжег мозги, переборщив с допустимым объемом. Поразмыслив, я понял, что канал приема информации у тех, кому я передаю свои знания, никогда не нужно пытаться увеличивать, потому что это может привести к очень плохим последствиям. Хорошо, что в моем первом случае с Алоной я никуда не спешил, иначе могло бы произойти непоправимое.

В общем, эксперименты с пленниками многое мне дали в плане развития способностей. Но вот с командиром я действительно сделал промах, нужно было его проинформировать заранее...

– Ладно, виноват, и незачем так орать! В свое оправдание могу сказать, что зрелище было малоприятное, поэтому я очень хотел обойтись без зрителей, – сказал я, всеми силами изображив смущение.

– Да уж понял. Видел тела... Ты узнал что-нибудь? Или это государственная тайна? Хотя что-нибудь рассказать можешь или король запретил?

Я недоуменно посмотрел на него, подумав, откуда у Хагела возникла такая агрессия, а командир усмехнулся.

– Ты меня за дурачка не держи, я уже догадался, что у тебя есть разговорный амулет для связи с королем, а также понял, почему ты мне об этом не сообщил. Я только хочу знать, к чему мне быть готовым. Если можешь, коротко опиши мне текущую ситуацию.

Я оскалился в ответ. Все-таки Хагел – умный мужик, приятно иметь такого командира, пусть и формального. Сумел догадаться обо всем и сопоставить все детали. Хотя это было и несложно, ведь сразу после допроса я пошел к себе и затаился. Тут любой мог бы понять, что я в это время сообщаю сведения своему начальству. Быть может, именно поэтому Хагел немного разозлился, чувствуя, что это все проходит мимо него. Я его прекрасно понимал.

– Коротко ситуация такая – мы в заднице! – сказал я командиру.

– А поточнее?

– Между левой и правой ягодицей, – ехидно ответил я, но, видя, что командир явно не настроен шутить, коротко рассказал ему, что готовится кочевниками и как нам нужно действовать.

После моего рассказа Хагел приобрел вид выжатого лимона. Его лицо осунулось и постарело лет на десять. Он безнадежно уставился перед собой. Его состояние было вполне понятным: вдруг узнать, что тебя бросают в самое пекло, из которого ты запросто можешь не выбраться...

– Как думаешь, мы долго сумеем продержаться? – мертвым голосом спросил он.

– А куда нам еще деваться? – ответил я, размышляя, сказать ему или нет.

С одной стороны, вроде бы раскрываться не хотелось, так как еще неизвестно, какую это вызовет реакцию, но с другой... Такое настроение командира по-любому скажется на его войске, а деморализованный боец – мертвый боец. Именно поэтому я напоследок сказал королю про уши. Как говаривал Штирлиц, запоминается последняя фраза, так что теперь Фариам уверен, что я справлюсь с поставленной задачей, раз перед лицом надвигающегося шторма еще могу шутить. Теперь придется поднимать уверенность и Хагелу, иначе Город будет обречен еще до начала нападения.

– Командир, не стоит отчаиваться, – сказал я. – У Города есть свой козырь в рукаве.

– Что есть? – вскинулся Хагел.

Видимо, карточных игр тут еще не было.

– Я хотел сказать, что нам есть чем удивить кочевников.

– И чем же?

Вместо ответа я поднял магическим захватом табуретку, что стояла в уголке комнаты, а потом подтянул к себе, опустил на пол и привычно на нее уселся. Глаза Хагела широко раскрылись, а лицо просветлело.

– Так ты маг?

Я только кивнул в ответ.

– Это многое объясняет, – пробормотал Хагел. – И теперь понятно, почему король послал именно тебя... А скажи, почему ты стал мастером рассветной школы, ведь магам вроде тебя это просто не нужно?

Говорил же, что умный мужик! Мигом ухватил нестыковку!

– Вот захотелось что-то, – ответил я, не вдаваясь в детали.

– Ну, тогда ты прав, у Города еще есть шансы уцелеть... А ты сильный маг?

Я опять кивнул, так как силы в данный момент у меня просто некуда было девать, а вот умений... Будем надеяться, что в войске кочевников не окажется магов, иначе даже вся моя сила не поможет.

Хагел после моего кивка прямо-таки расцвел в улыбке. Вот таким командир мне нравился гораздо больше.

– И что планируешь делать?

Я отметил, что он не поменял своего отношения ко мне, не стал пресмыкаться, да и страха не появилось, что весьма меня обрадовало.

– Бить кочевников и готовиться к масштабной обороне. Больше ничего не остается.
– Добро, – сказал Хагел. – А поточнее?
– Думаю, что у нас на день-два образовалась передышка, пока степняки не пришлют другой отряд, так что ее нужно использовать с толком. Во-первых, обеспечить всех бойцов доспехами и оружием из эльфийской стали, во-вторых, потренировать их с ним обращаться. После этого нужно ждать гостей, а если они не появятся, в чем лично я сомневаюсь, то отправляться малым отрядом в степь на разведку. Как я понял, в нескольких днях пути располагается один из военных лагерей кочевников, так что нужно постараться навести там шороху. Короче, планы такие – нужно постепенно уничтожать малые группы кочевников, обеспечивая их пристальное внимание к Городу и выкраивая Фариаму время для подготовки. А как это получится – уже вопрос второй.

Хагел почесал бородку и сказал:

– Задача мне ясна, приложу все свои силы, чтобы довести ее до моих людей.
– Ну и отлично! – улыбнулся я, подумав, что хоть тут ситуация прояснилась. – Только не нужно всем рассказывать о том, что я маг. Мне бы не хотелось неприязненных отношений с бойцами.

– А почему ты думаешь... – начал было Хагел, но осекся и кивнул. – Да, это будет гораздо разумнее.

– А как там Рин с лошадьми? – вспомнил я текущие проблемы Города.

– Уехал еще после завтрака, – ответил командир. – Забрал десяток жителей, которых я попросил его сопровождать, тройку твоих ребят и погнал табун к столице.

«Одной проблемой меньше, – подумал я. – Теперь нужно бросить все свои силы на подготовку ребят. Чувствую, в следующий раз мы так легко вряд ли отделаемся, а значит, им еще предстоит попотеть».

Встав со своей любимой табуретки, я поинтересовался у Хагела, нет ли у нас еще каких неотложных дел, которые требуют моего участия, и, услышав в ответ, что таковых пока не имеется, вышел из кабинета и отправился к знахарке. Запас лимэля следовало основательно пополнить. Я даже приблизительно не мог прикинуть, сколько его вылакали мои парни утром. Судя по их аппетиту за завтраком, весьма и весьма немало, значит, нужно будет срочно сделать еще, чтобы и на горожан хватило.

Нарада была дома. Она занималась тем, что принимала посетителей с флажками, маленькими горшочками и прочей тарой, которую наполняла лимэлем из больших кувшинов, оставленных про запас.

«Насколько же она развела отвар, если он все еще не кончился?» – подумал я, вспомнив первоначальное его количество.

Поприветствовав меня, знахарка спросила, что мне нужно. Узнав, что я пришел приготовить еще одну порцию лимэля, она обрадовалась и удвоила свои усилия по разливу ценной жидкости. Спустя полчаса, при моей непосредственной помощи, нам удалось обеспечить лимэлем всех желающих. Странно, но с десяток глотков еще осталось на дне последнего кувшина.

– Неужели всем хватило? – спросил я.

– Я жителям Города выдавала лимэль, который был разбавлен немного больше, чем воинам, чтобы всем достался.

Поглядев на мое недовольное лицо, знахарка поспешила добавить:

– Алекс, я же не знала, что ты соберешься так быстро делать вторую порцию. Поэтому подумала, что лучше будет, если его действие окажется немного слабее, но зато каждый житель получит возможность им воспользоваться. Ведь правильно?

– Нет, это было просто глупо! – зло ответил я, переживая за такую бессмысленную трату ценного продукта.

Знахарка поджала губы.

Еще обидеться на меня вздумала!

Я вздохнул, прогоняя ненужные эмоции и терпеливо начал объяснять, понимая, что

сделанного уже не вернуть:

– Тот лимэль, который вы заливали во фляги воинам, мог заживлять серьезные раны, мог давать дополнительные силы, даже возвращать человека с того света, если повезет. А та жидкость, которую мы с вами раздали жителям, лимэль напоминает лишь отдаленно. Поймите, концентрация эликсира тоже важна, а сейчас вы его развели до такой степени, что он не залечит и царапины!

– Неправда! – возразила знахарка.

Я достал из-за пояса кинжал и полоснул по ладони. Было больно, но я уговорил себя потерпеть. Организм моментально начал восстанавливать поврежденное место, но я искусственно затормозил процессы в своей ауре, что отвечали за заживление, и поднял кувшин с остатками лимэля. Плеснул на рану и стал ждать. Если жидкость сохранила свои полезные качества, то заживление пойдет быстро, если же нет...

Я добрых две минуты смотрел на то, как с моей ладони на пол капает кровь. Потом достал свою флягу с несколькими каплями лимэля и зубами выдернул пробку. Долго тряс, прежде чем все остатки вылились на разрез. Вот тогда заживление прошло стремительными темпами – края раны стали затягиваться, а кровь сразу же прекратила капать. Понаблюдав за тем, как царапина на моей руке исчезла, я опустил ее и посмотрел на знахарку. Ее выражение лица я определил для себя как очень удивленное.

– Но как же так? – пробормотала она. – Ведь я вчера проверяла точно так же, и все было нормально. Немного развела одну кружку той части, что была оставлена для жителей...

– А потом вы развели все, посмотрели на получившееся количество, и сказали всем жителям завтра явиться с подходящей тарой, оставив его в этих кувшинах? – я указал на опустошенную посуду.

– Ну, да... – ответила смущенная знахарка.

– А я разве не говорил вам, что лимэль имеет свойство быстро выдыхаться? Нарада, это не вода и даже не обычный травяной настой, который можно разводить водой сколько заблагорассудится. Это же смесь магии жизни! Да, ее можно развести, но она все равно выдыхается не так, как обычный настой – пропорционально количеству, а намного быстрее, чем находясь в концентрированном виде. Вы же оставили его на всю ночь, а за это время из кувшинов испарилась не вода, а большая часть лимэля. И сейчас это просто приятный напиток, который можно пить вместо вина.

Нарада устало опустила на лавку и закрыла лицо руками. Я не спешил продолжать, пускай прочувствует, как важно слушаться четких указаний. Кому, как не ей, понимать всю ответственность за приготовление зелий. Уж за свой век она должна была научиться точно следовать всем рецептам! Ладно, что-то знахарка совсем раскисла, как бы еще рыдать не начала. Я подошел к ней, присел рядом и тихо произнес:

– Это не смертельная ошибка, поэтому незачем так убиваться. Слава Единому, что никто не погиб, хотя все могло бы случиться. Надеюсь, это вы поняли... Я не знаю, как вы будете объяснять жителям, что им нужно будет прийти к вам еще раз, и не буду вас за это укорять. Просто запомните все то, что произошло, ведь мы все учимся на ошибках. Правда, умные люди обычно на чужих, ну а мы все по старинке – на своих собственных. Так что приободритесь и подумайте, что сегодня вы стали еще немного опытнее. Хорошо?

Знахарка убрала руки от лица и вытерла мокрые дорожки на щеках.

– Хорошо, – шепотом ответила она.

– Ну, тогда вставайте, – улыбнулся я и первым вскочил, подавая ей руку. – У нас внезапно появилась куча работы.

Провозились мы часа четыре. Я планировал управиться за гораздо меньший срок, но из леса вернулись ученицы знахарки со свежим набором травок, так что пришлось продолжать. После того как целебная жидкость была готова, я напряг девчонок, чтобы оббежали всех защитников города и пригласили их срочно зайти к нам за свежей партией зелья. Когда начали заходить бойцы, мы организовали разлив лимэля, заполняя их пустые и полупустые фляги. Наполнил я и свою фляжку, чтобы быть готовым ко всему, а потом попрощался со

знахаркой. Той еще предстояло исправлять свою ошибку, а я совсем не хотел с этим возиться, понимая, что процесс затянется до поздней ночи. Она должна справиться без меня – ученицы помогут. Я же, посмотрев на заходящее солнце, отправился ужинать.

Подходя к дому Хагела, я услышал крики, доносившиеся с заднего двора. Судя по голосам, там собрались все мои ребята. Я поспешил туда и обнаружил парней на тренировочной площадке. Они вместе нападали на воинов Хагела, держа в руках деревянные мечи. Тренировка, понял я, видя, как старательно защищают опытные воины какой-то кувшин, не давая моим бойцам к нему приблизиться. Я еще немного понаблюдал и решил не мешать процессу. Пускай учатся, заодно к доспехам привыкнут. Я же здесь явно был лишним, поэтому тихонько слинял и отправился ужинать. И встретил на кухне радушную Кару, прошептавшую мне на ушко обещание зайти сегодня после похорон.

«Еще и похороны, – подумал я. – Опять придется принимать участие в печальной церемонии. Ну, хоть на этот раз она будет весьма недолгой, что не может не радовать».

Съев плотный ужин, я чмокнул Кару в шейку, когда строгая Марфа отвернулась, и вышел на улицу, размышляя, чем бы заняться до предстоящей церемонии. Час свободного времени у меня был, так почему бы не связаться с Алоной? Заодно и с ее отцом поговорить, прояснить ситуацию с поддержкой.

Вернувшись к себе, я так и сделал.

Сестренка, мягко говоря, была не в восторге от моих новостей, но возражать не стала. Я забеспокоился:

– Алона, что с тобой? Ты даже не обругала меня... Ты там вообще здорова? Как себя чувствуешь?

Гномка вздохнула:

– Алекс, не стоит вести себя со мной, как с маленьким ребенком. Я же все понимаю, у тебя просто не было другого выхода, так что не надо оправдываться! Я хочу думать, что ты остался помогать королю Мардинана только из благородных побуждений, и не хочу знать, чем это ты объяснил для себя.

«Ого, взрослеет девочка, – подумал я. – Что-то долго мы не виделись. Прошло всего полгода, а какие разительные перемены. Наверное, хороших учителей нашел ее отец, раз за такой срок...»

Я оборвал свои мысли и сказал:

– Ты начинаешь меня пугать. Такое впечатление, что я проспал добрых лет десять, за которые ты успела стать довольно мудрой девушкой. Что там у вас творится?

– Ничего страшного, Алекс, просто я, по твоему совету, начала недавно разбирать старые свитки, в которых записана история нашего народа... Знаешь, она очень отличается от общепринятой, там совсем нет героев, зато подлости и жадности – хоть отбавляй! Не зря меня отец отговаривал от этого... Хотя потом сам же и достал эти свитки, сказав, что они из его секретной библиотеки.

– Не переживай, Алона. В истории есть не только подлость, но чаще всего именно она попадает на страницы рукописей, так как наиболее быстро запоминается и надолго остается в памяти. Если один король правил тихо и мирно, и при нем народ жил спокойно и счастливо, в свитке он получит всего несколько строк. А вот если второй рассорился со всеми соседями, перебил своих родственников, пошел войной на друзей... это все нужно подробным образом записать! Так что учись читать между строк.

– Но там же пустое место! – удивилась Алона, напомнив мне себя прежнюю.

– Иногда, чтобы прочитать там, нужно обладать большим умом и воображением. Этому тоже можно научиться, а я уверен, что отец подобрал тебе лучших учителей.

В ответ сестренка мне пожаловалась:

– Совсем они меня замучили! Не оставляют ни капли свободного времени, магией приходится заниматься ночами, будя всех в округе!

Похоже, она продолжала совершенствовать умение работать боевыми плетениями, раз такой грохот на тренировках. Нет, рано я начал волноваться, Алона осталась большей частью

той взбалмошной девушкой, которая так хорошо мне запомнилась. Эта мысль вернула мне хорошее настроение.

Я поговорил с сестрой на общие темы, мимоходом узнав о ее успехах на ниве ученичества и о ситуации в королевстве. Набеги кочевники больше не совершали, но войска с границы гномы убирать не собирались. Это напомнило мне о моей проблеме, поэтому я попросил Алону передать амулет отцу.

– Хорошо. У него как раз должен закончиться совет.

Начались минуты ожидания, а потом я услышал голос Шаракха. После кратких приветствий я поинтересовался, связывался ли с ним Фариам. В ответ правитель объяснил, что ситуацию знает, войсками поможет, но больше чем три тысячи латников выделить не в состоянии, так как сам обеспокоен и не хочет оставлять открытыми границы Подгорного королевства.

– А зачем ты в это ввязался? – спросил вдруг он.

Я поинтересовался, есть ли рядом Алона, и, получив отрицательный ответ, подробно рассказал обо всех моих предположениях и опасениях. А напоследок посоветовал утроить бдительность не только на границе, но и в самом королевстве, чтобы в него под шумок не проникли имперцы со слащавыми речами и тугими кошельками. Шаракх немного подумал над моими словами, а потом заметил:

– Ты рассуждаешь прямо как Фариам. Он тоже предлагал мне нечто подобное и предупреждал о возможных проблемах.

Я усмехнулся и сказал, что не только у дураков мысли сходятся, а потом попросил сообщить Алоне, что теперь я буду связываться с ней нечасто, так как дел предстоит по горло. Шаракх пообещал и прервал связь, напоследок пожелав мне удачи. Пряча амулет на груди, я подумал о том, что именно удача мне сейчас явно не помешает.

Глава 25

Сигналки и сюрпризы

Ну а после ужина были похороны. Уж насколько я не любил данные мероприятия, но сегодня мне обязательно нужно было присутствовать на нем, ведь как-никак погиб один из членов моего отряда, а это накладывало определенные обязательства. В этот раз процессия была весьма небольшой – присутствовали только мои ребята, Хагел с теми воинами, которые не отправились дежурить, и еще несколько десятков местных. А все началось походом из церквушки...

В этот раз я присутствовал с самого начала церемонии и мог наблюдать за тем, как городской священник проводит какие-то ритуалы у тела Кина, скрещивает ему руки на груди и читает заунывные тексты на непонятном мне языке. Я в этот момент больше наблюдал не за его действиями, а рассматривал церквушку, которая оказалась довольно симпатичной. В тусклом пламени десятка свечей в потемневших от старости подсвечниках я рассматривал картины, развешанные по стенам. Иконами у меня их назвать язык не поворачивался. На них не было нарисовано никаких традиционных нимбов над головами персонажей, что повсеместно приняты у нас, как не было и Святой Троицы.

Картин было четыре. На первой я увидел массивного старца с белой пушистой бородой, простиравшего руки над коленопреклоненными мужчиной и женщиной. Из ладоней Единого (а кем же еще мог быть этот старец?) изливалось белое сияние на людей. «Плодитесь и размножайтесь» – так я окрестил для себя эту картину и перешел к следующей. На ней была изображена сцена перед масштабной битвой. В правом углу рин... – тьфу ты! – поля располагалась армия нечисти, насколько я мог заметить, состоявшая из уродцев всех форм и размеров. Она была черной, что было вполне естественно. Напротив нее располагалась армия светлых, как мне показалось, состоявшая из одних людей в белых одеждах, а посередине возвышался сам Единый, протягивающий людям меч.

«Понятно, – подумал я. – «Не мир, но меч принес я вам». – И повернулся к третьей

картине.

Вот она меня удивила. На ней был изображен печальный Единый, который склонился над убитым человеком. Хотя нет, человеком этот воин никак не являлся. У него были удлиненные острые уши и широко раскрытые ярко-желтые глаза, они сильно выделялись на фоне его темной кожи. Сравнив воина с виденными мною ранее темными эльфами, я отбросил предположение, что он из их числа. Кожа была намного темнее, да и уши совсем не той формы. Эту расу я так и не смог определить, хотя вроде бы изучил в эльфийском лесу всех разумных. Я продолжал вглядываться в воина на картине. Чем-то он был мне очень симпатичен. Наверное, упрямством, застывшим на лице, волевым и благородным. Я уж было подумал, что Единый наклонился над воином, чтобы воскресить его, но потом заметил, что меч, торчащий из тела темного, уж очень напоминает клинок, который бог вручил людям перед битвой.

«Понятно, – вновь подумал я. – Битва для нечисти закончилась неудачно».

Во мне даже шевельнулась жалость к поверженному воину, как я догадался, предводителю темной армии. Ведь он привел своих для честной битвы, а светлые достали козырь из рукава – божественное оружие, которым и закололи храбреца. Нечестно вышло, неудачное изображение для того, кто хочет всем сердцем уверовать в постулаты этой религии. Хотя, возможно, другие этого момента просто не замечают, это у меня так мозги заточены. Пожалев еще раз погибшего полководца, бывшего достойным противником, раз даже Единый выказывает ему на этой картине толику уважения, я повернулся, чтобы рассмотреть последнюю картину, висевшую прямо над входом.

Едва бросив на нее взгляд, я поперхнулся, а потом быстрым шагом покинул церковь, прижав ладонь ко рту. Зашел за угол, где росли зеленые кусты и не было никого из свидетелей, и стал пытаться унять смех, рвавшийся наружу.

«Только бы не расхохотаться, – подумал я. – Стены церквушки очень тонкие, все сразу услышат, и получится весьма некрасиво».

Но сдержаться было очень сложно, так как перед глазами стояла эта последняя картина. Почему меня она так рассмешила, спросите вы? Отвечу – на ней был изображен Единый, который, вытянув вперед правую руку, с серьезным лицом указывал пальцем на всех, кто смотрел на картину. Его поза, а также этот указательный палец очень походили на известный земной плакат «Ты записался добровольцем?». Единственным отличием от бравого красноармейца было то, что вместо винтовки Единый в левой руке держал листок пергамента, что еще больше подтверждало данное название.

Я закрыл лицо руками, пытаюсь вспомнить, зачем вообще пришел сюда. Это же печальное событие, Кин погиб, причем погиб глупо и случайно. Меня стало немного отпускать, но смех все еще рвался наружу, заставляя задерживать дыхание, чтобы не фыркнуть ненароком. Сзади подошел кто-то и положил руку на мое вздрагивающее плечо. Это немного лишило меня веселости. Прежде чем я обернулся, сзади раздался голос Хагела:

– Не переживай так, Алекс. Ты не виноват в его смерти, не нужно так убиваться. Все наши судьбы в руках Единого, который сегодня решил забрать к себе душу этого славного парня...

Так он подумал, что я тут рыдаю, что ли? Ни фигя себе! Это меня вконец отрезвило и прогнало мое веселое настроение. Вот гад, такое состояние испортил! Ладно, не буду же признаваться ему, что я здесь банально пытался не заржать, так что пускай думает, как хочет. Хотя это немного странно выходит, если посмотреть со стороны. Воин, который одним махом расправляется с сотней противников, так убивается по своему подчиненному. А если он еще подумает, что мы с Кином... Нет, не такие тут нравы, подобное далеко не приветствуется и уж точно не афишируется.

– Алекс, процессия уже выходит из церкви, ты присоединишься? – спросил Хагел.

Я убрал руки от лица, вытерев несуществующие слезы, чтобы подтвердить версию командира, и кивнул, повернувшись к нему.

– Тогда пойдем, – сказал Хагел и первым вышел из-за угла.

Я последовал за ним с серьезным выражением лица и подошел к похоронной процессии, что медленно выдвигалась из церквушки. Впереди шел священник, а за ним мои парни несли носилки с телом Кина. Сохраняя каменные выражения лиц, мы подошли к святому отцу и пристроились по бокам.

В этот раз шествие не затянулось, не было женщин, несущих свечки, хотя зажженные факелы парням все же выдали. Мы торжественно прошли через весь Город, вышли из черного входа и направились к кладбищу. По причине малочисленности виновников торжества священник ограничился весьма коротким рассказом о доблести моего бойца, который отдал свою жизнь за других. Когда он уже было собирался передать слово для прощания мне, Хагел вдруг коротко качнул головой, и священник быстро закруглился и велел парням засыпать могилу, коротким жестом благословив усопшего.

После этого все разошлись по домам, а я, пользуясь случаем, предупредил своих парней, чтобы и сегодня были наготове. Да, нападения я ждал не раньше, чем денька через два, но подстраховаться все же не мешало. Поэтому я после того, как вернулся в Город, зашел еще и в загон, где держали лошадей. Там дежурили два паренька, которые заверили меня, что сегодня и впредь конюшня будет готова снарядить всадников в любое время суток. Я подивился их рвению. Не иначе как Хагел побеспокоился о том, чтобы задержек перед отправкой отряда больше не возникало. Поблагодарив мальчишек, я отправился спать, так как на Город уже давно опустилась ночь, а утро сегодня было весьма суетливым.

Вот только сразу заснуть мне не удалось – в моем доме уже ждала Кара, которая, счастливо улыбаясь, напомнила мне о вчерашнем долге. Она ушла только через час, умиротворенная и весьма довольная, а я еще облился водой из заботливо наполненной кем-то бочки во дворе, смывая с себя тяжкий трудовой пот. В этот раз я даже не почувствовал, когда ко мне пришла Темнота, а просто нырнул в угольную яму, из которой тем не менее вынырнул через пять минут, когда в моей голове прозвенел будильник. Матерясь на все лады, я накинул форменную куртку, подхватил оружие, выбежал во двор и крикнул:

– Тревога! Отряд, по коням!

В этот раз задержка была совсем пустяковой – всего полторы минуты понадобилось отряду, чтобы получить оседланных лошадей. Теперь я уже не увидел полуголых бойцов, все явились при оружии и с полными флягами лимэля. Это я проверил отдельно. Секунду помедлив, я приказал всем воинам Хагела остаться в Городе, так как сработала одна из сигналок в юго-западном направлении, что было весьма недалеко от той точки, где моя цепь сигнальных линий заканчивалась. Я очень опасался второго отряда, который мог подобраться к городу незаметно, поэтому мы и выехали всего двумя десятками, направляясь к месту тревоги.

Чтобы добраться до него, нам потребовалось минут сорок пять, но по пути никакого напряжения внутри я не ощущал. Или это мое шестое чувство вдруг испортилось, или действительно враг был еще далеко. Осматривая окрестности магическим зрением, я вел свой отряд, все больше замедляясь и понимая, что скорее всего тревога была ложной. Но как им это объяснить, не рассказывая при этом, что я маг? В общем, в один прекрасный момент я указал парням на небольшую поляну, которой мы достигли, и приказал:

– Занять позиции с северной стороны, подготовиться к отражению атаки, а я пока пойду разведу обстановку.

Я спрыгнул с лошади, оставив на ней свой лук с колчаном, и побежал к месту прорыва. Так я и знал! Когда спустя пять минут я достиг нужного места, то обнаружил поблизости только сонную лошадь с пустым седлом. Выругавшись в сердцах, я забрался на тупое животное, заставившее меня объявить тревогу и перебудить весь город, и поехал обратно. И как же она умудрилась проделать такой долгий путь на юг от места схватки и при этом не отправиться в степь, откуда пришла? Этого я не понял. Вернувшись к ребятам, я увидел, что они в полной боевой готовности заняли северную сторону поляны, скрывшись за деревьями и отогнав подальше своих лошадей.

«Выучка бойцов растет на моих изумленных глазах», – подумал я, а вслух громко

сказал:

– Отбой тревоге! Это оказался всего один разведчик. Возвращаемся в город!

Ну, не мог же я им сказать, что мы сюда скакали только из-за глупого четвероногого? Парни начали с облегчением выходить из-за деревьев, а потом привели лошадей, на которых и уселись, громко возмущаясь, что им так и не удалось пострелять. Я тоже пересел на свою кобылку, ведя трофейную в поводу, а сам все думал: когда же ребята спросят меня о том, как мне удалось обнаружить разведчика на таком расстоянии от Города? Но никто не заметил этой очевидной нестыковки, вероятно, потому, что все были сонными и засыпали прямо в седлах. Когда через час мы достигли дома, я опять успокоил всех, сказав, что нападение сегодня не состоится и можно отменять боевую тревогу. Заодно похвалил ребят, что так быстро и оперативно собрались по моему рыку, и отправил всех досыпать остаток ночи.

Сам я также улегся на лавке у себя дома и, прежде чем отключиться, подумал, что нужно будет придумать какое-нибудь плетение поэффективнее, которое в будущем обеспечит меня знанием не только о месте проникновения неприятеля, но и о его количестве.

Перед самым рассветом меня опять разбудил звонок будильника в голове. Прикинув направление, я понял, что сигналка сработала намного севернее, совсем недалеко от того места, где кочевники прорывались вчера. Помянув добрым словом еще одно глупое животное, я повернулся на другой бок и заснул, напоследок сделав себе пометку, что нужно будет съездить и восстановить там сигнальную линию. Хотя я и растягивал их не слишком сильно, но все же оставался шанс, что в неприкрытую брешь проберется вражеский отряд.

Проснувшись, я понял, что совсем не выспался. Поворочался с боку на бок минут пять и осознал, что какая-то заноза в моем мозгу не дает мне покоя, но так и не сумел ее определить. Умывшись в бочке, я отправился завтракать, вспомнив о том, что нужно будет обязательно поехать в лес, чтобы восстановить сигналку. Вылазку в степь делать еще рановато, поскольку себе дорожке выйдет. Парни еще не привыкли к новому оружию, да и доспехи для всех кузнец не успел наштамповать, а это весьма чревато, поскольку кочевники – сволочи весьма меткие.

Подойдя к дому Хагела, я опять обнаружил своих бойцов, усиленно тренировавшихся под руководством старших товарищей. Это было весьма кстати, так как я совершенно не хотел этим заниматься. Ну не было у меня вообще никакого настроения, так зачем себя насиловать? Могу позволить себе в кои-то веки устроить законный выходной или нет?

Умяв положенную порцию превосходного завтрака и получив на десерт поцелуй от Кары, я поднялся и вышел на воздух. Кликнул Волчонка, оторвав его от занятий, и предложил прокатиться верхом. Все-таки мои парни более привычны к нагрузкам, а ему тренироваться с клинком и вовсе не нужно. Насколько я понял, в бою он сразу же перекидывается волком, которому инстинкты велят вцепиться врагу в горло клыками, так что вряд ли он вспомнит все те приемы, которые его заставлял повторять один из воинов Хагела. Поймав себя на мысли, что до сих пор еще со всеми не познакомился, я пошел вместе с радостным Мариком к загону, где взял свою лошадку.

Волчонок также оседлал флегматичную кобылу, уже совсем привыкшую к запаху лесного хищника, доносившемуся от всадника. Остальные же четвероногие пока старались держаться подальше от паренька и нервно фыркали при его приближении. Забравшись в седла, мы через несколько минут были за Городом и направлялись к тому месту, где я почувствовал прорыв. Спустя час неторопливой скачки мы достигли нужной точки, и я обнаружил свежие следы. Я все же несколько лет обучался у лучших следопытов лесного народа, поэтому тут же заметил неладное. Хотя и не был среди эльфов лучшим учеником, но сумел сообразить, что данные отпечатки, хорошо видимые на земле, могла оставить только очень массивная лошадь или же та, на которой сидел всадник.

Мигом восстановив сигнальную нить, я свистнул Волчонку, развлекавшемуся неподалеку, распугивая белок, и поскакал по следам, стараясь не потерять их из виду. Мне было ясно, что всадник не торопился, не пускал свою лошадь галопом, а тихо и незаметно подбирался к Городу. Это было плохо, это было просто ужасно, потому что только теперь я

понял, что совсем рядом с нами с утра бродил диверсант, никем не замеченный и имеющий неограниченную свободу маневра. Следы неожиданно изменили направление и начали огибать Город. Я последовал за ними и через десяток минут обнаружил в кустах привязанную лошадь. Диверсанта поблизости не наблюдалось ни обычным зрением, ни магическим. Оглядев место, я даже не сумел обнаружить, в какую сторону ушел враг.

– Волчонок, на тебя вся надежда, – сказал я Марику. – Этот гад очень хитрый и старался не оставлять следов. Если бы у меня была собака, я бы пустил ее по следу, но у меня есть только ты. Выручишь? Ведь если ты превращаешься в волка, то у тебя в этом состоянии должно быть отменное обоняние. Сможешь найти врага по запаху?

– Попробую, – с сомнением произнес Марик и слез с лошади.

А дальше я увидел одно из тех редких зрелищ, которые никогда не забуду – превращение человека в животное. Не скажу, что это было завораживающе и красиво, скорее даже отвратительно и неприятно для наблюдателя, хотя никаких неудобств Марику не доставило, судя по его виду. Я увидел, как из его кожи стремительно начинают расти длинные волосы, тело стало странным образом ломаться и изменяться, увеличилась грудная клетка, вытянулась морда... И все это время я явно ощущал какую-то магическую энергию.

«Действительно, – подумал я, глядя на эти метаморфозы, – если бы это происходило без нее, Волчонок просто потерял бы сознание от боли, поскольку его суставы и некоторые кости такого выдержать точно не могли. Они просто вывернулись бы или сломались, поранив ткани острыми осколками».

Через полминуты превращение полностью закончилось. Стоящий передо мной оборотень скинул сапоги и на четырех лапах бросился к испуганно заржавшей лошади кочевника. Но не к ее шее, как думала коняга. Марик только обнюхал седло и стал водить носом во все стороны, ища след диверсанта. Через несколько мгновений он шумно втянул в себя воздух и еще ниже наклонил голову к земле. Я обрадовался и тронул поводья своей лошади. Марик вопросительно обернулся ко мне, и я сказал:

– Веди быстрее! Нам нужно его найти, пока он чего-нибудь не натворил!

Оборотень кивнул и на четырех лапах припустил по следу, да так, что я едва поспевал за ним на лошади и уже начинал думать о том, что на своих двоих по лесу мне будет бежать удобнее. Следы врага вели в глубину леса, но потом вдруг круто изменили направление и повернули к Городу, обойдя его по окружности.

«Хитрый, гад, – подумал я. – Если бы не Волчонок, хрен бы я смог найти его следы».

Мы пронеслись по подлеску, миновали кладбище и домчали до городской стены.

«Он уже пробрался в Город, – пронеслась тревожная мысль в моей голове. – Он уже там и что делает, одному Единому ведомо, если он все же существует в этом мире».

Марик настолько увлекся слежкой, что одним прыжком перемахнул через ров с кольями, а вторым – через городскую стену.

– Волчонок! – крикнул я, но не успел остановить паренька.

Пришлось спешиться и последовать за ним. Приземлившись по ту сторону стены, я порадовался, что в рассветной школе меня научили хорошо прыгать, иначе такую высоту без хорошего разбега я вряд ли бы осилил. Оглядевшись, я понял, что нахожусь в чьем-то дворе, но Марика поблизости видно не было. Выбежав на улицу и перепрыгнув через низенький заборчик, я увидел стремительно бегущего оборотня. Он склонил морду к земле и на четырех лапах направлялся к центру города. Нужно было его остановить, пока кто-нибудь не заметил. Однако разбившаяся посуда в одном из домов и последовавший за этим звуком женский крик убедили меня, что с этим я безнадежно опоздал.

Преследуя оборотня, я понял, что на четырех лапах он делает меня в два счета. Я успел только заметить, как он притормозил у забора, из-за которого доносилось легкое похрюкивание, а потом вдруг круто поменял направление, побежав через двор на соседнюю улицу. А за ним уже набирали силу вопли и крики:

– Оборотень! Спасайтесь!

«Вот же, глазастый кто-то», – с неудовольствием подумал я, повторяя по огороду путь

Марика.

Оборотень выскочил на центральную улицу Города, причем не безлюдную. Шок и ступор – это весьма неточные слова, которыми можно описать состояние жителей Города, когда мимо них промчалось ЭТО. Более подошло бы весьма непечатное слово, но я же культурный человек!

«Песец», – думал я, бегая за оборотнем и матерясь во весь голос.

Однако столбняк у горожан быстро проходил, и они тут же начинали кричать и звать соседей на помощь. Самые решительные сразу бежали за оружием или вытаскивали его из-за пояса.

Внезапно Волчонок замедлил бег.

«Неужели почувствовал неладное? – с иронией подумал я. – Так пора бы уже!»

Но он только повел носом, а потом бросился к фигуре, которая в сером плаще с капюшоном, накинутом на голову, быстрыми шагами приближалась к колодцу. Сразу определив, кто это там впереди, я закричал во всю мочь, сбивая дыхание:

– Стой!!!

Но Марик словно и не слышал меня. В несколько прыжков он догнал человека и прыгнул ему на спину, вонзившись острыми клыками в шею. Человек умер не сразу, он еще пытался сопротивляться, орошая землю своей кровью. Но когда я добежал до места схватки, кочевник уже лежал, безжизненно запрокинув голову. Волчонок поднялся на задние лапы и уставился на меня, радостно оскалившись. Подойдя к нему, я взглянул ему прямо в глаза, а потом отвесил хороший подзатыльник, прошипев:

– Разведчик хренов!

Бросив взгляд на диверсанта, я убедился, что он безнадежно мертв. Мда, Марик, не быть тебе агентом мирового класса, раз не можешь сдерживать свои звериные инстинкты. Я подошел к колодцу, до которого было всего несколько шагов, и устало сел на его краешек, вытянув ноги. Оглядевшись, понял, что мы стали объектом пристального внимания практически всех жителей Города. Четыре бабушки под ближайшим забором, видимо, еще минуту назад судачившие у колодца о житейских мелочах, сейчас усиленно изображали причудливые дощечки, пытаясь вжаться в ограду как можно плотнее. Из окрестных домов с испугом выглядывали женщины, а мужики с вилами, кольями и другим подручным инструментом уже приближались шумной толпой с двух концов улицы.

Марик в своем зверином обличье тоже огляделся, а потом боязливо подошел ко мне, а я подумал, как же теперь буду объясняться с людьми. Ладно, плох тот командир, что не стоит за своих горой. Волчонка я в обиду не дам, а Хагел мне в этом поможет. Толпа продолжала наступать, но их решительность сменилась непониманием, когда они увидели, что я спокойно сижу на краешке колодца. Окружив нас, они внимательно рассматривали оборотня, видно, решая, что с ним делать. Крики постепенно затихали, и на улицу опустилась тишина. Около полусотни крепких мужчин разного возраста вопросительно уставились на меня.

– Доволен, Марик? – спросил я оборотня. – Весь Город перебаламутил! Может, я рано тебя главным разведчиком назначил?

Оборотень понурил голову, но упрямо ей помотал.

– Так какого хрена ты убил этого степняка?! – сорвался я.

– Ты же сказал, найти... – голос у Волчонка в зверином обличье оказался хриплым и басовитым, и слова он выговаривал так, будто у него было что-то набито за щеки. Видимо, его звериная пасть не была предназначена для человеческой речи.

– Найти, но не убивать! Это две разные вещи! Запомни, любой разведчик, диверсант, шпион, – да назови как угодно! – живым в сто раз ценнее его тупа. Как я теперь его буду допрашивать? Некромантией я, увы, не владею, с потусторонним миром тоже контактировать не могу. Кто мне теперь расскажет, что он здесь делал?

– Прости, командир, – Марик совсем скис, а среди горожан начались осторожные шепотки.

«Это хорошо, – подумал я. – Раз уже начали отходить, то еще не все так безнадежно».

– Давай, принимай свой человеческий облик, – приказал я. – Нам еще в лес за твоими сапогами возвращаться.

Марик начал медленное превращение в человека, а я поднялся с края колодца и принялся обыскивать тело убитого. Кинжал и маленький арбалет меня не заинтересовали, а вот звякнувший мешочек я прибрал в карман. Кольца и серьга меня тоже не прельстили, найдется, кому забрать, а больше ничего интересного и не было. Уже поднимаясь, я заметил сжатую в кулак правую руку кочевника. Интересно, что же он так крепко держал, что даже не успел выхватить кинжал? С трудом разогнув его пальцы, я обнаружил маленький камешек зеленовато-болотного цвета. На первый взгляд он был совсем обычным, но когда я взглянул на него магическим зрением, то увидел, что в нем скрыто сложное плетение. Интересно, а что оно делает? Хотя тут гадать особо и нечего, но проверить все же придется. Внимательно рассмотрев его структуру и запомнив на будущее, я обратился к стоявшим позади людям:

– Срочно нужна чашка, тарелка или еще какая-нибудь посуда. Желательно совсем ненужная, чтобы выбросить было не жалко.

Мужики стали осматриваться, как будто чашки повсюду валялись под ногами, но потом один сообразил, сбегал к себе и принес старую глиняную чашку, покрытую толстым слоем копоти. Я подошел к колодцу и плеснул в нее немного воды из стоявшего на краю ведра. После этого повернулся, чтобы всем было видно, и кинул в нее тот камешек, что сжимал в руке диверсант.

Реакция пошла сразу же. Вода забурлила, а плетение в камешке активировалось и развернулось, никак не повредив носитель. После этого вода опять стала кристально чистой, как и раньше. Понюхав ее, я убедился, что и по запаху она осталась прежней, но после опыта стала ядовитой для живых организмов. В этом я был уверен на все сто.

– Что это? – спросил один из мужиков.

– Отрава, – спокойно произнес я. – Так что можете радоваться. Если бы Марик не успел убить гада раньше, чем тот бросил эту гадость в колодец, думаю, мы бы все начали умирать прежде, чем обнаружили причину.

По рядам толпы прокатился изумленный вздох, начались тревожные разговоры, которые вскоре слились в общий гул. Но через несколько секунд толпа расступилась и пропустила наконец-то прибывших на место происшествия моих бойцов. Что интересно, Хагел также был рядом с ними вместе с несколькими своими воинами.

– Что тут произошло? – поинтересовался он у меня.

– При объезде лесной территории мы с Мариком обнаружили следы вражеского разведчика. Пойдя по ним, увидели, что он уже проник в город, а Марик в ходе преследования убил врага, не дав тому отравить наш колодец. Кстати, Трит, подойди сюда!

Из рядов воинов вышел мой парень. Я бережно отдал ему чашку с водой и сказал:

– Это – смертельная отравка. Ее нужно отнести подальше от города и закопать поглубже. Возьми себе в помощь еще двух бойцов и сделай это побыстрее. Справишься?

– Не вопрос, – флегматично ответил Трит.

Именно потому я выбрал этого большого спокойного парня. Я был уверен: он не разольет эту гадость на улицах Города, откуда она могла попасть в желудок домашних животных или в дом. Кто знает, какая доза этой дряни является смертельной? Лучше перестраховаться.

– Марик, нужно, чтобы ты повторил весь путь этого гада обратно до городской стены. Он мог вполне оставить еще сюрпризы.

Волчонок кивнул и повел меня по улице. Вместе с нами двинулись несколько любопытных жителей и моих ребят, которых я взял на всякий случай. Остальные же остались возле колодца обсуждать новости и вываливать на подросшего Хагела все интересующие его подробности. Пару раз я останавливался и осматривал окружающее пространство, но ничего не обнаружил. Затем притормозил рядом с забором, из-за которого раздавалось негромкое хрюканье.

– Он здесь долго стоял, – сказал Волчонок.

– Тогда точно нужно проверить, – согласился я и перелез через забор.

И тут же вляпался. Не буду уточнять, во что именно, вы и так прекрасно все поняли. За забором были свиньи – больше двух десятков. Они с комфортом ковырялись в грязи, которая была буквально всюду. Я прошел несколько шагов, осматривая землю, при этом основательно извазюкав сапоги. Диверсант стоял здесь не просто так. Он доставал сюрприз, который хотел кинуть в колодец. Или сюрпризы, ведь таких амулетов можно наделать массу, особо не утруждаясь. Магическим зрением я проверил все места, куда можно было добросить нечто, находясь за забором, и обнаружил еще один камешек, который светился скрытым в нем плетением.

Подходя к нему, я рассмотрел его обычным зрением и понял, что этот сюрприз немного отличается от первого. Он был серого цвета и немного больше. Хотя, я думаю, размер в этом деле мало значит. И тот, первый, камень был простым носителем плетения, а не чем-то вроде сухого яда. Вот только как он действует? Этот камешек лежал в самом центре большой кучи... хм. Я скривился при мысли, что его придется оттуда достать, чтобы проверить действие амулета. Так просто развеивать плетение я не собирался, ведь если есть малейшая возможность пополнить свои знания, так почему бы ею не воспользоваться? Поэтому ковыряться предстояло пальчиками, без магического захвата, чтобы случайно не нарушить структуру.

Пытаясь отсрочить неизбежное, я наклонился над камнем, магическим зрением четко увидел плетение внутри него и постарался запомнить все детали его структуры. Протянул руку, чтобы поднять сюрприз, но тут случилось одно из тех чудес, за которые я был очень судьбе благодарен. Одна из хрюшек внезапно решила познакомиться со мной поближе, и в то время как я рассматривал плетение, незаметно подошла ко мне вплотную, а когда я протянул руку за камнем, ткнула своим пяточком прямо мне в лицо.

Это было так неожиданно, что я потерял равновесие и задницей плюхнулся на еще одну весьма приличную кучку свежего ароматного... ну, вы поняли. Я тут же вскочил и стал отряхиваться под ехидный смех Марика, наблюдавшего за моими похождениями из-за забора. Хрюшка, испугавшись моих ругательств, отпрянула и копытцем наступила на ту кучу, которую я только что внимательно рассматривал, втоптав камень еще глубже. Не успел я подумать, что теперь мне еще долго придется здесь ковыряться, как меня оглушил дикий визг любопытной свиньи. Она отчего-то стала носиться, как ошпаренная, визжа на ультразвуке, и я с изумлением увидел, что по той ноге, которой она наступила на камень, стремительно расплзается чернота.

«Вот как оно действует, – понял я, вытягивая меч из ножен. – Этот сюрприз не отравы, он пожирает живую плоть!»

Нога свинки подогнулась, когда она проносила мимо меня, и я увидел, что почерневшее мясо отваливается целыми ломтями. Я одним взмахом отрубил свинье голову, но процесс не останавливался даже в мертвом теле. Магическим зрением я вгляделся в то, что творилось на пораженном плетением участке, и увидел что-то типа колонии мелких насекомых, которые стремительно размножились и поедали частички живой ткани. Я прикинул, что огонь наверняка может это остановить, но ведь можно сделать и проще. Одним махом всосал в себя всю энергию, питавшую этих тварей, и они бессильно застыли. Заражение, охватившее большую часть тела свиньи, остановило свое продвижение, и получилась груда черного протухшего фарша.

– Что вы сделали с моей свиньей?! – раздался сзади гневный голос.

– Это не я, а вражеский лазутчик, – ответил я, развернувшись и увидев старика с ведром помоев. – Он кинул в ваш двор один хитрый магический амулет, который принес с собой эту заразу. Взгляните! – я указал ему на гниющий труп свиньи. – Если бы мне не удалось вовремя ее убить, то такая же участь постигла бы всех свиней в этом загоне, а вполне возможно, и вас самого.

– Да как же это... – взмахнул ведром старик, чуть не обдав меня помоями. – Спасибо вам большое, господин Алекс, уберегли старика! Хвала Единому! Такое несчастье...

– Ну что вы, это моя работа, – скромно ответил я и полез через забор, слыша за своей спиной благодарности старика.

«Вот так, – подумал я, очутившись на улице. – Если ты по недосмотру или умышленно сделал людям гадость, то тут же убеди их в том, что все могло быть гораздо хуже».

– Кстати, – вспомнил я и заглянул за забор по примеру Марика. – Испорченную тушу нужно закопать поглубже и ни в коем случае не касаться ее руками, понятно? Я пришлю бойцов в помощь.

– Не нужно беспокоиться, мы сами со всем справимся, – затараторил старик. – Все сделаем, как вы велите. Спасибо, господин Алекс.

Ну, сами так сами. Я и не напрашивался, ведь парням тоже не доставит никакого удовольствия копаться в... Короче, я скрылся с глаз этого свиновода и повернулся к Марику. Он с улыбкой разглядывал пятно у меня на штанах.

– Чего лыбишься? – мрачно осведомился я. – Веди дальше, но учти, в следующий раз за сюрпризом будешь лезть ты!

– А у нас в Городе больше нет загонов со свиньями! – просветил меня Волчонок, продолжая улыбаться.

Я только головой покачал. Ну почему людям так приятно, когда вляпываются другие? Что на Земле, что здесь – одно и то же!

«Но как же сам диверсант держал у себя этот камень, чтобы он не активировался раньше времени?» – пришла мне на ум запоздалая мысль.

Ведь он явно не был магом, наличия даже слабеньких способностей я у него не заметил.

Я еще раз осмотрел место у забора и в десятке шагов от него обнаружил кусок тряпки с веревкой, которую, вероятно, отнесло туда ветром. Она слабо фонила энергией в магическом зрении, и я сделал вывод, что именно так и хранил у себя этот амулет наш диверсант. Ничего сложного.

Мы еще раз прошли весь путь до самого забора, обнаружив неподалеку от него веревку с крюком, замаскированную в кустах, но амулетов больше не было.

«Мда, – подумал я, – Волчонок все же молодец».

Если бы он не успел, то вряд ли я стал бы искать эти амулеты, а даже если бы и нашел его у свиней, то отраву в воде точно бы не обнаружил. В результате погибли бы люди, так что Марик действительно герой дня.

– А почему ты не остановился, когда я тебе кричал? – поинтересовался я, когда мы стояли у того места, где диверсант перелез через забор.

– Когда, у колодца? Я подумал, что ты этому гаду кричишь...

– Кочевники общего не понимают. Ему бы я кричал на их наречии.

– Но я же не знал!

– Ладно, не кипятись. Но запомни: некоторые враги ценнее в живом виде, поэтому убивай только по моему разрешению, договорились?

Волчонок кивнул.

– Короче, – торжественно произнес я. – Назначаю тебе наряд на кухню за неподчинение приказу и объявляю благодарность за уничтожение особо опасного диверсанта. Так держать, разведчик!

Я протянул ему руку, но Марик отстранился и со смущением сказал:

– Алекс, у тебя рука в...

– Спасибо, я уже понял. Пойду на реку мыться, а ты сбегай за моими запасными штанами.

Парень убежал, а я подумал, что этого героя уже точно не будут обижать в Городе, так что эта проблема решена. Теперь жители узнали, кто такой Марик, но неприязни к нему испытывать не будут, а если кто и посмотрит в его сторону с презрением или ненавистью, то я ему лично объясню, как это неpolitкорректно. В общем, все прошло нормально, только хрюшку было немного жалко. Но если бы не она, пары пальцев я бы точно не досчитался –

уж больно быстрым было действие у вражеского плетения. Так что спасибо ей от меня огромное и низкий поклон... посмертно.

Глава 26

Герои и злодеи

Я плескался в реке, оттирал вонючую субстанцию со своей одежды и рукояти клинка и думал о том, что немного недооценил кочевников. Оказывается, у них есть еще и маги. Хотя их отсутствие было бы довольно странным, ведь среди всех прочих рас, населяющих этот мир, они присутствуют. Так что нужно было учесть этот фактор раньше. Сидя в прохладной воде, я вспоминал плетения, которые находились в камнях. Они были не слишком сложными, я без труда их запомнил и теперь принялся раскладывать на составляющие, выясняя, как все это работает.

Минут через десять, когда Марик принес мне другие штаны, я пришел к выводу, что ничего особого в плетениях не было, просто был несколько иным принцип их построения. Например, часть, отвечающая за их активацию, находилась рядом с запасом энергии, а меня учили, что в таком случае возможно непроизвольное срабатывание плетения. Также я отметил некоторое отличие в самом принципе сохранения запаса энергии – если я просто создавал емкость, то здесь ставился еще и своеобразный насос, поддерживавший плетение в активном состоянии даже после истощения резерва. Таких отличий было еще с десятков, но остальные являлись более мелкими и для неспециалиста интереса не представляли.

В общем, надевая штаны, я пришел к выводу, что уровень магов у степняков средний, если оценивать неведомых имперских мастеров как магов высочайшего класса, а тех недоучек, с которыми приходилось сталкиваться мне, как магов низкого уровня. Короче, с одним справлюсь легко, самонадеянно заключил я, с двумя – вполне возможно, если учесть запасы моей силы, с тремя и больше – проблематично. Будем надеяться, что маги кочевников строим не ходят и привыкли работать в одиночку. Надо будет добыть хоть одного, чтобы пообщаться с ним на профессиональные темы.

Новые плетения я отложил в памяти, чтобы потом можно было применить их на практике. «Свиной грипп» (так я обозвал второе) наверняка эффективно может работать и на людях, а если еще немного увеличить его энергетический запас и расширить управляющий контур, то можно сделать... Так, это пока оставим, займемся усовершенствованием, когда появится свободное время. А оно в ближайшем будущем вряд ли появится. Нападения участились, значит, пора менять тактику и уже самим делать вылазки в степь, перехватывая инициативу.

Возвращаясь с Волчком к моей лошади, терпеливо ожидавшей у стены и флегматично щипавшей травку, я решил, что завтра с утра возьму всех своих ребят, оставив на охране только воинов Хагела как более опытных, и отправлюсь с ними в степь искать тот лагерь, откуда к нам раз за разом посылаются отряды. В крайнем случае мы тем самым просто проведем детальную разведку местности за лесом, если не повезет с обнаружением противника. Да, пора переходить к активным действиям, ведь, сидя на одном месте, становишься более уязвимым.

Запрыгнув на лошадь, я пристроил сбоку узел с мокрой одеждой и подал руку Марику, который уселся позади меня. Вдвоем мы поехали к тому месту, где оставили лошадей Волчок и диверсанта. Вряд ли там будут еще какие-нибудь сюрпризы, но перестраховаться все же стоило, поэтому я отправился туда сам, а не послал кого-нибудь. Поехали мы напрямую, не став делать крюк и проезжать мимо кладбища, как в первый раз, поэтому добрались намного быстрее.

Первым делом Марик натянул сапоги, а потом бросился разыскивать свою кобылку, уже успевшую куда-то удрать, и дал мне возможность без свидетелей обыскать вещи нашего диверсанта. Результатов я особых не получил. На нехитрой поклаже были видны следы переизбытка магического фона, но это могло быть всего лишь следствием перевозки

амулетов. Проанализировав амулеты, я понял, что такая конструкция не обеспечивает хорошей маскировки. Вот мои амулеты, например, никогда не оставляют никакого магического фона. Энергия в них надежно закапсулирована и не «протекает» в окружающее пространство.

Седельная сумка порадовала меня полупустой флягой с водой, овощами, двумя кусками черствого хлеба, саблей в довольно неплохих ножнах и колчаном со стрелами. Сам лук был приторочен к седлу. Больше никаких полезных вещей я не нашел. Дождавшись появления Марика, я забрал лошадь со всем добром и мы отправились в Город. А там нас уже встречали. Новость о героизме Волчонка разлетелась быстро, и многие жители, не принимавшие участия в событиях, спешили посмотреть на своего спасителя. Под их взглядами и перешептываниями (они разве что пальцами при этом не тыкали!) Марик стушевался и постарался спрятаться за моей спиной, но я обернулся и сказал ему с улыбкой:

– Нет уж, раз отличился, то теперь расхлебывай последствия!

Парень тяжело вздохнул, а некто особо сообразительный в толпе крикнул:

– Спасибо тебе, Марик!

И тут как будто прорвало плотину. Сразу все стали выкрикивать благодарности, здравицы новоявленному герою. Многие подошли к нам и старались лично поблагодарить парня. Две девчушки даже сунули Марику букеты ромашек. Волчонок сидел на лошади, покраснев и опустив взгляд.

«Ладно, нужно спасти паренька», – подумал я и крикнул:

– А ну, люди добрые, пропустите героя, у него еще дел полно!

Толпа понемногу расступилась, но энтузиазма не потеряла. Продравшись сквозь такое окружение, мы отправились к загону, где и сдали своих лошадей под опеку местных пареньков. Волчонок в отсутствие своих фанатов немного повеселел и даже спросил меня:

– А каких у меня дел полно?

– А тебе еще сегодня на кухне тарелки мыть или ты уже забыл? – ехидно ответил я.

Вздохнув, Марик опять повесил голову.

– Не расстраивайся, грязные тарелки – это не смертельно. Зато побудешь денек вдали от благодарных горожан, а до завтра они немного поутихнут или найдут себе нового героя, – утешил я парня.

– Точно? – с надеждой спросил он.

– Зуб даю! Я ведь сам через это прошел.

Парень снова приободрился и уточнил:

– А почему именно зуб?

– Присказка такая. А что, у вас так не говорят?

Марик помотал головой.

Я посмотрел на солнце:

– Не пора ли подкрепиться? Время-то уже обеденное.

Парень с радостью согласился, и мы отправились к дому Хагела, зайдя по пути ко мне и оставив мои мокрые вещи и трофеи.

В столовой уже шло общее собрание, на котором присутствовали все защитники Города.

– Ну где вы ходите?! Куда пропали? – раздались недовольные крики моих бойцов, когда мы появились на пороге.

Я оглядел столы. На них были расставлены тарелки с уже наверняка остывшей едой и кружки, явно не пустые. С дальнего конца столовой к нам приближался Хагел. Поняв, что сейчас будет, я шагнул в сторону, открывая Марика для всеобщего обозрения. Остановившись перед ним, Хагел торжественно произнес, мимоходом сунув мне одну из кружек, что держал в руках, а вторую отдав Волчонку:

– Марик, сегодня ты показал себя настоящим защитником нашего города. Поверь, немногие рождены для славных подвигов, немногие могут похвастаться своим героизмом, но сегодня ты попал в их число, и я с радостью поздравляю тебя с этим. Ведь именно сейчас ты

доказал, что Алекс не зря принял тебя в свой отряд, именно сейчас ты стал настоящим воином!

Бойцы начали вставать со своих мест, поднимая кружки.

– За Марика!

– За героя!

– За воина!

Волчонок опять покраснел и оглянулся на меня в поисках поддержки, но я только улыбнулся и поднял кружку, внеся свою лепту:

– За нашего разведчика!

А затем Хагел опрокинул свою кружку в себя и все дружно последовали его примеру. Вино было кислым, невкусным, поэтому я сделал всего несколько глотков. Ну а после началось празднование и чествование Марика. Ему пришлось детально рассказать обо всем происшедшем, так как я от этого дела самоустранился, отдав должное обеду. Хагел впервые на моей памяти присоединился к нам, шепнув мне мимоходом, что кузнец уже приготовил вторую партию металла на переработку для моего «амулета». Я мысленно выругался, так как даже и не думал повторять свой опыт с изготовлением эльфийской стали. Все защитники были уже более-менее облачены в доспехи, причем, судя по последним партиям, кузнец начал экспериментировать с кожей и тканью, делая нечто наподобие наших бронежилетов. Клинки уже также были у каждого, за что ему только честь и хвала. А создавать переизбыток данного продукта было весьма чревато. Я, вообще-то, за него хотел получить довольно неплохие деньжата, а тут приходилось потеть абсолютно бесплатно.

Поразмыслив немного, я все же пришел к выводу, что переработать хоть часть все же придется. Моим бойцам нужны вторые клинки, так как щит им уже вряд ли нужно будет держать, а двуручная техника хоть и требует гораздо больше времени для освоения, но гораздо эффективнее обычного владения мечом. Тем более что с таким оружием, которое может легко перерезать вражеский клинок, мои парни, даже будучи дилетантами, сумеют на равных противостоять степнякам, а в будущем... Какое будущее, оборвал я себя. Как будто у меня будет время, чтобы преподать им парочку уроков владения мечом. Размечтался. Тут выясняется, что нам будут противостоять еще и маги, а я все планы строю.

Быстро доев свою порцию, я еще раз поздравил вконец смущенного Марика и, покинув шумное празднование, направился к нашему кузнецу. Интересно, сказал ему Хагел, что я маг, или все же промолчал об этом, как мы и договаривались? Меня тревожила эта мысль потому, что я раньше вроде бы говорил, что у меня амулет для превращения металла одноразовый, а теперь вдруг выяснится, что у меня их два... Нет, одна ложь рождает следующую, так можно и запутаться. Проще было сразу признаться, а я все темнил. Кстати, а почему я все еще скрываю свои способности? Разве они и вправду сделают меня чудовищем в глазах окружающих? Ведь жители Города сегодня спокойно восприняли истинную сущность Марика... Хотя «спокойно» – это немного не то слово.

Идя по улицам Города к кузнецу, я все думал, почему же продолжаю ото всех таиться. Пройдя с десяток дворов, я обнаружил причину – мой характер. Оказывается, все дело лишь в том, что я состоял как бы из двух половинок, двух разных сознаний. Одно из них – человеческое, которое никогда не использовало магию и, естественно, не привыкло жить с этим качеством, а второе – эльфийское, которое уже давно привыкло скрывать свои знания от сородичей. Вот потому мне привычнее стрелять из лука, чем поражать врагов плетениями, вот почему мне не доставляет особого неудобства сокрытие моих талантов от окружающих. Просто такой у меня характер!

Дойдя до кузницы, я услышал доносившийся из нее грохот и лязг.

– Здесь куют металл... – пропел я и вошел.

Вашун встретил меня с радостной улыбкой и показал большую грудку металла, получившуюся из трофейного оружия. Скользкую тему про мой амулет он поднимать не стал, а просто доложил, что скоро приступит к ковке кинжалов. Я похвалил его и попросил еще сделать каждому воину второй клинок по моему образцу. Вашун почесал в затылке, что-

то прикидывая, а потом заверил меня, что стали, что я сделаю, должно с лихвой на это хватить. Это было хорошо, так как больше я таким заниматься не был намерен, за спасибо обеспечивая весьма дорогим оружием армию Мардинана. Нет уж, лавочка закрывается, господа хорошие. Отныне все только за деньги!

Дождавшись, пока все посторонние покинут кузницу, я присел перед бесформенной грудой металла и сосредоточился. Не то чтобы я особо напрягался, но в этот раз процесс прошел значительно быстрее. Уже через пятнадцать минут передо мной была раскаленная глыба эльфийской стали, которую я быстро разрезал лезвиями на маленькие бруски, а затем остудил. Отряхивая свои штаны от мусора, я решил в следующий раз немного поэкспериментировать. Ведь и Черный меч должен быть из похожего материала, значит, теоретически я могу создать и его. Нужно только найти правильный алгоритм и догадаться, как встроить в металл свойство отражения любой магии. Кое-какие идейки уже забрезжили в моей голове, но для них опять не хватало времени. Завтра в степь, нужно будет подготовиться получше, да и выспаться перед дорогой не помешает.

Выйдя из кузницы, я обнаружил Вашуна все в той же пивной. Он расслаблялся, в одиночестве потягивая кисловатый напиток. Услышав, что все готово, он одним махом допил свою кружку и хотел было уже возвращаться к работе, но я задержал его еще на полчаса, показывая, как можно прилично сэкономить материал, делая шлемы, непохожие на ведра. Оказалось, что этот вариант был в ходу только из-за того, что клепать их удобнее. Когда же я рассказал ему о круглом шлеме с широким забралом и большим воротом, защищающим сзади шею, он признал, что мой вариант куда более удобен в производстве. Показав Вашуну, как его легче всего сделать из составных частей, я сказал кузнецу, что толщина стали может быть совсем ерундовой, так что весить эта каска в итоге должна совсем немного, иначе лучше сразу вернуться к привычным ведрам.

После этого я пожелал мастеру не перенапрягаться и отправился к себе домой. Идя по улице, я столкнулся с моими парнями, что в приподнятом настроении отправлялись к загону с лошадьми, прихватив с собой луки и сопровождаемые несколькими инструкторами из числа воинов Хагела.

«Похоже, праздник длился долго», – подумал я, не став к ним присоединяться.

Мне эти тренировки не слишком нужны, зато пообщаться с королем не мешало бы. Договорились же, что буду докладывать почаще, так что придется отчитываться, хотя данных почти никаких, одни догадки.

Придя к себе, я сел на лавку и достал разговорный амулет. Но не успел его сжать в руке, как услышал на улице неторопливые шаги, направлявшиеся явно к моей двери. Кого еще там демоны несут? Я спрятал амулет в карман. Через мгновение раздался легкий стук в дверь и знакомый голос мягко спросил:

– Алекс, вы разрешите мне войти?

Открыв дверь, я обнаружил на пороге местного священника.

«Вот и пришли мои проблемы», – пронеслась мыслишка в голове.

– Здравствуйте, святой отец, чем могу быть полезен? – вежливо поинтересовался я.

– Я давно хочу поговорить с вами, да все не было подходящего случая. Вы позволите мне зайти и отнять у вас немного вашего драгоценного времени?

Ну, прямо как проповедники на Земле, что постоянно ходят в гости по утрам и вечерам, да еще и задалбывают телефонными звонками. Я посторонился и пропустил нежданного визитера в комнату. Оглядевшись, святой отец произнес:

– А у вас тут весьма скромно, я бы даже сказал, здесь властвует аскетизм. Эта обитель подошла бы благочестивому монаху, но никак не воину.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – указал я ему на лавку и добавил, когда святой отец примостился на краешке: – Как-то не было времени заниматься обустройством жилища...

– Да-да, знаю. Все дела, заботы по защите Города, – подхватил священник. – Не нужно оправдываться, я все прекрасно понимаю.

Он замолчал, рассматривая меня. Ладно, поиграем по его правилам, раз уж он так

хочет.

– И о чем вы хотели со мной поговорить? – спросил я, пододвинув тяжелый стол и усевшись на него напротив гостя.

Священник с неодобрением покосился на мое весьма неприличное поведение. Да, я прекрасно понимал, что сидеть на столе некрасиво, но больше мебели у меня в доме не было, так как все уже давно растащили запасливые соседи. А стол и лавку не вынесли только потому, что им проще было сделать новые, чем возиться с этим старьем. Так что пришлось мне проявить такую грубость, ведь садиться рядом с ним я не хотел, и теперь священнику приходилось смотреть на меня снизу вверх, что не добавляло ему комфорта.

– Я бы хотел поговорить с вами о жизни, – заявил священник.

– О моей жизни? – уточнил я, готовясь к обвинениям.

– Не только. Я хотел бы спросить вас: знаете ли вы, что каждая жизнь бесценна? – священник пылливо взглянул мне в глаза.

– Читал в детстве об этом, – признался я.

– А знаете ли вы, что Единому не угодно насильственное лишение жизни своих творений?

– Догадываюсь.

Эта игра в вопросы и ответы начала мне надоедать.

– А...

– Святой отец, – прервал я гостя. – Перестаньте кружить вокруг да около! Как вы справедливо заметили, у меня еще много планов на сегодня, ведь мне еще ребят готовить к завтрашней вылазке в степь, так что сразу переходите к делу.

Священник недовольно посмотрел на меня, но все же вывалил то, с чем пришел, обойдясь без пространной преамбулы.

– Я уже давно за вами наблюдаю, Алекс, и вижу, что вас совершенно не волнует ценность человеческой жизни. Меня это тревожит, так как подобные настроения проникают в сердца молодых воинов, что обращаются ко мне за словом поддержки и утешения. Более того, несколько молодых людей прямо мне заявили, что врагов жалеть нельзя и что учение Единого говорит об этом не совсем верно. В ответ на мои расспросы о том, кто же такое им поведал, молодые люди указали на вас. И теперь я пришел сюда, чтобы хоть немного развеять заблуждения, царящие в вашей душе. Я хотел бы спросить вас: где вы нахватались подобной ереси и как можете попирать основы нашей веры?

Так вот оно что! Фу-ух, а я уже переживать начал.

– Святой отец, – спокойно ответил я. – Я никак не хотел «попирать» вашу веру и веру ваших прихожан, я всего лишь забочусь о своих подчиненных. Я не проповедую отречение от Единого или веру в какого-то другого бога, я просто стремлюсь сохранить как можно больше жизней своих ребят, а это зависит от того, насколько качественно они будут уничтожать врагов. Если вас это не устраивает, пожалуйста, оставьте свои мысли при себе и не пытайтесь навязывать их моим парням. Поверьте, я не угрожаю вам и не пытаюсь никоим образом обидеть. Просто я уверен, что будет намного лучше, если мои бойцы будут встречать врага не с верой в сердце, а с мечом в руке.

Священник вздохнул и мягко произнес:

– Сын мой, я начинаю понимать, что вы много плохого испытали в своей жизни, раз в каждом встречном видите врага.

Я усмехнулся в ответ:

– О, поверьте, это далеко не так!

– Но ваши слова это подтверждают.

– Я просто хотел сказать, что каждый должен заниматься своим делом и не лезть в чужой монастырь со своим уставом. Вы должны утешать страждущих и наводить порядок в их душах, а я должен защищать людей от врагов. Разве это не справедливо?

Священник подумал и возразил:

– Но вы же проповедуете насилие своим людям, разве это правильно?

Я выдохнул. Похоже, разговор затянется надолго.

– Отче, я не проповедую насилие ребятам, я только хочу, чтобы они не размышляли, убивая врагов, не терзали себя сомнениями, а просто делали свое дело, защищая мирное население.

– Но вы же говорили им, что жалость к врагам недопустима, а это не так!

– Неужели? – с иронией спросил я.

– Да! – с уверенностью кивнул священник. – Любое создание Единого, даже погрязшее в грехах, может исправиться и вернуться на путь истинный. Не стоит лишать его жизни только потому, что его заблуждения противоречат вашему мировоззрению.

– Отче, а разве применимо это к степнякам? – поинтересовался я.

– Это касается всех разумных созданий, – отрезал мой гость.

И этот священник живет на границе? Разве он не повидал жизнь во всех ее проявлениях? Разве на его глазах не убивали людей? Как он вообще может после этого говорить такое?

– Святой отец, а вы давно здесь живете?

– Уже год.

– И что, жизнь вас еще не убедила в несправедливости ваших утверждений? Как такое возможно? Вы что, не замечали нападений кочевников, убийств защитников Города? Вы ведь сами только недавно провожали в последний путь ваших прихожан. И теперь выходит, что вы оправдываете действия степняков, потому что они просто заблуждались?

Я начинал потихоньку закипать.

«Спокойно, – сказал я себе. – Если ты дашь ему в морду, ничего не поменяется, а вот люди просто не поймут».

– Не искажайте мои слова! – ответил мой гость. – Я не говорил, что их нужно оправдывать, я лишь сказал, что их нужно пожалеть! Они не понимают, что творят и какая им будет уготована расплата за все их грехи. Я не говорил, что нужно бросать оружие при набеге и уговаривать их обратиться в лоно истинной веры, но все же им нужно давать хотя бы возможность исправиться! Вы же лишаете их этого!

– Это когда же это?

– Вы хладнокровно убиваете пленных, пытаете их. Я вижу, что в вас нет ни капли сострадания к загубленным вами заблудшим душам. Это очень плохо, ибо свидетельствует о том, что тьма уже глубоко проникла в ваше сердце.

Тьма? Это о чем он?

Священник покивал, глядя на мое удивленное лицо:

– Да-да, тьма уже всю завладела вашими помыслами и постепенно уничтожает вашу душу. Ваши заблуждения – не что иное, как результат ее губительного воздействия. Посмотрите на себя, ведь вы стали хладнокровным и безжалостным убийцей, разве вы не видите этого?

Я задумался и кивнул. Правильно меня эльфы так называли, ведь, судя по моим делам, это прозвище я оправдываю на все сто. Правда, в их пророчестве говорилось, что я принесу многие смерти народу эльфов, а не степняков, которых я за последние дни уничтожил немало, но одно другому совсем не мешает.

Священник вздохнул и мягко сказал:

– Мне жаль вас, Алекс. Разве вам не тяжело жить, имея на душе такой тяжкий груз грехов? Разве вам не хочется очиститься от скверны? Расскажите мне, как вы дошли до этого?

Так вот в чем дело! Неужели все упирается в банальное любопытство?

– Святой отец, я не привык раскрывать свою душу перед каждым встречным. Более того, в целом мире всего одна живая душа знает почти все мои тайны, и я хочу, чтобы так осталось и впредь. Если вам жаль меня, то я прямо вам заявлю – оставьте свою жалость для других. Да, я убийца, но мне это ничуть не мешает. Более того, сейчас я – единственная надежда Города, поскольку без меня он бы уже был захвачен врагом. Если вам все еще

интересно, то меня все же немного тяготит то, как легко я убиваю. Но это больше наследие моего прошлого, когда родители мне говорили примерно то же, что и вы сейчас – о том, что жизнь бесценна и прочая... Да, я ничего не чувствую, когда убиваю врагов, но я прекрасно понимаю, что это хорошо, ведь если бы они мне снились в кошмарах, было бы значительно хуже!

– Но это позволило бы вам сохранить свою бессмертную душу. Ведь переживания по поводу содеянного есть не что иное, как отражение нашей души!

– Нет, это всего лишь результат нашего воспитания. Если одному ребенку всю жизнь твердили, что убийство – это плохо, а второго с рождения обучали искусству боя, то результат будет вполне очевиден.

Мой гость сокрушенно покачал головой. Мы немного помолчали.

– А может быть, вы убиваете так легко, потому что это всего лишь люди? Не задумывались ли вы над этим? – попробовал священник другой подход.

Я сначала не въехал:

– Что вы имеете в виду?

– Я хотел сказать о том, что вы ничего не чувствуете только потому, что это не ваши соплеменники. Будь на их месте эльфы, чувствовали бы вы жалость к ним?

– Поверьте, эльфы никогда бы не стали действовать так глупо, но если бы вдруг именно они были по ту сторону Города, то я убивал бы их также без лишних эмоций. И то, что они мои соплеменники, только добавило бы мне скорости в их умерщвлении, поскольку я знаю, что никто, кроме меня, в этом городе не смог бы противостоять им на равных, а потому не стал бы с ними долго возиться...

Я замолчал и подумал, что опять распустил свой длинный язык. Вон, теперь священник сидит, настороженно на меня уставившись. Наверное, думает, что я и его с легкостью сейчас прирежу, а потом закопаю за домом под малиной. Кстати, давно нужно было глянуть, что у меня там растет... Так-так, пора бы и выпроваживать гостя, который отнял у меня столько свободного времени. Однако священник все не унимался:

– Но почему же вы так ненавидите все живое?

– Придержите коней, святой отец! Безразличие вовсе не означает ненависть.

– Но до этого ведь совсем недалеко.

– Согласен, – кивнул я. – Но сейчас я не испытываю ненависти к врагам, а тем более, как вы сказали, ко всему живому. Я просто стремлюсь задавить свои чувства, чтобы они не мешали мне во время боя. Даже ненависть может помешать профессионалу в момент нанесения удара, поэтому в бою нужно всегда иметь ясную голову.

– Но ведь вы чувствуете горечь утраты, беспокоитесь за своих воинов, значит, в вашей душе есть еще искорка Единого, которую он вложил в вас при рождении, – продолжал настаивать священник.

– Конечно, ведь после схватки я позволяю себе расслабиться. Я же все-таки не бездушное оружие, а живой человек.

– Да, я заметил, что ничто человеческое вам не чуждо. Вам не противны плотские удовольствия, не так ли? («Это он про Кару, что ли?» – подумал я.) Вы также очень чутко относитесь к красоте...

Тут я непонимающе посмотрел на святого отца, так что он счел нужным пояснить:

– Я видел, как вы рассматривали картины в храме, а это свидетельствует о том, что вы открыты для истинной веры, не отрицаете Единого. Так почему же вы не признаете основу его учения?

О, кстати, раз напомнил о картинах, нужно кое-что у него спросить, а то засело у меня в голове, как заноза.

– Да, меня весьма заинтересовали ваши полотна, – ответил я. – Не объясните, что изображено на них, чтобы я до конца мог понять их смысл?

Священник прямо расцвел:

– Конечно, сын мой. На первой из них запечатлен Единый в момент сотворения первых

людей и наделения их божественной искрой. Это...

– А можно сразу перейти к картинам, что висят на боковых стенах храма, – попросил я священника, понимая, что описание торжественного момента введения в мир первых юнитов может затянуться.

Святой отец недовольно поморщился, но все же пояснил:

– На той, что висит на правой стене, изображена решающая битва сил Света и Тьмы, что произошла около пяти сотен лет назад. На ней запечатлен момент, когда Единый дает воинству Света оружие веры, что способно сокрушить непобедимого Темного мага...

– Тогда тот поверженный воин, что нарисован на полотне напротив – и есть Темный маг? – догадался я.

– Это так, – подтвердил священник. – На ней показан тот момент, когда Единый склоняется над поверженным противником, что погасил в себе изначальную искру, дарованную ему Создателем. Именно эта полотно учит нас не осуждать своих врагов, а пожалеть и понять их.

«Ага, – усмехнулся я. – Как говорится, возвращаясь к теме разговора...»

Но мне все еще был неясен один момент.

– А какой расы был Темный маг? – спросил я.

– А разве это так важно?

– Просто интересно. Я никогда не слышал никаких упоминаний о расе с таким внешним видом. Не демон ли? – продолжал настаивать я.

– Нет, не демон. Предания и летописи тех времен гласят, что он был обычным человеком, пока не впустил в сердце саму Смерть. После этого он изменился, лишился способности чувствовать и изменил свой облик на тот, что изображен на картине.

Священник задумался, а потом мрачно произнес:

– Знаете, Алекс, а вы очень на него похожи.

Я даже рот открыл после такого заявления, но потом все же выдавил:

– Это чем же? Ушами? Только это еще ничего не доказывает!..

– Нет, я говорю не о ваших ушах, я о вашем безразличии к смерти.

Я поспешил пресечь ход мыслей священника:

– Нет, к смерти я отношусь не безразлично. Мне же все-таки больно видеть, как умирают мои парни! И я, конечно, не желаю смерти моим родным, друзьям, просто знакомым, я не хочу, чтобы убивали беззащитных жителей этого города!

Священник внимательно на меня посмотрел, как будто ожидая, что сейчас я потемнею, а мои глаза станут желтыми. Не дождавшись от меня таких изменений, он вздохнул и сказал, поднявшись с лавки:

– Я вижу, что Тьма еще не полностью завладела вашей душой, но направить вас на путь истинный у меня уже не получится. К сожалению, вы, словно орех, спрятались за твердой скорлупой безразличия и настороженности, и я не в силах уговорить вас раскрыться. Одно могу пожелать вам напоследок – постарайтесь сохранить огонь той изначальной искры у себя в сердце. Если он потухнет, вы вполне можете повторить путь Темного мага.

Священник повернулся и вышел из моего дома, а я все сидел и думал над его словами. Ни фиги себе, поворот сюжета! Только-только все начало налаживаться, и тут такой сюрприз – оказывается, у меня есть возможность стать Темным магом. Священник прямо так и сказал. Мне не хотелось в этом признаваться, но были детали, которые свидетельствовали в пользу этой версии. Мое циничное отношение к чужой смерти – раз, мои магические способности – два, и напоследок – моя таинственная темная подруга, что приходит ко мне в момент тонкой грани перехода от яви ко сну. Короче, вывод напрашивался весьма очевидный...

Гад, этот священник: пришел незванным, наговорил кучу гадостей, испортил настроение и слинял! И как это называется? Свинство самое натуральное, за которое в приличных местах в морду дают! И главное – сделал выводы на совершенно пустом месте, ведь он еще даже не знает, что я маг... Или знает? Если мои парни пришли к нему исповедаться, а он потом вывалил мне свои претензии, что мешало покаяться ему в жилетку той же Нараде или

Хагелу? Нет, Хагел отпадает, он исповедоваться точно не будет, а вот насчет знахарки у меня большие сомнения. Тогда почему он прямо мне не сообщил – ты Темный маг, милости прошу на костер! Или знает, что у самого силенок меня скрутить не хватит, поэтому будет потихоньку настраивать моих бойцов, чтобы подсобили? Нет, будем считать, что святоша ничего обо мне не пронюхал, иначе появляется совсем гнилая карта в колоде. Мне еще только внутренних проблем не хватало в отряде!

Вздыхнув, я решил, что нужно будет на досуге в степи поговорить с ребятами, чтобы исключить всякие нехорошие поползновения в мою сторону, да и за священником приглядывать не помешает. А по поводу моего будущего нужно основательно подумать. Что-то мне подсказывало, что и черное колечко, и моя подруга появились не просто так. Вряд ли это во что-нибудь не выльется. Может, не сейчас, но это точно к чему-нибудь меня приведет. И вполне возможно, что в недалеком будущем я стану новым Темным магом в этом мире. Это меня не сильно пугало, так как «темный» далеко не всегда значит «плохой», а к Темноте я уже давно стал относиться по-дружески. Так что меня подобная перспектива не расстраивала, хотя и весьма настораживала.

Нет, стать таким, как он, я бы точно не отказался, ведь он был явно неслабым магом при жизни, раз его сумели завалить только неким божественным оружием. Напрягала только всеобщая ненависть, которой его облили сверху донизу. Возможно, это стало результатом известной поговорки о том, что историю пишут победители. Я более чем уверен, что та армия нечисти на самом деле состояла из обычных людей или же не совсем людей, сражавшихся за свою правду, да и противостоящая им армия не была такой светлой, как на картине. Сейчас уже вряд ли можно узнать все подробности той битвы и того, как маг дошел до такой жизни, но могу ему только посочувствовать.

Ладно, пора заниматься делами, ведь в ближайшие дни я точно Темным магом не стану, а значит, и переживать по этому поводу незачем. Хотя перспективы прямо-таки радужные. Нужно будет потом порыться в гномьих архивах, чтобы найти упоминания о событиях тех лет. Если уж Алонка добралась до «правильной» истории, то и я смогу что-нибудь полезное откопать для себя. Я усмехнулся, вспомнив слова священника. Надо же, «повторить путь Темного мага»! Я же не дурак какой-нибудь! Имея наглядный пример перед глазами, разве я стану повторять чужие ошибки?

Глава 27

Живые и мертвые

Разговор со священником оставил неприятный осадок в душе, поэтому настроение у меня весь оставшийся день было ниже плинтуса. Видимо, мне все же не давала покоя мысль, что с таким отношением к жизни я могу кончить так же, как и этот самый Темный маг. Вот только я понимал, что для того, чтобы этого избежать, мне нужно самому поменять свой характер, чего делать не хотелось, так как нынешний меня целиком и полностью устраивал, или же добиться всеобщей приязни от окружающих, когда знание того, что я могу быть (или являюсь, это уже как получится в дальнейшем) Темным магом, станет им глубоко безразлично. Кончилось все дело тем, что я приказал себе выкинуть все мысли об этом и сосредоточиться на делах. Ага, как же! Получилось из серии «не думай о белой обезьяне», так что весь остаток дня я ходил мрачным и унылым.

Зато и успел немало. Перво-наперво я договорился с Хагелом о том, что завтра с утра сведу свой отряд в степь на разведку, получив от него всяческое одобрение и поддержку. Уже вдвоем мы определились с необходимыми вещами, которые нужно взять отряду с собой – запасы на несколько дней были нам просто необходимы. Как мне сообщил командир, степь разительно отличается от Мардинана, и если я вряд ли в лесу останусь голодным, то в степи кроме голода запросто могу умереть еще и от жажды. Много проблем доставил поиск подходящей тары для двухдневного запаса воды на два десятка человек. Остановились мы на нескольких больших флягах, которые можно было погрузить на

лошадей. Они обнаружили на складе, который находился на заднем дворе. Пользуясь случаем, я утащил оттуда еще несколько одеял к себе домой, чтобы ночью спать было немного помягче.

Когда весь мой отряд вернулся с тренировки, я объявил им радостную вест о завтрашнем выезде, которую парни встретили с одобрением. Видимо, большая удача в недавнем сражении порядком вскружила им головы, и бойцы жаждали новых подвигов. С одной стороны, это было хорошо, так как энтузиазм поможет им с легкостью преодолеть походные неурядицы, а вот с другой... Так и до беды недалеко, если парни и дальше будут мнить себя великими воинами. Нужно поскорее их вернуть с небес на землю, но как это сделать, я пока не представлял. После ужина мы еще немного потренировались в стрельбе из лука, причем я опять изображал живую мишень, на сей раз отойдя на приличное расстояние. Парни показали, что до Робинов Гудов они еще не дотягивают, но десяток лучших я постарался запомнить, чтобы в случае чего иметь возможность разделить отряд на части – лучников и пехоту. Мало ли что.

В общем, день подходил к концу, а мое настроение падало все ниже. В голове словно поселилась какая-то заноза, которую я никак не мог нащупать, как ни старался. Что-то я упустил, но вот понять, что конкретно, было выше моих сил. Я размышлял над этим все оставшееся время до ночи, и даже когда меня снова навестила Кара, был задумчив и рассеян, так что девушка даже спросила меня, в чем дело. Я лишь отмахнулся, сказав, что переживаю по поводу завтрашнего выезда в степь. По сути, так оно и было. Я методично проверял и перепроверял, что же мы с Хагелом упустили при подготовке. Может быть, отложить поездку, так как у меня уж больно нехорошее предчувствие?

Еще немного подумав, я все же решил, что тянуть больше нельзя. Обороняясь, никогда не победишь, нужно нападать самим. Кара еще немного постаралась отвлечь меня от невеселых дум, но, видя, что особого успеха это не приносит, поцеловала на прощание и удалилась, оставив одного в пустом доме. Я попытался расслабиться и заснуть, но, к немалому удивлению, у меня это не получалось. Перебрав все возможные варианты своих просчетов, я наконец просто прислушался к себе и ощутил дискомфорт и... нарастающее напряжение. Точно такое же, какое я чувствовал до первого на моей памяти нападения кочевников!

– Твою мать!

Это я немного смягчил выражение, с которым буквально прыгнул со своей лавки. И выбежал во двор, прихватив только перевязь с мечами.

– Тревога!!! Отряд, к бою!!! – заорал я во все горло.

Пусть я буду выглядеть законченным кретином, когда выяснится, что тревога была ложной. Пусть меня потом критикуют мои бойцы и горожане, но нарастающее напряжение в груди подсказывало, что сейчас должно случиться нечто очень нехорошее. И мало того, я интуитивно догадывался, что это нечто происходит прямо сейчас. Это подтвердил истошный женский крик, донесшийся из западной части города. Я накинул перевязь прямо на голое тело, так как не одевался после визита Кары, и поспешил на звук, слыша, как в соседних домах просыпаются мои ребята. Внезапно крик захлебнулся, словно женщине сдавили горло, а потом повторился, но уже из другой части города – из северной и, судя по звуку, с самой окраины.

Крики подхватило множество людей, Город стремительно просыпался по тревоге, готовясь отразить нападение врага. Однако врага пока еще не было видно. Когда я добежал до места, откуда, по моим приблизительным расчетам, донесся тот самый первый вопль, то обнаружил только большое кровавое пятно, которое хорошо видел своим обострившимся ночным зрением. (А зачем мне ждать, пока горожане осветят улицы факелами, если можно просто применить свои природные способности?) Оглядев пятно, я увидел дорожку из капель, которые тянулись за угол ближайшего дома, а сделав несколько шагов туда, обнаружил мужика. Он стоял на коленях спиной ко мне над телом лежавшей на земле женщины и, по всей видимости, делал ей искусственное дыхание.

– Что здесь... – начал было я, но осекся.

Сделал я это потому, что мужик повернулся ко мне лицом. Нет, он не пытался спасти женщину, он ее ЕЛ. Залитые кровью лицо и грудь, куски мяса, застрявшие в его клыкастой пасти, явно это подтверждали. С оторопью я рассматривал это кошмарное создание, которое еще недавно было человеком. Ввалившиеся глаза, сейчас налитые кровью, мертвенная бледность кожи, острые клыки, торчавшие изо рта... Это был зомби, только не тот, которого я привык видеть на экране своего телевизора. Этот находился рядом со мной и был гораздо реальнее своих киношных аналогов. Издав короткий рык, эта тварь открыла пошире пасть и кинулась на меня.

Неправду говорят люди, утверждающие, что зомби являются довольно медлительными созданиями и от них можно запросто убежать. Я едва успел увернуться от этого гада, который с растопыренными объятиями кинулся мне навстречу. Отпрыгнув в сторону, я выхватил клинок, чтобы встретить второй бросок мертвяка своей сталью. Удар – и голова зомби покатилась по земле, только это меня не спасло, так как я тут же попал в объятия обезглавленного тела, показавшимися мне медвежьими, а то и покрепче. Чувствуя, как длинные когти твари полосуют мою спину, я накинул на себя защитный кокон и стал колотить монстра мечом, стремясь отрубить сжимавшие меня руки.

Срезав его левую клешню до самого плеча, я высвободился из объятий. Взмахнул клинком еще раз и отрубил и вторую руку. Отделившись от тела, конечности продолжали шевелиться, а мертвое тело с упорством быка двигалось вперед. Упершись в забор, оно поменяло направление и пошло дальше, но я достал из ножен второй клинок и сдвоенным ударом отрубил зомби еще и ноги, лишив его возможности передвигаться. И только после этого догадался взглянуть на него магическим зрением. Эта тварь оказалась буквально переполненной энергией, которая была явно не характерна для человеческой ауры. Кроме того, я заметил одно небольшое плетение, которое поселилось в этом мертвяке и отлично себя чувствовало, по всей видимости, обеспечивая ему стремление убивать людей. Запомнив структуру плетения, я быстро развеял его и всосал всю энергию из обрубков, которые, лишившись заряда, остались валяться на земле грудой гниющей плоти.

«Теперь нужно поспешить к северной стене», – подумал я, слыша доносившиеся оттуда крики.

Сделав два шага, я бросил взгляд на мертвую женщину с разорванным горлом. Лучше бы я этого не делал, потому что это оказалась Кара, которая так и не смогла дойти до своего дома. Выматерившись, я побежал дальше, усилием воли заглушая эмоции. Не время было предаваться унынию и скорбеть о потере, так как этот зомби был явно не единственным гостем в Городе. Судя по крикам, их тут собралась довольно приличная компания, а значит, мне нужно было спешить.

Я бежал изо всех сил, помня, что за северной стеной находится кладбище, которое, возможно, и было тем местом, откуда явился упокоенный мною мертвяк. На бегу я размышлял над одной странностью, которую отметил краем сознания. Когда я глядел на мертвую Кару, то также использовал магическое зрение, а потому заметил, что ее тело было абсолютно лишено энергии. Может, это я переборщил, когда забирал силу у зомби? Хотя нет, девушка лежала далеко от мертвяка, поэтому я не мог захватить и ее энергию, ничего не ощутив.

Значит, на деле все еще хуже, чем кажется, ведь объяснение здесь может быть только одно – зомби питаются не мясом, а энергией убитых жертв, которая делает их еще сильнее. И тот оживший мертвец, который рвал тело жертвы зубами, просто следовал своим инстинктам, еще оставшимся в его теле. Ведь плетение наверняка давало ему чувство голода и заставляло убивать, насыщаясь. А как еще можно насытиться, если не съесть свою жертву? Откуда же взялась эта хитрая магическая дрянь? Была еще при жизни или же некто доброжелательный снабдил мужика ею уже после смерти? Ладно, над этим можно подумать и в более подходящий момент, а пока оставалось лишь надеяться, что твари окажутся не слишком многочисленными.

Мне осталось пробежать до стены мимо всего трех-четырёх домов, когда я понял, что мои надежды оказались напрасными. Тварей было много! Они лезли со всех сторон, нападая на людей, отчаянно им сопротивлявшихся. Основу обороны составляли бойцы Хагела, объединившиеся в группы по пять-шесть человек с моими парнями. Именно они сдерживали основной натиск живых мертвецов, перелезавших через стену. Горожане же, не облаченные в доспехи, становились для тварей легкой добычей.

Добежав до трех зомби, раздиравших на части тело одного из защитников, я быстрыми взмахами клинков снес им головы, а затем начал впитывать их энергию. Но упустил из виду, что мой резерв уже давно полон, поэтому новой энергии попросту было некуда поступать, а свой сафрус я весьма предусмотрительно оставил дома вместе с курткой. Отрубив трем зомби конечности, я оставил их валяться на земле, а сам кинулся на помощь горожанам, которых атаковал десяток мертвецов.

Моим бойцам сейчас помогать было незачем, ведь клинки из эльфийской стали давали им возможность отрубать головы и руки мертвецам одним ударом, а доспехи, в которые они все были облачены, защищали их от клыков и когтей монстров. Расчленив пару трупов, посчитавших меня легкой добычей, я с гордостью подумал, что парни показали себя молодцами, не только быстро поднявшись по тревоге, но и успев натянуть доспехи, хотя и, как местами было заметно, прямо на голое тело.

Уже после пятого зомби я научился обходиться всего четырьмя ударами, экономя силы и драгоценное время, а схватка только разгоралась. Вскоре еще с десятка мертвецов, зайдя со стороны одного из дворов, атаковали ту группу горожан, которым я помогал. Эти твари были более агрессивными и сильными, чем те, которых мы уже расчленили совместными усилиями, – видимо, уже успели где-то подкрепиться. Кинувшись на них, я отрубил руки двум, но третий внезапно отвесил мне сильнейший удар в грудь, от которого я не успел уклониться. Этот удар едва не сломал мне ребра, даже несмотря на защитный кокон, и буквально поднял в воздух, перекинув через забор ближайшего двора. Перекувыркнувшись, я встал на ноги и вновь включился в драку. Те драгоценные секунды, которые понадобились мне для возвращения, стоили жизни пяти горожанам, которых твари убили буквально за мгновения, вцепившись им в шею.

Демоны, да что же это такое?! Я почувствовал, что в моей груди разгорается пламя ярости, и отдался этому всепоглощающему чувству. Взвинтив свое восприятие, я кинулся на занятых делом тварей и за несколько секунд оставил от них только груды шевелящейся плоти. Потом, не снижая разгона, ринулся на помощь бойцам, которые хоть и весьма успешно уничтожали тварей, лезущих через стену, но все же недостаточно быстро. Подбежав к ним, я заметил несколько неподвижных тел моих ребят, лежащих на земле, но по аурам понял, что парни еще живы, просто находятся без сознания.

А дальше пошла сплошная мясорубка. Пройдясь маленьким смерчем по месту схватки, я на зависть кухонному комбайну вместе с бойцами измельчил всех зомби, безуспешно пытавшихся нас достать. Оглянувшись, я просканировал местность магическим зрением, но быстро оставил это занятие. Дело в том, что я не мог определить, какие из сосредоточий энергии были грудой нарезанного мяса, а какие еще только подлежали расчленению. В моем сознании они представлялись одинаковыми яркими кляксами. Причем за городской стеной подобных клякс также хватало.

– Смотрите, это же Лютый! – раздался крик Трита.

Оглянувшись, я увидел, что парень указывает на край стены, через которую перелезает наш недавний сослуживец, теперь обзаведшийся когтями и длинными клыками. Свежеиспеченный зомби спрыгнул со стены и кинулся к желанной добыче – живым людям, но его встретил только я, без лишних слов отрезав ему конечности и зубастую голову. После этого я развернулся и приказал бойцам, что стояли возле меня:

– Оказать пострадавшим помощь, половине остаться тут, а половине разделить на группы по три человека и начать прочесывание города. Здесь еще могут быть подобные гости!

А потом я перепрыгнул через стену, постаравшись не угодить в ров с кольями. Там меня уже ждали несколько десятков мертвецов, спешивших на помощь своим братьям. Эти были менее свежими, чем только что расчлененные нами, у многих не хватало конечностей, но все равно они тянулись к живым, стремясь утолить пробудивший их голод. Разрезав на части десяток особо прытких, я увидел, почему мертвецы так быстро преодолевали городскую стену. Оказалось, что их когти могут служить им не только для того, чтобы оставлять на теле жертвы глубокие раны, но и помогают карабкаться по деревянной стене, словно кошкам.

На моих глазах полуразложившийся труп ловко начал взбираться по вертикальной преграде, которая мешала ему добраться до желанной еды. Понаблюдав за ним секунду, я выпустил вдогонку пару лезвий, и мертвец упал за стеной, уже разрезанный на части. Ярость немного отступила, я вспомнил, что все-таки являюсь магом, и стал лезвиями расчленять тех зомби, что собрались у городской стены. Достав всех в пределах видимости, я совершил обратный путь, понимая, что дело совсем еще не закончено.

Парни меня встретили настороженно, не собираясь опускать клинки при моем приближении.

– Что? Командира хотите резать? – ехидно осведомился я.
– Не мертвяк! – облегченно выдохнул стоявший впереди Крот.
– Это ты радуешься или жалеешь? – уточнил я, проходя мимо кучи шевелящейся плоти.
– Алекс, у тебя на ноге... – начал было Крот, но я уже и сам почувствовал лишний вес, который таскал на себе.

Глянув на левую лодыжку, я увидел, что в нее вцепилась полуразложившаяся кисть, тщетно сжимавшая когтистые пальцы в попытке преодолеть мой защитный кокон, чтобы добраться до живой плоти. Легким движением клинка я срезал наездницу и побежал домой, крикнув ребятам, чтобы не стояли столбами у стены, а пошарили по округе в поисках уцелевших мертвяков. Подкрепление у стен уже перебито, так что минут десять, за которые я вполне успею сбежать за сафрусом и обратно, у них есть.

Во время бега по улицам, я кое-где видел мертвые тела, кровь на земле, но также живых жителей, что радовало меня больше всего. Значит, Город выстоял, хотя, как видно, зомби напали с разных сторон, и тот, который успел добраться до Кары, был далеко не единственным. Забежав домой, я схватил куртку и начал сливать в камень свою энергию. Процесс был очень медленным, и я понял, что нужно кардинальное решение. Достав из кармана мешочек с камнем и кольцом, я развязал его и выкатил сафрус на ладонь. На качественное вживание времени не было, и я просто засунул его в рот.

То, что происходило со мной дальше, можно описать одним словом – эйфория. Я понял, что большое количество силы опьяняет похлеще любого наркотика. Мой резерв показался мне ничтожным по сравнению с той мощью, которую я получил сейчас. Я почувствовал себя всемогущим, ощутил себя богом. Я осознал, что могу одной лишь мыслью сжечь весь этот город со всеми его жителями или обрушить в бездну, или... Громаднейшим усилием воли я заставил себя протрезветь. Это было тяжело, неприятно и сравнимо только с приземлением в кучу навоза после полета в поднебесье.

– Не сейчас, не сейчас... – прошептал я себе, успокаивая взбунтовавшиеся чувства.

Я со всей отчетливостью понял, что теперь мне никуда не деться от вживания камня в тело. Попробовав раз, я уже просто не смогу от этого отказаться. Но сперва мне нужно было закончить начатое. Не выходя из дома, я посмотрел вокруг магическим зрением. Приятным удивлением стало то, что его границы расширились в десятки раз. Теперь я уже без труда мог охватить весь Город целиком и еще пространство на многие сотни шагов за его пределами. Воспарив мысленно над ним, я увидел большое количество точек – ярких энергетических сгустков, которые остались от мертвецов, а также множество аур живых людей. Дотронувшись до ближайшего яркого пятна, я попытался вобрать в себя его силу. Это получилось очень легко, и я перешел к следующему, затем еще... Методично я начал высасывать из расчлененных тел всю набранную ими энергию и накапливать в себе. Одна за

другой яркие точки в моем сознании гасли, и вскоре во всем Городе останки зомби прекратили шевелиться.

Вынырнув в реальный мир, я внезапно почувствовал сильное головокружение и свалился на пол. Недоумевая, я попытался глубоко вздохнуть, чтобы хоть немного развеять туман в голове, и хлюпнул носом. Что за... Я поднес руку к лицу и ощупал его. Из носа обильно сочилась кровь, мешая дышать и заливая куртку. Обеспокоившись, я достал из кармана флагу с лимэлем и откупорил ее, едва не опрокинув, так как мои руки почему-то стали ватными и непослушными. Сумев кое-как донести ее до рта, сделал пару глотков.

Помогло, хотя и весьма слабо. Примерно через минуту целебная жидкость подействовала и прояснила мое сознание, остановив кровотечение из носа, но бодрым я себя так и не почувствовал. Чем вызван такой побочный эффект? Не может же быть, что это случилось из-за переизбытка силы, ведь сафрус все еще у меня во рту или... нет, теперь уже в желудке. Я хмыкнул, подумав над дальнейшими весьма неприятными перспективами. С трудом поднявшись на ноги, пришел к выводу, что все это произошло только потому, что я еще не умею управлять таким количеством силы. Ведь одно дело – ею владеть, и совсем иное – удерживать ее, наполняя свои плетения и контролировать этот объем сознанием.

Активировав свое магическое зрение, я с непривычки вбухал в него столько силы, что запросто мог умереть от перенапряжения, если бы не остановился вовремя. Вот так и избавляются от синдрома бога. А я-то уже размечтался... В общем, я понял, что после вживления сафруса мне предстоит еще много работы, ведь единственным вариантом для меня останется методичное и неторопливое развитие способностей контроля над силой. Но это уже дело будущего, а сейчас необходимо пройти на кладбище. Чувствую, там еще остались живые мертвецы, которых срочно нужно упокоить.

Пошатываясь, я вышел из дома и направился к северному краю Города. По пути увидел тщательно нарезанного зомби, лежавшего на земле, и проверил его. К моему облегчению, следов плетения я не обнаружил, а потому пришел к выводу, что, как и все простые структуры, это магическое образование распадается сразу же после лишения его энергии, а значит, волноваться, что оно вскоре перекинется на живых или будет продолжать действовать, как только поднакопит силу, не стоит.

У северной стены я обнаружил Хагела, который наравне с остальными бойцами, оставшимися на страже, караулил это опасное направление. Увидев меня, он только вопросительно глянул, дожидаясь комментариев.

– В Городе живых мертвецов больше не осталось, – устало махнул я рукой.

Командир облегченно выдохнул и спросил:

– А ты обнаружил того, кто их оживил?

– У меня уже есть кое-какие догадки, но точнее я скажу, когда вернусь с кладбища, – сказал я в ответ и продолжил путь к стене.

Понимая, что в таком состоянии просто не смогу через нее перелезть, я направился к калитке, через которую выносили тела умерших, и отодвинул засов. Вышел из Города и поковылял напрямик к кладбищу, по пути лишив энергии еще пяток мертвецов. Они были совсем разложившимися, изъеденными червями, но все еще упрямо ползли к живым. Дойдя до нужного места, я вновь активировал магическое зрение, постаравшись ограничить питающую его энергию. На этот раз площадь обзора значительно уменьшилась, что только подтвердило правильность моих действий.

Оглядев кладбище, я увидел, что в самом его центре располагается яркое активное плетение с весьма сложной структурой, а под землей есть еще несколько десятков мертвецов, которые только начали пробивать себе путь наружу. Я решил начать именно с неизвестного плетения и направился к нему. Уже на подходе я ощутил угрозу и активировал защитный кокон. Магическим зрением было ясно видно, как от плетения отпочковалось нечто, напоминающее клубок паутины, и направилось прямо ко мне. Добравшись до меня, оно попыталось пробить защиту, но для этого его энергии явно не хватило, и оно бессильно съежилось у моих ног.

Развевая его на всякий случай, я подошел поближе к источнику и стал изучать его структуру. Много в ней было для меня непонятным, хотя в общих чертах я догадывался, как плетение устроено, и даже определил несколько привычных мне блоков. Но не мог не отметить его сложности, что меня очень огорчило. Постояв над ним еще несколько минут, я запомнил его во всех деталях, чтобы при случае суметь в точности воспроизвести. На протяжении всего этого времени плетение не переставало периодически атаковать меня клубками паутины, которые, как я уже разобрался, были зародышами плетений, обеспечивавших мертвецов силой и чувством голода.

Развевая источник неприятностей, а затем собрав энергию со всей территории кладбища, я деактивировал магическое зрение. На этот раз все прошло более удачно – кровь из носа не текла, хотя голова сильно кружилась, но это было скорее последствием предыдущего опыта. Однако я решил, что идти обратно будет выше моих сил, и уселся (или скорее упал) на одну из могилок, где раньше находилось вражеское плетение. Сейчас на его месте был только камень. Большой черный булыжник, принесший Городу столько бед.

Опершись на покосившийся плюс с глазом посередине, я размышлял о том, что, как ни крути, показал себя совершеннейшим идиотом, а степняки на этот раз одержали победу. Пусть не полную, но и этого было вполне достаточно. Да, я на пару с Мариком сумел обнаружить диверсанта и предотвратить отравление колодца и «свиной грипп», но так и не сумел понять, что это был всего лишь отвлекающий маневр для главной атаки, которая началась с наступлением ночи. Теперь мне, конечно, стали понятны все шероховатости и странности в действиях диверсанта, которому зачем-то понадобилось устраивать нападение среди бела дня и обходить Город по широкой дуге, зайдя на кладбище.

Теперь было ясно, почему так магически фонили его вещи, ведь в плетении содержалась энергия, способная оживить пару сотен трупов. И ведь, что самое главное, моя интуиция все время меня об этом предупреждала, не давала покоя, сидя занозой в голове, а я все списывал на неприятный разговор, на переживания по поводу вылазки в степь... Болван! Возомнил себя великим полководцем, а такой элементарной ловушки не смог рассмотреть! И что в итоге? А в итоге Город получил много трупов, и в их смерти мне некого винить, кроме самого себя.

Но и не это самое главное. Важнее всего то, что вся оценка уровня магов степняков летит демонам под хвост. Если раньше я тешил себя надеждой, что они находятся где-то на среднем уровне, то теперь, после изучения плетения, создавшего армию зомби, уже перестал быть в этом уверенным. Судя по его сложности, вполне можно допустить, что тот, кто его создал, был не слабее моего учителя, а это значит, что мне с ним тягаться – все равно что бежать на танк с кинжалом в руке. Максимум, что я могу сделать – это оставить пару царапин на броне и большое пятно на гусенице.

Печально падать с небес на землю, но такова жизнь. И я даже не мог утешить себя тем, что обладаю практически неограниченным запасом силы. Как выяснилось, мне еще только предстоит обучаться ею управлять, так что вражеским магам я не смогу ничего противопоставить. Вздыхнув, я понял, что теперь война и в самом деле становится безнадежной для Мардинана. Против такого мастерства я был практически бессилен, а поэтому мне оставалось только отступить, так как погибать героически и бессмысленно не хотелось. Да, в этом королевстве у меня есть несколько друзей, которые наверняка пострадают после моей капитуляции, но им я уже ничем не могу помочь. Нужно спасать тех, кого можно, и плюнуть на остальных, хотя это и низко, и подло, и вообще крайне безнравственно. Нужно спасать себя.

А это значит, что мне опять придется остаться одному, поскольку все, кого я знаю, будут в курсе происходящего. И после того, как я позорно отступлю, бросив на произвол все силы королевства, уже не смогу посмотреть им в глаза. Да, я сволочь, и поступлю так, поскольку банально хочу жить, ведь прекрасно понимаю, что быть живым трусом гораздо лучше, чем мертвым героем. Но еще я знаю, что мне после всего этого будет очень стыдно за свою трусость, хотя и не настолько, чтобы предпочесть смерть жизни с этим чувством.

В итоге тяжелых размышлений я решил, что завтра ночью покину Город. Сейчас уходить не имело смысла, ведь опасности пока не чувствовалось, а за следующий день можно будет хотя бы немного подготовить жителей, успокоив этим свою совесть, прорезавшуюся так некстати. Вот сделаю им большой запас лимэля, а потом потихоньку соберусь и уйду, как только стемнеет. Запасов больших брать не буду, пойду пешком, а потом добуду себе коня и рвану в Империю. Там затеряться будет проще всего.

Еще раз грустно вздохнув, я пожалел, что все усилия, которые я прикладывал для создания дружеских отношений с нужными людьми, пошли прахом. Все, чего я добился, придется оставить и начинать с чистого листа. Печально, но уже ничего изменить нельзя. Я всегда был рационалистом и сейчас совсем не собирался умирать за идею. Вот только жалко, что с сестренкой мне больше никогда не увидится. Она действительно стала для меня близким человеком, которого мне было больно вычеркивать из своей жизни...

А в следующий миг Темнота прервала мои тревожные раздумья, накрыв теплым одеялом и унеся мое сознание прочь от мрачных мыслей.

Глава 28

После драки

Когда я открыл глаза, то обнаружил прямо перед собой знакомый деревянный потолок, а пошевелив рукой, понял, что лежу дома на своей жесткой лежанке. Осторожно попробовав приподняться, я услышал справа шорох и повернул голову. Рядом со мной сидели трое воинов в полном облачении и с обнаженными клинками. Одним из них был Крот, вторым Трит, а третьего я не смог сразу узнать из-за ведра на его голове. Одно было ясно, что он был из людей Хагела, так как сильно отличался по комплекции от моих ребят.

– Что? – просипел я, принимая сидячее положение. – Все-таки решили меня прирезать?

– Командир! – радостно воскликнул Крот. – Живой-таки! А ты не верил!

Он пихнул локтем сидевшего рядом воина с ведром на голове. Тот снял это произведение кузнечного искусства со своей «тыквы» и оказался Ламином.

– Так ведь по виду был сущий мертвяк! – начал оправдываться он. – Холодный, тяжелый и сердце почти не билось.

– Нет, нашего Алекса так просто не возьмешь! – широко улыбаясь, заявил Трит. – Он просто переутомился малость, зомбей резавши, ведь, почитай, большинство дохлых тварей – его работа!

– Да, командир, ну ты и дал жару у стены! – заявил Крот. – Наши ребята просто рты разинули, когда ты быстрее ветра промчался по улице, кроша мертвяков на кусочки. А ты нас этому научить сможешь? Ведь в последнее время ты больше с нами стрельбой занимаешься, а до мечей мы и не доходим.

– Долго учиться придется, – ответил я, вставая с лавки.

На удивление голова не кружилась, а тело подчинялось беспрекословно – видимо, восстановительные процессы в организме прошли успешно, раз я практически не ощущал последствий вчерашнего. Вот только есть жутко хотелось, но это поправимо. Кстати, а сколько сейчас времени? Я выглянул в окошко и отметил, что солнце неумолимо приближается к полудню.

«Неслабо выключился», – подумал я и стал одеваться.

Бойцы поднялись с деревянной скамейки, которую, по всей видимости, принесли с собой (вот и мебель новая появилась!), и Ламин обратился ко мне:

– Алекс, нам Хагел приказал подождать, пока ты не очнешься или...

– Порубить, если не очнусь, – закончил я.

– Ну, вроде того, – немного смутился Ламин. – Короче, раз с тобой уже все в порядке, мы пойдем ребятам подсобим.

– Хорошо, идите, – кивнул я, натягивая рубашку.

Потом я вспомнил, что на спине у меня еще должна была остаться кровь, так как

первый зомбик довольно сильно поцарапал меня когтями. Решив для начала ополоснуться, я отложил рубаху и вышел вслед за парнями, которые уже покидали двор.

– Крот, задержись!

Услышав мой оклик, парень остановился у калитки. Я подошел к нему и тихо спросил:

– Сколько наших?

Крот помрачнел и понурился.

– Двое. Дареку свернули голову, а Парка почти целиком сожрали, даже доспехи не помогли. Остальные отделались легко, а твой напиток помог быстро заживить все укусы и порезы от когтей, так что у многих не осталось и шрамов. Вот только у Глена появились длинные полосы на лице, так что теперь гордиться будет такой отметиной. – Крот помолчал и счел нужным пояснить: – Он шлем поленился надеть, так что его один из мертвяков пощечиной наградил, разворотил всю щеку. Хорошо, что быстро успели залечить, потому что на вид было совсем страшное дело – сплошные куски мяса, а не лицо! Только чудом глаз уцелел...

Крот все продолжал рассказывать, а я вспоминал погибших парней. Придется теперь нашему отряду обходиться без веселых историй, которые в изобилии знал Дарек, и без постоянного ворчания законченного пессимиста Парка, которым он сопровождал практически каждое событие, происходившее в окружающем мире. Хотя, если признаться честно, я был морально готов к куда более серьезным потерям. Все-таки ребята показали себя уже довольно умелыми воинами, справившись с такой напастью, и теперь никто их новичками уже не назовет. Я подумал, что этот случай оказался именно той затрещиной, которая спустила ребят на землю, избавив от победной эйфории и быстро научив трезво взвешивать свои силы. Теперь мне с ними уже можно...

«Так, отставить! Ты не забыл, что сегодня ночью собрался отсюда делать ноги? Какие планы ты начинаешь строить, если уже завтра будешь далеко отсюда?»

Эти мысли лихорадочно пронеслись в моей голове, вернув к жестокой реальности. Я увидел, что Крот уже закончил свой рассказ и смотрит на мое хмурое лицо с пониманием.

– А сколько местных погибло? – нарушил я молчание.

– Около полусотни, точно еще не считали. В основном те, кто находился в домах рядом с северной стеной, десяток мужиков, что сражались на улицах, и еще немного тех, кому не повезло встретиться с теми мертвяками, которые зашли от восточной стены. Кроме них, в отряде Хагела тоже большие потери. Погибли двое, а один лишился правой руки.

– ...! – выругался я.

Теперь шансы на то, что Город сможет пережить еще одно нападение, резко упали. Если завтра сюда подъедет отряд степняков сотни в три числом, то долго горожане не продержатся. Одно хорошо – что я этого уже не увижу.

Выяснив у Крота, где сейчас наши ребята, я отпустил его, а сам принялся обливаться водой из бочки, смывая засохшую кровь со спины. Мимоходом я проверил свой магический резерв и границ его по-прежнему не обнаружил. Это понятно, ведь сафрус все еще находился в моем теле. Кстати, я уже довольно неплохо сжился с ним и ощущение от доступности такой огромной энергии уже не вызывало у меня чувства опьянения. Нужно будет после того, как камень из меня выйдет, вживить его уже основательно.

Одевшись, я нацепил оружие и отправился по старой традиции к дому Хагела, во дворе которого обнаружил необычную картину – в окружении десятка бойцов на земле были аккуратно разложены тела горожан. Поприветствовав своих парней, я уточнил у них, где сейчас Хагел, так как понимал, что при таких обстоятельствах он не будет рассиживаться у себя в комнате. Как я и думал, командир вместе с остальными бойцами находился возле северной стены. Вот туда я и потопал, решив завтрак оставить на потом, до выяснения всех обстоятельств.

Хагел раздавал указания горожанам, вытаскивавшим на волокушах через черный вход останки порубленных зомби, которые, как я успел заметить, отчего-то стали быстро разлагаться. Увидев меня, он замер, а затем облегченно вздохнул и призывно махнул рукой.

Когда я подошел, он внимательно меня осмотрел и сказал:

- Живой, все-таки живой!
- Пока да, – скромно ответил я.
- Что значит «пока»?

Я подумал, что в такой момент шутки будут явно лишними.

- Не обращайтесь внимания. Почему во дворе вашего дома склад тел?

– Это я распорядился, так как ты был при смерти, а мертвяки в любой момент могли ожить...

- При смерти? – зацепился я за резанувшее по ушам слово.

– Ну да, при смерти. Ты после того как сказал, что пошел на кладбище, долго не возвращался. А когда на рассвете я с бойцами отправился тебя искать, то увидел твое тело на одной из могил. Пойми, Алекс, я решил, что ты уже мертв, ведь ты был холодным, не реагировал на прикосновения, почти не дышал, и сердце билось очень редко. Я приказал нашим парням отнести тебя в дом и караулить, чтобы... Ну, ты понял.

- Понял, – пробормотал я.

Не дышал, сердце практически не билось... А ведь я никогда не замечал, что происходит с моим телом после того, как Темнота забирает мое сознание. Вполне может быть, что это всего лишь мое обычное состояние во время сна. Я вспомнил всю свою жизнь в этом мире и признался себе, что никто не мог обратить мое внимание на этот факт. Ведь я, даже когда путешествовал с Алоной, вставал всегда раньше нее, а в рассветной школе вообще спал один и начинал тренироваться раньше всех. Сделав себе пометку в голове, чтобы на досуге поразмыслить об этом, я сказал:

– Со мной все в порядке, просто это результат переутомления. Кстати, тела можно уже не охранять, так как новых зомби из них не получится.

Хагел огляделся и шепотом спросил:

- А ты выяснил, почему это произошло и кто в этом виноват? Это ведь магия, правда?
- Да, это именно магия. А виноват только я!

Хагел опешил, а потом потребовал объяснений. И я поведал о своих вчерашних выводах:

– Дело в том, что вылазка диверсанта в Город была всего лишь отвлекающим маневром. Основную пакость он оставил на кладбище, а те два амулета, что мы нашли, должны были просто отвлечь наше внимание. Надо сказать, его план сработал прекрасно, я ничего не заподозрил и совсем упустил из виду его визит на кладбище, проследив только путь по Городу. Так что главный сюрприз остался необнаруженным и после активации стал накачивать мертвые тела энергией и заставлял их нападать на живых. К ночи формирование армии зомби успешно завершилось, и они начали потихоньку выкапываться из земли. Кстати, именно это нас и спасло, ведь если бы они напали организованной толпой, то жертв было бы куда больше... Эх, если бы я догадался об этом раньше! Если бы у меня хватило ума предположить...

– Нет, Алекс, не ты виноват в случившемся! – оборвал меня Хагел. – Виновный сейчас заперт в моем погребе и ожидает наказания.

- Чего? – не въехал я. – Кто ожидает наказания?
- Фариш, парнишка местный, – пояснил командир.

И воспроизвел мне картину ночного боя. Я мысленно дополнял ее подробностями, которые знал сам, и в итоге получилось следующее. Как я уже говорил, амулет активировался не сразу, иначе я бы заметил его работу еще при преследовании диверсанта, но, включившись, он сразу начал штамповать зомби и накачивать их энергией, позволявшей им двигаться. Понятно, что этот процесс протекал неравномерно и не быстро. Но первая партия зомби уже созрела как раз с наступлением темноты. Несколько минут им понадобилось, чтобы выкопаться из земли, а затем отправиться на утоление голода. По нелепой случайности, рядом с сюрпризом оказалось большинство свежих могил, поэтому зомби получились активными и чрезвычайно опасными.

Когда первый десяток подошел к Городу, тот уже крепко спал. Спал и дозорный – глупый паренек по имени Фариш, который для удобства залез на высокую смотровую вышку. Именно поэтому его и не заметили бродячие мертвецы, которые отправились по ближайшим домам, методично и тихо уничтожая спящих жителей, чтобы утолить свой дикий голод. Многие, наверное, даже не поняли, что умирают, когда зомби вцеплялись им в шею. Эта первая партия собрала наибольшее количество жертв, опустошив все ближайшие к стене дома. Те слабые крики, которые жертвы ночных убийц успели издать – если успели, – никто не услышал.

А на подходе была уже вторая партия зомби, которая, определив своим чутьем, что поблизости им ловить уже нечего, решила обойти город с востока. Один из этой компании напал на Кару, возвращавшуюся домой. Именно ее крик заставил меня бежать туда, теряя драгоценное время. А на подходе уже была третья, самая многочисленная, группа мертвецов, которая стала штурмовать северную стену, ощутив, как туда стягиваются защитники. Бойцы побежали туда потому, что после моего приказа и душераздирающего крика Кары на смотровой вышке проснулся Фариш. Он подал сигнал тревоги, сообщая факелом направление парням – тех разбудил мой вопль и они уже успели нацепить доспехи.

Защитники Города побежали к северной стене и организованно сопротивлялись ожившим трупам, которые перелезли через стену. Позднее к бойцам присоединились и горожане, прибежавшие на шум боя. Именно тогда появился я, включившись в сражение. Ну а дальше было уничтожение группы горожан теми зомби, которые успели умертвить обитателей окрестных домов, и всеобщая резня. Уже после того, как все зомби в округе были уничтожены, отряды, которые послал я, начали организованно отлавливать и расчленять тех, кто еще орудовал в Городе, прорвавшись с востока.

– Значит, вот почему не было тревоги, – задумчиво пробормотал я.

Действительно, вчера ночью на задворках сознания маячила мысль о том, почему же так много мертвецов прорвались незамеченными. Это же не кочевники, они скрытно передвигаться не умеют. А оказывается, дело объяснялось весьма просто. Достаточно было заснуть одному из дозорных, и довольно обширный участок стены остался без наблюдения – добро пожаловать, гости дорогие!

– Да, – сказал Хагел. – Если бы Фариш не заснул, может быть, мы потеряли бы вдесятеро меньше людей.

Задумчиво я провожал взглядом волокуши с разлагавшимися останками мертвецов. Они распадались прямо на глазах – видимо, яркое солнце ускоряло процесс гниения тканей. Конечно, степнякам не нужны были толпы мертвецов, встречающие их в опустошенном городе, поэтому неизвестный маг позаботился о том, чтобы его плетение делало зомби быстрыми, сильными, но недолговечными. Если они сейчас разлагаются с такой скоростью, то можно предположить, что следующее нападение будет в ближайшие дни. Может быть, остаться еще на денек-другой? Хотя тот маг наверняка пожелает взглянуть на результаты своей работы, а встречаться с ним мне очень не хотелось.

– Что будем делать? – спросил Хагел.

– Это вы о чем? – потерял я нить разговора.

– С Фаришем, – уточнил командир.

– Это уже вы сами решайте, в этом деле я вам не советчик, – открестился я.

– Но ты согласен, что его нужно наказать? – не унимался Хагел.

– Разумеется. В некоторых армиях за сон на посту вешают или расстреливают... Но, я думаю, это крайние меры, так что наказывайте его так, как посчитаете нужным.

– Я, вообще-то, и думал его повесить, – мрачно ответил Хагел. – Такое прощать нельзя!

Я только вздохнул. Этому мальчишке страшно не повезло, что он остался в живых. Ведь теперь он примет смерть от своих же, а это гораздо хуже.

– Решайте сами, а мне срочно нужно поесть, – сказал я.

– Подожди, я с тобой пойду. Нужно парней с дежурства отпустить, а то с самого утра у тел стоят.

Отдав мужикам последние указания, мы с Хагелом отправились обратно. Подойдя к его дому, я вновь увидел этот почетный караул над мертвыми. Командир распустил его начальственным рыком, приказав всем идти обедать. Парни начали расходиться, а я еще постоял у тел, оглядывая их. Хоть Хагел и сказал, что в этом не было моей вины, но намного легче мне от этого почему-то не стало. Если бы я просто удосужился обдумать ситуацию, то всего этого могло бы и не случиться. Я рассматривал тела и видел знакомые лица тех, кого встречал в Городе почти каждый день, видел моих парней, погибших ночью, видел Кару...

Я не заметил, как Хагел подошел ко мне сзади и положил руку на плечо.

– Алекс, ты не виноват, – прошептал он и увлек за собой, отрывая мой взгляд от тела мертвой девушки.

Обед прошел в молчании. Ел я, не чувствуя вкуса пищи, запивая ее кислым вином, поданным сегодня каждому, чтобы воины могли сбросить напряжение и хоть немного расслабиться после вчерашних кошмарных событий. Мои парни сочувственно глядели на меня, но заговаривать даже не пытались. Похоже, практически все были в курсе наших с Карой отношений, ведь городок маленький, утаить что-либо сложно. Вот только никто не знал, что за маской холодного спокойствия, которую я сегодня надел на лицо, скрывается не боль, не тяжкая горечь утраты, а всего лишь печаль.

Да, мне было жалко девушку, которую я знал, но личной трагедией это для меня не стало. Как я уже говорил, такое чувство, как любовь, у меня получалось испытывать только по отношению к своей сестре, а не к случайным знакомым. И по поводу ребят я переживал даже больше, чем из-за нелепой смерти Кары. Так что вопреки предположениям парней моего отряда я не собирался сегодня орошать слезами подушку (которой, к слову, у меня и не было никогда), облегчая свое горе. Вот такая я бессердечная сволочь, и этим горжусь!

После обеда Хагел попросил меня задержаться, и мы вместе пошли в его комнату, поговорить о планах на будущее.

– Что предпримем? – спросил командир, дождавшись, пока я усядусь на любимую табуретку.

– Будем хоронить трупы, и поскорее, – ответил я.

– Почему? Ты же сказал, что они не оживут, – удивился Хагел.

– А у нас больше времени не будет свободного. Завтра должны снова напасть степняки.

– Почему ты так решил?

Я выложил ему свои выводы:

– Видели, как быстро разлагались зомби? Примерно к ночи, если бы мы их не порубили, они были бы уже просто грудой мяса. Думаю, кочевники рассчитывают на это и нападут или ночью, или с рассветом. А может быть, вообще заявятся завтра среди бела дня, как к себе домой, полагая, что в Городе живых уже не осталось.

Хагел почесал бородку.

– Думаешь, мы способны пережить еще одно нападение?

Я молчал, так как был твердо уверен в обратном. Хагел по моему молчанию многое понял и вздохнул:

– Город умирает. Жителей осталось немногим больше полутора сотен. И это если считать с нами... Точно здесь не появятся королевские войска?

Я помотал головой. Король надеялся только на меня, поэтому никого сюда посылать не стал. А если сообщить о ситуации сейчас, то возможное подкрепление прибудет, когда в Городе уже прочно обоснутся степняки.

– Я надеялся, что не доживу до этого момента, – тяжело вздохнув, сказал Хагел.

Я мог только представить, как ему сейчас несладко, а ведь дальше будет только хуже.

Мы помолчали, думая каждый о своем, а потом я попросил разрешения удалиться, чтобы в последний раз приготовить запас лимэля. Он поможет Городу хотя бы продлить агонию. Командир кивнул и вышел вслед за мной, сказав, что ему еще нужно поговорить с Фаришем. В дверях мы столкнулись с одним из воинов, выглядевшим весьма растерянным.

– Что случилось, Вил? – спросил Хагел.

– Фариш умер, – ответил тот.

Мы быстро вышли во двор и направились к погребу, где содержался парнишка. Оказалось, что Вил должен был его стеречь, но тот больше обращал внимание на тела, лежавшие на земле, чем на паренька. Воспользовавшись такой возможностью, тот разбил один из глиняных горшков с соленьями и черепком перерезал себе горло, не выдержав пытки ожиданием. Глядя на его окровавленное тело, я подумал, что он не смог пережить свой поступок, а я постараюсь. Я очень хочу жить и поэтому просто уйду отсюда еще до рассвета.

Через несколько минут еще одно тело присоединилось к ряду мертвецов перед домом Хагела, а я отправился к знахарке, надеясь хоть там отвлечься от невеселых мыслей.

Так и получилось. Приготовление лимэля требует большой сосредоточенности, поэтому, чтобы не загубить ценный продукт, мне пришлось выбросить из головы все постороннее и сосредоточиться на процессе. Через пару часов было готово изрядное количество концентрированной целебной жидкости, которую я посоветовал Нараде разводить только перед разливанием во фляги. Знахарка многословно искренне благодарила меня, сказав, что только при помощи этого напитка более трех десятков горожан остались живы. Ее признательность очень смутила меня и заставила быстро попрощаться и отправиться домой, чтобы собрать вещи.

По пути я узнал, что меньше получаса назад вернулся Рик с городскими мужиками, которые помогали ему отвести табун лошадей к его отцу. Я подумал, что парень весьма ответственно отнесся к порученному делу, если вернулся так быстро. Интересно, он хоть с родственниками успел пообщаться или сдал коней папаше и сразу поехал обратно? А чего гадать, ведь можно самому спросить об этом.

Рик обнаружился у Хагела, где подробно отчитывался о своей поездке. Я тихо прикрыл дверь, чтобы не прерывать разговор, и устроился на табуретке в углу, знаком показав командиру, чтобы не обращал на меня внимания. Из разговора я узнал, что отец Рика очень обрадовался породистым коням и взял сразу всех по нормальной цене – восемь золотых монет за голову. Итого вышло немногим больше тысячи шестисот монет, так как ребята отправили табун в двести с лишним голов. Для всех это была поистине фантастическая сумма, и даже отцу Рика, чтобы выплатить ее, понадобилось обращаться к кредиторам. Но парень сказал, что такие скакуны разойдутся очень быстро и никаких проблем это не вызовет.

– Алекс, как будем делить деньги? – спросил Хагел, выслушав подробный доклад.

Только теперь Рик заметил меня и радостно кинулся обниматься. Оказывается, его отец был весьма горд, узнав об успехах сына в ратном деле, и сказал, что может прямо сейчас сделать его своей правой рукой, так как теперь понял, что тот уже достаточно возмужал. Вот только на это Рик ответил, что пока угроза вторжения кочевников будет сохраняться, он останется служить на границе, чем вызвал у своего папаша еще большее уважение. Я подивился такой решительности своего парня и только и смог его поздравить с подобными достижениями.

Деньги после общих раздумий мы решили поделить. Третью часть оставит себе Хагел на нужды города, а остальное мы поровну распределим между бойцами. На каждого выходила довольно приличная сумма. Жалко, что только один я знал о том, что, кроме меня, ею вряд ли кто сумеет воспользоваться. А вот интересно, если бы парни знали, что для того, чтобы остаться в живых, им нужно литься отсюда поскорее, стали бы они выплачивать неустойку в сорок золотых, чтобы освободиться от службы, или остались защищать обреченный Город? На этот вопрос я не мог дать ответа.

После разговора Рик отправился обедать, так как сегодня целый день провел в седле. Хагел пошел собирать бойцов, чтобы раздать всем деньги, не откладывая в долгий ящик, и поговорить со священником – пусть готовится к церемонии погребения, чтобы успеть засветло похоронить погибших. Я временно остался не у дел и отправился к себе домой, чтобы неспешно собраться в дорогу. Добрых полчаса я складывал нехитрые пожитки в сумки и упаковывал их поплотнее, понимая, что пешком много не унести, а брать лошадь –

это наводить на себя лишние подозрения. Хотя... Можно ведь просто сказать, что я еду на разведку к номерным деревьям.

Подумав, я все же решил от этой идеи отказаться. Я просто не смогу не выдать себя, глядя в глаза своим ребятам и вешая им лапшу на уши. Все-таки мне тяжело будет лгать своим, лучше уж ночью, когда никто не увидит... Посидев еще немного абсолютно бездумно, я понял, что нечто на задворках сознания начинает меня беспокоить. Это опять подала голос моя интуиция, предупреждающая о грядущих неприятностях. Я поднялся с лавки и стал раздумывать, уйти сейчас или остаться и подождать прибытия врагов. Но я точно был уверен, что с ними будет маг, который окажется мне не по зубам. Так ради чего рисковать жизнью?

От раздумий меня отвлек вызов амулета. Достав из кармана монетку, я сжал ее в руке и приготовился докладывать королю об изменении ситуации. Но это был совсем не король. Из разговорного амулета донесся встревоженный голос Залина:

– Алекс! Алекс, ты меня слышишь?

– Слышу. Что случилось?

– Кочевники, заberi их демоны! – донесся хриплый голос старосты. – Навалились большой группой, пока держимся, но их слишком много...

– Четко скажи, сколько их? – спросил я, схватил колчан с луком и устремился к двери.

– Сотни полторы... Может, две. Почти все пешие, но есть десятка три конных. Лезут со всех сторон, мы уже половину стрел на них извели...

– Сколько еще продержитесь?

– Недолго.

– Держитесь, помощь скоро будет, – обнадежил я Залина и прервал связь.

А затем, стоя во дворе, набрал побольше воздуха в грудь и снова заорал во все горло:

– Тревога!!! Отряд, по коням!!!

Мой крик подхватили и разнесли по всему городу. Тотчас в нем началось шевеление, мои парни, кто был поблизости, сразу же, подхватив луки, побежали к загону с лошадьми. Я порадовался, что им не нужно тратить время на надевание доспехов, так как день был в самом разгаре, а парни уже давно по примеру старших товарищей привыкли ходить по Городу в полном облачении. У загона опять вышла заминка с седланием четвероногих, вынудившая нас потерять несколько драгоценных минут. Оказалось, что именно Фариш должен был сегодня присматривать за лошадьми и держать их наготове, так что нам просто очень не повезло. Один плюс был в задержке – я успел коротко рассказать Хагелу, почему объявлена тревога и что я собираюсь предпринять.

– Всех возьмешь? – поинтересовался командир.

– Только свой отряд, – ответил я. – Думаю, справимся, а Город оставлять абсолютно незащищенным не стоит. Вряд ли степняки будут разделяться, но перестраховаться все же не помешает.

– Хорошо! – одобрил мое решение Хагел.

Тут внезапно в разговор вмешался Ламин, седлавший рядом свою лошадь:

– Командир, а можно я тоже поеду?

Хагел вопросительно взглянул на меня. Я кивнул. Вот неймется мужику! Не понимает он, что я никогда и не считал его чем-нибудь мне обязанным, но Ламин настойчиво использовал малейший повод вернуть мне долг. Нашелся должник на мою голову! Оглядев отряд, я увидел, что уже почти все в седлах, и скомандовал выступление. Понукая лошадей, мы выехали за ворота и во всю прыть поскакали по дороге к Второй деревне.

Глава 29

Победа и поражение

За время лихорадочной скачки я успел мельком продумать предстоящую схватку. Судя по всему, это был абсолютно левый отряд кочевников, который подобрался с юга, минуя все

мои сигналки. Он никак не был связан с тем диверсантом, что посетил нас вчера, и, само собой разумеется, вражеских магов там точно не должно быть. Я очень на это надеялся, именно поэтому так безоглядно кинулся в схватку. Ведь если бы там оказался хоть один завалящий одаренный, он бы враз смел часть деревенской стены, за которой укрылись защитники, и открыл прямой доступ нападавшим. Тогда бы Залин даже связаться со мной не успел, так как всех жителей просто перестреляли бы за несколько минут.

Хотя староста на поверку оказался довольно глупым. Привык действовать в одиночку, поэтому и не сразу вспомнил о разговорном амулете, который я ему оставил. А как только понял, что деревне не выстоять против такого противника, кинулся связываться со мной. Ну что ж, это пускай будет на его совести, поскольку за каждую минуту такого промедления ему придется заплатить жизнями своих односельчан. Мы прибудем не раньше чем через полчаса, а сколько живых обитателей Второй к тому времени останется, ведомо только Единому.

Скачка была дикая, лихорадочная. Мы нахлестывали лошадей и мчались на помощь, понимая, что дорого каждое мгновение. Рядом со мной скакал Ламин в своем неизменном ведре. Как он умудряется видеть сквозь небольшую смотровую щель в своем шлеме, я никогда не понимал. И почему он не стал менять его на более удобные шлемы, которые Вашун выковал по моим рисункам, я тоже не имел никаких соображений. Ладно, чем бы дитя ни тешилось...

Мы успели. Прошло всего минут двадцать пять, и впереди показалась Вторая, окруженная степняками. Кажется, деревня еще держалась. И хотя несколько ее домов пылали, посылая в небеса густые клубы дыма, но следов прорыва видно не было. Наоборот, судя по телам под крепкими стенами, нападавшие не раз предпринимали попытки ее взять, устраивая живые лестницы, но их раз за разом отбрасывали назад. Теперь между степняками и деревенскими велась позиционная стрельба, причем в этом поединке последние явно проигрывали из-за ограниченности их боезапаса.

Подождав, пока подтянутся отставшие парни, я развернулся и указал на группу кочевников человек в пятьдесят, что расположилась прямо перед воротами и сосредоточенно обстреливала защитников.

– Растягиваемся цепочкой и на скаку по моей команде расстреливаем степняков! Вперед, парни! Пришло время показать, чему вы научились!

Я поскакал к воротам, приготовив лук и доставая стрелу из колчана. За моей спиной ребята растягивались цепью, сжимая луки в руках. Когда до степняков осталось двести шагов, нас заметили. Практически все гады развернулись и принялись стрелять в нас. А мы еще не достигли прицельной дальности, с которой парни могли бы попасть! Время привычно замедлило свой бег, когда степняки сделали первый залп. Я видел, как неторопливо летят стрелы, но понимал, что моим бойцам они вреда не причинят, вот только...

Лошади! Они ведь беззащитны перед стрелами, а навернуться на полном скаку, когда под тобой падает лошадь, можно весьма неслабо. Никто из парней не доедет до нужного мне расстояния! Эта мысль пронзила мой мозг так, что я инстинктивно выбросил вперед плетение щита, растянув его, чтобы охватить всю нашу цепь. Стрелы кочевников, достигая моего щита, вязли в нем, теряя всю свою силу. Но главное преимущество данного плетения состояло в том, что ставилось оно относительно мага и использовало его в качестве привязки к местности, смещаясь вместе с ним. Именно поэтому мой щит двигался впереди отряда, принимая на себя все стрелы степняков.

Я немного отпустил движение времени, чтобы иметь запас сил для дальнейшего боя. Мне не улыбалось с минуту моего субъективного времени рассматривать удивленные рожи кочевников, увидевших, что их стрелы просто зависли в воздухе. Одна секунда скачки, вторая... Степняки перестали стрелять и попытались отскочить в сторону. Вот теперь пора, мы достигли расстояния ста шагов. Я деактивировал плетение и крикнул:

– Бей!!!

Моментально замедлил свое восприятие и начал стрелять сам, выкашивая задние ряды степняков. Стрелы степняков медленно начали падать, а в сторону врагов уже полетели

наши вестники смерти, впиваясь в их незащищенные тела, пробивая кожаные доспехи, бывшие на некоторых. Конечно, не все выстрелы были удачными, но два десятка тел легло на землю уже после первого залпа ребят. Задние ряды были усердно скошены мной, я работал не хуже известного автомата Калашникова. Второй залп добил уцелевших. Мы промчались по их телам, направляясь к той группе, что пыталась перелезть через восточный край стены, образовав живую лестницу.

Мимоходом я открыл себя навстречу дармовой силе, что растекалась от убитых. Хотя это были и жалкие капли по сравнению с моим запасом, но пренебрегать этими крохами энергии все равно не стоило. Остановившись напротив акробатов, мы в три залпа расстреляли нападавших, которых оказалось человек сорок. Сбрав и их силу всего за несколько мгновений, я активировал магическое зрение и крикнул парням:

– Дальше!

И поскакал на другую сторону деревни, где, как я заметил, располагались всадники и еще несколько десятков лучников. Объехав забор, я увидел эту группу врагов, которая почти прорвала оборону защитников деревни. Степняки, по своей старой привычке, начали перепрыгивать через забор прямо с лошадей. Видимо, у деревенских все же кончились стрелы, раз кочевники смогли беспрепятственно подобраться к самой стене. Своими лезвиями я начал срезать особо прытких, а затем переключился и на остальных. А чего уж теперь таиться?

Парни тоже активно вступили в бой, расстреливая кочевников прямо на скаку. Только теперь расстояние было гораздо большим, и многие стрелы уходили в «молоко». Последние уцелевшие пытались своим залпом нам помешать, но вовремя подставленный мною щит свел на нет все их усилия. Когда степняков осталось всего с десятков, они кинулись в лес, спасая свои шкуры, но уйти им я не дал. Захватив их шеи магическими захватами, резко дернул на себя, ломая хрупкие позвонки, а затем также забрал их энергию.

Последним аккордом этой битвы стало то, что я перепрыгнул через стену деревни в месте прорыва и добил несколько десятков кочевников, которые еще продолжали рубиться с защитниками.

– Где Залин? – осведомился я у деревенских, вытирая клинки от крови.

– У главных ворот, – ответил один из мужиков, зажимая порезанную руку.

Я сунул мечи в ножны, достал из кармана куртки флягу с лимэлем и протянул ему.

– Полей немного на рану и выпей один глоток. И дай сделать это всем раненым.

Я огляделся и заметил парня, со стоном зажимавшего широкую рану на животе.

– Ему в первую очередь, – кивнул я на него и пошел искать Залина.

Староста обнаружился у ворот в окружении сердитых мужиков с саблями. Сам он тоже не был безоружным, а кровь на его клинке показывала, что повоевать Залин сегодня успел.

– Алекс! – радостно взмахнул он руками, чуть не порезав своей сабелькой стоявших рядом людей. – А я уже и не надеялся, что вы придете...

– Благодарности потом, – оборвал я его. – Сейчас прикажите открыть ворота моим ребятам и доставить сюда всех, кто серьезно ранен.

– А зачем?.. – начал было Залин.

– Потом вопросы, время дорого! – ответил я, понимая, что каждая минута может оказаться последней для человека, раненного клинком, ведь переливание крови здесь точно не практикуется.

Спустя несколько минут засов с ворот был снят, и створки распахнулись, пропуская внутрь моих бойцов. А деревенские жители по моим указаниям стали сносить к нам всех раненых. Их было много, в основном пострадавших от стрел, хотя нашлось и пяток с порезами различной тяжести. Я велел парням выбрать себе раненого и исцелить его с помощью заветной фляги. Пусть и такому тренируются, ведь может и пригодиться в скором времени. Бойцы начали оказывать раненым помощь, заключающуюся в извлечении стрелы, поливании раны лимэлем и вливании обеспамятевшему пациенту в рот целебной жидкости. Я несколько раз приходил на помощь, когда наконец стрелы оставался в ране из-за

чересчур сильного рывка. Тогда я просто подхватывал его магическим захватом и вытаскивал из тела, предоставляя дальше действовать моему бойцу.

Нам удалось спасти почти всех раненых, и только один из них умер от потери крови, просто не дождавшись помощи. Парнишка с раной в животе, принесенный уже после того, как получил дозу лимэля, вскоре поднялся на ноги и изумленно осматривал себя, ощупывая еле заметный шрам.

«Пора двигаться обратно», – подумал я, когда лечение закончилось, а жители наперебой стали благодарить моих парней за чудесное исцеление.

Жаль, что лимэль из мертвых возвращать не умеет. Залин мне поведал, что больше двух десятков жителей погибло от стрел кочевников, но я только внимательно поглядел на него и ничего не сказал. Если бы он связался со мной раньше, возможно, и они остались бы живы.

Когда деревенские вернули мою полупустую флягу, а смущенные ребята, наслушавшись благодарностей, стали подтягиваться ко мне, первым, кто затронул опасную тему, оказался Крот. Он начал издалека:

– Алекс, а ты не объяснишь мне, почему в тот момент, когда кочевники стали в нас стрелять, их стрелы увязли в невидимой стене перед нами?

– И почему всадники, штурмующие стену, вдруг стали распадаться на части? – добавил Рик.

Я вздохнул и сказал:

– А что, нельзя спросить прямо?

Тут же вперед вышел простодушный Трит и робко спросил:

– Командир, ты колдун?

– Маг, – поправил я его.

– Говорил же я тебе, что с Алексом не все так просто! – радостно стукнул Крот по плечу Ламина.

Остальные ребята ошарашенно молчали, переваривая новость.

– Повторение пройденного с вариациями, – пробормотал я под нос.

Но на этот раз что-то сильно изменилось, так как Рокин спросил меня с улыбкой:

– А ты зверем обращаться умеешь?

– Нет, это стихия Волчонка, – ответил я.

– А летать ты можешь? – полюбопытствовал Рик.

– Как и ты, только вниз, – усмехнулся я.

По правде сказать, заклинание левитации было мне известно, но в своей новой жизни я его еще не использовал.

– А ты из воздуха умеешь золото получать? – поинтересовался предприимчивый Рокин.

– А как ты думаешь, долго бы я оставался в армии, если бы умел? – улыбнулся я во весь рот.

Ребята заржали, а я понял, что сегодня, да и в будущем, объектом ненависти для них не стану. Слишком долго мы друг друга знали, через многое прошли, чтобы их мнение обо мне так кардинально изменилось. Я вдруг осознал, что действительно нашел преданных друзей, которые не будут меня ненавидеть только за то, что я очень от них отличаюсь.

– А кто ты еще? – спросил веселый Глен. – А то, может, ты еще и сын Единого, а мы-то не знаем.

Ребята опять заржали, а я задумался и серьезно ответил:

– Ну, моя сестра как-то назвала меня Повелителем Зверей...

Знать о том, что я в будущем могу превратиться в Темного мага, ребятам пока не стоило, поэтому остаток фразы я проглотил. Но парни опять заржали, а Юрлон даже хлопнул меня по плечу.

– Повелитель зверей, ха-ха, вот насмешил!

Я не стал ничего доказывать, пусть веселятся. Им нужно сбросить напряжение, расслабиться. Да и мне бы не мешало, а то в мозгу как будто поселилась натянутая струна,

которая басовито гудела. Глядя на смеющихся парней, я все думал, что бы это могло значить. Такое чувство, что сейчас нападение повторится, но ведь в округе никаких других отрядов степняков не было заметно. На секунду активировав магическое зрение на всю катушку, я снова обшарил местность в пределах десяти километров, по весьма приблизительным прикидкам, но так ничего подозрительного и не обнаружил. Но почему же внутри снова нарастает напряжение?

Глядя на меня, парни начали затихать, а я лихорадочно соображал. А что, если это был всего лишь отвлекающий маневр? Да, я не такая важная шишка, чтобы выманивать меня, теряя две сотни бойцов, но если допустить хоть на миг, что в лагере врага есть разведчики с хорошим зрением и неслабый стратег...

– По коням! – заорал я. – На Город напали!

К чести ребят нужно отметить, что они хоть и вздрогнули, но быстро подхватили луки и бросились в седла. А я прыгнул на свою кобылку, заботливо прихваченную кем-то из бойцов, и помчался к воротам, не дожидаясь остальных. В мозгу поселилась лишь одна мысль – только бы успеть! И мне было абсолютно безразлично, есть ли во вражеском отряде маг или нет. Я хотел лишь одного – защитить этот долбаный Город и сохранить жизни моих ребят. Именно сейчас, нахлестывая свою роняющую пену изо рта лошадь, я вдруг четко осознал нечто важное, чего никогда раньше не понимал. Дружба действительно стала для меня не пустым звуком, и только теперь я всеми фибрами своей души почувствовал, как мне ее не хватало долгие годы моей прошлой жизни. И я совсем не хотел лишиться этого нового ощущения из-за своей осторожности.

Нет, я не буду безрассудно бросаться в бой, но полагаю, что шансы есть всегда. Ведь даже этот неизвестный маг, что наверняка будет с кочевниками, может проиграть бой, если я найду лазейку в его защите. И, быть может, зря я испугался неизвестности, ведь каким окажется его уровень на самом деле, не представлял даже приблизительно. Да и ладно! Раздумья в сторону! Если выживу, то для них еще будет время, а если нет – не стоит омрачать ими последние мгновения моего существования. Лучше подумать о приятном. Оказывается, у меня теперь есть двадцать четыре хороших друга (ведь Ламина я тоже могу считать своим другом), которым абсолютно наплевать на то, маг я или нет...

Мы опоздали. Когда я увидел впереди Город, то было уже ясно, что он захвачен врагом. Я увидел тела степняков, что валялись перед стенами, увидел дым, поднимавшийся к небу от горящих зданий в центре города, услышал радостные крики кочевников, занятых грабежами... А дальше я все помню смутно. Вроде бы я успел просканировать местность магическим зрением и не обнаружил никаких следов присутствия мага, а потом скомандовал атаку. Как я узнал гораздо позже, степняки не выставили никаких дозоров, а всецело предавались резне в покоренном городе, поэтому они не заметили, как наш маленький отряд въехал в распахнутые ворота и стал уничтожать захватчиков.

Я помню многих степняков, которые пытались нас остановить, но падали мертвыми от стрел моих парней, от их клинков, которые разрезали тела врагов вместе с их оружием, от моих лезвий, магических стрел, захватов, воздушных кулаков, молотов, плетений разрыва... Я развернулся на полную катушку и показал себя во всей красе. С холодной яростью, полностью захватившей мое сознание, я лишал врагов жизнью, пресекая любые их попытки бегства. Смутно, краешком сознания, я отметил, как хорошо изгибались улочки Города, не позволявшие степнякам просматривать окружающее пространство дальше четвертого двора. Это давало нам возможность методично, шаг за шагом, продвигаться от ворот вглубь, не ставя на уши всю орду, наводнившую город.

Мы работали слаженно и безжалостно. Благодаря магическому зрению я видел всех живых, вытаскивал их из домов магическими захватами и быстро убивал или же отдавал ребятам на растерзание. К сожалению, все горожане к моменту нашего появления уже были мертвы. Защитники сражались отчаянно, но они ничего не смогли поделать против десятикратно превосходящих сил врага. Я намного позднее увидел, что воины Хагела сумели унести с собой жизни более пяти десятков степняков, пока их просто не задавили общей

массой, найдя незащищенные доспехами места на их телах. Простые защитники тоже постарались, отстреливаясь со стен, сражаясь на улицах...

Вот только погоды это не сделало. После ожесточенной борьбы, продолжавшейся, по моим прикидкам, не больше пятнадцати минут, степняки ворвались в Город, а затем открыли ворота. Еще десять минут понадобилось им, чтобы подавить последние очаги сопротивления, а дальше они просто стали убивать жителей, не щадя ни стариков, ни детей. И, что самое главное, нападение началось всего через несколько десятков минут после того, как мой отряд покинул Город. Если бы я не бросился на помощь, то и на этот раз наверняка все бы обошлось, но тогда степняки захватили бы Вторую деревню, в которой было намного больше жителей...

Но все это я осмыслил гораздо позднее, а тогда, в горячке боя, по-настоящему понял, что значит поддаться своим звериным инстинктам. Я убивал степняков, давил их, резал, разрывал на части, но чувствовал только усиливающуюся звериную ярость, которая толкала меня вперед. В какой-то момент я понял, что больше в городе степняков не осталось, а их остатки удирают на лошадях, выскочив из черного хода. Ярость придала мне решимости, поэтому, несмотря на довольно большое расстояние до убежавших, я вытянул вперед магические захваты, подняв за стеной два десятка чудом уцелевших гадов в воздух.

Подтянув их к себе, я опустил дергавшихся кочевников на землю и зло посмотрел в их лица, перекошенные ужасом. Я дождался, чтобы каждый из них прочитал в моих глазах смертный приговор и осознал свою неминуемую гибель. Вот тогда я начал их медленно убивать, срывая кожу, дробя каждую косточку в их теле, отрывая им ноги и руки... Кончилось это дело тем, что я осознал себя стоящим перед двумя живыми кочевниками, окруженными грудями кровоточащего мяса. Машинально я отметил, что остановился вовремя. Мне были нужны пленные, чтобы узнать интересующие меня подробности. Но теперь я не буду их спрашивать, и даже не буду пытаться, ведь есть более легкий путь.

Я подтянул одного из степняков и взглянул ему в глаза, сразу погрузившись в его разум. Там я увидел участок степи, покрытый колючками и сухими травами. Посреди всего этого возвышался недоуменно глядевший на меня кочевник. Подойдя поближе, я с размаху отвесил ему оплеуху, от которой его фигура сразу потеряла четкость и стала растворяться в воздухе.

«Теперь он мне не мешает», – подумал я и приступил к делу.

Осмотрев все растения, я начал искать те, которые отвечают за недавние воспоминания. В этом мне помогли мои опыты над пленными в погребе. Именно тогда я научился определять содержание избранного участка, представляющего моему сознанию в форме растения, только дотрагиваясь до него или же вдыхая его аромат (если в моем сознании эта информация выглядела как цветок). Провозившись так, по субъективному времени, с полчаса, я обнаружил, что интереса этот кочевник не представляет, так как всего три десятицы назад был простым пастухом.

Вынырнув из его разума, я отшвырнул тело пленного и приступил ко второму. Он был одет в более дорогую одежду, а на поясе у него висел кинжал, украшенный несколькими драгоценными камнями. Когда я подошел к нему, ужас в его глазах достиг апогея и пленный просто отключился. Но это не спасло его от допроса. Раскрыв его глаза пальцами, я проник в чужой разум и, не мудрствуя особо, решил скопировать все подряд, ведь в своих воспоминаниях гораздо легче разбираться, чем копаться в чужой голове. Начав процесс создания дубликатов тех колючек и кустов, что обнаружились в разуме пленного, я мысленно хлопнул себя по лбу, а потом просто с корнями вырвал все эти растения и переместил к себе на полянку, перед этим основательно расширив ее. Это оказалось весьма несложно, так что зря я опасался в свое время экспериментировать подобным образом в своем мозгу. Успешно посадив новые растения, я щедро полил их своей энергией и вынырнул из подсознания, чтобы почувствовать настойчивое прикосновение.

– Алекс, очнись!

Меня снова потрясли за плечо. Я отпустил все еще бессознательного пленного под ноги

и отошел в сторону.

– Алекс, с тобой все в порядке? – спросил Крот, который тряс меня за плечо.

– Вроде да, – хрипло ответил я. – А что?

– Просто у тебя кровь из носа течет и глаза стали черными, – пояснил друг.

Я машинально провел ладонью по лицу и уставился на окровавленные пальцы, а потом ускорил процессы регенерации.

– Перенапрягся немного, – пояснил я ребятам, настороженно смотревшим на меня.

– А глаза почему такие? – не унимался Крот.

Я прислушался к себе и обнаружил, что во мне все еще бушует лютая ненависть, готовая в любой момент выплеснуться. Я закрыл глаза и глубоко вздохнул, заставляя себя расслабиться и погасить тот огонь, что пылал в моей груди. Спустя пару вдохов я открыл глаза и дождался одобрителного кивка Крота.

– Вот теперь стало, как раньше. А я уже думал испугаться...

– Да я и сам едва не испугался, – ответил я, сделав себе зарубку на память поразмыслить еще и над этим.

Парни немного расслабились и уже не смотрели так внимательно, а я огляделся. Ну и натворил же я дел! Везде, куда бы я ни посмотрел, валялись мертвые тела степняков. Сколько их было, я не мог сосчитать и приблизительно. Может, две сотни, а может, и три, разве сейчас это было важно? Главное, что я не успел защитить тех, кто мне доверился. Я потерял Город!

– Алекс, что будем делать с пленными? – подошел ко мне деятельный Рик.

Я посмотрел на оставшихся в живых двух врагов. Один из них сидел и бездумно смотрел прямо перед собой, а второй уже очнулся и недоуменно озирался. Под нашими изумленными взглядами он принялся махать перед собой руками, глупо улыбаясь, а затем засунул пальцы себе в рот.

– Что это с ними? – спросил Трит.

Глядя на пленного, который вдруг заинтересовался блестящей пряжкой на ремне лежавшего рядом с ним изломанного тела, я ответил:

– Один из них только что лишился своей души, а второй потерял все свои знания. Вы легко можете угадать, кто из них кто.

Глядя на все еще живые тела, я понял, что напрасно беспокоился о том, что знания, полученные мной от пленного, могут повредить мне. Теперь я получил наглядное и убедительное доказательство того, что душа и знания – это совсем не одно и то же, как я думал всегда. Хотя вполне может быть, что только в этом мире у разумных существ они так четко разделяются. Это было непривычно, это было странно и требовало более тщательного осмысливания, на которое у меня не было времени. Я еще секунду смотрел на бестолковые действия второго, который продолжал вести себя, словно маленький ребенок, а потом сформировал перед собой лезвие. Через секунду два обезглавленных тела легли на землю, пополнив и без того немалое количество трупов.

– Командир, Город горит! – донесся до меня голос Дина.

Оглянувшись, я увидел, что столб дыма, поднимавшийся над центром города, стал намного гуще.

«Нужно погасить пожар, иначе может сгореть все вокруг», – подумал я и вместе с парнями поспешил туда.

На бегу я замечал мертвые изуродованные тела горожан – женщин, детей... Вся жалость к степнякам, начавшая было зарождаться в моей душе, моментально испарилась. Тот, кто посмел сотворить такое с детьми, не заслуживает жизни.

Добежав до центра города, мы обнаружили, что всюду полыхает церквушка. Огонь уже перекинулся на несколько домов поблизости и подыскивал себе новую жертву. Парни бросились за ведрами, а я понял, что такими темпами проблему не решить, ведь колодец далековато. Что мне можно сделать магией? Сдуть пламя напором воздуха или зачерпнуть воду в реке?.. Я зло сплюнул на землю и подумал, что мозги в последнее время начинают

мне отказывать. Все можно сделать еще проще и лучше. Я открыл себя энергии, которая была в огне, и стал ее втягивать. Точно так же, как остужал раскаленный металл, я забрал всю силу, что накопилась в этом пожаре, и огонь моментально погас. Прибежавшие с полными ведрами парни только с удивлением рассматривали наполовину сгоревшие дома.

Церковь выгорела практически полностью, картины, само собой, не уцелели. Я пожалел об этом, так как уж очень запомнилась мне та, третья, картина с поверженным Темным, на нее бы мне хотелось взглянуть еще разок. Неподалеку от церкви я увидел тело в рясе. Священника степняки не стали мучить и просто перерезали горло. Я посмотрел на мертвого святошу и в который раз отметил, что моя жизненная позиция намного лучше церковной. Священник убеждал меня проявить жалость к врагам, но в итоге сам стал их жертвой. Так кто же из нас двоих прав? Что молчишь? Стыдно? Ах да, ты же умер! Наверное, даже побрезговал взять в руки оружие, чтобы помочь защитникам, а просто вышел перед кочевниками и попытался вразумить неразумных созданий Единого, за что и удостоился легкой смерти.

Я молча повернулся и побрел к своему дому. Сейчас главным для меня было разобраться в воспоминаниях степняка и понять, когда ждать следующую группу во главе с магом. Проходя по улицам, я увидел Рокина, который стоял на коленях и со слезами на глазах сжимал в руках тело мертвой девушки. Я узнал в ней одну из поварих. Значит, у них было все серьезно, машинально отметил я и просто прошел мимо. Утешать его смысла не было, да и не подобрал бы я сейчас таких слов, которые могли бы принести облегчение, ведь у самого в душе образовались горечь и пустота.

Пройдя еще два двора, я услышал вой, полный тоски и безысходности. Свернув в ту сторону, я пробрался через огороды на параллельную улочку и обнаружил Волчонка, стоявшего в зверином облике над мертвым телом своей матери. Я снова молча развернулся и пошел обратно, и меня провожал тягучий звук, выворачивавший нервы наизнанку. Сегодня мы все многое потеряли. Кто-то – любимую девушку, кто-то – родного человека, а я – Город, который не смог защитить. И теперь нам всем нужно будет решить, как с этим жить дальше.

У своего дома я обнаружил поджидавшего меня Ламина. Он задумчиво смотрел прямо перед собой. Подойдя к нему, я остро ощутил его тоску и тихо спросил:

– Собираешься сделать глупость?

– Что? – Ламин вынырнул из размышлений и мрачно ответил: – Нет. Уже нет.

– А почему же ты так решил?

– Что, осуждаешь?

– Просто пытаюсь понять, что тебя остановило.

Ламин немного помялся и начал рассказывать:

– Алекс, когда я увидел, что все мои товарищи мертвы, то горько пожалел о том, что попросился сегодня отправиться вместе с тобой. Мне стало так больно, как не было даже тогда, когда в меня попадали стрелы кочевников. Я убивал всех этих тварей сегодня, стараясь заглушить эту боль, но она стала лишь немного тише, но не ушла насовсем. Я чувствую, что она очень скоро еще вернется, и тогда мне снова захочется последовать за моими братьями.

Я кивнул, потому что и предполагал нечто подобное.

– Но когда я уже хотел было вонзить кинжал себе в сердце, то задумался. Может быть, ты сегодня опять спас мне жизнь? Может быть, ты дал мне шанс отомстить за всех тех, кто был мне дорог. И когда я это сделаю, боль покинет меня навсегда... Это ведь так, Алекс?

Я вздохнул:

– Нет, Ламин, эта боль будет преследовать тебя до конца жизни. Просто со временем она станет совсем незаметной и перейдет в разряд воспоминаний. Поверь, я понимаю, что значит терять тех, кто тебе дорог, и могу тебе только посоветовать жить дальше. Просто жить, ведь твои братья, будь они сейчас с нами, не стали бы желать тебе смерти. Если же ты надеешься, что месть может тебе помочь, я дам тебе такую возможность. Но не стоит делать ее смыслом своего существования, иначе ты умрешь задолго до того, как твое сердце

перестанет биться.

– Алекс, я не совсем тебя понимаю, – смущенно сказал Ламин.

Я посмотрел на его по-детски обиженное лицо и слегка растянул губы в печальной улыбке.

– Ты поймешь. Не сразу, но поймешь.

Ламин кивнул, запоминая мои слова.

– Алекс, получается, сегодня ты в третий раз спас меня...

Я сплюнул и заявил:

– Больше ни слова! Сейчас мне нужно пару минут побыть одному и разобраться в сведениях, что я добыл у пленных. А ты пока передай всем парням, чтобы собрались здесь через часок. Будем думать, что делать дальше.

Я оставил Ламину во дворе и зашел в дом. Мои сумки так и стояли нетронутыми, видимо, кочевники не успели добраться сюда или же просто обошли своим вниманием этот явно нежилой с виду дом. Это было хорошо, мне совсем не хотелось разыскивать свои вещи по всему городу и собирать их у трупов. Сев на лавку, я расслабился. Пора было покопаться в моих новых знаниях. Погрузившись в себя, я стал мысленно просматривать интересующую меня информацию и тут же с головой окунулся в воспоминания кочевника.

Глава 30 Точки над «ё»

Первое, что я почувствовал, – мое мироощущение никуда не делось. Я свободно перемещался по доставшимся мне воспоминаниям, но ощущал себя не их участником, а только наблюдателем. Задумавшись над этим, я осознал, что происходит это потому, что я просто-напросто не стал забирать себе душу пленного степняка. И информация из его головы так и осталась лишь сведениями, которые я мог читать, словно книгу, не чувствуя полного эффекта присутствия, как в тот момент, когда просматривал воспоминания своей эльфийской половины. И это было здорово, так как я все еще опасался побочных эффектов, которые могли бы изменить меня совершенно непредсказуемым образом.

Теперь у меня не было ощущения того, что это именно мои воспоминания. Я понимал, что использую чужую информацию, которая представлялась мне фильмом. Только от обычного фильма она отличалась тем, что я был не наблюдателем, а непосредственным участником всех событий, смотря на них глазами Макра, степняка, старшего сына вождя племени Болотных. Поставив себе цель узнать обо всех подробностях нападений на Город, я отдался на волю своего подсознания, которое начало быстро прокручивать новые воспоминания, задерживаясь на необходимых фрагментах.

Сперва я обнаружил себя стоящим в шатре перед пожилым бородатым кочевником. Это отец Макра, понял я. Казалось, я нахожусь в интерактивной игре, где при наведении стрелки на каждый предмет или персонажа сразу же появляются поясняющие подсказки. Захотев проверить это, я оглядел пространство, ограниченное полем зрения Макра, и узнал, что это шатер вождя, хозяин которого находился передо мной. Это жилище было сделано из длинных жердей, накрытых толстыми шкурами, и прекрасно защищало от любой непогоды.

Внезапно старик передо мной заговорил:

– Сын мой, пришло время показать, насколько хорошо ты усвоил мои уроки. Сегодня ты во главе воинов нашего племени отправляешься в славный поход на восточные земли, и только от тебя будет зависеть, добудешь ли ты там славу и богатую добычу или опозоришь наш род.

– Я не подведу тебя, отец, – произнес Макр, а я внезапно ощутил его гордость от того, что ему доверили такое важное дело, нетерпение, азарт...

Ему очень хотелось поскорее отправиться в дорогу, а не выслушивать наставления своего папаши. Интересно, а почему он сам не возглавил поход? И тут же ко мне пришло осознание, слепленное из кусочков воспоминаний, – вот всадники под проливным дождем

гонят отару овец, вот отец жалуется шаману племени на боли в спине, а тот после длительного камлания отвечает, что духам предков угодно подвергнуть его такому испытанию, вот вождь собирает совет племени и объявляет, что предки хотят, чтобы он остался защищать стойбище, поэтому поход возглавит его сын... Теперь ясно, почему так радовался Макр. Если бы не старческая немочь, он бы вряд ли добился столь высокой чести.

– Иди и возвращайся с хорошей добычей! – продолжал напутствовать отец Макара в его воспоминаниях. – Вот, возьми наш тотем, который поможет тебе преодолеть трудности.

Старик протянул Макару нечто, в чем я угадал засушенную жабу. Тут же пришло понимание – болотная якша уже много лет являлась тотемом племени и, по заверениям шаманов, благоволила к нему и всегда приносила удачу.

– Я оправдаю твое доверие, отец! – сказал Макр в ответ, принимая эту гадость. – Я обещаю привести в стойбище сотни пленниц, я клянусь добыть не меньше полутысячи золотых монет и двух повозок хорошей стали. Я привезу из восточных земель...

– Не болтай лишнего, пустослов, – скривился вождь. – Когда я увижу все это своими глазами, тогда и поговорим, достоин ли ты в будущем занять мое место.

Макр поклонился в ответ, скрывая свое негодование. Я даже подивился его мыслям. Он мечтал о том моменте, когда после его триумфального возвращения с богатой добычей отец упадет ему в ноги и будет молить о прощении, сожалея о том недоверии, которое он испытывал к талантам Макара. А потом кочевник развернулся и вышел из шатра, откинув тяжелые шкуры, и тут же угодил в объятия матери. Вот она точно гордилась успехами своего сына и не переставала это повторять. Так, это не то, что мне нужно. Нужно посмотреть, что будет дальше...

перемотка...

Макр стоял перед рядами мужчин его племени и с гордостью говорил, что сегодня они отправятся... Это мне было совсем не интересно, поэтому я не сосредоточивался на словах. Больше всего меня занимало количество степняков и характер их вооружения. Насчитав больше четырех сотен воинов, я заметил, что всего одна сотня была конная. Интересно, почему не все? И тут же из глубин памяти пришел ответ: стойбище Болотных располагалось далеко на севере, поэтому пока до них дошла весть, что все племена аллинцев объединяются, пока вождь отправился на большой совет, прошло довольно много времени и всех породистых лошадей уже распределили по своим стойбищам те, кто приехал туда первыми. А Болотные всегда занимались разведением овец и много скакунов у себя не держали, поэтому им достались жалкие остатки, которые все же пришлось выцарапывать со спорами и скандалами. Хорошо еще, что платить за них пришлось всего треть от их цены, здесь сильно постарались имперские советники, на которых все вожди просто молились во время совещания.

Ладно, это понятно. Теперь нужно бы переместиться поближе к недавним событиям, а то пеший переход по степи такого количества воинов наверняка занял не одну десятицу...

перемотка...

Я обнаружил, что смотрю на огромный лагерь степняков, расположившийся в степи. Он состоял из сотен разнокалиберных шатров, юрт, шалашиков и был просто переполнен воинами, занимавшимися разными делами – от тренировки до поглощения пищи. По самым приблизительным подсчетам, я увидел тысячи две воинов. Некоторые из них тренировались отдельно под руководством странных личностей, явно не принадлежавших к народу аллинцев. Имперцы, догадался я по их более чистым одеждам и хорошему вооружению. Судя по всему, наемники-инструкторы. Эти гады предусмотрели даже этот момент, понимая, что гнать толпу необученных степняков на хорошо укрепленные города будет не совсем практично, ведь до этого они не захватывали их, а всего лишь совершали кратковременные набеги. Здесь же подготовка явно велась серьезная, было похоже, что имперцы всерьез решили захватить всю страну чужими руками.

Обзор сместился, так как Макр повернулся назад и оглядел своих воинов. Я вместе с ним увидел почти пять сотен человек, конных и пеших, большой обоз с нужными вещами,

следующий позади.

– Я сейчас поеду и узнаю, что нам делать дальше, – обратился Макр к едущему рядом с ним всаднику.

Тот повернул лицо, и ко мне пришло знание – это Лоон. Он был его родным братом, всего на год младше, но уже во всем стремился превзойти Макра, чтобы выслужиться перед отцом. Макр, несмотря на родственные узы, не любил своего брата и презирал его, видя, как тот всеми силами угождает папаше, явно метя на место вождя. Он даже хотел оставить Лоона в стойбище, но не посмел ослушаться отца, который, мало того, еще строго приказал во время похода присматривать за ним.

– Тогда я разведу, где тут удобное место для стоянки, – сказал в ответ Лоон.

– Нет, останься с воинами, – приказал Макр. – Место должен определить походный вождь, поэтому, пока я с ним не поговорю, оставайтесь здесь!

– Но...

– Не прекословь своему командиру! – сурово произнес Макр. – Если бы отец поставил тебя во главе наших воинов, тогда бы ты был волен делать, что захочешь. А сейчас изволь подчиняться мне!

Я увидел, как Лоон скривился в недовольной гримасе, а Макр тронул лошадь, заставляя ее бежать быстрее к большому шатру, стоявшему в центре лагеря. Я почувствовал его довольство, которое он испытывал, поставив на место своего заносчивого брата.

Дальше было не так интересно, но я все же проследил путь Макра по лагерю, отметив весьма небольшое количество присутствовавших там имперцев. Их было всего человек семь, но одновременно я понимал, что это далеко не единственный тренировочный лагерь в степи. Воинов в походном стойбище было больше, чем две тысячи, и я краешком сознания подумал, что для того, чтобы прокормить всех их в этом пустынном месте, требуются большие усилия и финансовые затраты. Но что такое для имперцев лишняя сотня золотых монет?

Кстати, нужно было узнать, что это вообще за место – я нуждался в какой-нибудь привязке. Оглядевшись, я увидел недалеко нагромождение каменных глыб, возвышавшееся на добрую сотню метров над степью. Белая Скала, пришло знание, остатки сооружения, которое было построено в древнейшие времена, еще до появления на этих землях Темного мага. Или при Темном маге, кто уже теперь это помнит? Хотя скала эта была совсем и не белой, но ориентир я запомнил, чтобы не блуждать потом по бескрайним просторам, ища этот лагерь. В том, что я сюда наведуясь в скором времени, у меня не было сомнений.

Пока я обеспечивал себе привязку к местности, Макр доложил рослым воинам, охранявшим вход в шатер, что командир племени Болотных явился вместе с войском для общего сбора. Один из воинов скрылся в шатре и спустя несколько секунд вернулся на свой пост, кивком разрешая Макру войти. Внутри было просторно и вкусно пахло клыном (местный аналог плова, подсказало мне подсознание), ведь двое степняков, которые находились внутри и с виду выглядели важными птицами, изволили трапезничать.

– Приветствую почтенных вождей похода, – поклонился Макр. – Я командир Болотных, только что добрался сюда со своими воинами, чтобы присоединиться к славному походу на восточные земли!

– Почему так долго? – скрипучим голосом осведомился один из сидевших на мягких коврах степняков.

– Нас в пути застиг злой ветер, пришлось пережить три дня...

Так, это можно и пропустить, ведь это меня интересовало постольку-поскольку. перемотка...

Следующая картина – Макр в окружении своих воинов тренировался работать в команде под присмотром одного из учителей-имперцев. Он был очень зол, так как пока биться в строю у него получалось плохо. Макр все время вырывался вперед и получал болезненный удар шестом от имперца, который изображал обороняющегося защитника города. Я еще понаблюдал за его действиями, отмечая для себя уровень техники инструктора

(хорошие знания предмета, но до рассветной школы ему, как до небес). Видимо, это был обычный наемник, которого после дела не жалко списать в тираж, чтобы не болтал где ни попадя о том, что ему доверили тренировать степняков. Интересно, догадывался он сам об этом или наивно полагал, что по окончании войны ему все же заплатят?

И тут же пришло знание, основанное на слухах, что кружили по лагерю и долетали до ушей Макра. Возможно, что все инструкторы были раньше каторжниками, работавшими на имперских каменоломнях и получившими свободу в обмен на такую нехитрую работу. Среди кочевников ходили разговоры, что каждому из них, чтобы не сбежали, имперские колдуны поставили особое клеймо, которое должно было их сжечь, если они ослушаются приказа.

После этого мне многое стало понятным. Конечно, слухам на все сто доверять нельзя, но пока можно принять за основу и такое утверждение. Интересно, а если попробовать их освободить от метки, присоединятся ли эти наемники к Мардинану или драпанут подальше? Так, поставим галочку на будущее, чтобы при встрече с ними насмерть не бить. Хотя возможен вариант, что их принудили дать клятву верности, а с ней я вообще не работал. Но если будет плетение попроще, возможно, мне удастся его взломать.

перемотка...

На сей раз она произошла без моего вмешательства – видимо, само подсознание решило, что я уже готов перейти к следующему фрагменту. Я обнаружил, что Макр сидит в главном шатре с десятком воинов и слушает гневную речь одного из тех вождей, которого я видел раньше. Теперь мое сознание порадовало деталями об этой личности. Его звали Заниун, номинальный походный вождь всего этого тренировочного лагеря. Почему номинальный? Да потому, что все решения за него принимал сидящий рядом с ним Юсув, который имел привычку никогда не высываться на советах, но рулить всеми делами исподтишка. Сейчас Заниун был в гневе и, брызгая слюной, кричал на воинов – командиров отрядов разных племен.

– Опять эти земляные черви сумели выстоять! И мало того, они наголову разгромили всех посланных нами людей! Как такое возможно? Как, я вас спрашиваю!!!

Один из сидящих воинов сказал:

– Возможно, там находятся королевские войска, которые...

– Нет там королевских войск! Наши разведчики уже давно проверили, еще до того, как послать туда воинов Сивого, что там кроме слабенького отряда новобранцев всего два или три десятка настоящих воинов! Так почему же мы во второй раз не можем захватить этот городишко?!!

– А если послать отряд побольше? – предложил второй командир, представляющий племя Бурых Камней.

– Нельзя, – ответил доселе молчавший Юсув. – Наши друзья ясно сказали, чтобы мы пока не атаковали большими силами.

В шатре повисло напряженное молчание.

– А может быть, их вестники просто еще не успели добраться обратно? – спросил Макр, просто чтобы хоть как-то выделиться.

– Думай, что говоришь, – недовольно ответил Юсув. – Наши воины должны были с рассветом уже взять город, а я вчера лично Калуву приказал тотчас послать несколько воинов обратно. Даже если допустить, что все они очень увлеклись поиском добычи, то все равно вестники уже должны были прискакать больше часа назад!

Макр пристыженно опустил голову, а я задумался, как бы поточнее определить время этого отрезка воспоминаний. Через мгновение я уже понял, что сейчас еще светло и время ужина пока не наступило. Значит, примерно часов шесть вечера. Если учесть, что степняки ждут вестников часок, потом накинуть еще... Выходило, что от Города до окрестностей Белой Скалы всего часов десять быстрой езды. Если примерно умножить на скорость, то выходит километров двести. Это же совсем рядом!

– Значит, нужно послать еще один отряд! – решительно заявил сидящий рядом с

Макром воин. – И на этот раз побольше, чтобы одним махом уничтожить всех жителей!

Но Юсув был непреклонен:

– Я же говорил, большие отряды посылать нельзя, так сказали наши друзья из Империи.

– А они об этом и не узнают!

Сразу раздались одобрительные крики, лица сидящих воинов посветлели. Все они согласны были хоть сейчас отправляться на Город. Юсув покачал головой, глядя на энтузиазм собравшихся командиров, а Заниун вопросительно на него уставился, видимо, полностью поддерживая сказанное. И в этот момент полог шатра приоткрылся, впуская испуганного стража, одного из тех, что охраняли вход.

– Советник едет, – взволнованно доложил он. – И это... кажись, один из колдунов с ним.

В шатре повисло напряженное молчание, нарушившееся только шорохом опускаемого полога, когда воин, повинуясь взмаху Юсува, вышел из шатра.

– Помяни нечисть, так она сразу к тебе в шатер... – пробормотал сидящий справа от Макра командир племени Речных.

За стенками шатра послышался стук копыт, и после небольшого ожидания полог снова открылся, впуская внутрь двух весьма колоритных типов. Один из них был маленьким пухлым человеком в шикарных ярких одеждах. По его виду можно было предположить, что он привык к роскоши и богатству. На лице человечка была мягкая улыбка, обращенная ко всем присутствующим, но глаза глядели цепко. Второй вошедший был полной противоположностью первого – он был худощав, высокого роста и его одежда была невзрачной, монотонного серого цвета. Но это было не потому, что он страдал от недостатка средств, массивные перстни на его пальцах и явно дорогие браслеты, выглядывающие из рукавов, говорили как раз об обратном. Просто этот человек не придавал большого значения тому, во что он одет. Было похоже, что, доведись ему путешествовать нагишом, его бы это ни капельки не смутило.

– Доброго здоровья вам, почтенный Юсув, и вам, уважаемый Заниун. Я пришел в надежде услышать от вас радостные вести. Как там обстоят дела с Городом? Надеюсь, ваши воины уже начали его укреплять и готовить к приему больших сил?

Юсув покряхтел и ответил:

– Видите ли, господин Советник, у нас возникли непредвиденные сложности с его захватом...

– Как? Город еще не взят? – улыбка покинула лицо Советника, отчего оно приобрело весьма жестокое выражение. – Мне очень неприятно об этом узнать... И почему же так произошло, хотя я вам давал целую десятицу на это?

– Мы и сами не знаем толком, – влез в разговор Заниун. – С первой попыткой мы вроде бы разобрались и нашли виновного – плохого командира тех воинов, которых мы послали для захвата. Видать, его осторожность обернулась в этот раз против него самого. Но объяснить второй провал мы просто не в силах. Демоны знают, что творится в этом Городе!

– Так-так, значит, вы не один, вы два раза потерпели неудачу? – уточнил Советник, с улыбкой, не сулящей Заниуну ничего хорошего.

– Да, но мы...

– Что?

– Мы считаем, что это произошло потому, что вы не разрешали атаковать большими силами.

Советник задумался, а потом уставился на съежившегося под его взглядом Заниуна:

– И когда же я сказал такую глупость?

Заниун только открывал рот, но ни звука издать не мог. Юсув пришел ему на помощь:

– Но ведь в тот раз, когда вы привели к нам воинов-учителей, то сами сказали, чтобы мы не приближались к городам большими отрядами, что мы и старались делать.

Советник вздохнул и обернулся к своему спутнику, пока не произнесшему ни слова:

– И вот с такими мне приходится работать... Великий Император, за что же ты так не любишь твоего верного слугу!

Он повернулся к вождям и медленно, словно малым детям, начал объяснять:

– Когда я говорил не приближаться к городам большими силами, я хотел добиться от вас только одного – чтобы отряды войск Мардинана, располагающиеся в фортах поблизости от границы, ненароком не погнались за вашими воинами и не пришли сюда, в этот лагерь. Но когда приказал вам захватить Город, разве я мог подумать, что вы окажетесь настолько глупы, что будете посылать маленькие отряды для захвата этого хорошо укрепленного населенного пункта? Почему же мне все время приходится думать за вас?

– Это же ты постоянно отговаривал меня! – обвиняюще уставился на Юсува обретший дар речи Заниун.

– Но я только следовал вашим приказам... – начал было оправдываться тот, но властным жестом Советник остановил пререкания и твердо произнес:

– Чтобы завтра к обеду Город был в наших руках!

Вожди только синхронно кивнули. Советник уже было повернулся, чтобы выйти, но был остановлен своим спутником, подавшим голос. Он говорил на общем, которым Макр не владел, но зато прекрасно понимал я.

– Господин герцог, вы помните о моей маленькой просьбе? – произнес он скрипучим неприятным тенорком, похожим на ломающийся голос подростка.

Советник недовольно поморщился:

– А нельзя ли без этого обойтись?

– Но ведь больше такого удобного случая может и не представиться, а мое новое плетение нужно обязательно испытать в деле.

Советник задумался, а потом произнес, попытавшись еще раз убедить спутника:

– Нам дали четкие инструкции, чтобы магия применялась лишь в крайних случаях.

– Я гарантирую, что живых свидетелей не останется, а степняки знать об этом ничего не будут, – сказал тот в ответ.

– Ну, если вы настолько уверены... Что вам понадобится?

Маг задумался и ответил со смешком:

– Только один ловкий парень, который сможет довести до Города мой подарочек.

– А он...

– Долго не проживет, об этом я позабочусь.

– Хорошо, – кивнул Советник, повернулся к Юсуву и перешел на язык аллинцев: – Моему другу нужен ваш лучший разведчик, который уже ходил к Городу.

– Я пришлю его к вам немедленно, – с готовностью отозвался тот. – Когда прикажете выступить?

Советник кинул взгляд на мага, и тот сказал ему на общем:

– Эксперимент продлится всего полдня, не больше.

– Выступайте сегодня ночью, чтобы завтра вечером уже быть на месте, – ответил герцог вождю и вместе со своим спутником покинул шатер.

Теперь все встало на свои места. Осталось выяснить одну маленькую деталь... перемотка...

Отряд Макара с ним во главе двигался с южного направления к Городу. Несмотря на все настояния Юсува, Советник запретил ему посылать всех воинов лагеря, поэтому тот ограничился лишь отрядом воинов племени Болотных, добавив к ним еще полсотни своих воинов. Как подозревал Макр, только для того, чтобы юному командиру не досталась вся добыча. Но меня интересовало не это. Продолжая следить за дорогой, я обдумывал очень важный момент – какой силой обладают здешние шаманы? Ответ, полученный из знаний Макара, меня успокоил. Шаманы не представляли угрозы, и если и владели даром, то на уровне новичков, которых я мог укладывать пачками. Но вот имперские маги... Они были темными лошадками и представляли нешуточную опасность. По слухам, которые знал Макр, они обладали страшной силой, но это практически ничего для меня не значило. Все воины

аллинцев боялись этих темных личностей, как огня, хотя они ничем себя не проявляли. Но тихонько поговаривали, что неугодных они подвергали страшным пыткам, после чего те просто исчезали. Разные слухи ходили о них, но точной информации не было.

Насколько я понял, имперских магов на большом совете присутствовало трое. Это мне стало известно, поскольку на этом мероприятии находился сам Макр с отцом, и прекрасно запомнил этих неприятных, нелюдимых личностей. Но только я подозревал, что это не точное их количество, так как Макр магическим зрением не владел и рассмотреть их ауры не мог. Вполне возможно, что среди этих троих не было ни одного мага, а может быть, все они обладали даром, и в числе советников они также могли присутствовать. Короче, число варьировалось от трех до семи, что меня сильно беспокоило. Когда твой враг неведом, ты начинаешь нервничать, что ведет к плохим последствиям...

– Макр, может быть, все-таки заедем сперва в деревушку, которую обнаружили наши разведчики? – спросил брата Лоон, ехавший рядом.

Макр тяжело вздохнул, а я осознал, что сегодня его брат уже неоднократно обращался к нему с этим вопросом, действуя на нервы. Макр объяснял, что у них четкое задание и сперва нужно захватить Город, но Лоон все не унимался, говоря о том, что Город после «сюрприза» колдуна обезлюдел, поэтому главной задачей будет только ворота открыть. А деревенька тут, рядом, так что... Я вдруг подумал, что, несмотря на все старания мага, слухи среди воинов разлетались быстро, и вот уже через полдня практически все заинтересованные знали о том, что в Городе будет твориться что-то магическое. Можно было и не таиться так, посылая разведчика.

– Да замолчишь ты, наконец?! – рявкнул рассерженный Макр. – Я не буду нарушать приказ!

– Так и не нужно, – хитрой лисой ответил Лоон. – Давай разделим наш отряд! Половину поведешь ты и будешь сам захватывать Город, а я в это время наведу в деревеньку. Вот тогда и посмотрим, чья добыча будет больше. Ну как?

Я почувствовал, что у Макра зашевелился червячок сомнения, а потом в его мыслях появилась идея. А что, если действительно разделиться, дать братцу всего пару сотен и отправить его на захват деревни? Ведь точно он зубы об нее пообломает, а потом сам же и виноватым останется. А если все удачно сложится, то и деревенские могут его пришибить ненароком, тогда точно можно все на него свалить...

– Ладно, – вздохнул Макр, пряча ухмылку. – Но больше двух сотен я тебе не дам, не хочу подвести вождей.

– А больше и не нужно, – радостно заявил Лоон. – Сотню всадников и...

– Нет, ведь тогда у меня почти всадников не останется, – возразил Макр.

– Тогда...

Я вынырнул из воспоминаний кочевника и осознал себя сидящим на моей жесткой лавке. Сколько прошло времени, я даже не представлял, да это и не нужно было мне в данный момент. Сейчас я мысленно раскладывал все свои знания по полочкам. Оказывается, магический сюрприз нам преподнесли не степняки, а имперцы, и теперь у меня появились хоть какие-то шансы на то, чтобы выиграть эту войну. Слабенькие, я бы сказал, шансы, но далеко не нулевые, как было вначале. Теперь можно и побарахтаться. Нападая на магов поодиночке, исподтишка, нанося удары в спину, можно надеяться, что при огромном везении я смогу их всех завалить.

Но ведь останутся еще подготовленные войска степняков, ждущие своего часа. На них тоже нужно тратить свои силы, а один я не смогу справиться... Но кто сказал, что я буду один? Я улыбнулся и подумал: а почему бы не натравить на степняков четверть сотни блестящих воинов, обладающих всеми знаниями техники рассветной школы и великолепным оружием из эльфийской стали? Что они смогут противопоставить такому аргументу? Абсолютно ничего! Что ж, поиграли в стратегию, теперь плавно переключимся на экшн.

Стоп, оборвал я сам себя. Не нужно увлекаться. Именно это и привело к трагическим последствиям для Города. Для меня все происходящее было всего лишь интересной игрой,

но вдруг оказалось реальностью, в которой гибнут люди. И перезагрузиться с контрольной точки здесь не получится, это жизнь, в которой сохранения отчего-то не предусмотрены.

«Пора взрослеть, – приказал я сам себе. – Ты и так наделал слишком много непоправимых ошибок».

Ведь меня послали сюда только с одной целью – разведать обстановку на границе. Вместо этого я начал укреплять оборону, развивать своих юнитов, делать новое вооружение... Если бы я не начал маяться всей этой ерундой, а просто стал бы методично обследовать степь, разве это не принесло бы мне желаемые результаты? Ведь всего двести километров или чуть больше отделяло меня от тренировочного лагеря, где я бы мог получить ответы на все вопросы...

Но я заигрался. И в результате Город пал, все жители убиты, а кочевники уже на подходе. Стоит признать, что эту битву я проиграл. И теперь мне нужно будет очень постараться, чтобы выиграть войну, и для этого я использую все средства, которых знаю предостаточно. Кочевники еще не представляют, с кем связались! Я покажу этим гадам, как могут воевать те, кому наплевать на все правила и моральные нормы. Кочевники не щадят ни стариков, ни детей. Я отвечу им тем же и, если хватит сил, после моего ответа они надолго забудут дорогу к Мардинану. Не знаю, удастся ли мне одолеть всех магов, но количество степняков я основательно уменьшу, и в этом мне помогут мои друзья, чьи голоса я уже слышал во дворе.

Я поднялся с лавки и внезапно понял, что еще один этап моей жизни подошел к концу. За это время я успел многого добиться и многое успеть. Я приобрел навыки боя и хороших друзей, я научился ненавидеть и терять, я осознал, что у меня в этом мире есть множество дорог, по которым я могу пойти. Да, именно теперь я понял, что этот мир стал моим и мне стоит за него сражаться!

Я вышел из дома навстречу своим парням, что уже давно собрались перед домом. Обведя их взглядом, я подмечал все. И красные глаза Рокина, и смущенного Ламина, и убитого горем Марика, и Трита; он смотрел на меня, словно ребенок, ожидающий поддержки родителей, которые должны сказать ему, что все это – лишь дурной сон. Я смотрел на них, на моих друзей, и думал, что хотя все они не откажутся последовать за мной, но выбор им сделать придется. Я должен предупредить, что их ждет, и теперь не буду ничего скрывать...

Общий вопрос, написанный крупными буквами на лицах моих парней, озвучил Крот, выйдя вперед:

– Алекс, ты уже решил, что мы будем делать дальше?

Я кивнул и еще раз оглядел внимательным взглядом всех своих ребят, хмурых, подавленных случившимся, с застывшими в глазах ненавистью и болью... А затем позвериному оскалился и ответил:

– Мы будем воевать!